

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2025

№ 97

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Аизикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилякова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Uglyumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Волошина С.В., Демешкина Т.А. Сохранение и трансляция памяти в региональных мемуарно-автобиографических практиках: модель описания	5
Демидова Т.А., Гриценко Л.М. Особенности метафорического моделирования в дискурсе модного блога	32
Диброва В.С., Резанова З.И. Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Южной Сибири	49
Малиога Е.Н. Коммуникативный фрейминг в корпоративных презентациях: лингвопрагматический аспект	67
Mounir A.S. Axiological dominance in advertising texts: A cross-cultural linguistic analysis of the UK, Egypt, and Belarus	93
Тубалова И.В., Салми А.И. Вещный и растительный коды культуры в частушках о социальных отношениях	113

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жданов С.С. «Непарадная» Новороссия в travелоге И.М. Долгорукого «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года»	135
Маматов Г.М., Утюмов В.Е. «Как Человек и Божий Сын...»: к интерпретации поэмы И.С. Никитина «Моление о чаше»	165
Назаренко И.И. Современная русская литература в Telegram: сюжеты, форматы, книги	194
Новикова Е.Г. Коренная Сибирь в восприятии Ф.М. Достоевского: от «Записок из Мертвого дома» до «Дневника писателя»	212
Разумовская В.А., Валькова Ю.Е. Иноязычный текст в литературном произведении: художественная полилингвальность и перевод	236
Санина К.Г. Репрезентация концептуальной диады ути/сото (свой/чужой) в раннем творчестве Мори Огай (1862–1922) и Нацумэ Сосэки (1867–1919)	252
Темиршина О.Р. «Куда умрешь?». Малая эсхатология А. Введенского	265

ЖУРНАЛИСТИКА

Дускаева Л.Р. Речевая адаптация блогера к массовой аудитории научно-популярных телеграм-каналов	290
Такманин И.А. Краеведческая тематика в томских периодических изданиях В.А. Долгорукова (1895–1906)	322

CONTENTS

LINGUISTICS

Voloshina S.V., Demeshkina T.A. Preservation and transmission of memory in regional memoir-autobiographical practices: A descriptive model	5
Demidova T.A., Gritsenko L.M. Metaphorical models in the fashion blog space	32
Dibrova V.S., Rezanova Z.I. Types of bilingualism in unbalanced language situations in Southern Siberia	49
Malyuga E.N. Communicative framing in corporate presentations: A linguistic-pragmatic perspective	67
Mounir A.S. Axiological dominance in advertising texts: A cross-cultural linguistic analysis of the UK, Egypt, and Belarus	93
Tubalova I.V., Salmy A.I. Material and plant codes of culture in chastushka about social relations	113

LITERATURE STUDIES

Zhdanov S.S. "Unceremonial" Novorossiya in Ivan Dolgoruky's travelogue "Far-off Bells Always Ring Sweet, or My Journey Somewhere in 1810"	135
Mamatov G.M., Uglyumov V.E. "As a Man and Son of God...": To the interpretation of Ivan Nikitin's poem "Prayer for the Cup"	165
Nazarenko I.I. Contemporary Russian literature in Telegram: Plots, formats, books	194
Novikova E.G. Indigenous Siberia in the perception of Fyodor Dostoevsky: From <i>Notes from the House of the Dead</i> to <i>A Writer's Diary</i>	212
Razumovskaya V.A., Valkova Yu.E. A foreign-language text in a work of literature: Literary polylingualism and translation	236
Sanina K.G. Representation of the conceptual dyad uchi/soto in early creative works of Mori Ogai (1862–1922) and Natsume Soseki (1867–1919)	252
Temirshina O.R. "Where will you die?" Alexander Vvedensky's minor eschatology	265

JOURNALISM

Duskaeva L.R. The blogger's speech adaptation to the mass audience of popular science Telegram channels	290
Takmyanin I.A. Local history topics in Tomsk periodicals published by Vsevolod Dolgorukov (1895–1906)	322

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 808.2-087
doi: 10.17223/19986645/97/1

Сохранение и трансляция памяти в региональных мемуарно-автобиографических практиках: модель описания

Светлана Владимировна Волошина¹, Татьяна Алексеевна Демешкина²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ vsv1304@yandex.ru

² demeta@rambler.ru

Аннотация. Предложена модель когнитивно-дискурсивного описания региональных мемуарно-автобиографических практик как способа сохранения и трансляции памяти. Проводится ее апробация на материале устных рассказов сельских жителей Сибири об одном и том же событии. Показан потенциал модели как инструмента для выявления средствreprезентации памяти. Продемонстрированы возможности разных мемуарно-автобиографических практик сохранять и транслировать память в зависимости от времени, места, цели, участников коммуникации.

Ключевые слова: память, автобиография, воспоминание, Сибирь, коллективная память, индивидуальная память, автобиографическая практика, мемуарно-автобиографические практики

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

Для цитирования: Волошина С.В., Демешкина Т.А. Сохранение и трансляция памяти в региональных мемуарно-автобиографических практиках: модель описания // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 5–31. doi: 10.17223/19986645/97/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/1

Preservation and transmission of memory in regional memoir-autobiographical practices: A descriptive model

Svetlana V. Voloshina¹, Tatiana A. Demeshkina²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ vsv1304@yandex.ru

² demeta@rambler.ru

Abstract. The aim of the article is to present a model for the linguistic description of memoir-autobiographical practices as a means of preserving and transmitting memory and its implementation in the oral communication of Siberian residents. The

material for developing the model consists of more than 1000 oral autobiographical narratives and recollections by rural inhabitants of Siberia, recorded by Tomsk State University (TSU) dialectologists from 1946 to 2025 in the Middle Ob River region and housed in the Tomsk Dialect Corpus; memoirs of residents from the village of Narym, Tomsk Oblast, stored in the Narym Museum of Political Exile; and written autobiographies of rural residents. The research is conducted within the framework of a cognitive-discursive approach, as autobiographies and memoirs are considered discursive practices. The article employs corpus methods, discourse analysis, and modeling. A research model for analyzing memoir-autobiographical practices as a way of preserving and transmitting memory is proposed. It includes the following parameters: purpose, communication participants, spatiotemporal characteristics of text production, thematic organization, narrative specifics, a set of communicative strategies and tactics, conceptual frameworks, and means of linguistic representation. The application of the model is examined using texts that reflect Joseph Stalin's exile in the village of Narym. These include texts from the Tomsk Dialect Corpus and transcripts of three conversations conducted with members of the Alexeev family in July 1938, in whose house Stalin lived during his exile. Testing the model demonstrated its ability to capture common and distinctive features of memory representation in different types of memoir-autobiographical practices. The potential of various memoir-autobiographical practices to preserve and transmit memory depending on time, place, purpose, and communication participants is shown. For example, the recollections of the Alexeev family members were obtained through a single-topic-focused interview. The interviewers' goal was to obtain detailed information related to a specific person. The interviewees' goal was to recall as thoroughly as possible the fact of Stalin's stay in their house and in the village of Narym. The oral autobiographical stories and recollections recorded during dialectological expeditions were elicited at the request of collectors, whose aim was to "get the interlocutors talking," to obtain coherent narratives about their past lives, and to record dialect vocabulary. The informants' goal in this situation was to share memories, to tell about themselves. Means of representing memory in regional memoir-autobiographical practices have been identified. These include: onomastic vocabulary, vocabulary verbalizing the theme of exile and perception, vocabulary with spatial and temporal semantics, verbs in the past and historical present tense, units objectifying mnemonic processes, and others.

Keywords: memory, autobiography, recollection, Siberia, collective memory, individual memory, autobiographical practice, memoir-autobiographical practices

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

For citation: Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2025) Preservation and transmission of memory in regional memoir-autobiographical practices: A descriptive model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 97. pp. 5–31. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/1

Актуальность проблематики, заявленной в статье, обусловлена несколькими причинами.

Одна из причин находится в социальной сфере и обусловлена обращением рядового носителя языка к прошлому. В российском обществе конца XX – начала XXI в. проявился интерес к сохранению памяти о себе, своей

жизни, об отдельных событиях. Многие посчитали необходимым запечатлеть для истории рефлексию о пережитом (ликбез, коллективизация, войны в XX в., ссылки и переселения, репрессии, перестройка, распад СССР и т.д.), используя мемуарно-автобиографические жанровые формы. Как отмечает Ю.П. Зарецкий, «у советских людей было множество причин и поводов писать о себе, и они оставили нам миллионы воспоминаний, писем, дневников, большинство которых сегодня хранится в домашних архивах» [1. С. 21].

Второй фактор относится к технологической сфере и заключается в том, что технический прогресс и интенсивное развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI в. стали одной из причин появления новых возможностей самопрезентации современного человека, его активного погружения в виртуальное пространство, в котором он заявляет о себе, о своей жизни, деятельности, делится воспоминаниями, сочетая ранее известные способы самопредставления с новыми, обусловленными новой коммуникативной сферой.

Третий фактор лежит в собственно научной сфере, где исследователи отмечают мемориальный и автобиографический бумы [2; 3. С. 8], обусловленные, с одной стороны, интересом к обычному, простому человеку, с другой стороны, своеобразной «модой на память». Это объясняется, по мнению историков, переформатированием памяти относительно важных событий XX в., сменой поколений и уходом очевидцев, переживших драматические события XX в., что привело к повышению ценности источников, содержащих информацию об опыте уходящего поколения [3, 4].

В качестве источников сведений о прошлом широко используются устные и письменные автобиографии, воспоминания, устные интервью, относящиеся к «документам личного происхождения» и включающие как фактологическую, так и оценочную информацию [5]. Несмотря на замечания историков о субъективности, ненадежности мемуарно-автобиографических источников, в которых коллективный опыт преломляется сквозь призму индивидуального, иногда они являются единственными источниками информации о прошлом и «могут стать отправной точкой для изучения нового, неизвестного в истории какой-либо территории, места, общества» [5] и «даже возможные искажения в них оказываются свидетельством эпохи. Главное – правильно задать вопрос историческому источнику» [6].

В настоящее время мемуарно-автобиографические тексты изучаются психологами, культурологами, социологами, историками, филологами и другими учеными (более подробный обзор см. в [7]), работающими в рамках междисциплинарных отраслей знания – *memory studies* (исследования памяти), *life-writing studies* (исследования жизнеописаний), *oral history* (устная история) и *auto/biography studies* (автобиографические исследования).

Лингвисты, включаясь в междисциплинарное поле данной проблематики, акцентируют внимание не на достоверности источников личного происхождения, а на том, какими языковыми средствами они создаются, как в этих текстах репрезентируется человек, как он «закрепляет» себя в мире при

помощи текста, какие существуют способы и средства сохранения и трансляции памяти, информации о прошлом. Так, жанры воспоминания, автобиографии, дневника с начала 2000-х гг. активно исследуются в разных направлениях: как инструмент моделирования портрета языковой личности [8, 9] и реконструкции языковых особенностей личности (как правило, элитарной) [10, 11]; изучаются тематическая, гендерная организация и языковые особенности мемуарно-автобиографических текстов [12–18], их функции [19–21], коммуникативные стратегии [7, 22, 23] и концепты, реализуемые в них [24, 25], и т.д. Всё чаще появляются лингвистические исследования мемуарно-автобиографических практик, выполненные в аспекте инвентаризации форм, форматов, средств представления и трансляции индивидуальной и коллективной памяти. Так, изучаются англоязычные онлайн-воспоминания [26], англоязычные автобиографии, мемуары, онлайн-дневники [27], немецкоязычные онлайн-воспоминания очевидцев возведения и разрушения Берлинской стены [28], немецкоязычные автобиографии [29], устные воспоминания диалектоносителей о войне [30], региональная мемуарная литература [31], автобиографический роман Г. Грасса «Луковица памяти» [32] и др. Наряду с автобиографическими и мемуарными текстами в этом же аспекте анализируются и другие типы текстов, например, речи членов королевской семьи Великобритании [33].

Наблюдается большое количество лингвистических работ, посвященных изучению репрезентации процессов памяти на материале текстов разных типов: германских и российских СМИ [34]; художественных произведений [35, 36]; и др.; в зону внимания исследователей также включаются фразеологизмы, метафорические словосочетания, клише, участвующие в репрезентации концепта «Память» [37].

Многоаспектное и комплексное изучение феномена памяти в современной лингвистике обусловило выделение в качестве ее отдельного направления лингвистики памяти, в фокусе внимания которой находится анализ «форматов, способов и стратегий языковой объективации памяти» [38. С. 9]. Таким образом, необходимость описания региональных мемуарно-автобиографических практик (выявление их региональной специфики: жанровой, тематической, языковой организации) обусловлена их включенностью в междисциплинарную научную парадигму, изучающую способы концептуализации памяти и средства реализации ее в языке.

Цель данной статьи – представить модель лингвистического описания мемуарно-автобиографических практик как способа сохранения и трансляции памяти и ее реализацию в устной коммуникации жителей Сибири.

Характеристика материала

Материалом послужили более 1 000 устных автобиографических рассказов и воспоминаний сельских жителей Сибири, записанных диалектологами Томского государственного университета в течение почти 80 лет (1946–2025 гг.) на территории Томской, Кемеровской и Новосибирской областей

и размещенных в Томском диалектном корпусе [39]; воспоминания жителей с. Нарым Парабельского района Томской области, хранящиеся в Нарымском музее политической ссылки; письменные автобиографические тексты сельских жителей, не подвергавшиеся редактированию и переданные исследователям авторами текстов или их родственниками.

Корпус имеющихся в нашем распоряжении текстов может быть типологизирован и описан по разным основаниям:

- а) по форме (устный/письменный);
- б) тематике;
- в) речевому жанру (автобиографический рассказ/воспоминание);
- г) типу авторства (один и тот же / разные);
- д) принадлежности авторов к поколению (представители одного / разных поколений);
- е) их географическому положению (живущие в одном селе / разных селах).

С учётом обозначенных параметров нами выделены следующие группы текстов:

1) автобиографии разных типов, созданные одним человеком – устный автобиографический рассказ и письменный автобиографический текст, написанный с целью сохранения и трансляции памяти о себе, своей семье и адресованный детям и внукам. Например, записанный в с. Мельниково устный автобиографический рассказ бывшего учителя физики А.Ф. Назарова и его рукописная книга «История семьи», переданная в наше распоряжение самим автором [8];

2) автобиографические рассказы и воспоминания разных людей одного поколения, переживших одни и те же события XX в. К ним, в частности, относятся устные рассказы людей, родившихся в конце XIX – первой половине XX в. и переживших военное время (1941–1945 гг.) и т.п.;

3) устные и письменные автобиографические рассказы, и воспоминания жителей одного села, одного района, области и т.д. Данный тип текстов является источником изучения того, как репрезентируется региональная история, что помнят жители одного села (района/области) о событиях, происходивших на данной территории;

4) воспоминания людей разных поколений, объединенные одной темой. Например, в Томском диалектном корпусе, включающем 4 300 текстов, воспоминания о праздниках содержатся в 833 текстах, о Великой Отечественной войне – в 759, о репрессиях – в 315 текстах и т.д. Статистические данные позволяют выявить наиболее частотный круг тем, встречающихся в устных мемуарных текстах, и в перспективе исследовать их;

5) устные автобиографические рассказы и воспоминания одного человека, записанные в результате нескольких встреч с ним во время экспедиций. Подобные тексты дают возможность создать более полный речевой портрет человека [9], на основе анализа сопоставить, какие события его жизни постоянно им упоминаются, дополняются ли новыми деталями или становятся менее подробными и т.д.

Все названные типы текстов мы относим к мемуарно-автобиографическим практикам, включающим воспоминания и автобиографии или их комбинацию, при которой разграничение жанров не представляется возможным, поскольку в них присутствуют черты обоих жанров и выделяется та или иная жанровая доминанта [40].

Наша исследовательская установка заключается в том, что выделенные группы текстов выступают одним из способов сохранения и трансляции памяти, как индивидуальной, так и коллективной, и отобранные тексты являются репрезентативными источниками для изучения объективации информации о прошлом и процессов памяти.

Источниковедческая ценность материалов обусловлена ещё и тем, что часть из них содержит уникальные свидетельства людей, являющихся очевидцами драматических событий ХХ в., которые не могли быть эксплицированы в более раннее время из-за нежелания людей вспоминать годы репрессий, повлекших в Сибирь большие потоки «вынужденных» переселенцев, а также из-за страха вновь подвергнуться гонениям. Кроме того, длительное время в зоне внимания томских диалектологов находилась речь только носителей русского старожильческого говора. Корпус русских диалектных текстов, включающих речевой жанр «мемораты о ссыльных», начал складываться лишь в XXI столетии, когда стали записываться устные воспоминания русских сибиряков о сталинском периоде советской истории [41. С. 36].

Методы исследования

Исследование материала выполняется в русле когнитивно-дискурсивного подхода, поскольку автобиографии и воспоминания мы рассматриваем как дискурсивные практики. Это позволяет вовлечь в поле анализа тексты разных типов – устные и письменные, официальные и неофициальные, спровоцированные исследователем, ситуацией и написанные по собственному желанию авторов и т.д., и ставить вопросы их изучения в связи с временем, местом их порождения, ситуацией, в которой они возникли, с учетом участников коммуникации.

В статье используются метод дискурсивного анализа, корпусные методы, методы моделирования. Сбор материала осуществлялся с помощью корпусных методов и полевых методов – интервью. Корпусные методы применяются при определении того, какие темы доминируют в коммуникации. Метод моделирования используется при разработке модели анализа.

Исследовательская модель строится с учетом параметров, имеющих коммуникативную, когнитивную, дискурсивно-жанровую, собственно лингвистическую природу, и включает в себя следующие характеристики:

1. Цель создания мемуарно-автобиографического текста. Автор текста / информант может создавать текст по собственному желанию или по просьбе родственников, исследователей, заказу социальных институтов. Соответственно, цель детерминирует наличие или отсутствие той или иной информации, репрезентирующей память.

2. Участники коммуникации: автор и адресат.

Это может быть одно лицо, в случае автокоммуникации данный параметр влияет на сохранение и трансляцию памяти в дневниковых текстах, адресованных прежде всего себе и фиксирующих переживания, чувства, связанные с прошлым опытом или переживаемыми событиями в настоящее время. Такие тексты могут включать как подробное освещение событий, так и менее детализированное, что определяется степенью вовлеченности автора в них, важностью их в его жизни и т.д.

Адресатами при записи воспоминаний, автобиографических рассказов могут выступать родственники, собиратели материала, а также другая, более широкая, аудитория и т.д. Значимость данного параметра определяется тем, что в зависимости от того, как идентифицирует себя автор (участник события, его свидетель, потомок участников или свидетелей, коренной житель или переселенец и т.д.), определяется круг тем его воспоминаний, детализация воспоминаний и используются различные средства презентации памяти. Фактор адресата (исследователи или потомки и др.) также влияет на содержание порождаемого текста.

3. Пространственно-временные характеристики порождения текста. Данный параметр детерминирует содержание, определяет важные, значимые события прошлого, возможность их представления в автобиографии или воспоминании с учетом контекста эпохи.

4. Тематика. Определение иерархии тем и частоты их встречаемости в тексте. Анализ воспоминаний об одном событии, времени и т.п. позволяет выявить средства их языковой презентации, сопоставить воспоминания разной тематики и определить общие черты и вариативность при реализации жанра воспоминания в устной речи.

5. Специфика повествования. Последовательность изложения информации зависит от того, как автор реконструирует память, как организует и переосмыслияет свой жизненный путь, опыт, какие возможны способы конструирования прошлого, памяти: выстроена линейная хронология событий или информация изложена с нарушением хронологии, пропусками отдельных периодов жизни и т.п.

6. Набор коммуникативных стратегий и тактик. Он включает в себя разные стратегии: самопрезентации, умолчания, сохранения и трансляции памяти и др. Реализация той или иной стратегии определяется тематикой воспоминаний, фактором адресата, целью коммуникации, ситуацией, в которой возникает воспоминание.

7. Концепты, функционирующие в автобиографиях и воспоминаниях как один из способов сохранения и трансляции памяти. Анализ концептов важен не только для выявления средств их вербализации, но и описания образных, ценностных доминант представления жизненного опыта, прошлого.

8. Средства языковой презентации прошлого и процессов памяти. Их инвентаризация предполагает выявление того, как люди сохраняют и транслируют память, какие средства участвуют в конструировании прошлого и какие маркеры обращения человека к своей памяти существуют.

Не все названные параметры могут быть применимы к любому мемуарно-автобиографическому тексту. Например, при анализе письменных воспоминаний исследователь не всегда имеет возможность эксплицировать цель их создания, если она не выражена в текстах; может отсутствовать информация об адресате, на которого рассчитан текст, о пространственно-временных характеристиках порождения текста.

Рассмотрим возможности применения модели к анализу корпуса текстов, в которых отражается одно и то же событие из прошлого – отбытие ссылки И.В. Сталиным в с. Нарым. Корпус включает мемуарно-автобиографические практики, зафиксированные на территории Томской области:

1) тексты из Томского диалектного корпуса: устные рассказы жителей с. Нарым и других сёл, записанные с 1940-х по 2020-е гг. Так, названная тема отражается в 12 текстах, зафиксированных в с. Нарым, в девяти текстах, записанных в других сёлах, находящихся недалеко от Нарыма, и в сёлах, куда переехали его бывшие жители; два автобиографических рассказа записаны в июле 2025 г. в с. Нарым автором статьи – С.В. Волошиной;

2) стенограммы бесед, проведенных с членами семьи Алексеевых в июле 1938 г. и заверенных подписью научного сотрудника партархива Новосибирского обкома ВКП(б), отражающие воспоминания Ефросиньи Ивановны Алексеевой [42], её сына Якова Агафоновича Алексеева в присутствии Е.И. Алексеевой и её дочери Анисьи Агафоновны Деевой [43], её сына Павла Агафоновича Алексеева [44], в доме которых жил И.В. Сталин во время ссылки. Беседы проводились в формате интервью, Е.И. Алексеева (хозяйка дома), А.А. Деева, Я.А. Алексеев и П.А. Алексеев отвечали на вопросы Е.И. Песикиной, В.А. Величко и Н.А. Кудрявцева в помещении школы. Эти воспоминания хранятся в Нарымском музее политической ссылки.

Выбор села обусловлен его географической, природной уникальностью (суровость климата, труднодоступность, отсутствие дорог, удаленность от транспортных магистралей, наличие болот, рек, лесов и т.д.); немаловажным является и тот факт, что на протяжении многих десятилетий Нарым являлся местом политической ссылки.

Нарым – самое старое русское поселение на территории Томской области. Оно расположено в 425 км северо-западнее Томска. Нарымский острог был основан в 1596 г.¹ Длительное время при царском режиме и советской власти Нарымский край был местом ссылки. В разное время здесь побывали известные революционеры: В.В. Куйбышев, Н.Н. Яковлев, В.М. Косарев, И.В. Сталин и другие. Свидетельства об этом содержатся в воспоминаниях и рассказах уроженцев Нарыма.

¹ Неизвестно и то, что означает слово «нарым». Оба существующих объяснения – от селькупского «нерым» – болото и от «нерым-ваг» – «город при реке» – вполне к нему подходят [45. С. 6].

В научной литературе и письменных меморатах содержатся характеристики Нарыма, осмыслиемого как «ворота в ад»: «Нарымский край, как известно, ещё отождествляют с понятием “тюрьма без решёток”, придавая его истории политическую окраску. <...>. Природные особенности Нарымского края, его многочисленные болота и озёра, большие и малые реки влияли на условия расселения русских старожилов» [46. С. 4]; «Есть местная поговорка: “Бог создал рай, а черт – Нарымский край”. И правда – кого только не ссылали в эти места: декабристов и участников польских восстаний, представителей левых партий всех сортов и немало людей при Советской власти» [47]; «Чтобы выжить в нашем болотистом крае, где семь месяцев зима, где два-три месяца в году вода стоит в подполе, где летом гнус выбивает глаза, где основной предмет пропитания нужно догнать в тайге или выловить из воды, нужна не праздность, а терпение, истинное трудолюбие, смекалка» [45. С. 8].

Проанализируем имеющиеся в нашем распоряжении тексты с применением разработанных параметров.

Цель текста

Создание всех текстов было спровоцировано собирателями.

Устные воспоминания членов семьи Алексеевых были получены путем сфокусированного на одной теме, направленного интервью, целью интервьюеров было получение детальной информации, связанной с конкретным человеком. Цель интервьюируемых – вспомнить максимально подробно факт пребывания И.В. Сталина в их доме и в с. Нарым. В начале интервью с П.А. Алексеевым он сообщает: *Меня хотя и не вызывали, но я пришел сам, так как помню товарища Сталина, который жил у нас в 1912 году* [44]. Интервью, вероятно, были инициированы исследователями, и опрашиваемых специально приглашали для беседы.

Устные автобиографические рассказы и воспоминания, записанные в диалектологических экспедициях, возникали по просьбе собирателей, целью которых являлось «разговорить» собеседников, получить связные рассказы об их жизни в прошлом, зафиксировать диалектную лексику. Цель информантов в этой ситуации – поделиться воспоминаниями, рассказать о себе, своей жизни.

Создание мемуарно-автобиографических практик обоих типов отличается официальностью (или полуофициальностью) обстановки, при этом в одном случае воспоминания о Сталине были главной темой беседы, в другом – одной из тем.

Участники коммуникации

Участниками коммуникации являлись информанты (авторы) и собиратели материала (адресаты), которым были адресованы воспоминания и автобиографические рассказы.

Среди информантов выделяются очевидцы, свидетели событий, видевшие И.В. Сталина; люди, знавшие таких очевидцев; а также те, кто не был таковым, что во время записи речи информантов в диалектологических экспедициях было не принципиальным, в отличие от опроса членов семьи Алексеевых.

Для диалектологов обращение к памяти является необходимым инструментом построения диалога с информантами, «ключом» к построению коммуникации с ним. Для диалекта с его принципиально устной формой существования речевой жанр воспоминания имеет особое значение, поскольку является способом сохранения и передачи базовых ценностей народной культуры. Информантами преимущественно выступают пожилые люди, которым есть что вспомнить, чем поделиться с исследователями, как правило, более молодыми. «Именно представители старшего поколения чувствуют себя хранителями традиции и “контролерами” ее сохранения и трансляции, в наибольшей степени сосредоточенными на ее специфике, и именно они проявляют в процессах разговорного общения культурно-традиционные особенности наиболее последовательно» [48. С. 43].

Тематика

В направленных интервью, сфокусированных на одной теме, выделяются подтемы, детализирующие воспоминания членов семьи Алексеевых. Среди них:

1) внешность Сталина: *Он был среднего роста, волосы чёрные, чуб носил <...> Усы были, он был бритый [42]; Вид у него был такой – высокий был, среднего роста, волосы ершом зачесывал, бравый парень, молодой. Волосы у него были чёрные, а на лицо нельзя сказать, что черный. Усы у него были чёрные [43]; Волосы носил назад <...> Особено мне запомнилось, что на одной щеке, левой, у него была какая-то отметинка [44];*

2) речевые особенности и высказывания: *Он хорошо по-русски говорил <...> У него выговор чудной был [42]; Он говорил по-русски, но с выговором. Хотя и по-русски говорил, но выражения другие [43]; Помню, когда мать возилась у печки с ухватами, товарищу Сталину нужно было проходить мимо неё, и он часто говорил: «Мешаю я вам, хозяйка» [44];*

3) род занятий в ссылке: *Писал, читал. Жил он не отдельно, а с товарищами [42]; Товарищ Сталин курил трубку. <...> Я помню, он разгуливался каждое утро. Встанет, умоется (рукомойник был на улице), полотенце через себя повесит, трубку закурит, волосы рукой подберет (он носил волосы назад), заложит руки за спину и разгуливается по двору. Голову он держал несколько кверху [44];*

4) отношения к людям (хозяевам, к другими ссылочным): *Он был хороший человек. Что ему нужно бывало, придёт и скажет. Он говорил нам, внушал, что борются они за то, чтобы всем было хорошо, что сейчас все берут, а потом не будут брать. <...> В разговорах он был весёлый, не грубый <...> Он ко мне хорошо относился, я белье им стирала, пол вымоеши [42];*

Он говорил, что Родюков сейчас богатый, а ты бедный. Так не должно быть. Велел учиться грамоте [43]; Часто угощал меня – если у него не было конфект, то просто сахаром угощал. Когда он получил посылку, он всех угощал – и нас, и своих товарищей [44];

5) заселение в дом Алексеевых: Было лето, в комнате маленькой никого не было, и мать сдала её ссыльному Гуляшвили (неверно произносит фамилию Джугашвили), тем более он сам сказал, что будет жить у нас недолго [44]; [С вами договаривались на счет квартиры?] Со мной. Я сказала, что у меня живут, а они сами мне сказали, ему недолго, товарищи сами пустили его. <...> Не с ветру же человек пришел, сразу разговоры пошли. Ну раз вам не тесно, а мне то что. Конечно, не с ветру, стало быть знакомы. Сразу стали как свои [42];

6) жизнь и быт в доме Алексеевых: За дверью к печке у него стояла кровать, в простенке стоял стол, на котором у него лежали бумаги, книги. На этом же столе он пил чай. У него на столе всегда стоял стакан с блюдцем и ложечка в стакане, коробка с табаком [44]; [А какая у него койка была: железная или деревянная?] На деревянной спал [42];

7) время пребывания в ссылке: Товарищ Сталин жил у нас недолго [44]; Недолго жил, месяца 2,5. <...> Больше не может, а меньше может быть [42]; [Вы хорошо помните, когда жил у вас товарищ Сталин: летом или зимой?] Это было летом [43]; Недолго [жил], месяца полтора-два [43];

8) обстоятельства его отъезда: Жили около Поля. Это я хорошо помню, что он из этого дома от нас уходил. <...> Он уходил летом, только день не помню [42]; Яков говорит, что отвозил, но не помнит кого. Он только теперь Сталиным стал, а тогда он был не Сталин <...> Он, мне кажется, убежал, иначе ящика бы не оставил. После него обыск был на другой день. <...> Когда он от нас пошел, простился. Сказал: «До свиданья, хозяйка» [42]; Это дело было в августе, не припомню, в какое время и какого числа, помню, это дело было под осень. Увезли мы его вечером, в сумерках на пристань, он там и остался, а мы приехали обратно <...> Он сказал, что поедет в Колпашево, а потом, может быть, вернется, а может быть, и нет <...> Ночь была тёмная, луны не было, морок был. <...> [Примерно во сколько часов вы его увезли?] Часов в 9–10 вечера <...> Одет он был в тиджак летний, длинный, на голове была фуражка. Рубашка теплая, кажется, чёрная. [Вы на чём отвезли его: на лодке или на обласке?] Однодревка называется, я сидел на корме, брат Агафон на греби, Иосиф Виссарионович сидел на средине. В лодке сидело три человека <...> Когда мы пришли на берег, он спросил: «Доеедем?» «Доедем», – ответили мы. Сели тихонько и поехали на ту сторону. Когда мы увезли его, он нам заплатил, мы не хотели брать, но он сам дал 5 руб. [43];

9) привезенные вещи в ссылку и их судьба: Когда он от нас уходил, остался ящик после него. В ящике была сковородка, стакан с блюдцем, тарелка, чайник, книги были, газеты. А после как он ушел, обыск был. Целый год ящик стоял, я его не шевелила, всё ждала, вот приедет. А когда он пошел от меня, он сказал мне: «Хозяйка, ящик останется. Ключ у товарищей

оставляю, а потом они ключ у тебя оставят». У Иннокентия Козьмина жил политсырьльный, о котором товарищ Сталин сказывал: «Если он придет, ему ключ не отдавайте, а если из Колпашево приедет товарищ – тому отдавайте». Ящик я целый год не трогала. Когда товарищ Сталин ушел, товарищи стали из ящика книжки вытаскивать. Я им говорю: «Вот вы все книжки вытащите, а хозяин придет, с меня спрашивать будет». А они мне говорят: «Ну, хозяйка, он больше не будет» <...> Ящик, который у меня остался, он был белый, а теперь я его выкрасила <...> Вещи, которые были в ящике, не сохранились. Сковородка – край выломался. Я ее отдала старухе в Ильиной. Что-нибудь будет жарить на ней [42]; Может быть, я бы и не запомнил его, если бы он не оставил свой ящик. Этот ящик стоял очень долго. Когда прошел год, мать открыла этот сундук, и там лежал серый в клетку костюм, рукава и коленки у брюк были совсем пропащие. Мать пересела мне этот костюм, и я его носил. В этом ящике была посуда, я помню, там была тарелка, сковородка чугунная, маленький сковородник, все чугунные препараты были в нем [44];

10) одежда и обувь Сталина: *Ходил он больше в белой рубашке <...> Одевался он по-простому, он нигде не работал [42]; Мне помнится, он ходил в сапогах, он очень мало жил. А может быть в ботинках ходил – не помню [43]; Товарищ Сталин ходил одетый в кремовую длинную рубашку, подпоясанную ремешком <...> Брюки носил серые. Несколько раз я его видел в шляпе коричневого цвета [44];*

11) посылки, полученные И.В. Сталиным: *В посылке, я помню, было печенье. Мать говорит, что там был виноград, но, как помню я, винограда не было [44]; Когда гостиные привезли, угощал. Хорошо помню, что красная настойка была. Ему прислали виноград был, груши были, конфеты, пряники. Угостил он, а потом говорит: «Пусть ребята увезут меня на пристань» [42].*

Рассказы, записанные в диалектологических экспедициях, содержат сведения о жизни информантов, об истории села, наводнениях в Нарыме, выращивании растений, сфере деятельности местных жителей (рыболовстве, охоте, сборе дикоросов, содержании скота), быте, климатических условиях и др. В них воспоминания о пребывании И.В. Сталина в Нарыме не являются основными.

Как уже отмечалось, в 12 воспоминаниях жителей с. Нарым находит отражение факт отбывания ссылки И.В. Сталиным (около 40 дней в 1912 г.). Информанты вспоминают:

– о факте его ссылки: «Товарищ Сталин был, но мне не пришлось его видеть: я на неводу' с мая по ноябрь был»; «Сталин тоже здесь сосланный был, но я ма'ленька тогда была, сколько мне, наверное, лет двенадцать. Да и мы не ходили никуда» [39];

– семье Алексеевых и отъезде Сталина из Нарыма: «А у бабы Марии Сталин спасался. Его деверь наши спас. Сталина спасал её муж. Я Сталина не помню, какой был. Мамаша карточку показывала»; «Отес со Сталиным бабки был в Нарыме»; «Сталин тут был, но Сталина никто не знает. Это

Сталин тут только у нас один. Яков Агафонович Алексеев увёз его на пристань. Когда он отсюдова бежал. И когда он уехал уже, это когда советская власть уже, ему установили пенсию. Он получал семьсот рублей старыми деньгами, потом семьдесят рублей. Потом он это Сталин-то что-то с ним того, и сразу пенсию эту долой. А потом обратно восстановили. И Сталин его к себе вызывал. Он поехал в Москву. Собрался, а он такой ни разу ничё. Ну такой простой совсем. Значит, доехал до Новосибирска. Идёт по улице, а в то время ешо много на лошадях ездят. Вот и женщина ехала, и чё-то у неё лошадь из оглоб, из оглоблев вышла. Он чемодан поставил, пошёл как мужик, ну помог ей там, справился. Приходит – чемодана нет. Это, вернулся обратно, не съездил к Сталину то, так и не съездил. А пенсию ему, это, потом продолжали платить. Это месяца три ему не платили, а потом, потом всё восстановили. Сам семьдесят рублей получал. Вот вы были в музее? Зайдите, он там сам должен-то где он, Сталин-то жил. Вот, это, его хозяин-то его и водил, это – сам домик его стоит. Этого Алексеева Якова Агафоныча»; «Здесь Сталин у нас в ссылке был. Сталина – ну как же? Увезли его отсюда под палаткой. В этом дому жил Яков Агафонович, вот он и увёз-то. А жил он – через Полой вот тут он, где музей. Тут вот изба этого Якова Агафоныча была. А он у него на квартире жил. А у него на квартире там у него самовар и всё было у Сталина, и столик. Там он жил. Да он мало здесь жил! Он только всего кажется здесь неделю по'жил и всё».

В текстах освещаются вопросы быта, жизни Сталина в ссылке, сохранение и трансляция памяти о нём в селе – обращение к коммеморативным практикам: создание Нарымского музея политической ссылки, который изначально носил имя Сталина, сохранение дома, в котором он жил в Нарыме. В некоторых рассказах речь идет о музее в связи с событиями своей жизни: *Я здесь экскурсоводом в музее была, это последнее время. Хотят здесь сделать, как было во времена ссылочных; Ушёл в музей охранником, значит. [музей уже работал?] Да, год отслужил.*

Кроме того, Томский диалектный корпус содержит автобиографические рассказы и воспоминания, фиксирующие факт ссылки Сталина в Нарым, но записанные в других сёлах. В этих рассказах описывается:

– факт отбывания ссылки в Нарыме и коммеморативные практики: *Ссыльны были, Сталин был в Нарыме; Из Алтайского края, к примеру, раньше ссылали сюда, вот в Нарым. Сталин там жил, в ссылке там был; И Сталин здесь был. Обратился к одному с просьбой. Он говорит: «Напиши Иво'сиф Висарии'ныч»; Памятник был ему, Сталину-то. Хороший, большой, красивый. Бюс[т] был, в протоку его свалили. Всё в музее было о ём, а потом сделали как обнакове'нныи, политссыльных там представили; Когда у нас колхоз организовали в тридцать первом году вперёд всех тут в Нары'мске, потом в Нарыме самом. У нас колхоз Сталина и Нарыму дали колхоз Сталина;*

– продолжительность ссылки и отъезд: *Мало здесь побыл. Месяц с каким-то мешочком. Да потом и оттартал его е'тот Алексеев;*

- внешность и одежда Сталина: *Сталин с виду обыкновенный, грузин, небольшого росту; Сталин чёрны, ручи'шии здоровы, пальти'шиэ тако; Как взглянет на человека – так будто воровал;*
- речь: *Сталин в белом ходил, по-русски хорошо говорил;*
- факт рождения у него сына: *Сын у него родился в Нарыме, Вася; У него здесь и ребёнок остался. Теперь уж он тоже как бы не постареем меня. Наверно, постарые меня. А может быть его уж и нету.*

Таким образом, воспоминания очевидцев событий, записанные в формате сфокусированного интервью, оказываются более детализированными и лишенными какой-либо оценочности. Они представляют собой фактологическое изложение событий, максимально объективированное их описание. Появление воспоминаний о Сталине в ряду других воспоминаний или в автобиографических рассказах более позднего времени актуализировало те или иные факты, связанные с жизнью информанта, выбор которых был для говорящего свободным. В этих воспоминаниях появляется авторская интерпретация событий, в модусе эксплицирован оценочный компонент.

Пространственно-временные характеристики порождения текста

Пространство фиксации воспоминаний влияет на степень детализации/дробности описания событий. Чем более удаленным оказывается место записи от Нарыма (при условии, что информант не является уроженцем Нарыма), тем менее детальным оказывается повествование о Сталине. Оно может включать только одно высказывание, отражающее факт его ссылки. И наоборот, жители Нарыма, рассказывая о селе, упоминая его историю и ссылку И.В. Сталина, отмечают различные детали, указывая на значимые локации и приглашая их посетить.

В зависимости от времени записи воспоминаний выделяются типы автора:

а) очевидцы событий (свидетели ссылки И.В. Сталина): *В Нарыме я Сталина видел. У нас обоз избокрали. Так меня к ссылальным заявлению писать. Захожу – сидят четверо человек и в карты играют. Один встает – высокой. Говорит мне: «Вы по какому вопросу?» Я сказал, он мне и написал заявление. Это Сталин и был (1964 г.);*

б) знавшие очевидцев, делившихся с ними воспоминаниями. Так, записи, сделанные в 2025 г., по понятным причинам, содержат рассказы об очевидцах: *Вот, который мужчина-то его как бы увёз-то на пристань, когда Сталин из ссылки-то сбежал. А я же с ним рыбачить ездил всю дорогу. Потому что он приходит и до бати, вот как наступает весна, там рыбу ловить, в сор надо было ехать. А он уже мужик был в годах. А чё он один? Ветер хватанёт в другой раз. А я был крутой, вот придёт: «Афоня, дай-ка Кольку со мной». Вот я с нём, как придурак, гребусь, сети ставим, рыбы там. [Он рассказывал вам, да, про Сталина?] Да, он всё это дело рассказывал, и как он его с сыном, с Петькой отсюда увёз, увёз на Шпалозавод, на пароход, всё это дело-то и было. Рассказывал. Но этот-то мужик был как*

бы, ой, в Бога верил, это вообще, набожный до дури <...> Богомольный до дури. Только через дверь открыл, ногу одну переступил, на колено уже упал, шапку снял и ищет, где же у тебя эти образа, и начинается <...> А он же, поди, у них, это, на фате'ре жил. Вот он, это избушка-то, в музее, вот. А эти вот они и жили-то, мать-то, Якова Агафоновича Алексеева, вот он там. Ишио' Яков Агафонович чё говорил, Сталин говорил всю дорогу: «Есть люди, а есть людшки». А есть. Так оно и было [39].

Время записи влияет на выбор стратегий, применяемых автором текста, и на интерпретацию того или иного события, его оценку. Аксиологическая составляющая мемората может меняться в зависимости от периода времени: *Памятник был ему, Стalinу-то. Хороший, большой, красивый. Бюс[т] был, в протоку его свалили. Всё в музее было о ём, а потом сделали как обнакове'нnyй, политссыльных там представили; Когда у нас колхоз организовали в тридцать первом году вперёд всех тут в Нары'мске, потом в Нары'ме самом. У нас колхоз Сталина и Нарыму дали колхоз Сталина.*

Специфика повествования

Интервью с членами семьи Алексеевых, структурирующие их воспоминания, представляют повествования от лица очевидцев события с использованием глаголов в форме настоящего и прошедшего времени. Ответы рассказчиков в данном случае подчинены вопросам интервьюеров. Цель сбора информации определяет диалогичность повествования, оно выстраивается вокруг одной темы и ее деталей.

Информанты, общавшиеся с собирателями материала в диалектологических экспедициях, были более свободны в выборе тем, они выстраивали события в хронологической последовательности или нарушали ее, что обусловлено спонтанным конструированием своего прошлого, отбором наиболее значимых событий, информации, которой рассказчик хочет делиться с собеседниками.

Анализируемые тексты отличаются также и модусной составляющей. В интервью семьи Алексеевых модус не эксплицируется в семантической организации высказываний. Они состоят из событийных пропозиций и отличаются объективированностью, фактологичностью. В воспоминаниях, записанных диалектологами, наряду с диктумными смыслами широко представлены модусные категории оценочного характера: *В войну скo'ко переживал, ссылку переживал. Stalin чем он ошибку сделал – война была, некого людей поставить. Он сам туда'-суда'. Тут ешо он терпеливый, до самого последнего дня под Москвой былся, жалко как человека.*

Повествования в этих автобиографических рассказах и воспоминаниях обладают своей спецификой в силу того, что авторы с позиции настоящего реконструируют события прошлого, в том числе и себя, проживающего, переживающего то время.

Во всех воспоминаниях наблюдается действие принципа совмещения в речи ситуации-темы и ситуации текущего общения, что является одной из

особенностей, присущих диалектной коммуникации [49]: *Я помню, он разгуливался каждое утро. Встанет, умоется* (рукомойник был на улице), *потопенце через себя повесит, трубку закурит*, волосы рукой *подберет* (он носил волосы назад), *заложит* руки за спину и *разгуливается* по двору [44]; *Потому что он приходит и до бани, вот как наступает весна, там рыбу ловить, в сор надо было ехать*; *Звал он меня просто мальчик. Иногда подойдет, по плечу похлопает и скажет: «Мальчик, сходи за табаком»* [44]. Текст приобретает свойство перформативности, которое проявляется через глаголы.

Набор коммуникативных стратегий и тактик

Анализируемые практики демонстрируют применение различных коммуникативных стратегий, среди которых выделяются стратегии умолчания информации, позиционирования своей причастности или причастности своей семьи к событию, самопрезентации и другие.

Время фиксации воспоминаний определяет реализацию в них коммуникативных стратегий. Так, в интервью, проведенных в 1938 г., реализуется стратегия умолчания информации. Вместе с осознанием связи себя, своей семьи с историческим событием, с исторической личностью, в воспоминаниях интервьюируемых наблюдается некоторое отстранение от этой истории за счет использования отрицательной частицы «не» с разными формами глагола «помнить» и глаголов с семантикой зрительного и слухового восприятия, глагола «забыть» в форме прошедшего времени, а также ссылки на память других членов семьи, на рассказанную ими информацию: *О том, как просился к нам на квартиру товарищ Сталин, я лично сам не слышал, это я говорю, как рассказывала раньше мать*. Они забыли, где он у нас жил. *Он ведь очень мало жил* [44]; *А вот кто с ним жил, ничего не помню; Хорошо не помню, но ребята говорят, что жил; Столовая их в нашем старом доме была, дочь говорит, что помнит, а я забыла* [42]; [Ваши дети хорошо помнят, как уехал товарищ Сталин?] *Нет, хорошо не помнят. Яков говорит, что отвозил, но не помнит* кого [42]; [А фамилию Надеждина помните?] *Не помню, у меня памяти нет, я сразу же забываю* [43] и др.

Интервью отражают более позднее осознание ценности воспоминаний о Сталине, оставленных им вещей, значимости личности Сталина и знакомства с ним как важного факта личной биографии, что выражается в сожалении о несохранении памяти: *Если бы я знала, что у меня будут спрашивать, я бы записала всё, а сейчас даже стыдно говорить. Все разные приезжают, спрашивают, а мне совестно, что ничего не помню* [42].

В некоторых случаях информация может сознательно искажаться из опасения подвергнуться гонениям:

[Здесь был художник. Вы почему-то ему сказали, что возил умерший брат на обласке.]

Я не знал, для чего он спрашивает. Не знаю, думаю, может быть засадят. Я и сказал, что возил другой брат Агафон, который умер, я не знал,

для чего спрашивают [43]. Вероятно, что во всех трёх интервью у опрашиваемых были опасения в связи с сообщением информации, соответственно, реконструировался образ Сталина в положительном свете и демонстрировалась собственная «забывчивость».

В интервью с членами семьи Алексеевых так же, как и в устных рассказах, записанных в экспедициях, прослеживается реализация коммуникативной стратегии позиционирования своей уникальности, причастности себя, своей семьи или своего села к «большой» истории: [Здесь больше Алексеевых не было?] *Алексеевых фамилии не найдешь по всему Нарыму, мы одни Алексеевы.* <...> напишите самому Иосифу Виссарионовичу, пусть он сам расскажет, у кого он жил [43]; *Вот который мужчина-то его как бы увёз-то на пристань, когда Сталин из ссылки-то сбегал. А я же с ним рыбачить ездил всю дорогу.* В устных рассказах, передающих опосредованное воспоминание, происходит «повышение в ранге» автора рассказа, очевидца событий, что проявляется в предельной детализации информации о нём и обстоятельность повествования: *[Он рассказывал вам, да, про Сталина?]* Да, он всё это дело рассказывал, и как он его с сыном, с Петькой отсюда увёз, увёз на Шпалозавод, на пароход, всё это дело-то и было. Рассказывал. *Но этот-то мужик был как бы, ой, в Бога верил, это вообще, набожный до дури.* <...> *Богомольный до дури. Только через дверь открыл, ногу одну переступил, на колено уже упал, шапку снял и ищет, где же у тебя эти образа, и начинается...*

Опрашиваемые в интервью, будучи местными жителями, близко общавшимися с И.В. Сталиным, используют коммуникативную стратегию убеждения в достоверности информации, построенную на опровержении слухов, полученных из недостоверных источников (говорят, как будто бы): некоторые говорят, что он совсем у нас не жил, а по всем видам выходит, что жил в нашем доме. Говорят, что он жил как будто бы у Грековых, а он жил у нас. Просто как бы у кого зависть является.

Интервьюируемые стремятся к максимальной детализации воспоминаний, описывая внешность, одежду Сталина, наполнение привезенного им ящика и его дальнейшую судьбу. Предметы, хранившиеся в ящике, содержимое посылки, образ жизни, бытовые детали являются своеобразными средствами репрезентации памяти, создающими, с одной стороны, контраст с масштабом личности Сталина, с другой стороны, представляют его обычным человеком.

Вспоминания о Сталине в Нарыме становятся не только эпизодом истории, но в большей степени также и фактом личной биографии жителей села. Для них это своеобразный «пропуск в большую историю»: воспоминания переплетаются с личными историями, политические события становятся частью жизни человека, в том числе ее бытовой, материальной стороны: *Когда прошел год, мать открыла этот сундук, и там лежал серый в клетку костюм, рукава и коленки у брюк были совсем пропащие. Мать перешла мне этот костюм, и я его носил; Почему я особенно его запомнил? Я ходил для*

него в лавочку за табаком и еще ходил к купцу Щепетильникову за конфектами [44].

В устных автобиографических рассказах часто реализуется коммуникативная стратегия самопрезентации, которая проявляется в том, что говорящий указывает на свою «незаменимость» в осуществлении некоторых видов совместной деятельности: *А он [Я.А. Алексеев] уже мужик был в годах. А чё он один? Ветер хватанёт в другой раз. А я был крутой, вот придёт: «Афоня, дай-ка Кольку со мной».*

Концепты, функционирующие в автобиографиях и воспоминаниях, как один из способов сохранения и трансляции памяти

Набор жанрообразующих концептов (их количество и состав) определяется преимущественно тематикой текста. В том случае, когда в центре воспоминания находится одно событие, оно может быть концептуализировано одним концептом. В нашем материале это проявляется в воспоминаниях и автобиографиях жителей Нарыма, посвященных пребыванию И.В. Сталина в селе и актуализирующих концепт «Ссылка» через лексемы *ссылка, сосланный, ссылочный, политссыльный* и др.

Рассказы, записанные в диалектологических экспедициях, характеризуются полitemатичностью. В них реализуются концепты, связанные с репрезентацией мира природы и промыслов: концепты «Река», «Лес», «Зима», «Рыбалка» и другие.

Ядерным концептом для мемуарно-автобиографических практик является концепт памяти, актуализация которого может быть вариативной в воспоминаниях и автобиографических рассказах.

Средства языковой репрезентации прошлого и процессов памяти

Средства языковой репрезентации памяти можно разделить на лексико-грамматические средства, участвующие в конструировании прошлого, и средства, номинирующие мнемические процессы.

В сфокусированных интервью и устных, записанных во время экспедиционных выездов рассказах, информанты транслируют память, используя антропонимы: *баба Маша, Сталин, Вася, Иво'сиф Висарио'ныч, Алексеев, Яков Агафонович Алексеев, Яков Агафонович, Петьяка*, топонимы: *Нарым, Шпалозавод*, номинации значимых бытовых предметов, вещей: *ящик, чемодан* [с которым Сталин приехал в Нарым], *самовар, столик, рубашка, брюки, шляпа* и др. и места: *музей, квартира, пристань, фатера, избушка*, способа бегства из ссылки: *увёз его на пристань, увезли его под палаткой, увёз на Шпалозавод, на пароход*.

Отметим, что в интервью с членами семьи Алексеевых, непосредственно взаимодействовавших со Сталиным, отражается «фотографическое», подробное описание, что объясняется, с одной стороны, целью, которую председовали интервьюеры, с другой стороны, это совпадает и с целью информантов, ставившихся поделиться воспоминаниями максимально подробно.

Трансляция памяти осуществляется также с помощью лексики с семантикой перцептивного (зрительного) восприятия, усиливающей достоверность информации: *Несколько раз я его видел в шляпе коричневого цвета*. Эту же функцию выполняют высказывания, включающие ссылку на источник информации: *Сталина-то помню я, девки; В Нарыме я Сталина видел. У нас обоз ибокрали. Так меня к ссылным заявление писать. Захожу – сидят четверо человек и в карты играют. Один встаёт – высокой. Говорит мне: «Вы по какому вопросу?» Я сказал, он мне и написал заявление. Это Сталин и был; Мой отец родился в Парабели. Прадед был политический ссылочный, знал Сталина. Отец гонял ямщину, всегда возил всех и Сталина; Лет пять жил дед, помогал Сталину бегать на обласке*.

Несмотря на спровоцированность автобиографических рассказов, воспоминаний, структурированность интервью и рамки, заданные интервьюерами, анализируемые тексты выстраиваются по законам естественной коммуникации, в них широко представлена диалектная лексика, также участвующая в презентации памяти: *обласок, однодеревка, фатера, морок, сор* и др.

Воспоминания объективируются при помощи слов темпоральной семантики: *неделю, летом, в августе, под осень* и др.

Грамматическими репрезентантами памяти являются глаголы в форме прошедшего времени, настоящего и будущего времени в значении прошедшего: *был, говорил, видел, говорит, захожу, вымоешь* и др.

Для обозначения времени на синтаксическом уровне используются различные высказывания, описывающие события личной жизни говорящего, периоды в жизни страны: *я ма'ленька тогда была, сколько мне, наверное, лет двенадцать; когда советская власть уже [была]*; глаголы в форме прошедшего времени: *был, спасался, пожил* и др.

Память о Сталине передается также при помощи цитирования, обращения к чужой речи, передающей речь Сталина: *Ишио' Яков Агафонович чё говорил, Сталин говорил всю дорогу: «Есть люди, а есть людшки»*.

Обращение к памяти провоцирует использование большого количества единиц лексико-семантического поля «Память», номинирующих мнемические процессы: *память, помнить, забыть, помнится* и др. Очевидцы событий маркируют воспоминания наряду с отрицанием (*не помню*) лексемами *помню, помнится, высказываниями как щас помню*, придающими также достоверность сообщаемой информации. Вместе с тем информанты, не видевшие лично Сталина, указывают на то, что о факте ссылки они знают, но лично свидетелями не были: *Я Сталина не помню, какой был; Сталин тут был, но Сталина никто не знает; но я ма'ленька тогда была; но мне не пришлось его видеть*. Получив сведения от других, информанты маркируют высказывания средствами неуверенности в сообщаемом: *Теперь уж он тоже как бы не постаре меня. Наверно, постарые меня. А может быть его уж и нету. «Истории из жизни “вождя народов” в этот период обрастили подробностями, становились легендами»* [50. С. 124].

Итак, лингвистическое описание способов и средств репрезентации сохранения и трансляции памяти может быть осуществлено при помощи модели, включающей следующие параметры: цель, участники коммуникации, пространственно-временные характеристики порождения текста, тематическая организация, специфика повествования, набор коммуникативных стратегий и тактик, концепты, средства языковой репрезентации. Реализация этой модели при анализе мемуарно-автобиографических текстов, созданных в разных условиях, показывает ее многомерность, объемность, способность фиксировать общие и отличительные черты репрезентации в них памяти.

Средствами, репрезентирующими память, в региональных мемуарно-автобиографических практиках выступает онимическая лексика, лексика, вербализующая тему ссылки, восприятия, глаголы в форме прошедшего и настоящего исторического времени, конструкции с чужой речью и единицы, объективизирующие мнемические процессы.

Список источников

1. *Зарецкий Ю.П.* Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта), или Вступительное слово // Эго-документы : Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под ред. М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва ; Екатеринбург, 2021. С. 6–28.
2. *Божков О.Б.* От биографий к свидетельствам «очевидцев» // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1 (30). С. 6–11.
3. *Сафонова Ю., Колоницкий Б., Кром М., Миллер А.* Теория и методология истории: междисциплинарные подходы: направления подгот. 46.03.01 «История», 46.03.02 «Документоведение и архивоведение», 46.03.04 «Археология», 48.03.01 «Теология»: онлайн-курс // Лекториум. 2020. URL: <https://www.lektorium.tv/theory-of-history#rec228164458> (дата обращения: 12.07.2025).
4. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. *Щеглова Т.К.* Устная история // Библиотека здоровья и саморазвития. [Б. м.], 2023. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69099/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 05.07.2025).
6. *Кинёв С.Л.* Советские автобиографии, написанные при трудоустройстве, как исторический источник : (на материале 1930-х – начала 1940-х гг.) // Библиотеки Сибирского краеведения. Новосибирск, 2023. URL: <http://bsk.nios.ru/content/sovetskie-avtobiografi-napisannye-pri-trudoustroystve-kak-istoricheskiy-istochnik-na> (дата обращения: 28.04.2023).
7. *Волошина С.В.* Русские автобиографические практики XX–XXI вв.: когнитивно-дискурсивный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 44 с.
8. *Волошина С.В., Шевчик А.В.* Фрагмент речевого портрета жителя современного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3 (14). С. 20–32.
9. *Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А.* Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие) // Русин. 2021. № 63. С. 241–268.
10. *Звонарева Ю.В.* Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 23 с.
11. *Савельева Е.Б.* Образ автора в автобиографическом тексте // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5 (68). С. 169–172.

12. Пыстюна О.В. Тематическая структура автобиографического дискурса: тема дороги // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3–2. С. 115–119.
13. Леонтьева Т.В. Автобиографические мемораты о детстве (по письмам Шурыгиной Таисии Ивановны, уроженки и жительницы деревни Плосково Костромской области) // Мир Евразии. 2016. № 3 (34). С. 38–43.
14. Лебедева Л.Б., Лепустина Л.В. Функции метафоры в автобиографическом дискурсе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. № 9. С. 219–227.
15. Кованова Е.А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.
16. Толстова М.А. Реализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020. 24 с.
17. Новикова Е.Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 21 с.
18. Костина Л.Ю. Тематическая специфика воспоминаний о матери (на материале устных рассказов носителя кубанских говоров) // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конф., Москва, 25–27 октября 2024 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2024. С. 126–128.
19. Ребрина Л.Н. Автобиографическая память как дискурсивный феномен (на материале немецкого языка) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 4. С. 141–152.
20. Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе : (на материале русской и английской биографической прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 22 с.
21. Волошина С.В. Дидактическая функция автобиографического рассказа (на диалектном материале) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 25. С. 38–54.
22. Чертенкова И.В. Речевая стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации : материалы симп. XV (XLVII) Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 45-летию Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2020. Вып. 21. С. 146–149.
23. Лаппо М.А. Элитарная и среднелитературная языковые личности: стратегии компенсации в автобиографическом дискурсе // Вестник Центра международного образования МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. № 3. С. 12–19.
24. Белобородова И.В. Концепт «Цвет» в лингвокогнитивном аспекте (на материале автобиографической прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2000. 26 с.
25. Поведская О.А. Концепт «Спортивный врач» в автобиографическом дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 2 (54). С. 163–172.
26. Тивьяева И.В. Языковые формы объективации индивидуальной и коллективной памяти в пространстве виртуальной коммуникации // Полилингвальность современной культуры : сб. ст. Междунар. науч. конф. в рамках I Международного научно-образовательного форума «Филологическая наука и образование в Кузбассе», Кемерово, 28–29 сентября 2022 года. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. С. 380–385.
27. Тивьяева И.В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303–315.
28. Василевская А.А. Вербализация ретроспективной и проспективной памяти на материале трансмедийного немецкого проекта «Zeitzeugenmemorial» // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 4 (64). URL: <https://rulb.org/archive/4-64-2025-april/10.60797/RULB.2025.64.8> (дата обращения: 29.07.2025).

29. Молчанова А.С. Память в пространстве языка: образы памяти (на материале немецкоязычных автобиографий) // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 16. С. 176–180.
30. Большикова Н.В., Воробьева Л.Б., Митченко З.В. Коммуникативные стратегии в жанре воспоминаний о войне (на материале устных рассказов псковских диалектоносителей) // Мир русского слова. 2025. № 1. С. 15–23.
31. Демешкина Т.А. «Поколенческий сюжет» в автобиографическом дискурсе // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конфер. к 100-летию С.В. Бромлей и О.Н. Мораховской, Москва, 29–31 октября 2021 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2021. С. 64–66.
32. Стасевич Ю.Ю. Культурная память в автобиографическом романе Гюнтера Грасса «Луковица памяти» // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 11 (59). URL: <https://rulb.org/archive/11-59-2024-november/10.60797/RULB.2024.59.9> (дата обращения: 30.07.2025)
33. Вишнякова О.Д., Мартюшова Н.О. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8, № 3. С. 3–19.
34. Шамне Н.Л., Ребрина Л.Н. Репрезентация феномена памяти глагольными коллокациами памяти в германских и российских СМИ // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 137–149.
35. Исхакова Р.Ф. Языковая репрезентация мнемических процессов: темпоральный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 310–313.
36. Баранчева Е.И. Особенности вербализации процессов памяти: лексикографические рамки и дискурсивная репрезентация // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (20). С. 114–123.
37. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М. : Языки славянских культур, 2007. 520 с.
38. Тивьяева И.В. Исследования языка памяти: опыт и перспективы // Езиков свят. 2021. Т. 19, № 2. С. 7–14.
39. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Томск, 2025. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 05.06.2025).
40. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
41. Фельде О.В., Смирнов Е.С., Васильев В.К. Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста / под общей ред. О.В. Фельде. Красноярск : Амальгама, 2022. 304 с.
42. Стенограмма беседы с Е.И. Алексеевой // Научный архив ТОКМ НМПС 99. Л. 71–77.
43. Стенограмма беседы с Я.А. Алексеевым // Научный архив ТОКМ НМПС 99. Л. 78–82.
44. Стенограмма беседы с П.А. Алексеевым. Томск, 2025. URL: <https://tomskmuseum.ru/nmps/nvtnarymzns/npsvin/narym-1938-god-stenogrammy/> (дата обращения: 21.07.2025).
45. Зиновьев В.П. Город Нарым (водотопное место) // Сибирская старина: краеведческий альманах. 1994. № 7 (12). С. 6–8.
46. Аминова Т.В. Истоки. «Семейный альбом» жителей нарымских деревень / науч. ред. А.Г. Тучков. Томск : Новые печатные технологии, 2016. 108 с.
47. Парабельский район // Сибиряки вольные и невольные. Томск, 2025. URL: <https://siberians.online/documents/parabelskii-raion-1258> (дата обращения: 21.07.2025).

48. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.

49. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

50. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 122–126.

References

1. Zaretskiy, Yu.P. (2021) *Ego-dokumenty sovetskogo vremeni* (iz issledovatel'skogo opyta), ili Vstupitel'noe slovo [Ego-documents of the Soviet era (from research experience), or Introductory remarks]. In: Litovskaya, M.A. & Surzhikova, N.V. (eds) *Ego-dokumenty: Rossiya pervoy poloviny XX veka v mezhistoricheskikh dialogakh* [Ego-Documents: Russia of the first half of the 20th century in intersource dialogues]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. pp. 6–28.
2. Bozhkov, O.B. (2018) *Ot biografiy k svидетельствам "охевидцев"* [From biographies to eyewitness accounts]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovanii kul'tury*. 1 (30). pp. 6–11.
3. Safranova, Yu. et al. (2020) *Teoriya i metodologiya istorii: mezdistsiplinarnye podkhody: napravleniya podgot.* 46.03.01 "Istoriya", 46.03.02 "Dokumentovedenie i arkhivovedenie", 46.03.04 "Arkheologiya", 48.03.01 "Teologiya": onlayn-kurs [Theory and Methodology of History: Interdisciplinary approaches: program tracks 46.03.01 History, 46.03.02 Document Science and Archival Science, 46.03.04 Archaeology, 48.03.01 Theology: online course]. *Lektorium*. [Online] Available from: <https://www.lektorium.tv/theory-of-history#rec228164458> (Accessed: 12.07.2025).
4. Assman, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshлом i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity]. Translated from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Shcheglova, T.K. (2023) *Ustnaya istoriya* [Oral History]. *Biblioteka zdorov'ya i samorazvitiya* [Library of Health and Self-Development]. [Online] Available from: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/69099/chitat_knigu.shtml (Accessed: 05.07.2025).
6. Kinev, S.L. (2023) *Sovetskie avtobiografii, napisанные при трудоустройстве, как исторический источник: (на материале 1930-х – начала 1940-х гг.)* [Soviet autobiographies written during the process of employment as a historical source: (based on the 1930s – early 1940s)]. *Biblioteka Sibirsogo kraevedeniya* [A Library of Siberian Local History]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/content/sovetskie-avtobiografii-napisannye-pri-trudoustroystve-kak-istoricheskiy-istochnik-na> (Accessed: 28.04.2023).
7. Voloshina, S.V. (2024) *Russkie avtobiograficheskie praktiki XX–XXI vv.: kognitivno-diskursivnyy aspekt* [Russian autobiographical practices of the 20th – 21st centuries: cognitive-discursive aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
8. Voloshina, S.V. & Shevchik, A.V. (2018) *Fragment rechevogo portreta zhitelya sovremennoy rossiyskogo sela* [A fragment of a speech portrait of a resident of a modern Russian village]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 3 (14). pp. 20–32.
9. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) *Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction)*. *Rusin*. 63. pp. 241–268. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/63/13
10. Zvonareva, Yu.V. (2013) *Lingvisticheskie sredstva identifikatsii lichnosti v literaturnoy avtobiografii* [Linguistic means of personal identification in literary autobiography]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.

11. Savel'eva, E.B. (2015) *Obraz avtora v avtobiograficheskem tekste* [The image of the author in an autobiographical text]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.* 5 (68). pp. 169–172.
12. Pystina, O.V. (2008) *Tematiceskaya struktura avtobiograficheskogo diskursa: tema dorogi* [Thematic structure of autobiographical discourse: the theme of the road]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.* 3–2. pp. 115–119.
13. Leont'eva, T.V. (2016) *Avtobiograficheskie memoraty o detstve (po pis'mam Shuryginoy Taisii Ivanovny, urozhenki i zhitevnitsy derevni Ploskovo Kostromskoy oblasti)* [Autobiographical memorabilia about childhood (based on the letters of Taisiya Ivanovna Shurygina, a native and resident of the village of Ploskovo, Kostroma region)]. *Mir Evrazii.* 3 (34). pp. 38–43.
14. Lebedeva, L.B. & Lepustina, L.V. (2013) *Funktsii metafore v avtobiograficheskem diskurse* [Functions of metaphor in autobiographical discourse]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* 9. pp. 219–227.
15. Kovanova, E.A. (2005) *Ritorika avtobiograficheskogo diskursa (na materiale avtobiografii amerikanskikh deyateley politiki i iskusstva)* [Rhetoric of autobiographical discourse (based on the autobiographies of American political and artistic figures)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
16. Tolstova, M.A. (2020) *Realizatsiya gendernykh predstavleniy v zhenskom dialektnom diskurse (na materiale avtobiograficheskikh rasskazov)* [Implementation of gender representations in women's dialectal discourse (based on autobiographical stories)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
17. Novikova, E.G. (2005) *Yazykovye osobennosti organizatsii tekstov klassicheskogo i setevogo dnevnikov* [Linguistic features of the organization of texts in Classic and Online Diaries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
18. Kostina, L.Yu. (2024) [Thematic specificity of memories of mother (based on oral stories of a speaker of Kuban dialects)]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Actual Problems of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 25–27 October 2024. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. pp. 126–128. (In Russian).
19. Rebrina, L.N. (2014) *Avtobiograficheskaya pamyat' kak diskursivnyy fenomen (na materiale nemetskogo yazyka)* [Autobiographical memory as a discursive phenomenon (based on the German language)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 4 (1). pp. 141–152.
20. Dauletova, V.A. (2004) *Verbal'nye sredstva sozdaniya avtoimidzha v politicheskom diskurse: (na materiale russkoy i angliyskoy biograficheskoy prozy)* [Verbal means of creating an auto-image in political discourse: (based on Russian and English biographical prose)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
21. Voloshina, S.V. (2021) The didactic function of the autobiographical story (on the dialect material). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 25. pp. 38–54. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/25/3
22. Chertenkova, I.V. (2020) [Speech strategy of self-presentation in autobiographical discourse]. *Filologiya, inostrannye yazyki i mediakommunikatsii* [Philology, Foreign Languages and Media Communications]. Proceedings of the Symposium of the 15th (47th) International Conference. Vol. 21. Kemerovo. 01–30 April 2020. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 146–149. (In Russian).
23. Lappo, M.A. (2014) *Elitarnaya i sredneliteraturnaya yazykovye lichnosti: strategii kompensatsii v avtobiograficheskem diskurse* [Elite and average literary linguistic personalities: compensation strategies in autobiographical discourse]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika.* 3. pp. 12–19.

24. Beloborodova, I.V. (2000) *Kontsept "Tsvet" v lingvokognitivnom aspekte (na materiale avtobiograficheskoy prozy)* [The concept "color" in the linguocognitive aspect (based on autobiographical prose)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Taganrog.
25. Povedskaya, O.A. (2021) *Kontsept "Sportivnyy vrach" v avtobiograficheskem diskurse* [The concept of "sports doctor" in autobiographical discourse]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (54). pp. 163–172.
26. Tiv'yaeva, I.V. (2022) [Linguistic forms of objectification of individual and collective memory in the space of virtual communication]. *Polilingval'nost' sovremennoy kul'tury* [Polylingualism of Modern Culture]. Proceedings of the International Conference as Part of the 1st International Forum Filologicheskaya nauka i obrazovanie v Kuzbasse [Philological Research and Education in Kuzbass]. Kemerovo. 28–29 September 2022. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 380–385. (In Russian).
27. Tiv'yaeva, I.V. (2020) *Strukturnaya organizatsiya mnemicheskogo narrativa* [Structural organization of mnemonic narrative]. *Sibirski filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 303–315.
28. Vasilevskaya, A.A. (2025) Verbalizatsiya retrospektivnoy i prospektivnoy pamyati na materiale transmediyного nemetskogo proekta "Zeitzeugenmemorial" [Verbalization of retrospective and prospective memory based on the transmedia German project "Zeitzeugenmemorial"]. *Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten'*. 4 (64). [Online] Available from: <https://rulb.org/archive/4-64-2025-april/10.60797/RULB.2025.64.8> (Accessed: 29.07.2025)
29. Molchanova, A.S. (2015) *Pamyat' v prostranstve yazyka: obrazy pamyati (na materiale nemetskoyazychnykh avtobiografiy)* [Memory in the space of language: images of memory (based on German-language autobiographies)]. *Yazyk i kul'tura*. 16. pp. 176–180.
30. Bol'shakova, N.V., Vorob'eva, L.B. & Mitchenko, Z.V. (2025) *Kommunikativnye strategii v zhanre vospominaniy o voynе (na materiale ustnykh rasskazov pskovskikh dialektonositeley)* [Communicative strategies in the genre of war memories (based on oral stories of Pskov dialect speakers)]. *Mir russkogo slova*. 1. pp. 15–23.
31. Demeshkina, T.A. (2021) ["The generational plot" in autobiographical discourse]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Actual Problems of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 29–31 October 2021. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS. pp. 64–66. (In Russian).
32. Stasevich, Yu.Yu. (2024) *Kul'turnaya pamyat' v avtobiograficheskem romane Gyuntera Grassa "Lukovitsa pamyati"* [Cultural memory in Günter Grass's autobiographical novel "The Onion of Memory"]. *Rossiyskiy lingvisticheskiy byulleten'*. 11 (59). [Online] Available from: <https://rulb.org/archive/11-59-2024-november/10.60797/RULB.2024.59.9> (Accessed: 30.07.2025)
33. Vishnyakova, O.D. & Martyushova, N.O. (2022) *Kollektivnaya pamyat' o proshedshikh sobtyiyakh v lingvisticheskem osveshchenii: opyt analiza rechey chlenov korolevskoy sem'i Velikobritaniii* [Collective memory of past events in linguistic coverage: an analysis of speeches by members of the British royal family]. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoretycheskoy i prikladnoy lingvistiki*. 3 (8). pp. 3–19.
34. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2016) *Reprezentatsiya fenomena pamyati glagol'nymi kollokatsiyami pamyati v germanskikh i rossiyskikh SMI* [Representation of the phenomenon of memory by verb collocations of memory in German and Russian media]. *Nauchnyy dialog*. 2 (50). pp. 137–149.
35. Iskhakova, R.F. (2018) *Yazykovaya reprezentatsiya mnemicheskikh protsessov: temporal'nyy aspekt* [Linguistic representation of mnemonic processes: the temporal aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12-2 (90). pp. 310–313.
36. Barancheeva, E.I. (2014) *Osobennosti verbalizatsii protsessov pamyati: leksikograficheskie ramki i diskursivnaya reprezentatsiya* [Features of the verbalization of memory processes: lexicographic framework and discursive representation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (20). pp. 114–123.

37. Bragina, N.G. (2007) *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in Language and Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
38. Tiv'yaeva, I.V. (2021) Issledovaniya yazyka pamyati: opyt i perspektivy [Studies of the language of memory: experience and prospects]. *Ezikov svyat.* 2 (19). pp. 7–14.
39. Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Laboratory of General and Siberian Lexicography, Tomsk State University]. (2025) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (Accessed: 05.06.2025).
40. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanch avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [Speech genre of autobiographical narrative in dialectal communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
41. Fel'de, O.V., Smirnov, E.S. & Vasil'ev, V.K. (2022) *Yazyk i kul'tura Severnogo Priangar'ya v zerkale ustnogo teksta* [Language and Culture of the Northern Angara Region in the Mirror of the Oral Text]. Krasnoyarsk: Amal'gama.
42. Scientific archive of Tomsk Regional Museum of Local Lore NMPS 99. Pages 71–77. *Stenogramma besedy s E.I. Alekseevoy* [Transcript of an interview with E.I. Alekseeva].
43. Scientific archive of Tomsk Regional Museum of Local Lore NMPS 99. Pages 78–82. *Stenogramma besedy s Ya.A. Alekseevym* [Transcript of an interview with Ya.A. Alekseev].
44. Tomskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Tomsk Regional Museum of Local Lore] (2025) *Stenogramma besedy s P.A. Alekseevym* [Transcript of a conversation with P.A. Alekseev]. [Online] Available from: <https://tomskmuseum.ru/nmps/nvtarnymzns/npsvin/narym-1938-god-stenogrammy/> (Accessed: 21.07.2025).
45. Zinov'ev, V.P. (1994) Gorod Narym (vodotopnoe mesto) [The town of Narym (a water flood site)]. *Sibirskaya starina: kraevedcheskiy al'manakh.* 7 (12). pp. 6–8.
46. Aminova, T.V. (2016) *Istoki. "Semeynyy al'bom" zhiteley narymskikh dereven'* [Origins. "Family album" of residents of Narym villages]. Tomsk: Novye pechatnye tekhnologii.
47. Sibiryaki vol'nye i nevol'nye [Siberians, Free and Forced]. (2025) *Parabel'skiy rayon* [Parabelsky District]. [Online] Available from: <https://siberians.online/documents/parabelskii-raion-1258> (Accessed: 21.07.2025).
48. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect discourse as a sphere of national culture representation: constants and transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 50. pp. 36–54. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/50/3
49. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
50. Demeshkina, T.A. (2022) *Kul'turno-yazykovoy landshaft transgranichnogo regiona: vozmozhnosti opisaniya* [Cultural and linguistic landscape of a transboundary region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii.* 7. pp. 122–126.

Информация об авторах:

Волошина С.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Демешкина Т.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Voloshina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

T.A. Demeshkina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2025;
одобрена после рецензирования 13.09.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 13.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 81.1
doi: 10.17223/19986645/97/2

Особенности метафорического моделирования в дискурсе модного блога

Татьяна Александровна Демидова¹, Любовь Михайловна Гриценко²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия

¹ demidtanya@yandex.ru

² grluba@rambler.ru

Аннотация. Описывается специфика метафорического моделирования в дискурсе модного блога. Приводятся результаты исследования структурно-содержательных характеристик метафор, их функциональный статус. Определяется и обосновывается специфика семантических процессов формирования метафорических моделей в интернет-блоге (модный блог), обусловленность особенностей их актуализации дискурсивными параметрами интернет-коммуникации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, блогинг, образные единицы, метафора, метафорические модели

Для цитирования: Демидова Т.А., Гриценко Л.М. Особенности метафорического моделирования в дискурсе модного блога // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 32–48. doi: 10.17223/19986645/97/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/2

Metaphorical models in the fashion blog space

Tatyana A. Demidova¹, Lubov M. Gritsenko²

^{1, 2} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ demidtanya@yandex.ru

² grluba@rambler.ru

Abstract. The research uses the concept of metaphor as a learning style and categorization of reality, capable of forming a fragment of the worldview in various discursive spaces. The aim of the research is to define and describe the specifics of metaphorical modeling in the space of a fashion blog. The author's fashion blog, functioning on Instagram¹, is chosen as the object of this study. The research is carried out on the basis of methods of scientific description, linguistic analysis (contextual, semantic, structural, etc.). The description of semantic and structural-content characteristics of metaphorical models is carried out using the interpretive method.

¹ Instagram is owned by Meta, a company recognized as an extremist organization and banned in Russia.

During the formal-semantic research of the blog's text corpus, the author distinguished the following groups of figurative units: figurative lexical units (metaphors, figurative lexical units themselves); figurative syntactical units (figurative comparison, idiomatic figures of speech). The study revealed that with the help of metaphorical models the fragment of the national worldview of a fashion blog is formed, the key point of which is the principle of "turning over" when a person is depersonalized and a thing is animated. It is conditioned by specifics of the virtual discourse, as well as by the topic of the blog itself (fashion, style). As a result, a scale of values and guidelines is built and fixed in figurative units. These guidelines are significant for this communicative environment. In the process of creating these figurative units, various sphere-sources are involved and focused on general cultural categories. The last allows speaking about a fragment of the blog's worldview as a part of the national worldview. As the analyzed material shows, the most frequent sphere-sources include the sphere of nature, everyday sphere, hard-skilled sciences (geometric shapes), the sphere of cultural knowledge, and professional sphere. The analysis of the corpus of figurative units told about the actualization of both general-linguistic and private metaphorical models in the blog space. At the same time, there is a tendency to the author's creativity, to their analogies' creation based on the universal metaphorical structures available in the culture of native speakers. In this regard, figurative units conveying general linguistic meaning, transitional figurative units, and author-specific figurative units are identified.

Keywords: Internet communication, blogging, figurative units, metaphor, metaphorical models

For citation: Demidova, T.A. & Gritsenko, L.M. (2025) Metaphorical models in the fashion blog space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 32–48 (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/2

Введение. Постановка проблемы

Исследование опирается на концепции языковой и когнитивной метафоры, теорию метафорического миромоделирования, представление о метафоре как о способе познания и категоризации действительности (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.), на теорию лексической образности (О.И. Блинова, Е.А. Юрина), в рамках которой образной считается лексическая и синтаксическая единица, обладающая двуплавновостью семантики и метафорической внутренней формой.

Метафорическое моделирование – естественный процесс категоризации действительности, а метафора – «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы» [1. С. 33]. По своей природе метафора является «исключительно естественной фигурой мышления» [2. С. 224], фундаментальным понятием, основанным на нахождении ассоциативных связей между окружающей действительностью и ментальной деятельностью, процессом познания [3. С. 25–26].

В настоящее время актуальны исследования проблем функционирования когнитивной метафоры в СМИ, медиадискурсе, в сети Интернет

(Э.В. Будаев, Ю.А. Калташкина, И.В. Телешева и др.). Такой интерес не случаен. Он обусловлен, с одной стороны, тотальной вовлеченностью в сеть интернет широкого круга людей, непрерывным развитием сферы интернет-коммуникации, доступностью разного рода технических средств для доступа в сеть (см. работы О.В. Лутовиновой, Н.А. Мишанкиной, А.А. Морозовой, З.И. Резановой и др.), популярностью сетевого общения на разных онлайн-площадках, предоставляющих ресурсы для самореализации, самовыражения, восприятия себя как субъекта, свободно выражавшего свое мнение. С этим фактом связаны многочисленные попытки лингвистов осмысливать феномен интернет-общения, описать особенности функционирования языка в интернет-среде (Л.В. Балашова, О.В. Дедова, Н.Б. Рогачева, А.А. Сосновская). С другой стороны, сам феномен метафоры как способа категоризации действительности делает ее популярным явлением сферы онлайн-коммуникации, поскольку «этот тип смыслообозначения изначально ориентирован на создание концептуальных моделей, являясь одним из основных способов формирования языковой картины мира участников общения в Интернете» [4. С. 3].

Данное исследование проводилось на материале авторского модного блога Екатерины Царской (<https://www.instagram.com/p/CROneszs-th/>), площадкой для которого послужила сеть Instagram¹. Блогинг – актуальное направление современной коммуникации, вовлекающее в свое пространство все большее число коммуникантов. Модный блогинг как отдельный феномен является уже сравнительно давно самостоятельным и сформированным явлением на Западе [5–7], фэшн-блогеры становятся «одним из ключевых элементов продвижения брендов на рынке», «модными критиками», к которым обращаются профессионалы из мира моды для публикации информации об их коллекциях [8. С. 16]. В России это направление находится в активной стадии своего развития, появляются узнаваемые фигуры в мире блогинга [9], хотя исследователи отмечают, что часто модные блоги в России строятся по образцу западных [8]. Кроме того, интерес авторов к данному виду блогинга обусловлен массовой увлеченностью темой моды населением России (преимущественно женским), о чем свидетельствуют социологические исследования, посвященные этому вопросу [10, 11]. Согласимся, что «фэшн-блоги представляют собой отражение языковой картины мира, мира отдельного человека, а также современной формы интернет-общения, участниками которой являются блогеры и их подписчики» [12. С. 9]. В связи с чем не вызывает сомнения тот факт, что этот феномен нуждается в структурировании и описании, в том числе и со стороны лингвистов, поскольку блоги формируют новую языковую реальность, современные тенденции развития языка. К слову, лингвисты уже предпринимают попытки осмысливать язык дискурса моды: описываются дискурсивные особенности фэшн-блогов [8, 12], изучается языковая личность фэшн-блогера и посетителя

¹ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

блога [8, 9, 13, 14], язык моды рассматривается как самостоятельный уникальный феномен, в частности, выделяется и описывается понятие «фэшн-сленг» [15], анализируется языковое своеобразие лексико-семантического поля «мода» в разных языках [16, 17]. Кроме того, исследователи отмечают особую роль метафоры и частотность ее использования в модном блоге в качестве инструмента, помогающего емко и экспрессивно выразить свое отношение к какому-либо объекту мира моды, сформировать необходимое автору восприятие модного образа [8, 12]. Тем не менее вопрос о функционировании метафорических моделей как концептуальных стратегий моделирования картины мира в пространстве модного блога, исследование принципов метафорического переноса.

Метафорические модели «объективируются в языке посредством образных языковых единиц с метафорической семантикой» [18. С. 208]. Соответственно, образные единицы являются объектом данного исследования. Цель – определение и описание специфики метафорического моделирования в пространстве модного блога, исследование структурно-содержательных характеристик, функционального статуса, семантических процессов создания образных единиц в этой среде, закрепленной тематически (тема – мода) и обусловленной законами интернет-коммуникации и правилами ведения блога.

В ходе исследования авторы опирались на положения теории метафорического моделирования (А.П. Чудинов), теорию лексической образности (О.И. Блинова), теорию анализа дискурса (А.Д. Арутюнова, В.И. Карасик), в качестве основных применялись методы концептуального, когнитивно-семантического, контекстного анализа, описательный метод, а также приемы выборки, обобщения и классификации материала.

Результаты исследования

Анализируемый в работе блог представляет собой медиапространство, в котором автор размещает фотографии/видеоматериалы и публикации к ним определенной тематической направленности (мода, стиль в одежде) с целью поделиться с подписчиками своими знаниями, умениями, профессиональными навыками. Основные структурные элементы Instagram¹ (фото, видеоролики, пост автора) дополняются комментариями подписчиков, являющимися реакцией на фотографии или видеоряд. По определению С.М. Карпоян, интернет-комментарий представляет собой «коммуникативную среду, в рамках которой достоверность знаний и фактов обретает свою презентацию, интерпретацию, обсуждение и оценивание» [19. С. 25]. На блог Е. Царской подписано более 400 тысяч человек. Блог достаточно активно

¹ Instagram принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

ведется автором и развивается. В рамках данного исследования было проанализировано 22 текстовые единицы (авторские посты и комментарии подписчиков), 147 контекстов, включающих 154 образные единицы в период с 15 по 29 июля 2021 г.

Анализ текстового корпуса исследуемого блога позволил выделить следующие группы образных единиц с точки зрения их структурно-семантического статуса. При выделении структурно-семантических групп образных единиц авторы опираются на положения теории языковой образности, положения которой представлены в работах О.И. Блиновой, Е.А. Юриной [20–22].

Лексические образные единицы

Метафоры – лексемы, представляющие собой вторичные косвенные номинации, характеризующиеся семантической двуплановостью и метафорической внутренней формой [20–22]. Наиболее частотными являются субстантивные метафоры, реализующие потребность комментатора емко, кратко и образно назвать предмет, добавив в его наименование оценку: *капусточка* (девушка в многослойной одежде), *тумбочки* (ноги), *бочка* (женщина в одежде, которая полнит), *тушка* (о фигуре человека), *кабачочек* (о женщине в объемной одежде), а также глагольные метафоры, связанные с описанием не конкретного физического действия, а прежде всего «действия души», эмоциональное восприятие какого-либо объекта мира моды, экспрессивная оценка своих эмоций, умений, навыков (кого *бомбит* – ‘эмоционально реагировать, чаще – негативно’ (@irinasmlv, *а что это вас бомбит?*)¹; *прокачивать* – делать более осведомленным, обладающим знаниями и умениями в определенной области (*ezhuiya.n Советы Царской меня прокачивают*); *пригореть* (*пригорело*) – ‘возмущаться, злиться, эмоционально отрицать’; *догонять* – ‘понимать’ (*ezhuiya.n В мою жизнь пришли советы Кати и как она и обещала – пригорело, а потом стало ясно, что она права... Все множится в геометрической прогрессии, когда начаешь догонять...*)).

Собственно образные лексические единицы – морфологически мотивированные лексические единицы, обладающие метафорической внутренней формой [20–22]. Это особая группа образных единиц, в основе которой лежит словотворчество, в интернет-среде часто это не языковые собственно образные слова, закрепленные в словаре, а «намеренно искаженные, искусственные слова, формируемые на базе общеязыковых словообразовательных моделей» [4. С. 8]. Например, *ультрадичь* – ‘о совсем не модной вещи, которую нельзя носить’ (0x2ff *Велосипедки* (= узкие бриджи) *в городе это ультрадичь*); *токсик* (от «токсичный») – ‘о человеке, который вносит дискомфорт, «отравляет» беседу деструктивным высказыванием, в данном случае о внешности субъекта’ (*zinaida_kukuskina_@yuliaakatova* *у меня ноги*

¹ Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация исходных текстов сохранены.

кривые. И на них никто не обращает внимания... Люди обращают внимание на образ в целом. А если кто-то вздумает шеймить за ноги, то это тупой **токсик**, и следует с ним поменьше общаться); душнила (от «душный») – ‘о нудном человеке, с которым нет желания продолжать диалог, тот, который мешает общению («не дает дышать»), раздражает говорящих, вызывает отторжение’ (*little_rina_одни душнили тут... // matveinichek* Зашла в комменты почитать душнил 😢); хамелеонить – ‘об изменении цвета вещи в зависимости от освещения’ (*lazuris_smog @tsarskaya.k* aaa, а я подумала **хамелеонит** из-за освещения) и др. Среда сетевого общения является богатым источником таких окказионализмов с образным компонентом в значении, многие из которых постепенно утрачивают свою контекстуальную закрепленность, приобретают широкое употребление в разных сферах и входят в обиход носителей языка как самостоятельные единицы (это отличительная черта современного молодежного сленга).

Синтаксические образные единицы

Образное сравнение рассматриваем как самостоятельное явление, отдельную образную единицу, имеющую двучленную структуру – «объект и основание сравнения, соединенные компаративной связкой» [23. С. 13]. Результаты анализа модного блога Екатерины Царской показали частотность сравнительной модели «что/кто, как что/кто», «кто/что похож на что/кого» (реже «что, будто что»), а также продемонстрировали преобладание случаев, когда в конструкции отсутствует элемент, послуживший основанием для сравнения. Это, вероятно, отчасти обусловлено самой природой общения в блоге (хотя встречается и в других сферах общения) – быстрота и ситуативность реакции на пост рождает краткость формулировок, речевую компрессию, комментатор реализует свою коммуникативную стратегию «знатока моды», который способен «вынести вердикт», четко и кратко высказать свое авторитетное мнение: *как капуста* – ‘о многослойности одежды’ (*zubkova_aleksandra* *Выглядите как капуста*); *как шар* – ‘о человеке в зимней одежде, фигура которого за счет объемных вещей по форме напоминает шар’ (*Ir_pnv* *Да в любой зимней теплой одежде выглядишь, как шар, в любой...*); *как колобок* – ‘о человеке в шубе, который похож на колобка за счет объема, придаваемого вещью’ (*mgrebennik* *Эх я в таком виде буду как колобок...*). Отметим, что декодирование семантики образных сравнений (при отсутствии структурного элемента – основание сравнения) не вызывает затруднений у участников дискуссии, поскольку, во-первых, в основу формирования образной единицы в данном случае положены общеязыковые стереотипы восприятия, закрепленные в картине мира носителей языка в виде типовых метафорических структур (кто/что объемный, как шар // что, имеющий много слоев, как капуста // кто круглый, как колобок), а во-вторых, основание сравнения легко вычленяется за счет наличия видеоряда или фото, выложенного автором блога в подтверждение своего тезиса.

Отдельно выделим **идиоматичные образные выражения** – устойчивые сочетания слов, которые могут быть заменены единым денотатом, также характеризующиеся двуплановостью семантики и метафоричностью, это «двуплановые сочетания слов: они обозначают нечто и образно мотивируют это обозначение» [24. С. 60]. К ним относятся фразеологические сращения, единства и сочетания, пословицы и поговорки, «представляющие собой целостные предложения дидактического содержания, выраженного фигурально, аллегорически» [25. С. 26]: *разложить по полочкам* – ‘доступно объяснить’ (*katerina.artis Катя!* *Как круто ты всё разложила по полочкам!*); *дать дуба* – ‘замерзнуть’ (*maglieri22 Если я так оденусь в холода, я дам дуба что в Нске, что в Москве*); *слепо следовать моде* – ‘копировать модные тенденции без анализа’ (*Пропорции никто не отменял, стиль, вкус, это все развивается, когда слепо следуют моде* не обращая внимания на возраст, вес, уместность в конце концов); детский сад, штаны на лямках – ‘инфантально’ (*trifanova.alen Образ слева – детский сад, штаны на лямках*); *просеивать через сеть сит* – ‘тщательно проверять’ (*samorodovalla @darenie.design а я, вообще, без трусов сплю. как отыхает кожа в такую жару. И варикоз у меня. И то что говорят стилисты, как одеваться, просеиваю через 7 сит. И хожу красавицей.*).

Исследователи интернет-дискурса выделяют ряд особенностей, представляющих собой ключевые черты языка блогов: активное использование разговорной лексики, сленговых единиц, окказионализмов, неологизмов, заимствованной лексики (А.А. Атнагулова, Н.А. Ахметьянова, Н.А. Ахренова, Л.В. Балашова, К.А. Богданова, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова, А.А. Сосновская и др.). Результаты проведенного исследования подтверждают этот факт. Среди образных наименований регулярно встречаются лексические и синтаксические единицы, свойственные разговорному стилю речи, сниженная (реже – уничтожительная лексика), сленговые единицы (*тетка, бабка* – ‘немодная женщина’, *рыло* – ‘лицо’, *прохавать* – ‘понять’, *втихиху/вправить* – ‘заставлять купить’, *залипать* – ‘внимательно следить за информацией, увлеченно изучать’) и окказиональные образные единицы (*хамелеонить, ультрадичь, душиты, токсики, колхозанка*).

Было отмечено, что посетители модного блога активно вовлекают в процесс создания образной единицы объекты совершенно разных сфер. Выделены следующие сферы-источники метафорического моделирования.

Сфера природы

Стихии (вода, огонь, воздух): *лить мысль в массы* – ‘убеждать людей, доносить свое мнение’ (*yliana_orlova у вас свой стиль, но адекватную коммуникацию необходимо вести, если льете свою мысль в массы*); *веять* (чем?) – ‘ассоциироваться, демонстрировать какую-либо тенденцию’ (*tsarskaya.k Жилетка и юбка-тенниска. Совершенно не стильный, от которого веет инфантильностью*. Эдакая школьница-переросток); *огонь* –

‘выражение одобрения’ (*leybaaaaaa* Может кому-то поможет. Мои любимые джинсы повыгорели и стали не комильфо. Поскольку я бы их не носила в таком виде, решила рискнуть, купила краску для одежды и покрасила. Честно, думала ерунда получится, но вышло огонь).

Животный и растительный мир: *жилет*, будто зверь из Красной книги – ‘редкая, уникальная вещь’ (*irmalia.ram* Этой весной увидела на девушке реально крутой жилет. Но это было исключение из правил, тот **жилет будто редкий зверь из Красной книги**. Выглядел футуристически за счет комбинации оттенков металлик и геометрического узора); дать дуба/задубеть – ‘замерзнуть’; *хламидомонада непонятная* – ‘бесформенная, нестильная одежда’ (*eveweila @stuussha* встречают все равно по одежке, во-первых, если одеваться во всякие **хламидомонады непонятные**, то и воспринимать вас будут соответствующе); милый кабачочек – ‘о человеке в объемных вещах’ (*sweet.sweet* Такой **милый кабачочек** – обсуждение видео человека в шубе). Сфера природы часто вовлекается в процесс метафорического моделирования в дискурсе моды. Так А.А. Орлова, анализируя средства художественной выразительности в разных лингвокультурах (испаноязычная, англоязычная, франкоязычная, русскоязычная) в сопоставительном аспекте, отмечает, что, например, «компонент “растения” присутствует во всех лингвокультурах, что говорит о единстве мира моды с природой» [12. С. 23].

Бытовая сфера

Предметы обихода/интерьера, мебель: *тумбочки* – ‘короткие ноги’ (*ann.ch @yuiiaakatova* у вас замечательные ножки, не нужно портить их юбками миди, иначе превратите свои стройные ножки в **тумбочки**); *ковер с поясом* – ‘яркая пушистая шуба’ (*bssnv.ov* Всё прекрасно, но как развидеть **ковер с поясом от этого же ковра** – обсуждение видео человека в шубе); *шуба, как рыжий диван конца 90-х* – ‘о неактуальной (не современной) модели шубы, напоминающей цветом/материалом предмет из прошлого – диван’ (*saukova.t* Шуба как рыжий диван конца 90х) и др.

Точные науки (геометрические фигуры): шар (*Ir_rnv* Да в любой зимней теплой одежде выглядишь, как **шар**, в любой...); квадрат (*квадратная шуба* // *lunaliunaas* просто уродливое **квадратное рыло** и три пера волос – ‘о лице человека, который копирует луки автора блога’); треугольник (*marina_mar* Сделайте пожалуйста подборку для **перевёрнутого треугольника** – ‘о типе фигуры’).

Область культурных знаний

Здесь речь идет о разного рода прецедентных феноменах. В среде модного блога встречаются как национально-прецедентные феномены [26], понятные представителям одной лингвокультуры, так и транснациональные – «феномены, известные представителям разных национальных культур» [27. С. 115].

Исследователи метафоры в интернет-дискурсе отмечают активность этой сферы-источника: «наиболее востребованными оказываются культурные реалии, связанные с миром детства – сказками, детскими книгами и журналами, культовыми мультфильмами, фильмами и книгами» [4. С. 7]. Можно говорить, что это ключевая сфера метафорического моделирования и в блоге о моде: здесь эти реалии помогают комментаторам максимально точно в творческой манере или игровой форме описать свою реакцию на пост автора, оценить лук, предложенный им (чаще иронично характеризуя антитренд). Например: *Детский сад, штаны на лямках!* – ‘об инфантильном образе’ (*trifanova.alen* *Образ слева (на фото) – детский сад, штаны на лямках!*); *шуба «прощай молодость»* – ‘о несовременной, старомодной вещи’ (ирон.) (*eleyus_007* *Шуба прощай молодость* 😢 – реакция на фото автора блога в шубе). И сам автор блога использует этот источник с целью привлечения внимания к своему посту, поскольку такие единицы захватывают внимание подписчиков, позволяют автору четко формулировать посыл, координируют коммуникантов блога на дальнейшее изучение содержания поста (*Я упала с сеновала, тормозила головой!*! – заголовок поста о двух образах: неопрятном, по мнению автора, и стильном, аккуратном). Герои мультфильмов/фильмов / эстрадные исполнители: старуха Шапокляк (*ann1.orl* *Туфли и юбка старухи Шапокляк* 😢); колобок (*nichego.peropitay* с постом полностью согласна, хоть у меня и жирные ноги, но в мини платье-футболке я выгляжу не блевотно, чем если бы надела максы и стала колобком на ножках); Сердючка (*sveta.bureac* *Здравствуйте, а если большая грудь, б размер, талия 75 см. Уместна такая высокая посадка брюк? Не буду Сердючкой?!*)); Обеликс (*samoylenko.ali* *Люблю высокую посадку, стараюсь всегда одеваться так, но есть животик, и когда заправляю во внутрь кофту, блузу, не важно, становлюсь похожа на Обеликса*)); Чебурашка (*viikkas8* *Эти шубки чебурашки такие страшные. Странно что они вам нравятся*); Карлсон (*anna_shidyusova* *Высокая посадка на моей фигуре (плоского живота у меня нет) делает из меня карлсона*); Супермен (*alivueirri* *Сразу вспоминаю супермена с трусами поверх штанов* – об образе на фото).

Отличительной чертой использования узнаваемых героев как источника метафорического переноса является тенденция к перевернутому восприятию: герои часто теряют свой статус положительных персонажей, ключевые характеристики этих образов (характер, эмоциональный фон героя), закрепленные в языковом сознании носителей языка, не актуализируются. Образ героя часто подвергается ироничному переосмыслению («быть в одежде, как Карлсон» – ‘выглядеть в одежде нелепо, смешно’ // «носить вещь, материал которой напоминает шерсть Чебурашки» – ‘выглядеть немодно’ // «быть одетым, как супермен» – ‘одеваться смешно’). Таким образом, в процесс метафоризации вовлекается не узальный признак, ключевой для каждого героя (доброта, дружелюбность, сила и т.д.), а тематически обусловленный направленностью поста и блога в целом.

Похожую тенденцию наблюдаем и при использовании единиц из сферы-источника **профессиональная сфера / социальный статус человека**: метафоризации подвергаются не профессиональные характеристики, а типичная внешность людей данной профессии, социального статуса (в чем этот человек обычно ходит / как он обычно выглядит). Например, советский почтальон, учительница (*antipiki @delicious_shopping_style* *Длина миди всегда как будто старит, у меня лично ассоциации с советскими почтальонами или учительницами :)*); тетка с исполнкома (*natallia_kanapovich* *Согласна. Я в миди и макси сразу на бабку или тетку с исполнкома похожа*); бояре в городе (*svetlanasourcream* *Бояре в городе – о человеке в шубе*). Понимание и использование метафорического переноса такого типа также предполагает наличие определенных национально и социально обусловленных фоновых знаний, что возможно внутри сообщества, обладающего едиными механизмами декодирования.

Анализ метафорического корпуса модного блога позволил утверждать, что мир исследуемого блога имеет свою структуру и иерархию: человек как личность отходит на второй план, он воспринимается как «модная/немодная фигура в одежде», характеристики человека в основном связаны с актуализацией формальных признаков (*как шар, квадратный, (как) баба на чайник/коблобок/снеговик*). Даже сравнения субъекта с живым существом (модель «Кто как Кто») не «оживляет» человека, поскольку, как отмечалось выше, главным оказываются не личностные характеристики субъекта (какой он по характеру/поведению и т.д.), а как он выглядит в этой одежде (*как почтальон / как бомж / как городская сумасшедшая / тетенька надутая и т.д.*). Иногда вместо человека присутствует часть тела (*Шея вышла из чата*). Кроме того, было отмечено, что в процесс метафоризации активно вовлечена сфера, связанная со **зрительным восприятием действительности** (зрение). Что вполне закономерно, поскольку главная направленность блога – оценка и анализ модных образов через визуализацию. С этим связано активное использование образных единиц в структуре которых присутствует компонент «глаз»/«смотреть»: общеязыковые (*бросаться в глаза, разглядеть глаза, глаз дергается, вырви глаза, глаза открываются*), и авторские (*глаз завершает гештальт – ‘глаз как живое существо, которое анализирует образ/завершает процесс его рассмотрения’ (tiyagrebenschikova ...Ботфорты как-то очень непривычно смотрятся и может быть, дело в цвете, глаз завершает гештальт там, где проходит граница черного)*). Вещь же, наоборот, становится центральной фигурой, приобретает статус самостоятельной, значимой единицы, оживает (модель «Вещь – живое существо»), совершает действия: *свитер пришел на помошь (alaska1.61 За свитер респект – довольнона, что взяла себе такой. ❤ Вначале думала, что для крымской зимы будет слишком, а потом резко похолодало и СУПЕР свитер пришел на помошь. В нем действительно тепло 🔥🔥🔥)*; шуба решает (*sunnytraveler.gi* *Девочки, экошуба реально решает... В разы теплее даже натуральной дубленки...); гардероб благодарен (ooo_lka102 ...Спасибо, продолжай в том же духе, мой гардероб и кошелёк уже благодарны).*

Таким образом, формируется особая картина мира: вещь воспринимается как человек / живое существо, человек же – существо обезличенное, он представляет собой тело или его часть, тип фигуры в одежде. Мир переворачивается: человек статичен/обезличен, вещь динамична/оформлена.

В целом в ходе анализа корпуса образных единиц модного блога была выделена ключевая тенденция: актуализация в пространстве блога как общеязыковых, так и частных метафорических моделей, когда «обнаруживается как общее с общеязыковыми тенденциями в развитии метафорической системы русского языка, так и специфическое, отличное от таких тенденций» [4. С. 4], тенденция к авторскому творчеству, созданию собственных аналогий на основе имеющихся в сознании носителей языка базовых универсальных метафорических структур. В этой связи выделены три группы образных единиц:

1. Транслирующие общеязыковое значение узульные образные единицы, значение и форма которых соответствуют общеязыковому оформлению и восприятию: *бросаться в глаза* – ‘быть ярким, заметным’, *задубеть* – ‘замерзнуть’, *деньги на ветер* – ‘о пустой трате денег’, *разложить по полочкам* – ‘объяснить’.

2. Переходные образные единицы, значение которых отличается от общепринятого, поскольку обусловлено тематической нацеленностью блога (тематически обусловленные). Коммуникантам эти метафорические конструкции вполне понятны, так как участники блогинг-общения владеют базовой образной терминологией, контекстуально детерминированной темой моды: *заиграть* (о вещи, об образе) – ‘начать внешне смотреться лучше’ (*lova_b_Как заиграл серый пиджак*); *не прижиться* – не остататься в гардеробе (*darenie.design ... Ну и жильтки так и не прижились в моем гардеробе: расширяют и без того не худенькие плечи*); *ничем не спасти* – ‘невозможно сочетать с чем-либо, нельзя носить’ (*vi_knapp Согласна на все* . *ЭТИ вещи ничем не спасти* *@tsarskaya.k!!!!*); *разбавить образ* (чем) – ‘добавить акценты к образу’ (но иногда мне нравится *разбавить образ* чем то пусть даже инфантильным, но мне нравится!); *стерильность* (в образе) – ‘точное следование рекомендациям, образцу’ (*@dreamis.1064 я думаю, что такие люди не любят стерильности в образах, если можно так выразиться. И добавляют чуток сумасшествия*)).

3. Индивидуально-авторские образные единицы, представляющие собой результат авторского словотворчества, эти единицы в большинстве своем контекстуально закреплены: *пуховиковая травма*, *вести себя дешмански, как пуховик* (*А почему вы каждому на критику модели шубы отвечаете «А пуховики лучше»???* У вас *пуховиковая травма* или вы не способны адекватно оценивать и парировать своим подписчикам? ... Такая красивая девушка, делаете классный контент и так *дешмански, как пуховик, ведёте себя*); *разгонять колхоз* (Подумала: «Чё за Фроська на фото?» Потом поняла, что Царская колхоз разгоняет); *трендовая капуста* (Где стиль, а где *трендовая капуста*?).

В основе авторского метафорического моделирования лежат разные процессы, чаще всего – языковая игра. Это еще одна характерная черта блогинг-коммуникации, «сеть стимулирует речевое творчество человека, побуждая его к языковой игре и смысловому варьированию» [2. С. 22]. Об этом свидетельствует вовлеченность посетителей блога в словотворчество путем образования мотивационно связанных слов. Например, для описания нестильного человека/вещи/образа Е. Царская в своих постах использует метафору *колхоз* (в названиях постов, в авторских комментариях к ним). Посетители блога «подхватывают» терминологию автора и трансформируют лексему, добавляя оценочность, усиливая экспрессивность: *колхоз – колхозник/колхозница – колхозанка – колхозный колхоз – колхушина приблуда*. Языковая игра в интернет-коммуникации – это способ самопрезентации и самоидентификации личности, что дискурсивно обусловлено. Язык в сети является единственным способом представления коммуникантов, поэтому зачастую они стремятся максимально оригинально, необычно, креативно выражать свои мысли. Метафора становится одним из приемов порождения языковой игры, основанной на двуплановости семантики и метафоричности внутренней формы. Таким образом, коммуниканты блога часто демонстрируют хорошее владение средствами языка, постоянную готовность к языковой игре, которая реализована разными способами:

а) перевернутое восприятие устоявшихся стереотипов: *как медведица в купальнике* – ‘о женщине в объемной одежде и жилете/корсете’ (Господи, помада в тон туфель... вэлком, ту зе мулен руж. А жилетки и корсеты поверх объемных вещей смотрится как медведица в купальнике). Тотемное значение зооморфной метафоры *медведица* нивелируется (*сила, материнство, защита*), актуализируются признаки «объемный, большой, крупный», которые обыгрываются в ироничном ключе;

б) наличие в одном контексте синонимичных образных дублетов – пары синонимичных образных единиц, одна из которых оживляет узульное об разное выражение, актуализирует внутреннюю форму: *косить под девочку, веет инфантильностью* (kate_nak @avitocafe хосспаде, причём здесь эйджизм. Я к тому, что когда тебе больше 20, *косить под малолетнюю девочонку* уже как-то смешино. Как и написано в посте «веет инфантильностью»);

в) наличие в одном контексте дублетов-антонимов, обыгрывающих одну ситуацию: *войти / входить в чат* – ‘стать/быть популярным’, *выйти из чата* – ‘удалиться, отсутствовать’ (laeulaeui ювелирка (= ювелирное изделие) которая сочетает в себе белое и желтое золото *вышла из чата* // amikgy @ laeulaeui Она и не входила никогда в этот чат);

г) контаминация сферы высокого (часто – абстрактное понятие) и низкого/бытового (предметного) в структуре одного образного выражения: *утонченная красота, скрытая за рулоном ткани* (красота, утонченный // рулон ткани), *женщина на чайник* (женщина // бытовой предмет) – ‘ионичное описание образа женщины в объемной одежде’ (cthulhu.me @apro512 a

миди в размере xl будет женщина на чайник утонченная красота, скрытая за рулоном ткани); волшебный пуховик (волшебный // повседневная одежда) – ‘о свойствах пуховика сохранять тепло при сильном морозе, о его низкой стоимости’ (А я вот не понимаю, где люди находят эти **волшебные пуховики**, которые вообще не продувают, в -90 греют даже на остановке, еще и стоят дешевле, чем все эти эко шубы...).

Заключение

Таким образом, специфика функционирования метафорических моделей в интернет-коммуникации обусловлена, с одной стороны, миромоделирующим потенциалом метафоры, с другой – особенностями виртуального дискурса. Образные единицы в пространстве модного блога актуализируют свою аксиологическую, ценностную нагруженность, что позволяет говорить о формировании особой картины мира в рамках заявленной тематики блога. В ходе исследования метафорического корпуса было отмечено, что мир модного блога имеет свою уникальную структуру, иерархически организован: вещь является доминантой этого мира, человек как личность отходит на задний план, является «фигурой в одежде», что соответствует ключевой ориентированности блога на оценивание модного / немодного лука (образа), а не человека. Выделение сфер-источников метафорического моделирования позволило утверждать, что в сферу метафоризации в исследуемом фэшн-блоге чаще всего вовлекаются объекты природного мира. Эта особенность отмечается во многих блогах о моде, что дает возможность говорить об универсальности метафорической модели «Предмет мира моды – предмет природного мира». Национально обусловленными являются часто встречающиеся метафорические модели типа «Предмет мира моды – предмет (герой) русской культуры/истории/фольклора», декодирование которых предполагает наличие культурологических знаний, закрепленных в определенной лингвокультуре.

Кроме того, в ходе исследования было отмечено, что посетители модного блога широко используют метафорические единицы как общеязыковые, так и авторские, обладают богатым лингвокреативным потенциалом (например, активно применяют элементы языковой игры), что позволяет им почувствовать себя экспертом мира моды в среде людей, «говорящих на одном языке». В целом можно говорить о важности анализа языка фэшн-блога, поскольку модный блогинг ярко демонстрирует процессы, происходящие в современном социуме. Перспективным, на наш взгляд, является изучение метафорического потенциала модного блога с учетом национального своеобразия, гендерных, возрастных и социальных различий участников блога.

Список источников

1. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

2. Гукосьянц О.Ю. Метафоризация как механизм языковой игры в англоязычной интернет-коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел, 2011. С. 221–228.
3. Вардзелашивили Ж. Метафорическая картина мира в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 2002. 32 с.
4. Балашова Л.В., Сосновская А.А. Интернет-коммуникация в зеркале метафоры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, № 4. С. 3–9.
5. Stefanic T. Outsiders Looking in: How Everyday Bloggers Are Gaining Access to the Elite Fashion World // Journal of Digital Research and Publishing. 2010. Vol. 3, № 1. P. 25–33.
6. Zhang C. Fashion Blogs: The New Member in Fashion Industry // Journal of Digital Research and Publishing. 2010. Vol. 3, № 1. P. 153–161.
7. Ечевская О.Г., Янке Е.Д. Фэшн-блогеры: новые агенты в индустрии моды // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 183–195.
8. Ахренова Н.А. Особенности дискурса fashion-блогов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 14–23.
9. Саламова З.К. Модные блогеры как селебрити-эксперты в русскоязычных социальных медиа // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. 2021. № 9-1. С. 139–156.
10. Можаева К.Е. Особенности современных женских блогов (на примере социальной сети Instagram) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2019. № 1. С. 21–25.
11. Сиохова А.М., Мамижева З.Х., Кубова А.А., Кубова Р.Р. Социологический подход к анализу предпочтений регионального социума в современных стилях одежды // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. № 4. С. 153–163.
12. Орлова А.А. Сопоставительный анализ фэшн-блогов в различных лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 25 с.
13. Ибраева А.Ф. Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Вып. 8 (86). Ч. 2. С. 333–336.
14. Алюнина Ю.М. Блог как источник новейших англизмов: на материале текстов интернет-дискурса моды // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 78–91.
15. Горгос А.Я. Структурно-семантические особенности фэшн-сленга (на материале англоязычных интернет-изданий модных журналов Vogue и Elle) // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира : материалы XIV Междунар. студ. науч.-практ. конф. «Диалог культур – диалог о мире и во имя мира». Комсомольск-на-Амуре : АмГПГУ, 2023. С. 82–90.
16. Скворцова Е.Е. Способы пополнения лексико-семантического поля «Мода» во французском и английском языках как отражение развития вербального вестиментарного кода (на материале лексики интернет-магазинов одежды) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.
17. Петровская А.Р., Яковлева Л.А. Лексическая презентация семантического поля «мода» в текстах СМИ // Казанская наука. 2022. № 7. С. 64–66.
18. Юрина Е.А. Пищевая метафора: объем и границы понятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). С. 207–212.
19. Карпоян С.М. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12(54) : В 4 ч. С. 84–88.

20. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3–11.
21. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
22. Юрина Е.А. Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. : по материалам междунар. науч. конф., посвященной 95-летию томской школы русистики. Томск, 2012. С. 129–144.
23. Скляревская Г.Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 9–17.
24. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
25. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка. Ч. II: Пищевой код культуры в образном строем языка : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. 132 с.
26. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М., 2002. 284 с.
27. Латышева В.Л. Национальные прецедентные феномены как элементы ассоциативного тезауруса русского и французского языков // Вестник Иркутского государственного университета. 2010. Вып. 4 (12). С. 110–118.

References

1. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskem zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
2. Gukos'yants, O.Yu. (2011) Metaforizatsiya kak mekhanizm yazykovoy igry v angloyazychnoy internet-kommunikatsii [Metaphorization as a mechanism of language play in English-language Internet communication]. In: Pastukhov, A.G. (ed.) *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse]. Orel: Orel State Institute of Culture. pp. 221–228.
3. Vardzelashvili, Zh. (2002) *Metaforicheskaya kartina mira v russkom yazyke* [Metaphorical picture of the world in the Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tbilisi.
4. Balashova, L.V. & Sosnovskaya, A.A. (2009) Internet-kommunikatsiya v zerkale metafory [Internet communication in the mirror of metaphor]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika.* 4 (9). pp. 3–9.
5. Stefanic, T. (2010) Outsiders looking in: how everyday bloggers are gaining access to the elite fashion world. *Journal of Digital Research and Publishing.* 1 (3). pp. 25–33.
6. Zhang, C. (2010) Fashion blogs: the new member in fashion industry. *Journal of Digital Research and Publishing.* 1 (3). pp. 153–161.
7. Echevskaya, O.G. & Yanke, E.D. (2014) Feshn-blogery: novye agenty v industrii mody [Fashion bloggers: new agents in the fashion industry]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki.* 2 (14). pp. 183–195.
8. Akhrenova, N.A. (2015) Osobennosti diskursa fashion-blogov [Features of the discourse of fashion blogs]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika.* 4. pp. 14–23.
9. Salamova, Z.K. (2021) Modnye blogery kak selebri-eksperty v russkoyazychnykh sotsial'nykh media [Fashion bloggers as celebrity experts in Russian-language social media]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya.* 9-1. pp. 139–156.
10. Mozhaeva, K.E. (2019) Osobennosti sovremennykh zhenskikh blogov (na primere sotsial'noy seti Instagram) [Features of modern women's blogs (using the Instagram social network as an example)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region.* 1. pp. 21–25.

11. Siyukhova, A.M. et al. (2021) Sotsiologicheskiy podkhod k analizu predpochteniy regional'nogo sotsiuma v sovremennykh stilyakh odezhdy [Sociological approach to the analysis of regional society preferences in modern clothing styles]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 4. pp. 153–163.
12. Orlova, A.A. (2022) *Sopostavitel'nyy analiz feshn-blogov v razlichnykh lingvokul'turakh* [Comparative analysis of fashion blogs in various linguacultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Mytishchi.
13. Ibraeva, A.F. (2018) Yazykovye osobennosti tekstov angloyazychnoy i russkoyazychnoy blogosfery [Linguistic features of texts in the English-language and Russian-language blogosphere]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (86). Part 2. pp. 333–336.
14. Alyunina, Yu.M. (2019) Blog kak istochnik noveyshikh anglicizmov: na materiale tekstov internet-diskursa mody [Blog as a source of the latest Anglicisms: based on texts of online fashion discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 4 (17). pp. 78–91.
15. Gorgos, A.Ya. (2023) [Structural and semantic features of fashion slang (based on English-language online editions of the fashion magazines Vogue and Elle)]. *Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imya mira* [Dialogue of Cultures – Dialogue about Peace and for the Sake of Peace]. Proceedings of the 14th International Conference. Komsomolsk-on-Amur. 21 April 2023. Komsomolsk-on-Amur: Amur State University of Humanities and Pedagogy. pp. 82–90. (In Russian).
16. Skvortsova, E.E. (2016) *Sposoby popolneniya leksiko-semanticeskogo polya "Moda" vo frantsuzskom i angliyskom yazykakh kak otrazhenie razvitiya verbal'nogo vestimentarnogo koda (na materiale leksiki internet-magazinov odezhdy)* [Methods of replenishing the lexical-semantic field "Fashion" in French and English as a reflection of the development of the verbal vestimentary code (based on the vocabulary of online clothing stores)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
17. Petrovskaya, A.R. & Yakovleva, L.A. (2022) Leksicheskaya reprezentatsiya semanticeskogo polya "moda" v tekstakh SMI [Lexical representation of the semantic field "fashion" in media texts]. *Kazanskaya nauka*. 7. pp. 64–66.
18. Yurina, E.A. (2015) Pishchevaya metafora: ob'em i granitsy ponyatiya [Food metaphor: scope and boundaries of the concept]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (63). pp. 207–212.
19. Karpoyan, S.M. (2015) Instagram kak osobyy zhanr virtual'noy kommunikatsii [Instagram as a special genre of virtual communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (54). pp. 84–88.
20. Blinova, O.I. (1983) Obraznost' kak kategoriya leksikologii [Imagery as a category of lexicology]. In: *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii* [Expressiveness of Lexicon and Phraseology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 3–11.
21. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2008) Obraznaya leksika russkogo yazyka [Figurative lexicon of the Russian language]. *Yazyk i kul'tura*. 1. pp. 5–13.
22. Yurina, E.A. (2012) [Motivological foundations of the theory of lexical imagery]. *Aktual'nye problemy motivologii v lingvistike XXI v.* [Current Issues of Motivology in Linguistics of the 21st Century]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 24–26 October 2012. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–144. (In Russian).
23. Sklyarevskaya, G.N. (2017) Metafora i sravnenie: logicheskie, semanticheskie i strukturnye razlichiy [Metaphor and simile: logical, semantic, and structural differences]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 9–17.
24. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmatischeskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

25. Yurina, E.A. (2015) *Obraznaya leksika russkogo yazyka. Ch. II: Pishchevoy kod kul'tury v obraznom stroe yazyka* [Figurative Lexicon of the Russian Language. Part II: The Food Code of Culture in the Figurative Structure of Language]. Tomsk: Tomsk State University.

26. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsicholinguistik i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguocultural Studies]. Moscow: Gnozis.

27. Latysheva, V.L. (2010) Natsional'nye pretsedentnye fenomeny kak elementy assotsiativnogo tezaurusa russkogo i frantsuzskogo yazykov [National precedent phenomena as elements of the associative thesaurus of the Russian and French languages]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (12). pp. 110–118.

Информация об авторах:

Демидова Т.А. – канд. филол. наук, доцент Отделения русского языка Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: demidtanya@yandex.ru

Гриценко Л.М. – канд. филол. наук, доцент Отделения русского языка Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: grluba@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Demidova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demidtanya@yandex.ru

Lubov M. Gritsenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grluba@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.12.2024;
одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 05.12.2024;
approved after reviewing 02.02.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 81'272
doi: 10.17223/19986645/97/3

Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Южной Сибири

Вероника Сергеевна Диброва¹, Зоя Ивановна Резанова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

¹ klobukova-veronika@list.ru

² rezanovazi@mail.ru

Аннотация. Охарактеризованы типы билингвизма, реализуемые в разнотипных речевых практиках носителей материнских языков – шорского, хакасского и татарского – в условиях несбалансированных языковых ситуаций в регионах Южной Сибири. На основе социолингвистического анкетирования выявлены время и последовательность усвоения второго, русского, языка, а также активность использования двух языков в разнотипных коммуникативных ситуациях. По совокупности признаков тип билингвизма определяется как херитажный.

Ключевые слова: ранний последовательный билингвизм, шорско-русский билингвизм, татарско-русский билингвизм, хакасско-русский билингвизм, херитажный язык, функциональный тип билингвизма

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00525, <https://rscf.ru/project/25-18-00525/>

Для цитирования: Диброва В.С., Резанова З.И. Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 49–66. doi: 10.17223/19986645/97/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/3

Types of bilingualism in unbalanced language situations in Southern Siberia

Veronika S. Dibrova¹, Zoya I. Rezanova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ klobukova-veronika@list.ru

² rezanovazi@mail.ru

Abstract. At present, linguistic landscapes in almost all countries of the world exhibit considerable diversity in language situations, which, in turn, leads to significant variation in how different forms of bilingualism manifest. The aim of this article is to characterize the types of bilingualism observed in the speech practices of speakers of

the mother tongues – Tatar, Khakass, and Shor – in unbalanced language situations in the regions of Southern Siberia. The authors adopt a broad definition of bilingualism. The analysis begins by outlining the criteria for distinguishing types of bilingualism based on age of acquisition (early vs. late), the sequence of language acquisition (simultaneous vs. sequential), and current usage patterns (active vs. passive; additive vs. subtractive; coordinate vs. subordinate). To achieve the aim, sociolinguistic survey methods were employed alongside database processing and quantitative analysis techniques. The results are based on 29,008 assessments of linguistic and social experience gathered from 247 speakers of three Turkic languages – Tatar, Khakass, and Shor – and presented in the "Sociolinguistic Database RuTurkSocLing: Assessments of Linguistic and Social Experience of Turkic–Russian Bilinguals". The analysis revealed that the overall sample is predominantly characterized by early sequential bilingualism, the largest share of which (45.4%) found among Tatar–Russian bilinguals. In contrast, among Khakass–Russian bilinguals, late bilingualism exceeds early simultaneous bilingualism in prevalence. The analysis of native versus acquired language use revealed: (1) high frequencies of Russian use across all speech activities (listening, speaking, reading, writing) and communicative domains; (2) an uneven distribution of heritage language use, with receptive skills more developed than productive ones and limited functional application in diverse communicative situations. In conclusion, the study finds that the examined forms of bilingualism are primarily shaped by the functional roles of heritage languages, which are transmitted to varying degrees within the family domain. This type of bilingualism is defined as heritage bilingualism, characterized by specific features: (1) early simultaneous or sequential acquisition, and (2) active use, with the second language (L2) being dominant across speech activities and communicative domains.

Keywords: early sequential bilingualism, Shor–Russian bilingualism, Tatar–Russian bilingualism, Khakass–Russian bilingualism, heritage language, functional type of bilingualism

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00525, <https://rscf.ru/project/25-18-00525/>

For citation: Dibrova, V.S. & Rezanova, Z.I. (2025) Types of bilingualism in unbalanced language situations in Southern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 49–66. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/3

Постановка проблемы и теоретические основания анализа

В настоящее время языковые ландшафты практически во всех странах мира представляют значительное разнообразие типов языковых ситуаций, что, в свою очередь, обуславливает существенное варьирование их отражения в многочисленных вариантах билингвизма.

Цель данной статьи – охарактеризовать типы билингвизма, реализуемые в речевых практиках носителей материнских языков – шорского хакасского и татарского – в условиях несбалансированных языковых ситуаций в регионах Южной Сибири.

Решение данной цели предполагает предварительное обсуждение подходов к определению понятия билингвизма и оснований выделения его типов.

Современные исследования билингвизма, как собственно лингвистические, так и междисциплинарные (психо-, социолингвистические, прикладные, связанные с разработкой методик преподавания вторых языков), все более исходят из установления широких границ приложения термина «билингвизм» к многочисленным вариантам использования двух и более языков в разнотипных речевых практиках. Мы далее следуем тем определениям термина, которые задают его приложимость к широкому кругу вариативных взаимодействий родного и осваиваемого языков в речи носителей билингвизма, которые были сформулированы в рамках основополагающих исследований по социолингвистическим аспектам теории билингвизма [1–5]. В качестве примера приведем толкование термина из «Словаря социолингвистических терминов», которое обобщает основные характеристики явления, выявленные исследователями: билингвизм – это «владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе» [6. С. 31].

Именно такое понимание, с одной стороны, соответствуют реальности языкового существования современного человека, находящегося в многообразных функциональных отношениях не только с родным, но и с другими языками, включенными в его коммуникативную среду. С другой стороны, такой подход представляется методологически более продуктивным, позволяет на основе сравнения вариантов речевых практик выявить особенности, интегративные и дифференциальные характеристики языкового взаимодействия.

Одним из следствий такого теоретико-методологического подхода является построение типологии билингвизма, в которой варианты взаимодействия языков противопоставляются по комплексу невзаимоисключающих признаков. Отнесение одного варианта использования языков к разным типам позволяет, в свою очередь, многоаспектно описать конкретный вариант билингвизма, воплощенный в когнитивно и социально обусловленных речевых практиках отдельного человека или группы лиц.

К настоящему времени типология билингвизма может быть охарактеризована как область разработанной теории. В классических работах разных авторов [7–13] мы наблюдаем и весьма широкую вариативность выдвигаемых оппозиций, и в то же время повторяемость довольно узкого круга признаков, на основе которых противопоставляются типы, что, на наш взгляд, является показателем их значимости. В настоящем исследовании не ставится цель полного описания типов билингвизма, однако выделяются и анализируются ключевые типологические оппозиции, моделирование которых осуществляется на основе методики социолингвистического анкетирования, изложенной в работе. К таким базовым, наиболее значимым в когнитивном, психолингвистическом и социолингвистических аспектах относятся выделяемые практически всеми исследователями два основания противопоставления, в свою очередь, связанные с рядом других: время усвоения второго языка и степень активности использования языков в актуальном времени.

Время усвоения второго языка – важнейший признак, так как глубинные когнитивные основания противопоставления возраста усвоения влияют и на особенности коммуникативного потенциала второго языка. По этому признаку противопоставляются ранний и поздний билингвизм, в раннем типе – последовательный и одновременный. Основания противопоставления названных типов разрабатываются в теориях когнитивного развития, пластиности мозга, гипотезах о времени закрытия языковой способности [14]. В рамках данных теоретических направлений утверждается, что второй язык билингва, усвоенный естественным способом в раннем возрасте, практически приближается по всем значимым параметрам к первому, так называемому материнскому, тогда как язык поздних билингвов характеризуется большей сложностью в достижении уровня, близкого к материнскому языку. Однако в последних работах отмечается, что данный фактор вступает во взаимодействие с другими, такими как мотивация [15], уровень когнитивного развития [14. С. 90–95] и индивидуальные характеристики каждого отдельного человека (например, когнитивный стиль и личностные качества) [16].

При том, что когнитивная значимость данного противопоставления признается практически всеми исследователями, нерешенной пока видится проблема границ раннего и позднего билингвизма. Наблюдается значительная вариативность в обозначении границ «закрытия» раннего билингвизма: например, Э. Леннеберг выделяет особый период, называемый критическим. Отмечается, что его рамки сильно варьируются – от 3 лет до начала пубертатного периода, начальные границы которого, в свою очередь, тоже вариативны: от 8 до 12 лет [17]. Вследствие этого исследователи часто не указывают точные временные границы, отмечая временные диапазоны. Так, например, по мнению Ю. Майзеля, оптимальный возраст для формирования раннего билингвизма начинается незадолго до 2 лет, постепенный спад наступает до возраста 5 лет, затем критический период заканчивается в течение возрастного периода приблизительно от 7 до 10 лет [18. С. 111–112].

В границах раннего билингвизма противопоставляются одновременный и последовательный. Одновременный ранний билингвизм характерен прежде всего для ситуаций билингвальных семей. Имеются доказательства того, что дети-билингвы уже в самом раннем возрасте способны различать два языка, причем это является естественным процессом, а наблюдаемые факты языкового смешения у детей-билингвов не свидетельствует об отсутствии разграничения языков в их когнитивных системах. Так, Б.З. Пирсон, С.К. Фернандес и Д.К. Оллер предполагают, что это происходит из-за когнитивных ограничений или ситуативных факторов. При этом для становления ребенка-билингва исключительно важно качество и количество так называемого языкового ввода (англ. *language input*) – языкового материала, который ребенок слышит и воспринимает в процессе взаимодействия с окружающими [19].

Последовательный ранний билингвизм отличается от одновременного наличием уже сформированного первого языка: ребенок сначала усваивает первый язык, на систему которого впоследствии накладывается система

второго языка [20]. По мнению ряда исследователей, период перехода раннего последовательного билингвизма в поздний происходит примерно в 7 лет, что обусловлено снижением пластичности мозга [21–24]. При этом вопрос о временных границах рассматриваемых типов билингвизма остается дискуссионным. Другие ученые считают, что 3 года – это примерная граница, после которой усвоение второго языка начинает больше напоминать последовательный билингвизм [25–29].

Последовательный ранний билингвизм формируется под влиянием несбалансированных языковых ситуаций, в которых функционально противопоставляются язык семейного общения и язык доминирующего социального окружения. Такие языковые ситуации могут создаваться в результате современных активных миграционных процессов или в многонациональных государствах при сохранении системы традиционного уклада семейного общения на языке этнического меньшинства. При этом второй язык – это, как правило, государственный язык, в то время как первый является языком семейного наследия (англ. *heritage language*) [30–34]. Далее в статье такой тип билингвизма мы называем «херитажный билингвизм».

Оппозиция раннего и позднего билингвизма, в свою очередь, тесно связана с другими функционально обусловленными противопоставлениями.

Противопоставление координативного и субординативного билингвизма, предложенная У. Вайнрайхом [7], определяется различием моделей организации двуязычного лексикона в сознании человека. Координативный билингвизм характеризуется сосуществованием раздельных систем понятий двух языков, объединенных концептуально. Субординативный билингвизм предполагает «подчинение» первого языка второму, при котором активация слова во втором языке происходит через перевод на родной язык. Установлено, что ранние билингвы более склонны к координативному билингвизму, субординативный билингвизм, в свою очередь, более характерен для позднего билингвизма, что было показано, например, в работе С. Эрвин и Ч. Осгуда [35]. Противопоставление субординативного и координативного билингвизма находит обоснование в методологии не социолингвистических, но психо- и нейролингвистических исследований [36], вследствие этого в данной статье, представляющей результаты социолингвистического исследования, не рассматривается.

Оппозиция активного и пассивного билингвизма, обоснованная в работах Э. Сепира [37], У. Вайнрайха [7], У. Маки [38], отражает различие в уровне компетенций билингва на двух языках. При активном билингвизме носитель двух языков свободно использует их во всех видах речевой деятельности (понимание, говорение, чтение и письмо), при пассивном билингвизме проявляется ограниченная компетенция в одном из языков (часто во втором языке). Важно отметить выделение в пассивном билингвизме подтипов рецептивного, при котором билингв способен понимать один из языков, но не говорить и писать, и продуктивный билингвизм, когда билингв имеет возможность говорить и писать, но при этом с частыми ошибками и лекси-

ческими заимствованиями [32]. Важно также отметить, что оппозиция «активный vs пассивный билингвизм» является не фиксированной, но отражает временное состояние речевых практик билингвов.

Противопоставление аддитивного и субтрактивного типов, введенное в науку У. Ламбертом [39], основывается на вариативности социального контекста, в котором происходит освоение второго языка. Для аддитивного билингвизма характерно изучение второго языка без ущерба для первого, оба языка развиваются параллельно. При субтрактивном билингвизме происходит вытеснение первого языка в процессе освоения второго. Формирование данных типов билингвизма зависит от социального статуса языков, языковой среды и личных мотиваций билингва. Субтрактивность обусловливается дискриминацией миноритарных языков в результате осуществления дисгармоничной языковой политики и, в некоторых ситуациях, социального неравенства носителей миноритарных языков.

Основанием противопоставления активного и пассивного, аддитивного и субтрактивного билингвизма является уровень языковой компетенции, что, в свою очередь, определяет полноту коммуникативных функций, которые реализуются билингвом на двух языках. Этот аспект билингвизма исследуется и моделируется в методиках социолингвистического анализа. В фокусе нашего внимания находятся оппозиции в типах билингвизма, противопоставляемые по формам и социальным обстоятельствам использования языков в актуальный период наблюдений.

Предваряя представление методики анализа и его результатов, представляется необходимым отметить следующее.

В классических и современных концепциях типов билингвизма, с одной стороны, выделяются оппозиции на основании наиболее противопоставленных признаков, демонстрируемых прототипическими примерами, а с другой – билингвизм интерпретируется как динамическая система, испытывающая влияние разнотипных факторов, при описании которой исследователи избегают установления жестких границ. Так, анализ типов, представленных в работах [7, 35, 37, 39], опирается на многоуровневую оценку актуального языкового статуса, включающую два ключевых аспекта: 1) виды речевой деятельности на языках (понимание, говорение, чтение и письмо); 2) типы языковых и коммуникативных ситуаций использования языков (семья, образование, профессиональная сфера, другие социальные практики). Такие признаки могут рассматриваться как самостоятельные и как часть более сложных комплексов. Особое значение приобретает анализ функционального баланса между системами первого и второго языка. Конкретные варианты билингвизма формируются на пересечении выделенных признаков, их особой комбинации. Полагаем, что для определения типа билингвизма необходимо характеризовать варианты использования первого и второго языков по совокупности признаков, их вариативному проявлению.

Варианты билингвальных практик реализуются в условиях языковых ситуаций, тип функционального распределения языков в которых является од-

ним из наиболее значимых факторов, влияющих на тип билингвизма. В данной работе представлен анализ вариантов билингвизма, формирующегося в условиях несбалансированных языковых ситуациях трех регионов Южной Сибири. Характеристика взаимодействия русского и трех материнских языков (хакасского, татарского и шорского) в условиях несбалансированных языковых ситуаций представлена в [40].

Материал и методы исследования

В данной статье мы выделяем типы билингвизма с использованием социолингвистических опросных методик, методов обработки полученных материалов в технологиях баз данных и приемов количественного анализа.

На начальном этапе исследования материалы для анализа собирались методом анкетирования. В проекте были использованы для сбора данных социолингвистическая анкета О.А. Казакевич [41] и языковая анкета билингва (разработчики В. Мариан, Х.К. Блюменфельд и М. Каушанская) [42], адаптированная сотрудниками лаборатории лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Типы сбора материала, формат анкет и организации баз данных были представлены в ряде публикаций авторов проекта [43, 44]. В результате проведения анкетирования были получены оценки билингвами своего языкового и социального опыта, актуализируемые в несбалансированных языковых ситуациях трех регионов Южной Сибири.

Далее материалы были обработаны с применением технологий баз данных и представлены в «Социолингвистической базе данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов» (далее – RuTurkSocLing) [45]. В RuTurkSocLing материалы формализованных и полуформализованных интервью жителей регионов Южной Сибири, носителей тюркско-русского билингвизма, организованы по принципу релятивных баз данных (БД). Языковой опыт характеризуется по 168 переменным, включая информацию о поле, возрасте, где, месте рождения и проживания, об образовании и направлениях деятельности, о характере приобретения и использования всех языков в различных ситуациях в разные периоды жизни, а также о субъективном оценивании уровня владения языками, разделенного по видам речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо, о других аспектах языкового опыта. Объем базы данных – 29 008 оценок языкового и социального опыта, полученных от 247 носителей трех тюркских языков – татарского, шорского и хакасского.

Анализ и результаты исследования

Для отнесения билингвизма к охарактеризованным ранее типам, привлеченные материалы соответствующих БД, мы последовательно выделяем следующие данные: 1) языки, используемые респондентами, определение род-

ного языка, 2) время и последовательность усвоения второго языка; 3) активность и формы использования языков в современных коммуникативных практиках.

Первый вопрос, на который мы отвечаем при характеристике типов билингвизма: какие языковые пары взаимодействуют в языковом сознании билингва и используются в актуальных коммуникативных практиках.

На этом этапе в анализ были включены ответы 247 респондентов: 138 татарско-русских, 75 хакасско-русских и 34 шорско-русских билингвов, привлекались ответы респондентов на вопрос о первом и втором (третьем) языках, которыми они владеют. Респонденты указывали первый / второй / третий язык и отмечали порядок усвоения в виде нумерованного списка, в котором порядковый номер языка – это его место в рейтинге. При формировании базы данных структура вопроса претерпела изменения: в качестве категоризующих переменных были выбраны материнский язык, русский язык и другие языки, в то время как информация о порядке их усвоения и доминирования была представлена в порядковых числительных.

Анализ полученных ответов показал, что большинство билингвов в качестве первого языка указали язык этнического меньшинства (татарский, хакасский, шорский), в то время как русский язык – доминирующий в настояще время – в качестве второго. Однако были отмечены случаи, когда респонденты отмечали русский язык в качестве первого, родного. При этом наблюдается тенденция увеличения количества билингвов, назвавших русский язык как первый, в зависимости от возраста: большинство билингвов младше 35 лет русский указывают как первый язык (16 из 73, или 22%, в отличие от группы с 35 до 65 лет (12 из 114, или 10,5%) и группы старше 65 лет (2 из 56, или 0,4%).

Для исследования из общего числа билингвов были отобраны респонденты, указавшие в качестве первого языка шорский, хакасский или татарский, а в качестве второго – русский. Поскольку работа сосредоточена на варианте билингвизма, где русский выступает вторым языком, часть участников, назвавших его родным, была исключена из дальнейшего анализа. В итоговую выборку вошли данные 217 человек: 119 татарско-русских, 70 хакасско-русских и 28 шорско-русских билингвов.

Вторая задача, которую мы решаем, – определение типов билингвизма на основании дифференцирующих признаков: время и последовательность усвоения второго языка. При решении данного вопроса отметим, что мы, как было указано раньше, опирались на данные анкетирования на основе двух анкет [41, 42], имеющих более широкое целеполагание, чем то, которое представлено в данной статье, авторы которых не ставили перед собой решения конкретной задачи определения типов билингвизма в соответствии с определенной концепцией. Вопрос анкеты ориентировал респондентов на оценивание использования языков в определенные периоды жизни (0–6 лет, 7–11 лет, 12–17 лет, 18–25 лет, 26–50 лет и после 50 лет), полученные в результате данные анкетирования были соотнесены нами с концепциями границ раннего и позднего билингвизма и их вариантов, охарактеризованными выше.

Поскольку языковыми навыками, которые дети развиваются в первую очередь при усвоении языка, являются понимание и говорение, то при определении типа билингвизма мы учитываем данные о возрасте начала говорения как о границе «закрытия» раннего билингвизма: возраст от 12 лет [17, 18]. Разделение раннего одновременного и последовательного билингвизма с некоторыми условностями (предварительно) определяем по границе 7 лет – если билингв овладел обоими языками до 7 лет, этот тип билингвизма мы относим к раннему одновременному; если в период с 7 до 12 лет – к раннему последовательному.

В результате были получены следующие соотношения возрастов усвоения второго языка (русского) (табл. 1).

Таблица 1
Возраст усвоения второго языка билингвами

Билингвы	Количество респондентов	Год вхождения во второй язык			
		0–6 лет	7–11 лет	12–17 лет	18–25 лет и старше
Татарско-русские	119	40 (33,6%)	54 (45,4%)	11 (9,2%)	9 (7,6%)
Хакасско-русские	70	20 (28,6%)	21 (30%)	13 (18,6%)	12 (17,1%)
Шорско-русские	28	8 (28,6%)	15 (53,6%)	4 (14,3%)	1 (3,6%)

Таким образом, в общей выборке респондентов, объединяющей данные носителей шорско-русского, татарско-русского и хакасско-русского билингвизма, преобладает ранний билингвизм (158 человек, или 77,5% от общего числа билингвов группы) с небольшим преобладанием раннего последовательного (44% усвоивших язык с 7 до 11 лет против 33%, усвоивших русский до 6 лет).

Как можно видеть из табл. 1, в нашей выборке наблюдается преобладание раннего последовательного билингвизма (7–11 лет), наибольшая доля которого (45,4%) представлена группе татарско-русских билингвов. Хакасско-русские билингвы – единственная группа, где поздний билингвизм (12+ лет) преобладает над ранним одновременным (35,7% против 28,6%). Шорско-русские билингвы показывают схожую с татарской группой тенденцию, но из-за малой выборки ($n = 28$) выводы интерпретируются нами как предварительные.

Третья задача, которую мы решаем, – определение вариантов использования языка респондентами в актуальное время проведения анкетирования. Исследуются два аспекта: типы речевой деятельности (понимание, говорение, чтение, письмо) и коммуникативные ситуации использования языка (семья, культурные практики, медиа, официальные сферы и др.). Этот анализ позволяет перейти от теоретических моделей усвоения языка к реальным практикам его использования, выявлению степени сохранности родного языка в разных коммуникативных сферах.

В качестве одного из наиболее значимых параметров мы, вслед за рядом авторов, выделяем типы речевой деятельности, которыми владеют билингвы в той или иной степени. Информанты, отвечая на вопрос «Какими

языками Вы владеете?», должны были заполнить таблицу: отметить все языки, которыми они владеют, дифференцированно по четырем типам речевой деятельности: понимание на слух, говорение, чтение, письмо. Мы последовательно проанализировали ответы о владении разными формами речевой деятельности сначала на родном, затем – на втором, русском языке. Количество включенные в анализ данные различались, так как респонденты могли пропускать отдельные пункты анкеты, однако различия не влияют на достоверность сравнения вследствие незначительного объема отказа ответов на отдельные вопросы. В табл. 2 представлены результаты сравнения видов речевой деятельности на материнском языке 199 респондентов, так как 16 человек (9 татарско-русских, 6 хакасско-русских и 1 шорско-русский билингв) не дали ответ на данный вопрос анкеты.

Таблица 2
Распределение типов речевой деятельности на родном языке

Билингвы	Количество респондентов	Вид речевой деятельности			
		Понимаю	Говорю	Читаю	Пишу
Татарско-русские	110	101 (91,8%)	100 (90,9%)	85 (77,3%)	62 (56,4%)
Хакасско-русские	62	62 (100%)	55 (88,7%)	58 (93,5%)	53 (85,5%)
Шорско-русские	27	27 (100%)	27 (100%)	25 (92,6%)	17 (63%)

Ответы респондентов свидетельствуют о неравномерном использовании родного языка билингвами в различных типах речевой деятельности. В качестве общих тенденций выделены следующие: более высоко оценивались 1) навыки первичной формы использования языка (устная, первичная форма коммуникации), нежели навыки чтения и письма (использование вторичной семиотической системы); 2) рецептивные навыки (понимание и чтение), нежели продуктивные (говорение и письмо). При этом отметим, что более противопоставлены формы устной и письменной коммуникации, нежели активные и пассивные формы коммуникативной деятельности. Уровень навыков письма на родном языке был отмечен респондентами как самый низкий.

Далее были проанализированы ответы на тот же вопрос применительно к формам использования второго, освоенного, русского языка. В анализ, результаты которого приведены в табл. 3, были включены ответы 199 респондентов, так как 18 человек (9 татарско-русских, 8 хакасско-русских и 1 шорско-русский билингв) не представили ответы на данный вопрос анкеты.

Таблица 3
Распределение типов речевой деятельности на русском языке

Билингвы	Количество респондентов	Вид речевой деятельности			
		Понимаю	Говорю	Читаю	Пишу
Татарско-русские	110	101(91,8%)	105 (95,5%)	104 (94,5%)	103 (93,6%)
Хакасско-русские	62	60 (96,8%)	60 (96,8%)	60 (96,8%)	60 (96,8%)
Шорско-русские	27	27 (100%)	27 (100%)	27 (100%)	27 (100%)

Как можно видеть, распределение оценок речевой деятельности на русском языке не показывает какой-либо тенденции к снижению уровня владения данными практиками в письменных формах коммуникации по сравнению с устными и активных – по сравнению с пассивными. В данном случае мы наблюдаем функциональный тип билингвизма, характеризуемый как субстрективный. При этом полученные результаты соответствуют типу функционального соотношения первого и второго языков, характерного для херитажных билингвов. Как отмечают М. Полински [46] и С. Монтруль [47], для представителей херитажного билингвизма характерно неравномерное распределение навыков владения родным языком, где рецептивные способности (понимание на слух устной речи) обычно сохраняются лучше продуктивных (говорение, письмо). Эта закономерность объясняется особенностями языковой социализации в условиях ограниченного использования родного языка. Проецируя это наблюдение на проанализированные данные, отметим, что данная тенденция проявлена и в нашем материале. Однако наш материал свидетельствует о большей противопоставленности уровня формирования и актуализации навыков устной и письменной коммуникации на родном и втором языке. Согласно исследованию Э. Бенмамуна [48], уровень сохранности отдельных языковых навыков значительно зависит от наличия письменной традиции и институциональной поддержки изучаемого языка. В частности, уровень чтения как навык значительно варьируется между разными языковыми сообществами, что связано с доступностью образовательных материалов на родном языке. Письмо, по данным Р. Андерсона [49], утрачивается в первую очередь из-за необходимости специального обучения и отсутствия естественной практики.

Наши материалы подтверждают эти наблюдения внутренней дифференциацией трех групп билингвизма, где навыки сохранения письма на родном языке наиболее высокие в группе хакасско-русских билингвов, живущих в условиях фактически несбалансированной языковой ситуации, в которой, однако, хакасский язык является титульным в республике, где преподавание ведется на всех уровнях образования. Шорский язык в настоящее время преподается в регионах компактного проживания шорцев, в которых проводилось исследование (Кемеровская область – г. Таштагол, п. Шерегеш и близлежащие к нему деревни), только в центрах культуры и факультативно в отдельных школах на этапе начального образования. Подчеркнем также, что в нашем анализе представлены ответы татарско-русских билингвов, проживающих в Томске, Томской и Новосибирской областях, где татарский язык преподается как факультативная дисциплина в начальном и среднем образовании сельских и одной школе в Томске, в детских и взрослых воскресных школах, на курсах (подробнее см.: [40]).

Далее нами были проанализирована частотность использования языков в различных коммуникативных практиках: общение в семье, с друзьями, просмотр фильмов, чтение книг, прослушивание музыки на первом и втором языке. К анализу привлекались ответы на вопрос о влиянии языковой ситуации и знания языка на его выбор в определенной коммуникативной

ситуации, т.е. на частотность его использования. Респонденты оценивали вероятность выбора первого или второго языка по шкале от 1 до 10. Далее данные были усреднены. В табл. 4 приведены средние арифметические оценок от 0 (отсутствие влияния) до 10 (максимальное влияние). К анализу были привлечены ответы об использовании родного языка в разных типах коммуникативных практик 190 респондентов, так как 39 татарско-русских, 20 – хакасско-русских и 5 шорско-русских билингвов не дали ответы на эти вопросы.

Таблица 4
Частотность использования родного языка билингвами
в коммуникативных ситуациях, баллы

Билингвы	Количе- ство респон- дентов	Коммуникативная ситуация				
		Общение с семьей	Общение с друзья- ми	Просмотр фильмов	Чтение книг	Прослу- шивание музыки
Татарско-русские	103	6,99	6,15	4,59	4,17	4,96
Хакасско-русские	57	8,25	6,0	4,58	4,84	3,95
Шорско-русские	30	5,23	6,6	2,80	3,27	2,77

Таким образом, ни одна языковая ситуация, за исключением общения с родственниками и друзьями, не была оценена по частотности использования более чем в 50% случаев. Эти данные обнаруживают особую значимость в сравнении с соответствующими оценками использования русского языка в тех же коммуникативных ситуациях. Отметим, что в БД ответы респондентов об использовании русского языка в разнотипных коммуникативных ситуациях представлены только в 48 анкетах, но мы привлекаем их для анализа, так как респонденты максимально высоко и равномерно ответили на вопросы о вероятности использования русского языка в анализируемых коммуникативных ситуациях. Средняя оценка по каждой из коммуникативных ситуаций не ниже 8 из 10. Таким образом, в данном аспекте билингвизм может быть охарактеризован как активный, при котором второй язык используется во всех ситуациях. Несбалансированность активности использования языков в отдельных коммуникативных ситуациях создается за счет более низких показателей родного языка.

Результаты анализа данных пунктов анкетирования также соответствуют теоретическим положениям об использовании родного языка билингвами как херитажного: херитажный язык используется в ограниченном кругу общения, часто с родственниками, друзьями и соседями. Наибольший разрыв между оценками вероятности использования языка в разных типах коммуникативных ситуаций демонстрируют ответы шорско-русских билингвов, где разница между наибольшей оценкой (6,6 для общения с друзьями) и наименьшей (2,77 для прослушивания музыки) составляет четыре пункта.

Обсуждение

В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что по совокупности признаков анализируемые варианты билингвизма определяются в первую очередь функциональными особенностями материнских языков, которые выполняют в той или иной степени роль херитажного языка, или языка семейного наследия. Такой тип билингвизма мы определяем как херитажный, для которого характерны частные признаки: 1) ранний одновременный и последовательный; 2) субстративный и активный с большей степенью активности второго языка в разных типах речевой деятельности в большем числе коммуникативных ситуаций.

Отметим, что херитажный билингвизм, представленный в трех регионах несбалансированных языковых ситуаций Южной Сибири с родными шорским, хакасским и татарским языками, представлен вариативно, различаясь по характеру проявления типологически релевантных признаков.

В несбалансированной языковой ситуации Южной Сибири в местах компактного проживания носителей трех автохтонных языков региона мы наблюдаем преобладание шорско-русского и татарско-русского одновременного и раннего последовательного, с одной стороны, и хакасско-русского последовательного билингвизма – с другой.

Наибольшие отличия в использовании пассивных и активных, первичных и вторичных форм речевой деятельности на двух языках проявили прежде всего шорско-русские билингвы, высокий уровень частоты использования родного языка которыми характерен только для ситуаций устного обыденного общения в семье и с друзьями. На основании проанализированных признаков можно говорить о некоторой шкале переходов в проявленности признаков херитажного языка и, как следствие, формируемого на их основе варианта билингвизма, где на полюсах находятся шорский и хакасский, а татарский занимает срединное положение.

Список источников

1. Fishman J.A. Who Speaks What Language to Whom and When? // *La Linguistique*. 1965. Vol. 1, № 2. P. 67–88.
2. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.
3. Heller M. Code-Switching and the Politics of Language // *Journal of Sociolinguistics*. 1995. Vol. 1, № 1. P. 1–24.
4. Wei L. *The Bilingualism Reader*. London ; New York : Routledge, 2000 518 p.
5. Gumperz J.J. *Discourse Strategies*. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 225 p.
6. Словарь социолингвистических терминов. М. : Институт языкоznания РАН, 2006. 312 с.
7. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. (No. 1). New York : Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.
8. Lambert W.E. Culture and Language as Factors in Learning and Education // *Psycholinguistics*. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1974. P. 307–324.

9. Haugen E. The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1953. Vol. 1–2. 695 p.
10. Ferguson C.A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325–340.
11. Grosjean F. Neurolinguists, Beware! The Bilingual is Not Two Monolinguals in One Person // Brain and Language. 1989. Vol. 36, № 1. P. 3–15.
12. Лурия А.Р. Язык и сознание. М. : Изд-во МГУ, 1979. 320 с.
13. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. : Рус. яз., 1983. 269 с.
14. Bialystok E. Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition. Cambridge University Press, 2001. 288 p.
15. Gardner R.C. Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation. Edward Arnold, 1985. 208 p.
16. Grichkova I. Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation, Aneta Pavlenko (Ed.) // Studies in Second Language Acquisition. 2007. № 29 (4). P. 625–627.
17. Lenneberg E.H. Biological Foundations of Language. New York : Wiley, 1967. 489 p.
18. Meisel J.M. The bilingual child // The handbook of bilingualism. 2006. P. 90–113.
19. Pearson B.Z., Fernández S.C., Oller D.K. Lexical development in bilingual infants and toddlers: Comparison to monolingual norms // Language Learning. 1997. № 43 (1). P. 93–120.
20. McLaughlin B. Second-Language Acquisition in Childhood. Vol. 1: Preschool Children. Lawrence Erlbaum Associates, 1984. 219 p.
21. Kuhl P.K. Brain mechanisms in early language acquisition // Neuron. 2010. Vol. 67, № 5. P. 713–727.
22. Birdsong D. Second Language Acquisition and the Critical Period Hypothesis. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 200 p.
23. Paradis J. Early bilingual and multilingual acquisition // Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication / ed. by P. Auer, L. Wei. Berlin : De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–44.
24. Hoff E., Core C. Input and language development in bilingually developing children // Seminars in Speech and Language. 2013. Vol. 34, № 4. P. 215–226.
25. De Houwer A. Bilingual first language acquisition. Bristol ; Buffalo : Multilingual Matters, 2009. 412 p.
26. Meisel J.M. Early differentiation of languages in bilingual children // Bilingualism Across the Lifespan: Aspects of Acquisition, Maturity, and Loss / ed. by K. Hyltenstam, L.K. Obler. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 13–40.
27. Genesee F., Nicoladis E. Bilingual first language acquisition // Handbook of language development / ed. by E. Hoff, M. Shatz. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. P. 324–342.
28. Paradis J. Early bilingual and multilingual acquisition // Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication / ed. by P. Auer, L. Wei. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–44. (Handbooks of Applied Linguistics. Vol. 5).
29. McLaughlin B. Second-Language Acquisition in Childhood. Vol. 1: Preschool Children. 2nd ed. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1984. 219 p.
30. Montrul S. The acquisition of heritage languages. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 380 p.
31. Polinsky M., Kagan O. Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // Language and Linguistics Compass. 2007. Vol. 1, № 5. P. 368–395.
32. Valdés G. Heritage language students: Profiles and possibilities // Heritage languages in America: Preserving a national resource / ed. by J.K. Peyton, D.A. Ranard, S. McGinnis. Washington, DC : Center for Applied Linguistics, 2001. P. 37–77.
33. Kondo-Brown K. Differences in language skills: Heritage language learner subgroups and foreign language learners // The Modern Language Journal. 2005. Vol. 89, № 4. P. 563–581.

34. Carreira M. Heritage language learners: A case for empowerment // ADFL Bulletin. 2004. Vol. 35, № 2–3. P. 23–26.
35. Ervin S.M., Osgood C.E. Second language learning and bilingualism // Psycholinguistics: A survey of theory and research problems / ed. by C.E. Osgood, T.A. Sebeok. New York : John Wiley & Sons, 1954. P. 139–146.
36. Abutalebi J., Green D. Bilingual language production: The neurocognition of language representation and control // Journal of Neurolinguistics. 2007. № 20 (3). P. 242–275.
37. Sapir E. Language: An introduction to the study of speech. Harcourt, Brace & World, 1921. 258 p.
38. Mackey W.F. Language Teaching Analysis. London : Longmans, Green & Co. Ltd., 1965. 554 p.
39. Lambert W.E. Culture and language as factors in learning // Cultural factors in learning and education: 5th Western Washington Symposium on Learning / ed. by F.E. Eckman. Bellingham : Western Washington State College, 1974. P. 91–122.
40. *Русский язык в условиях контактиования: тюркско-русское языковое взаимодействие*. Ч. 1: Социолингвистическое и корпусное исследование / З.И. Резанова, Е.Д. Артеменко, В.С. Диброва, А.В. Дыбо, И.С. Коршунова, О.В. Нагель, О.В. Рыжова, А.А. Степаненко, И.Г. Темникова. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. 216 с.
41. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3 (44). С. 221–231.
42. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // Speech Language and Hearing Research. 2007. № 50 (4). P. 940–967.
43. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68.
44. Темникова И.Г., Диброва В.С. Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиглоссического социума // Русин. 2022. № 70. С. 232–243.
45. Социолингвистическая база данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов / Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023622697, 07.08.2023. Заявка № 2023622343 от 25.07.2023.
46. Polinsky M. Heritage languages and their speakers. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 424 p.
47. Montrul S. The acquisition of heritage languages. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 380 p.
48. Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M. Heritage languages and their speakers: Challenges and opportunities // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2013. № 3 (1). P. 1–40.
49. Anderson R. Language attrition in progress: Language acquisition and language loss. Groos, 1982. 192 p.

References

1. Fishman, J.A. (1965) Who Speaks What Language to Whom and When? *La Linguistique*. 1 (2). pp. 67–88.
2. Labov, W. (1972) *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
3. Heller, M. (1995) Code-Switching and the Politics of Language. *Journal of Sociolinguistics*. 1 (1). pp. 1–24.

4. Wei, L. (2000) *The Bilingualism Reader*. London; New York: Routledge.
5. Gumperz, J.J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Anon. (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
7. Weinreich, U. (1953) *Languages in Contact: Findings and Problems*. (No. 1). New York: Linguistic Circle of New York.
8. Lambert, W.E. (1974) Culture and Language as Factors in Learning and Education. In: *Psycholinguistics*. New York: Holt, Rinehart and Winston. pp. 307–324.
9. Haugen, E. (1953) *The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior*. Vol. 1–2. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
10. Ferguson, C.A. (1959) Diglossia. *Word*. 15 (2). pp. 325–340.
11. Grosjean, F. (1989) Neurolinguists, Beware! The Bilingual is Not Two Monolinguals in One Person. *Brain and Language*. 36 (1). pp. 3–15.
12. Luriya, A.R. (1979) *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow: MSU.
13. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1983) *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Bialystok, E. (2001) *Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Gardner, R.C. (1985) *Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation*. London: Edward Arnold.
16. Grichkova, I. (2007) Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation, Aneta Pavlenko (Ed.). *Studies in Second Language Acquisition*. 29 (4). pp. 625–627.
17. Lenneberg, E.H. (1967) *Biological Foundations of Language*. New York: Wiley.
18. Meisel, J.M. (2006) The bilingual child. In: *The handbook of bilingualism*. S.l. pp. 90–113.
19. Pearson, B.Z., Fernández, S.C. & Oller, D.K. (1997) Lexical development in bilingual infants and toddlers: Comparison to monolingual norms. *Language Learning*. 43 (1). pp. 93–120.
20. McLaughlin, B. (1984) *Second-Language Acquisition in Childhood*. Vol. 1: Preschool Children. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
21. Kuhl, P.K. (2010) Brain mechanisms in early language acquisition. *Neuron*. 67 (5). pp. 713–727.
22. Birdsong, D. (1999) *Second Language Acquisition and the Critical Period Hypothesis*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
23. Paradis, J. (2007) Early bilingual and multilingual acquisition. In: Auer, P. & Wei, L. (eds) *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 15–44.
24. Hoff, E. & Core, C. (2013) Input and language development in bilingually developing children. *Seminars in Speech and Language*. 34 (4). pp. 215–226.
25. De Houwer, A. (2009) *Bilingual first language acquisition*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters.
26. Meisel, J.M. (1989) Early differentiation of languages in bilingual children. In: Hyltenstam, K. & Obler, L.K. (eds) *Bilingualism Across the Lifespan: Aspects of Acquisition, Maturity, and Loss*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 13–40.
27. Genesee, F. & Nicoladis, E. (2006) Bilingual first language acquisition. In: Hoff, E. & Shatz, M. (eds) *Handbook of language development*. Oxford: Blackwell Publishing. pp. 324–342.
28. Paradis, J. (2007) Early bilingual and multilingual acquisition. In: Auer, P. & Wei, L. (eds) *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton. (Handbooks of Applied Linguistics. Vol. 5). pp. 15–44.

29. McLaughlin, B. (1984) *Second-Language Acquisition in Childhood*. Vol. 1: Preschool Children. 2nd ed. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
30. Montrul, S. (2016) *The acquisition of heritage languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
31. Polinsky, M. & Kagan, O. (2007) Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*. 1 (5). pp. 368–395.
32. Valdés, G. (2001) Heritage language students: Profiles and possibilities. In: Peyton, J.K., Ranard, D.A. & McGinnis, S. (eds) *Heritage languages in America: Preserving a national resource*. Washington, DC: Center for Applied Linguistics. pp. 37–77.
33. Kondo-Brown, K. (2005) Differences in language skills: Heritage language learner subgroups and foreign language learners. *The Modern Language Journal*. 89 (4). pp. 563–581.
34. Carreira, M. (2004) Heritage language learners: A case for empowerment. *ADFL Bulletin*. 35 (2–3). pp. 23–26.
35. Ervin, S.M. & Osgood, C.E. (1954) Second language learning and bilingualism. In: Osgood, C.E. & Sebeok, T.A. (eds) *Psycholinguistics: A survey of theory and research problems*. New York: John Wiley & Sons. pp. 139–146.
36. Abutalebi, J. & Green, D. (2007) Bilingual language production: The neurocognition of language representation and control. *Journal of Neurolinguistics*. 20 (3). pp. 242–275.
37. Sapir, E. (1921) *Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace & World.
38. Mackey, W.F. (1965) *Language Teaching Analysis*. London: Longmans, Green & Co. Ltd.
39. Lambert, W.E. (1974) Culture and language as factors in learning. In: Eckman, F.E. (ed.) *Cultural factors in learning and education: 5th Western Washington Symposium on Learning*. Bellingham: Western Washington State College. pp. 91–122.
40. Rezanova, Z.I. et al. (2024) *Russkii yazyk v usloviyakh kontaktirovaniya: tyurkso-russkoe yazykovoe vzaimodeistvie* [The Russian Language in Contact Conditions: Turkic-Russian Language Interaction]. Part 1. Tomsk: TSU.
41. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of Endangered Languages of Siberia (Based on Material from Two Villages of Krasnoyarsk Krai)]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3 (44). pp. 221–231.
42. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50 (4). pp. 940–967.
43. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of Sociolinguistic Processes in Southern Siberia Mirrored in Bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar Language Interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/436/7
44. Temnikova, I.G. & Dibrova, V.S. (2022) Vliyanie institutsional'nykh diskursov na yazykovoe samoopredelenie v usloviyakh polietnicheskogo sotsiuma [The Influence of Institutional Discourses on Language Self-Identification in a Multiethnic Society]. *Rusin*. 70. pp. 232–243.
45. *Sotsiolingvisticheskaya baza dannykh RuTurkSocLing: otsenki yazykovogo i sotsial'nogo opyta tyurkso-russkikh bilingvov* [Sociolinguistic Database RuTurkSocLing: Assessments of the Linguistic and Social Experience of Turkic-Russian Bilinguals]. Database registration certificate RU 2023622697 dated August 7, 2023. Application No. 2023622343 dated July 25, 2023. (In Russian).
46. Polinsky, M. (2018) *Heritage languages and their speakers*. Cambridge: Cambridge University Press.
47. Montrul, S. (2016) *The acquisition of heritage languages*. Cambridge: Cambridge University Press.

48. Benmamoun, E., Montrul, S. & Polinsky, M. (2013) Heritage languages and their speakers: Challenges and opportunities. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 3 (1), pp. 1–40.

49. Anderson, R. (1982) *Language attrition in progress: Language acquisition and language loss*. Heidelberg: Groos.

Информация об авторах:

Диброва В.С. – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Резанова З.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.S. Dibrova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.04.2025;
одобрена после рецензирования 13.09.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 24.04.2025;
approved after reviewing 13.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/19986645/97/4

Коммуникативный фрейминг в корпоративных презентациях: лингвопрагматический аспект

Елена Николаевна Малюга¹

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, malyuga-en@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается лингвопрагматический аспект коммуникативного фрейминга в корпоративных презентациях. Цель исследования состоит в выявлении фреймов, характерных для презентаций, ориентированных на привлечение инвестиций, а также в идентификации лексических средств и риторических приемов, используемых для их реализации. Установлено, что выбор фрейма относится к коммуникативной установке докладчика, направлен на достижение конкретной прагматической цели и способствует структурированной передаче информации.

Ключевые слова: корпоративная коммуникация, корпоративная презентация, коммуникативный фрейминг, фрейм, лингвопрагматический анализ

Благодарности: публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Для цитирования: Малюга Е.Н. Коммуникативный фрейминг в корпоративных презентациях: лингвопрагматический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 67–92. doi: 10.17223/19986645/97/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/4

Communicative framing in corporate presentations: A linguistic-pragmatic perspective

Elena N. Malyuga¹

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation, malyuga-en@rudn.ru

Abstract. The article examines the linguistic-pragmatic aspect of communicative framing in corporate presentations aimed at attracting investment. The relevance of the study lies in the need to identify strategies of speech control and meaning construction employed in institutional communication. The theoretical framework combines the principles of frame semantics, cognitive linguistics, and pragmalinguistics, integrated into a three-level model of framing encompassing the lexical-semantic, cognitive, and communicative levels. This approach enables a comprehensive examination of the ways in which professionally significant information is represented and interpreted within corporate genres. The material for the study comprised 52 English-language investment

presentations by leading technology companies, with a total corpus volume of approximately 24,000 words. The analysis was conducted within a linguistic-pragmatic approach to framing, in which a frame is viewed as a structural-discursive unit that organizes content in accordance with the speaker's communicative purpose. The study identified five stable frames: Problem, Solution, Market, Uniqueness, and Social Validation. Each frame performs a specific pragmatic function and is characterized by a distinct set of lexical means and rhetorical devices. The pragmatic purposes established in the research include the formulation of an existing market deficiency, inefficiency, or systemic challenge (Problem); the demonstration of a relevant response to the identified issue (Solution); the presentation of a quantitatively and qualitatively substantiated context for the product's market demand (Market); the justification of the product's exclusivity (Uniqueness); and the demonstration of external recognition and endorsement (Social Validation). The identified lexical means include evaluative vocabulary with negative and positive connotations, action verbs, quantifiers and numerals, first-person plural pronouns, as well as temporal and spatial deixis. The rhetorical devices observed comprise anaphora, antithesis, gradation, isocolon, hyperbole, rhetorical question, comparison, and quotation. The study has established that the sequence of frames (Problem → Solution → Market → Uniqueness → Social Validation) constitutes a pragmatically motivated model of argumentation that ensures the step-by-step engagement of the audience and fosters readiness for investment decision-making. The findings refine the understanding of communicative framing in corporate presentations and demonstrate that the effectiveness of this genre is achieved through a consistent set of linguistic-pragmatic strategies aimed at interpretative control of the audience's attention and response.

Keywords: corporate communication, corporate presentation, communicative framing, frame, linguistic-pragmatic analysis

Acknowledgments: The paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

For citation: Malyuga, E.N. (2025) Communicative framing in corporate presentations: A linguistic-pragmatic perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 67–92. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/4

Введение

Теория фрейминга, сформировавшаяся на пересечении когнитивной лингвистики, социологии и прагмалингвистики, предоставляет эффективные инструменты для анализа процессов представления и интерпретации информации в институциональной коммуникации. Междисциплинарная основа фрейминга позволяет интегрировать когнитивные модели категоризации – ментальные структуры, упорядочивающие опыт и обеспечивающие распознавание типичных ситуаций [1] с методами лингвопрагматического анализа, направленными на выявление стратегий речевого воздействия. В условиях корпоративной коммуникации фреймы функционируют как когнитивные и коммуникативные структуры, т.е. устойчивые схемы обработки и структурирования информации [2], также опосредующие выбор языковых средств.

Корпоративная презентация, как один из жанров институционального дискурса, характеризуется высокой степенью структурной и прагматической организованности. Она ориентирована на реализацию стратегических целей компании, будь то представление текущего положения на рынке, обоснование управленческих решений, формирование позитивного имиджа или привлечение внешнего финансирования посредством презентации инвестиционного потенциала. Неотъемлемым средством организации презентационного материала становится фрейминг, который задает направление для интерпретации высказывания. Выбор определенного фрейма позволяет структурировать информацию и транслировать скрытые оценки, имплицитные суждения и прагматически релевантные посылы, направленные на формирование восприятия.

Цель исследования состоит в выявлении лингвопрагматических средств, реализующих ключевые фреймы корпоративных презентаций, направленных на привлечение инвестиций, а также установление закономерностей их распределения и взаимодействия в рамках аргументативной структуры жанра.

В настоящем исследовании особое внимание уделяется корпоративным презентациям, ориентированным на привлечение инвестиций, поскольку они демонстрируют наиболее выраженную прагматическую направленность, высокую степень речевой стратегичности и целенаправленное использование языковых средств для воздействия на внешнюю аудиторию. Инвестиционные презентации отличаются стремлением к убедительному позиционированию компании, продукта или проекта как перспективного и заслуживающего доверия, что делает их репрезентативным материалом для анализа лингвопрагматической реализации фреймов в сфере корпоративной коммуникации.

Несмотря на то, что фреймовая теория широко применяется в анализе корпоративной коммуникации, большинство существующих работ сосредоточено на таких жанрах, как письменные отчеты, совещания и деловая переписка. Корпоративные презентации, отличающиеся уникальной риторической и визуальной композицией, остаются сравнительно мало изученными с точки зрения фреймовой организации и лингвопрагматических механизмов воздействия. Данное исследование восполняет этот пробел путем системного исследования компонентов, формирующих фреймовую репрезентацию корпоративной коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления стратегий речевого контроля и смыслового моделирования, применяемых в корпоративной коммуникации. Понимание того, каким образом фреймы организуют информацию, позволяет не только описать лингвистические особенности корпоративной коммуникации, но и выявить практики, направленные на регулирование мнения.

Вопросы исследования:

1. Какие фреймы используются в корпоративных презентациях, направленных на привлечение инвестиций, для структурирования информации?

2. Какие лингвопрагматические средства используются для реализации фреймов в инвестиционных презентациях и каким образом они направляют интерпретацию информации?

Теоретические основы исследования

Фрейминг представляет собой сложный многоуровневый феномен, охватывающий как лингвистическую и коммуникативную, так и когнитивную плоскости. Современные исследования указывают на необходимость различия как минимум трех уровней фрейминга: лексико-семантического, когнитивного и коммуникативного. Такое разграничение позволяет преодолеть концептуальную фрагментацию, характерную для современной теории фреймов, которая, по мнению ряда авторов, страдает от теоретической и эмпирической расплывчатости [3. С. 51; 4. С. 103]. Фрейминг не является единым когнитивным актом, а представляет собой комплексную иерархию процессов, охватывающих уровни от лексической активации до коммуникативного моделирования интерпретации. Каждый из уровней характеризуется своей структурой и функциональной нагрузкой.

Лексико-семантический фрейминг опирается на положения фреймовой семантики и предполагает, что значения отдельных лексических единиц активируют определенные фреймы – структурированные «концептуальные модели», представляющие типичные ситуации и включающие характерные ролевые элементы, такие как участники, действия, причинно-следственные связи и контекстуальные параметры [5]. Каждое слово, в соответствии с данным подходом, связано с определенной типовой ситуацией и ее участниками. Например, глагол *arrest* активирует фрейм, включающий такие элементы, как представитель правоохранительных органов, задерживаемое лицо, правонарушение, ставшее основанием для задержания, и процедура, сопровождающая акт лишения свободы. Эти компоненты образуют устойчивую семантическую структуру, на которую ссылается употребляемая лексема. Согласно теории фреймовой семантики, смысл такого слова не может быть исчерпывающе понят вне той типичной ситуации, которую оно активирует [6, 7]. Подобный подход позволяет объяснить, каким образом определенные лексемы направляют интерпретацию происходящего, ссылаясь на закрепленные в языке типовые ситуационные модели. Так, при употреблении глагола *evict* автоматически актуализируется ситуация, в которой присутствуют собственник или уполномоченное лицо, выселяемое лицо, основание для выселения (например, неуплата аренды), а также правовой или административный механизм реализации этого действия. Все эти элементы выводятся не из конкретного контекста, а непосредственно из семантики самого глагола, которая направляет интерпретацию происходящего за счет обращения к соответствующему фрейму.

Лексико-семантический фрейм, в соответствии с данным направлением, определяется как лексико-семантическая структура, отражающая типичную

ситуацию и включающая в себя типы участников, объекты и события, имеющие отношение к данной ситуации. Значение лексемы, таким образом, есть указание на определенный фрейм, а понимание значения – это соотнесение языкового выражения с концептуальной моделью, уже имеющейся в ментальном опыте индивида. Особенно важным это становится в профессиональных контекстах, где терминологическая точность критически влияет на интерпретацию ситуации. Так, например, исследования в области медицинского дискурса показывают, что даже сокращения и аббревиатуры, не будучи согласованными с фреймовыми ожиданиями носителей языка, могут вызывать недопонимание и затруднять передачу информации [8]. Кроме того, исследования в области автоматической обработки языка [9, 10] демонстрируют, что лексико-семантические фреймы могут быть формализованы и использованы в вычислительных лингвистических системах для интерпретации контекста.

Важно подчеркнуть, что семантическая активация фрейма может происходить без коммуникативного намерения. Так, слова *detainee* и *prisoner* активируют близкие по структуре фреймы, однако их употребление в тексте будет по-разному позиционировать ситуацию, если говорящий стремится либо вызвать сочувствие к фигуранту, либо представить его в негативном свете как опасного нарушителя. Это подчеркивает, что между семантической активацией и pragматическим выбором фрейма существует посредствующий уровень – когнитивный.

Когнитивный фрейминг действует на уровне когнитивного осмысления воспринимаемой информации. В центре данного уровня находится «концептуальный фрейм» – устойчивая когнитивная модель, которая позволяет организовывать опыт, соотносить новую информацию с существующими знаниями и интерпретировать ее в заданных пределах [11]. Такие фреймы могут активироваться не только посредством лексики, но и через грамматические средства, например модальные или временные формы. Последние способны вызывать представления о степени достоверности, вероятности или ирреальности описываемого события, тем самым направляя интерпретацию высказывания. Подобные феномены рассматриваются в современных когнитивных исследованиях, посвященных связи между грамматической категоризацией и концептуализацией возможного, предположительного или нереального [12]. В рамках данного уровня фрейминг может быть как результатом прямой категоризации опыта, так и опосредованным действием метафорического переноса. Принципиальное значение здесь имеет идея о том, что фреймы – это средства структурирования мышления, обеспечивающие интерпретацию новой информации на основе существующих когнитивных схем [13]. Например, представление о пожаре как об опасной и экстренной ситуации может быть активировано не только прямыми номинациями (*fire, fireman*), но и через вторичные признаки (запах гари, дым, жар), которые в совокупности выступают триггерами соответствующей когнитивной модели. Таким образом, когни-

тивный фрейм чрезвычайной ситуации может актуализироваться даже без явных лексических маркеров, за счет апелляции к ментальному сценарию, закрепленному в коллективном опыте.

Особое внимание в научной литературе уделяется метафорическому фреймингу, теоретическая основа которого заложена в когнитивной метафорике. Согласно этой концепции, концептуальные метафоры представляют собой проекцию структур из одной области (источника) в другую (мишень), в результате чего одни и те же события или явления могут описываться и интерпретироваться в терминах чуждого им концептуального поля [14]. Классическим примером служит перенос фрейма пути или движения на сферу жизненных целей и достижений: человек может «стоять на распутье», «выбирать направление», «двигаться вперед», «сойти с пути» или «остановиться на полпути». Такие выражения предполагают, что жизненные решения осмысляются как перемещение в пространстве, где успех трактуется как достижение конечной точки, а неудача – как отклонение от маршрута или остановка. Важнейшие работы в этом направлении демонстрируют, каким образом концептуальные метафоры структурируют мышление и воздействуют на интерпретацию действительности [15, 16]. При этом такие метафоры не только репрезентируют существующее знание, но и формируют модели поведения [17]. Например, концептуальный фрейм игры, применяемый в экономическом или деловом дискурсе, побуждает воспринимать рыночные отношения как состязание с правилами, участниками, победителями и проигравшими. Это ориентирует адресата на конкурентное поведение, акцентирует важность стратегии, расчета и победы, в то время как такие аспекты, как сотрудничество, устойчивость или взаимная выгода, отодвигаются на периферию восприятия [18].

Таким образом, когнитивный уровень выступает связующим звеном между языковой формой и pragматическим действием: он позволяет интерпретировать семантически активированные элементы с учетом контекста, соотнося их с ранее усвоенными ментальными схемами. Эта интерпретация может происходить частично неосознанно, но она критически важна для формирования смысловой «рамки», в которой функционирует сообщение.

Коммуникативный фрейминг реализуется в акте речевой или текстовой презентации ситуации и соотносится с pragматическим выбором говорящего. Он основан на установке коммуниканта не просто передавать информацию, а определенным образом позиционировать событие или феномен в сознании адресата. Это может включать, например, выбор между лексемами с разной pragматической нагрузкой при описании одной и той же ситуации: назвать увеличение налогов «необходимым перераспределением бюджета» или «грабительским налогообложением». В этом случае говорящий задействует существующие фреймы, адаптируя их под коммуникативные задачи. В коммуникативном фрейминге центральным является не просто активация фрейма, а выбор одной из возможных интерпретаций, конкурирующих между собой [19]. Этот выбор оказывает влияние на интерпретацию собы-

тия слушателем и может быть направлен на достижение конкретного эффекта – убеждения, осуждения и т.п. Чтобы выбранная интерпретация была эффективно донесена до адресата, на коммуникативном уровне фрейминг реализуется через использование языковых средств и риторических приемов. Они выступают как инструменты организации речи, обеспечивающие ее выразительность и аргументативную силу.

Данный уровень фрейминга непосредственно соотносится с социологической традицией анализа фреймов, основанной на понятии «схем интерпретации» (schemata of interpretation), введенном в научный оборот в рамках анализа повседневных взаимодействий [20]. Эти схемы интерпретации представляют собой социально обусловленные структуры, посредством которых индивид организует восприятие опыта. Коммуникативный фрейминг предполагает осознанный или неосознанный выбор рамки интерпретации, в пределах которой субъект формирует сообщение, направленное на аудиторию. В ряде случаев такой выбор может быть мотивирован не только информационными, но и стилистическими установками, включая эстетизацию дискурса. Прагматический статус эстетических речевых актов в институциональной коммуникации раскрывает дополнительные функции фреймирования как инструмента ценностного позиционирования [21]. Фрейминг, воздействующий на эмоциональные реакции реципиента, способен не только структурировать смысл, но и направлять внимание аудитории, что подтверждается экспериментами по выявлению интереса, вызванного текстом [22]. Особенно активно данный уровень исследуется в рамках анализа политического и медиадискурса, где выбор фрейма непосредственно связан с манипуляцией восприятием. Так, сообщения в СМИ могут быть сформулированы с подчеркиванием отдельных аспектов события и опущением других, что структурирует восприятие реальности читателем или зрителем. Примеры такого рода представлены, например, в анализе освещения социальных протестов, где одни источники описывают участников как «граждан, отстаивающих свои права», а другие – как «радикалов, нарушающих общественный порядок» [23].

Таким образом, лексико-семантический, когнитивный и коммуникативный уровни фрейминга представляют собой иерархически взаимосвязанные, но аналитически различные компоненты единого механизма репрезентации и интерпретации опыта. Лексико-семантический фрейминг осуществляется на уровне языковых единиц, актуализирующих определенные значения, когнитивный – на уровне ментальных структур, а коммуникативный – на уровне дискурсивной организации сообщения и прагматического позиционирования говорящего. Такое трехуровневое понимание фрейминга позволяет создать теоретически целостную модель анализа фреймовой организации дискурса, где каждый уровень фрейминга обладает собственным инструментарием и аналитическим потенциалом: лексико-семантический уровень основывается на выявлении лексико-семантических триггеров фреймов, когнитивный – на реконструкции ментальных моделей и концептуальных метафор, коммуникативный – на прагмалингвистическом, риторическом и дискурсивном анализе. Интеграция этих подходов открывает

новые перспективы для исследования как обыденных, так и институциональных форм коммуникации, включая политику, право, массмедиа и науку. При этом значимую роль может играть культурная обусловленность используемых фреймов, в частности различие между коллективистскими и индивидуалистскими ориентациями, проявляющееся в стратегии представления групповой работы и кооперации [24].

В рамках настоящего исследования основной интерес сосредоточен на лингвопрагматическом уровне фрейминга, который соотносится с коммуникативной реализацией фреймов и анализируется сквозь призму прагматических установок говорящего. Анализируется не столько сам процесс ментальной интерпретации, сколько выбор языковых и дискурсивных средств, с помощью которых коммуникант намеренно организует подачу информации в соответствии с предполагаемым восприятием аудитории. Таким образом, внимание сосредоточено на том, как прагматический выбор фрейма в корпоративной коммуникации используется для предвосхищения определенной интерпретации, направленного конструирования смысла и программирования восприятия, что позволяет рассматривать фрейминг как инструмент целенаправленного воздействия в условиях институционализированной речевой практики.

Корпоративная коммуникация, понимаемая как целенаправленная передача информации в пределах и от имени организации с использованием устных, письменных и визуальных каналов, представляет собой особый тип институционального взаимодействия, включающий как внутренние процессы (например, информирование персонала, стратегические брифинги), так и внешние (например, презентации перед партнерами, публичные отчеты). Как подчеркивает К. Конг [25], корпоративная коммуникация охватывает разнообразные формы презентации, используемые в конкретных контекстах для достижения прагматических и межличностных целей. Эти формы обладают высокой степенью контекстуальной обусловленности, оперируют специализированной лексикой, ролевыми моделями и институциональными нормами взаимодействия.

Корпоративные презентации, будучи одним из ключевых жанров корпоративной коммуникации, представляют собой структурированные формы речевого воздействия, направленные на трансляцию информации в контексте заданных целей компании – будь то представление стратегических инициатив, отчет о достижениях, обоснование инвестиций или продвижение инновационных решений. Фреймы в данном случае функционируют не только как средства концептуализации содержания, но и как риторические ресурсы, позволяющие структурировать материал, акцентировать, нивелировать или смещать нежелательные интерпретации. Это особенно актуально при использовании терминологически насыщенного языка, где значение лексических единиц активируется только в пределах профессионального и институционального контекста [26, 27].

С прагматической точки зрения ключевым аспектом становится выбор того или иного фрейма для интерпретации корпоративной реальности: экономический спад может быть представлен через фрейм «временных трудностей»,

«внешнего давления», «возможности для роста» или «необходимости трансформации», каждый из которых задает перспективу восприятия и предвосхищает соответствующую реакцию аудитории. Более того, фреймы могут комбинироваться, сменяться или конфликтовать внутри одной презентации, отражая многоуровневую стратегию коммуникативного воздействия, в том числе стратегию упреждающей аргументации, эмоционального управления или идеологической легитимации. При этом фреймы выполняют не только структурирующую, но и прогностическую функцию, позволяя аудитории выстраивать ожидания относительно дальнейшего хода событий или решений [28].

Лингвопрагматический анализ в данном контексте позволяет выявить не только доминирующие фреймы, но и прагматические функции, которые они выполняют: успокоение аудитории, мобилизация персонала, повышение прозрачности, скрытая переориентация внимания, позитивное позиционирование или навязывание институциональной интерпретации. Особенно важно учитывать, что в условиях корпоративной коммуникации выбор фрейма часто мотивирован необходимостью соблюдения норм официального стиля, сохранения корпоративного имиджа и обеспечения предсказуемой реакции слушателей, что обуславливает предпочтение нейтральных или стратегически оптимистичных фреймов.

Современные исследования подчеркивают, что актуальные тенденции институционального дискурса включают стремление к выстраиванию лингвистической идентичности, согласованной с ценностями и стратегическими целями организации, что напрямую влияет на выбор коммуникативных моделей и прагматических приемов [29]. Вдобавок фреймы в корпоративной коммуникации нередко отражают культурно-специфические нормы профессионального взаимодействия, включая стилистические ожидания, допустимые формы речевой экспансии и даже идеологические установки. Например, в западной управленческой традиции активно используется фрейм «инновационного лидерства», в то время как в иных культурных контекстах могут доминировать фреймы «надежности» или «наследия». В этих условиях фрейминг становится не только когнитивно-прагматическим механизмом, но и маркером принадлежности к определенной корпоративной культуре и ценностной системе [30].

Таким образом, лингвопрагматическое исследование фреймовой организации корпоративных презентаций представляет собой продуктивный подход к выявлению способов презентации профессионально значимой информации и прагматических целей, отражающих коммуникативную интенцию докладчика.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили корпоративные презентации, подготовленные в целях привлечения инвестиций ведущими технологическими компаниями на ранних этапах развития. В корпус вошли презентации таких компаний, как Airbnb, Uber, Tinder, Dropbox, Buzzfeed, Snapchat, Foursquare,

MySQL и ряд других¹, в том числе стартапов, позднее продемонстрировавших устойчивый рост и высокую рыночную капитализацию. Данный тип материала был выбран по нескольким причинам. Во-первых, презентации, ориентированные на потенциальных инвесторов, представляют собой особый жанр корпоративной коммуникации, в которой прагматическая функция максимально выражена: докладчик стремится убедительно представить проект, его рыночный потенциал и стратегические преимущества. Во-вторых, в рассматриваемых примерах представлены различные направления корпоративной деятельности (от цифровых сервисов и мобильных приложений до облачных решений и новостных платформ), что обеспечивает тематическое разнообразие внутри корпуса. В-третьих, все презентации принаследуют одному жанровому типу и обладают сходными прагматическими характеристиками, что позволяет проводить последовательный и обоснованный лингвопрагматический анализ.

В корпус вошли 52 презентации, каждая из которых представляет отдельную компанию или проект. Презентации варьировались по объему от 12 до 47 слайдов, однако, учитывая жанровую специфику, тексты на слайдах отличались высокой степенью лаконичности. Совокупный объем корпуса составил порядка 24 000 слов. В анализ включались исключительно текстовые компоненты, представленные на слайдах, без учета визуального оформления. Такой отбор материала обусловлен стремлением сосредоточиться на лингвистических средствах, используемых для реализации прагматических задач в рамках корпоративных презентаций.

Анализ осуществлялся в рамках лингвопрагматического подхода к изучению фрейминга, при котором фрейм рассматривается как структурно-речевая единица, формирующая организацию содержания в соответствии с коммуникативной задачей. В процессе исследования фреймы выявлялись на основании повторяющихся структур представления информации, типовых номинаций ключевых понятий, композиционных решений и риторических схем, в которых можно проследить устойчивую прагматическую направленность. Выделение фрейма основывалось не на тематическом или функциональном критерии, а на идентификации единообразных способов организации профессиональной информации, задающих интерпретационную схему через языковую форму. В этой связи выделение фреймов опиралось на количественные показатели, демонстрирующие, что:

1. Частота появления фрейма в корпусе была наибольшей по сравнению с другими возможными фреймами.
2. Объем и разнообразие лингвопрагматических средств, реализующих эти фреймы, позволял провести их репрезентативный анализ.
3. Повторяемость и устойчивость лингвопрагматических средств в рамках жанра инвестиционной презентации свидетельствовала о типовом характере фреймов.

¹ Материалы исследования взяты с ресурса PitchDeckHunt. URL: <https://www.pitchdeck-hunt.com>

После выделения фреймов осуществлялась идентификация лингвопрагматических средств, через которые данный фрейм реализуется. К таковым относились лексические маркеры, обеспечивающие прагматическое позиционирование, а также риторические приемы, способствующие тезисной и убедительной подаче информации.

Лингвопрагматические средства анализировались в контексте соответствующих фреймов: их отнесенность к тому или иному фрейму устанавливалась не изолированно, а с учетом их употребления в рамках повторяющихся способов организации презентационного материала. Таким образом, устанавливалась связь между типом фрейма, используемыми средствами и коммуникативной стратегией презентации. Подобный подход позволил ответить на поставленные исследовательские вопросы, касающиеся как номенклатуры фреймов, так и способов их лингвопрагматической репрезентации в корпоративных презентациях.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате лингвопрагматического анализа 52 инвестиционных презентаций были выделены пять фреймов: «Проблема» (100%, $n = 52$), «Решение» (100%, $n = 52$), «Рынок» (79%, $n = 41$), «Уникальность» (75%, $n = 39$) и «Социальная валидация» (60%, $n = 31$). Выделение именно данной номенклатуры фреймов обусловлено как их статистическим преобладанием в корпурсе, так и достаточной степенью лингвопрагматической экспликации, обеспечившей возможность их системного исследования.

Для каждого фрейма были зафиксированы характерные лексические средства и риторические приемы, способствующие реализации данных фреймов в соответствии с соответствующими им прагматическими целями.

Фрейм «Проблема» представляет собой исходную точку коммуникативной стратегии инвестиционной презентации и служит для обоснования необходимости предложенного решения. Его прагматическая цель заключается в формулировании существующего рыночного дефицита, неэффективности или системного затруднения, что позволяет позиционировать продукт или проект как актуальный и востребованный.

Анализ показал, что в корпоративных презентациях в рамках фрейма «Проблема» характерно использование следующих лексических средств: (1) оценочная негативная лексика («broken», «outdated», «inefficient», «frustrating», «slow», «painful»); (2) лексемы с семантикой дефицита («lack», «missing», «underserved», «unavailable», «limited»); номинативные конструкции, маркирующие наличие проблемы («key challenge», «unmet need», «resource scarcity»).

Например, в предложении «The current process is slow and frustrating» лексемы «slow» и «frustrating» маркируют неудовлетворенность, характерную для многих описаний проблем в области интерфейсов, логистики и коммуникации. Такая формулировка типична для сервисов, ориентированных на упрощение взаимодействия.

В предложении «Traditional tools are outdated and unscalable» сочетание «outdated» и «unscalable» совмещает темпоральную и функциональную несостоительность существующих решений. Таким образом, акцентируется необходимость трансформации.

В предложении «Millions of users lack access to real-time financial insights» «lack access» обозначен фундаментальный дефицит – отсутствие базовой возможности. Употребление количественной характеристики («millions of users») усиливает масштабы проблемы, превращая ее в значимый аргумент. Такой прием направлен на создание представления о массовой неудовлетворенной потребности, требующей решения.

В предложении «Existing platforms are missing core features users expect» «missing core features» фокусирует внимание на функциональной неполноте, когда предложение существует, но не соответствует ожиданиям. Такая формулировка типична для цифровых сервисов, обосновывающих запуск нового продукта как восполнение недостающих компонентов. Лексема «missing» маркирует дефицит в логике несоответствия ожиданий и реальности.

В предложении «Underserved communities struggle with limited delivery options» «underserved» – специализированная лексема с семантикой дефицита, часто применяемая в B2C-секторе (логистика, медицина, образование). Она маркирует не только дефицит, но и социальную несправедливость, повышая эмоциональную силу аргумента. Употребление слова «struggle» усиливает драматизацию проблемы.

В предложении «User frustration with existing solutions drives attrition» конструкция «user frustration» маркирует субъективное переживание как устойчивое затруднение, а следствие («drives attrition») делает проблему аргументом для поиска нового решения.

Эти маркеры нацелены на формирование у потенциального инвестора представления о наличии рыночного запроса, обусловленного существующим пробелом («проблема»), и потребности в новом решении.

В рамках фрейма «Проблема» в корпоративных презентациях характерно использование риторических приемов, способствующих лаконичной, тезисной и убедительной подаче информации. К ним относятся: (1) анафора (повтор начальных элементов); (2) градация (нарастание негативной оценки); (3) антитеза (противопоставление старого и нового).

Например, в предложении «No data. No visibility. No control» использована анафора, где повторы формата «No X» придают высказыванию ритмичность и делают его убедительным. Это типичный прием стилистической сжатости, часто используемый на первых слайдах. Схожим образом в предложении «Hard to use. Hard to scale. Hard to trust» анафора с синтаксическим параллелизмом (повтор формулировки «Hard to + V») делает аргумент убедительным и запоминающимся.

В предложении «Slow. Expensive. Risky» использована градация: усиление негативного восприятия через нарастание угроз. Такой прием формирует ощущение небезопасности и срочности.

В предложении «The world has changed. The tools haven't» с помощью антитезы подчеркивается несоответствие между изменившимися условиями и инерцией существующих решений. Это помогает оправдать потребность в инновации.

Таким образом, риторические приемы, участвующие в реализации фрейма «Проблема», позволяют задать эмоциональный ритм и усилить аргументацию.

Фрейм «Проблема» был идентифицирован во всех анализируемых презентациях, что подтверждает его ключевую роль в логике построения инвестиционных презентаций. Это позволяет рассматривать данный фрейм как прагматическую основу презентационной аргументации, направленной на формирование у инвестора запроса на представленное решение.

Фрейм «Решение» реализует ключевую прагматическую цель инвестиционной презентации, а именно демонстрацию релевантного ответа на заявленную проблему. Он выступает в роли центрального связующего элемента между аргументацией дефицита и предложением и формирует основу инвестиционного предложения. Данный фрейм представляет сам продукт или услугу, а также задает логику последующего развития презентации, подготовливая аудиторию к восприятию последующих ключевых фреймов.

Лексические средства реализации фрейма «Решение» включили: (1) глаголы действия, которые маркируют активное действие, направленное на устранение заявленной проблемы («solve», «fix», «address», «improve», «simplify», «streamline»); (2) эпитеты, выражающие значение инновационности и эффективности («intuitive», «seamless», «powerful», «scalable», «transformative»).

Например, в предложении «We solve these inefficiencies with a single platform» глагол «solve» указывает на ориентацию на прямое решение, а сочетание «these inefficiencies» поддерживает логическую связность с фреймом «Проблема». Аналогичным образом в предложении «Simplify collaboration across remote teams» глагол «simplify» формирует прагматически ориентированное обещание эффективного действия. В примере «Seamless user experience» эпитет «seamless» акцентирует инновационность и легкость использования, что является типичным для цифровых решений.

В рамках фрейма «Решение» наибольшее распространение получили два риторических приема: (1) анафора (повтор начального элемента в смежных синтаксических единицах, создающий ритмическое усиление и убедительную подачу ключевых характеристик решения); (2) изоколон (последовательность синтаксически параллельных конструкций одинаковой длины и структуры, усиливающая структурную организованность аргументации).

Например, в предложении «No setup. No training. No friction» повтор частицы «но» в рамках анафоры маркирует устранение барьеров, подчеркивая легкость внедрения решения.

Изоколон как один из риторических приемов, используемых в реализации фрейма «Решение», представляет собой риторическую фигуру, при которой высказывание состоит из двух или более ритмически, синтаксически

и объемно соотнесенных частей (колонов), оформленных по единому структурному принципу. Такая композиция повышает выразительность и логическую четкость изложения. В зависимости от количества колонов различают диколоны (два члена), триколоны (три члена), тетраколоны (четыре члена) и более сложные формы. Каждый колон при этом представляет собой относительно самостоятельный смысловой отрезок, выстроенный по идентичной синтаксической схеме и обладающий аналогичной ритмикой.

В проанализированных текстах корпоративных презентаций преобладают триколоны, т.е. структуры из трех параллельно организованных элементов. Такая форма оказывается наиболее эффективной в условиях презентационного жанра, поскольку она сочетает структурную завершенность, лаконичность и риторическую убедительность. Триколоны позволяют компактно и ритмично представить ключевые аспекты предлагаемого решения, фокусируя внимание на его преимуществах.

Так, в предложении «*Built for speed. Powered by AI. Designed for users*» через риторический прием изоколона три симметричных высказывания формируют ритмически выровненный ряд преимуществ, обеспечивая ясность и запоминаемость. В другом примере триколон «*Faster onboarding. Better retention. Higher revenue*» реализован через именные словосочетания с прилагательными в сравнительной степени, что придает конструкции ритмическую симметрию и структурную завершенность. Одновременно данный триколон вмещает в себя семантическую градацию: от начального этапа взаимодействия пользователя с продуктом к его удержанию и далее – к финансовому результату. Таким образом, параллельная синтаксическая организация сочетается с усиливающейся прагматической нагрузкой, что делает высказывание одновременно выразительным и аргументативно насыщенным.

Таким образом, реализация фрейма «Решение» характеризуется использованием риторических приемов, обеспечивающих тезисную, фокусированную и прагматически нагруженную подачу информации, соответствующую задачам аргументации в корпоративных презентациях, направленных на привлечение инвестиций.

Фрейм «Решение» был зафиксирован во всех проанализированных презентациях, что подтверждает его статус как обязательного структурного компонента корпоративных презентаций, направленных на привлечение инвестиций.

Фрейм «Рынок» в корпоративных презентациях выполняет важную прагматическую цель, которая заключается в предоставлении количественно и качественно обоснованного контекста востребованности продукта на целевом рынке. Данная цель подразумевает не только формальное обозначение рыночного сегмента, в рамках которого работает проект, но и убедительное представление масштаба, динамики и прогнозируемой доходности для повышения привлекательности инвестиционного предложения.

Наиболее характерные лексические средства, реализующие фрейм «Рынок», включили: (1) квантификаторы и числительные, маркирующие объем,

пользовательскую базу, темпы роста и прогнозируемую динамику рынка: («\$45B», «80 million users», «12% annually», «\$100B by 2027»); (2) глаголы с прогностической и оценочной семантикой, используемые для обозначения текущих и будущих изменений в рыночной ситуации («grow», «expand», «scale», «reach», «project»); (3) атрибутивно-именные словосочетания, обозначающие категориальные параметры рыночного сегмента («total addressable market», «emerging market», «underserved segment», «untapped opportunity»).

Анализ показал, что лексические средства, задействованные в реализации фрейма «Рынок», употребляются агрегированно, т.е. комбинируются в пределах одного высказывания с целью усиления аргументации. Другими словами, такие структуры объединяют количественные, атрибутивные и прогностические компоненты.

Например, предложение ««\$45B total addressable market, growing at 12% annually» сочетает числовой маркер объема рынка («\$45B»), атрибутивно-именное обозначение рыночного сегмента («total addressable market») и глагол с прогностической семантикой («growing»), образуя лаконичную, но аргументативно насыщенную конструкцию. Такая синергия маркеров служит прагматической цели – убедить инвестора в масштабности и динамике рынка.

Предложение «An untapped opportunity to serve 80M users globally» включает атрибутивно-именное словосочетание, выступающее маркером дефицита («untapped opportunity»), и квантификатор («80M users»), тем самым формируя образ масштабной, но пока не реализованной рыночной ниши с высоким потенциалом доходности.

В предложении «The market is projected to reach \$100B by 2027» глагол «project» придает высказыванию характер экспертной оценки, опирающейся на аналитические данные, а также маркирует предсказуемость роста и долгосрочный инвестиционный потенциал. Употребление квантификатора «\$100B» в сочетании с временным ориентиром «by 2027» формирует аргумент, структурированный по логике числового прогнозирования, что соответствует прагматической цели фрейма «Рынок».

Таким образом, лексические средства, реализующие фрейм «Рынок», характеризуются комплексным и агрегированным использованием, направленным на обоснование масштабов и инвестиционной привлекательности проекта.

В реализации фрейма «Рынок» наибольшее распространение получили два риторических приема: (1) эпитет; (2) сравнение. Оба приема используются для усиления восприятия масштабности, привлекательности и динамики целевого сегмента, а также для аргументированного оформления инвестиционной перспективы.

Эпитет в инвестиционных корпоративных презентациях представляет собой атрибутивную характеристику, подчеркивающую значимость, уникальность или темпы развития рыночного пространства. Наиболее характерными оказались такие эпитеты, как «fast-growing», «underserved»,

«fragmented», «explosive», «scalable», которые придают оценочную окраску описанию рынка. Например, в предложении «We operate in a fragmented, fast-growing market» эпитеты «fragmented» и «fast-growing» одновременно указывают на наличие структурных пробелов (аргумент в пользу выхода на рынок) и высокий темп его расширения (аргумент в пользу перспективности). Таким образом, эпитеты служат инструментом прагматического акцентирования инвестиционного потенциала.

Сравнение используется реже, но эффективно выполняет задачу экспрессивного усиления. Оно может быть выражено как через сравнительную степень прилагательных («faster», «larger than», «more scalable than competitors»), так и через сравнительные конструкции («as big as the TV industry», «twice the size of market X»). Например, в предложении «A market twice the size of the global ad industry» масштаб целевого сегмента транслируется через ссылку к общезвестному и значимому ориентиру. Такой прием способствует формированию у инвестора четкой картины, в которой сложные числовые параметры подкрепляются наглядным сравнением.

Реализация фрейма «Рынок» связана с использованием устойчивого набора лексических средств и риторических приемов, направленных на презентацию масштабности, роста и незаполненности рыночной ниши. Преобладание квантификаторов, глаголов оценки и атрибутивно-именных конструкций сочетается с риторическими приемами, создающими эффект экспертной аналитики и эмоциональной убедительности. Данный фрейм эффективно подкрепляет позиционирование продукта в рыночном контексте.

Фрейм «Уникальность» в корпоративных презентациях направлен на достижение не менее важной прагматической цели, которая состоит в обосновании исключительности продукта через предоставление адресату основания для доверия и выбора данного проекта среди других. Данный фрейм служит для выделения на фоне конкурентов и подкрепления ценностной сопроводящей инвестиционного предложения.

Лексические средства, реализующие данный фрейм, отличаются ориентацией на саморепрезентацию. Их прагматическая цель – создать у адресата образ проекта как исключительного, новаторского и перспективного. К лексическим средствам, репрезентирующим фрейм «Уникальность», относятся: (1) местоимения первого лица множественного числа; (2) оценочная позитивная лексика; (3) временные и пространственные дейксы.

Местоимения первого лица множественного числа «we» и «our» в рамках инвестиционной презентации функционируют как прагматические средства категоризации и противопоставления. С одной стороны, они маркируют коллективное авторство и усиливают эффект причастности к результату («We've built», «We created», «Our team developed»). С другой стороны, в рамках фрейма «Уникальность» эти местоимения реализуются в контексте сопоставления с внешним фоном, т.е. с другими игроками рынка. Это сопоставление может быть реализовано эксплицитно (например, «We've built what no one else could») или имплицитно (например, «Our app offers a truly different approach», «We are the only team solving this problem at scale»).

В обоих случаях местоимение «we» становится точкой отсчета, с которой соотносится весь остальной рынок. Оно подчеркивает: «им» это не удалось, а «мы» сделали это.

Оценочная позитивная лексика («revolutionary», «unique», «outstanding», «breakthrough», «unparalleled») в фрейме «Уникальность» представлена прилагательными, наречиями, а также существительными в функции определения, которые направлены на усиление убеждающего воздействия. Оценка не нейтральна – она эмоционально маркирует представляемый продукт как исключительный. Например, в предложении «Our solution offers a unique and unparalleled user experience» прилагательные «unique» и «unparalleled» выступают как средства выражения превосходства.

Временные и пространственные дейксысы («now», «today», «here», «this year») маркируют актуальность инновации. Например, в предложении «Challenging inefficient workflow today» временной дейксис «today» актуализирует действие, подчеркивая, что проект противопоставляет себя сложившемуся положению вещей именно в настоящий момент. Уникальность здесь конструируется через семантику вызова, направленного на преодоление инерции или застоя, и деиктическое указание на момент, когда это происходит. За счет временного указателя формируется образ команды, вовлеченной в процесс трансформации. В другом примере «Setting a new industry standard – right here, right now» пространственно-временные дейксысы «right here» и «right now» формируют эффект мгновенного присутствия уникального события. Лексема «right», вводимая дважды, придает конструкции экспрессивную окраску. Уникальность здесь заявляется не абстрактно, а как нечто происходящее в месте и времени самой презентации: проект не обещает задать стандарт в будущем, но он утверждает, что это уже происходит. За счет такой риторической стратегии презентация превращается в исключительное событие, в котором участник является свидетелем исторического момента. Это позволяет усилить перформативный эффект: уникальность не обсуждается – она совершается.

По результатам анализа фрейм «Уникальность» реализуется через следующие риторические приемы: (1) риторический вопрос; (2) гипербола; (3) градация.

Риторический вопрос применяется как инструмент суггестивного воздействия, не предполагающий реального ответа. Служит для привлечения внимания и мотивации адресата к нужному выводу. Например, риторический вопрос «What if there was a faster, smarter way to manage your supply chain?» формирует гипотетическую, но привлекательную перспективу, подталкивая адресата к мысли, что именно представленное решение и есть этот «умный способ». Имплицируется: он существует, и это наш продукт. Прием служит для внедрения ключевого тезиса, который транслируется не как утверждение, а как приглашение к согласию. В другом примере риторический вопрос «Why settle for less when you can have the best?» строится на логике противопоставления и предполагает очевидный ответ: не стоит со-

глашаться на меньшее. Он усиливает эффект уникальности через провокацию и эмоциональное вовлечение, создавая бинарную оппозицию между предлагаемым решением и менее совершенными альтернативами.

Оба примера не требуют ответа, но направляют адресата к заранее подготовленному выводу: предложенное решение – это единственно разумный выбор.

Гипербола, реализуемая в фрейме «Уникальность», представляет собой риторический прием, основанный на преднамеренном преувеличении, целью которого является экспрессивное усиление определенного качества или характеристики продукта, команды или технологии. В корпоративных презентациях, направленных на привлечение инвестиций, гипербола функционирует как средство фокусировки внимания на заявленной исключительности и формирует у адресата ощущение беспрецедентности. Например, в предложении «The most advanced AI solution the world has ever seen» подчеркивается абсолютность технического превосходства: гипербола строится на использовании превосходной формы и отсылке к универсальному охвату («the world has ever seen»). В примере «We're building the future of finance» гиперболизированное высказывание переносит проект из сферы текущих решений в категорию явлений, формирующих глобальные изменения, что создает образ новаторства и исторической значимости.

Градация, реализуемая в рамках фрейма «Уникальность», представляет собой риторический прием, основанный на последовательном усилении признаков, подчеркивающих исключительные качества продукта, команды или технологии. В этом контексте градация позволяет продемонстрировать превосходство через «наращивание» положительных характеристик. Она выстраивает эффект эскалации ценности: от важного – к значительному – к уникальному, тем самым создавая у адресата ощущение прогрессирующего превосходства, выходящего за рамки конкуренции. Так, в примере «Smarter. Faster. Unstoppable» градация организована по принципу интенсификации: от интеллектуального качества – к скорости – к тотальному доминированию, что создает образ технологического превосходства. Аналогично в примере «More accurate. More adaptive. More powerful» семантическая градация подчеркивает техническое совершенство: каждое качество усиливает предыдущее и делает акцент на непрерывном развитии, позиционируя продукт как исключительное решение в своей категории. Таким образом, в рамках фрейма «Уникальность» градация функционирует как средство смысловой и экспрессивной экспансии, структурируя восприятие проекта в направлении от значимого к уникальному.

Таким образом, фрейм «Уникальность» в корпоративных инвестиционных презентациях представляет собой компонент аргументации, направленный на конструирование образа исключительности предлагаемого решения. Его реализация базируется на совокупности лингвопрагматических средств, которые выступают инструментом формирования у потенциального инвестора устойчивого представления о его исключительной ценности.

Фрейм «Социальная валидация» в корпоративных презентациях, направленных на привлечение инвестиций, преследует прагматическую цель, которая заключается в демонстрации признания проекта со стороны внешних авторитетов: пользователей, клиентов, инвесторов, известных брендов или институциональных структур. Лингвопрагматические средства, реализующие данный фрейм, направлены на формирование у адресата представления о проекте как уже апробированном, социально одобренном и достойном доверия. При этом лексические средства в рамках фрейма реализуются агрегированно, т.е. в составе комплексных конструкций, усиливающих аргументацию. К таким средствам относятся: (1) конструкция причастие + предлог «бы»; (2) квантификаторы и числительные; (3) лексемы с семантикой инклузии.

Сочетание причастия с предлогом «бы» оформляет утверждение в пассивной форме, придающей утверждению вид объективной констатации. Такие формулировки, как «used by Fortune 500 companies», «trusted by 100+ hospitals», «recognized by leading industry analysts», выполняют прагматическую задачу внешней легитимации. Причастная форма («used», «trusted», «recognized») выносит одобрение за рамки субъективной оценки говорящего, а предлог «бы» задает источник социальной значимости – ту инстанцию, признание которой усиливает доверие. В результате утверждение приобретает форму косвенного доказательства: не «мы говорим, что наш продукт хороший», а «вот кто им пользуется / кому он уже помог».

Квантификаторы и числительные, которые придают аргументации точность, масштаб и эффект «больших чисел», представлены конструкциями вида «trusted by over 1 million users», «backed by 15 VC firms», «used in 27 countries» и т.п. Сочетание количественных показателей с авторитетными источниками одобрения усиливает впечатление массовости и доверия. Особенно эффективно сочетание числительного с квантификатором («over», «more than», «every», «each»), которое позволяет не просто информировать о количестве, но подать его как значимое и убедительное, как, например, в утверждении «More than 200 enterprise clients trust our solution».

В свою очередь, в рамках фрейма «Социальная валидация» лексемы с семантикой инклузии (такие как «everyone», «anyone», «all», «together», «community», «network», «partners», «global») формируют образ продукта как уже интегрированного в широкую профессиональную или пользовательскую экосистему. Примеры вроде «Used by teams across all industries», «Join our global community of innovators», «Adopted by partners worldwide» работают на создание эффекта коллективного участия и универсального признания. Лексемы с семантикой инклузии маркируют принадлежность к широкому и респектабельному сообществу. Включение становится не только констатацией, но и приглашением – вовлечение в проект приравнивается к включению в признанную систему.

Согласно результатам исследования, для фрейма «Социальная валидация» характерно использование следующих риторических приемов: (1) цитирование; (2) перечисление. Данные приемы служат прагматической цели легитимации проекта через мнение третьих сторон.

Цитирование как риторический прием предполагает включение в текст фрагментов высказываний внешних акторов (клиентов, инвесторов, отраслевых аналитиков, средств массовой информации), оформленных как прямая речь. В лингвопрагматическом аспекте цитирование выполняет функцию внешней оценки, транслируя суждение, которое не приписывается непосредственно автору презентации, но получает высокую убедительность за счет институционального или профессионального авторитета источника. Например, в высказывании «A revolutionary solution that will redefine the industry» – *Forbes* структурное оформление цитаты вместе с ссылкой к авторитетному изданию создает иллюзию объективной верификации. Особую прагматическую силу имеет включенная оценка от известных медиа или авторитетных пользователей, особенно если она оформлена как краткая, ритмически выверенная формула, например: «The startup to watch» – *TechCrunch*. Включение таких цитат в корпоративные презентации способствует быстрому восприятию и запоминанию, что указывает на их прагматическую эффективность.

Перечисление в рамках фрейма «Социальная валидация» подразумевает непрерывное наименование названий компаний, организаций, партнеров, инвесторов, клиентов, профессиональных или социальных групп. В данном случае перечисление выступает не в качестве информативного списка, а как риторически мотивированное накопление единиц, которое формирует эффект количественного и качественного подтверждения. В результате создается восприятие широкого и признанного присутствия проекта в профессиональном или рыночном сообществе. Например, в предложении «Used by educators, enterprises and developers» перечисление охватывает различные профессиональные и социальные группы, тем самым транслируя универсальность признания. Перечисление способствует формированию образа проекта как решения, получившего широкое одобрение в различных сегментах, что укрепляет его статус как надежного в глазах потенциального инвестора.

В совокупности включение данных лексических средств и риторических приемов позволяет создать у адресата ощущение, что доверие уже сформировано, одобрение получено, а следовательно, риск минимален. Именно поэтому фрейм «Социальная валидация» оказывается важным завершением аргументационной стратегии инвестиционной презентации.

Таким образом, в результате лингвопрагматического анализа корпоративных презентаций, направленных на привлечение инвестиций, были выявлены пять устойчивых фреймов: «Проблема», «Решение», «Рынок», «Уникальность» и «Социальная валидация». Каждый фрейм формируется через характерный набор лексических средств и риторических приемов, представленных в таблице.

Результаты проведенного исследования позволяют охарактеризовать корпоративные презентации, направленные на привлечение инвестиций, как жанр, в котором прагматическая цель воздействия на потенциального инвестора реализуется через устойчивый набор фреймов. Последователь-

ность фреймов («Проблема» → «Решение» → «Рынок» → «Уникальность» → «Социальная валидация») зафиксирована в подавляющем большинстве текстов и может быть интерпретирована как прагматически мотивированная структура организации материала, направленная на поэтапное формирование у адресата готовности к принятию предложенного инвестиционного решения.

Фреймы инвестиционных презентаций: прагматические цели, лексические маркеры и риторические приемы

Фрейм	Прагматическая цель	Лексические средства	Риторические приемы
Проблема	Обоснование актуальности проекта	Оценочная лексика, лексемы с семантикой дефицита, номинативные конструкции	Анафора, градация, антитеза
Решение	Позиционирование проекта/продукта как ответа на проблему	Глаголы действия, эпитеты	Анафора, изоколон
Рынок	Указание на рыночный потенциал	Квантификаторы и числительные, глаголы с прогностической и оценочной семантикой, атрибутивно-именные словосочетания	Эпитет, сравнение
Уникальность	Обоснование конкурентных преимуществ	Местоимения первого лица множественного числа, оценочная позитивная лексика, временные и пространственные деиксисы	Риторический вопрос, гипербола, градация
Социальная валидация	Подтверждение надежности со стороны внешних авторитетов	Конструкция причастие + предлог «бы»; квантификаторы и числительные; лексемы с семантикой инклузии	Цитирование, перечисление

Лингвопрагматический анализ показал, что каждый фрейм характеризуется специфическим набором лексических средств, которые могут быть использованы агрегированно, когда в пределах одного высказывания одновре-

менно активируется несколько типов лексических средств, что обеспечивает прагматическую насыщенность и повышает эффективность воздействия на адресата.

Также наблюдается устойчивое распределение риторических приемов по фреймам. Выбор риторических приемов в каждом случае подчинен установке на прагматически ориентированное представление информации, сопряженное с определенными ожиданиями аудитории.

Сложившийся в рамках жанра набор фреймов в сочетании с повторяющимися лексическими средствами и риторическими приемами позволяет говорить о наличии устойчивых лингвопрагматических стратегий, направленных на интерпретационное управление вниманием и реакцией адресата в контексте корпоративных презентаций.

Заключение

Осуществленный анализ позволил ответить на поставленные в работе исследовательские вопросы.

Были выявлены пять устойчиво воспроизводимых фреймов: «Проблема», «Решение», «Рынок», «Уникальность» и «Социальная валидация». Как установлено в исследовании, каждый из выявленных фреймов направлен на достижение определенной прагматической цели в рамках поэтапного конструирования аргументации, а также на последовательное вовлечение адресата в принятие инвестиционного решения.

Результаты исследования показали, что каждый из пяти ключевых фреймов реализуется через устойчивую номенклатуру лингвопрагматических средств, включающих лексические маркеры и риторические приемы. Эти средства направляют интерпретацию информации в соответствии с соответствующей фрейму прагматической целью. Их отбор и комбинирование подчинены задаче формирования убедительной аргументации, направленной на адресата.

Представленное исследование уточняет характер реализации коммуникативного фрейминга в корпоративных презентациях, направленных на привлечение инвестиций. На материале англоязычных презентационных текстов проанализированы лексические средства и риторические приемы, задействованные в оформлении типичных фреймов. Выявленные закономерности позволяют охарактеризовать лингвопрагматический аспект подачи информации, при котором содержание каждого фрейма подкрепляется специфическим языковым оформлением, способствующим структурированной и тематически соотнесенной презентации проектной информации.

Список источников

1. *Spratling M.W. Predictive coding as a model of cognition // Cognitive Processing.* 2016. № 17. P. 279–305. doi: 10.1007/s10339-016-0765-6
2. *Hart C. Frames, framing and framing effects in cognitive CDA // Discourse Studies.* 2023. № 25 (2). P. 247–258. doi: 10.1177/14614456231155071

3. *Entman R.M.* Framing: toward clarification of a fractured paradigm // *Journal of Communication*. 1993. № 43 (4). P. 51–58. doi: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
4. *Scheufele D.A.* Framing as a theory of media effects // *Journal of Communication*. 1999. № 49 (1). P. 103–122. doi: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x
5. *Fillmore C.J.* Frame semantics // *Cognitive linguistics: basic readings*. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2006. P. 373–400. doi: 10.1515/9783110199901.373
6. *Fillmore C.J.* Frame semantics and the nature of language // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1976. № 280 (1). P. 20–32. doi: 10.1111/j.1749-6632.1976.tb25467.x
7. *Fillmore C.J.* Encounters with language // *Computational Linguistics*. 2012. № 38 (4). P. 701–718. doi: 10.1162/COLI_a_00129
8. *Mohammed S.* Inconsistency of translating medical abbreviations and acronyms into the Arabic language // *Training, Language and Culture*. 2022. № 6 (3). P. 67–77. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77
9. *Kabbach A., Ribeyre C., Herbelot A.* Butterfly effects in frame semantic parsing: Impact of data processing on model ranking // *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics*. Santa Fe: Association for Computational Linguistics, 2018. P. 3158–3169.
10. *Petruck M.R.* Frame semantics // *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 592–601. doi: 10.1075/hop.m2.fra1
11. *Huhn J.M., Potts C.A., Rosenbaum D.A.* Cognitive framing in action // *Cognition*. 2016. № 151. P. 42–51. doi: 10.1016/j.cognition.2016.02.015
12. *Дружинин А.С., Лаврова Н.А.* Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2024. № 87. С. 23–54. doi: 10.17223/19986645/87/2
13. *Донскова Ю.В., Курилова А.Д.* Семантико-когнитивная презентация концепта «болезнь» в современном российском медиапространстве (на примере COVID-19) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023. № 83. С. 5–20. doi: 10.17223/19986645/83/1
14. *Grishechko E.G.* (2023). Language and cognition behind simile construction: a Python-powered corpus research // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7 (2). P. 80–92. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92
15. *Lakoff G., Johnson M.* The metaphorical structure of the human conceptual system // *Cognitive Science*. 1980. № 4 (2). P. 195–208. doi: 10.1207/s15516709cog0402_4
16. *Lakoff G.* Explaining embodied cognition results // *Topics in Cognitive Science*. 2012. № 4 (4). P. 773–785. doi: 10.1111/j.1756-8765.2012.01222.x
17. *Leontovich O.A., Kalinin O.I., Ignatenko A.V.* Metaphor power and language typology: analysis of correlation on the material of the United Nations Declarations // *Training, Language and Culture*. 2023. № 7 (2). P. 21–29. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-21-29
18. *Гурулева Т.Л., Фесенко О.П.* Типологические, этимологические и когнитивные аспекты сопоставления фразеологизмов военной тематики в русском и китайском языках // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023. № 81. С. 5–29. doi: 10.17223/19986645/81/1
19. *Tsai S.P.* Message framing strategy for brand communication // *Journal of Advertising Research*. 2007. № 47 (3). P. 364–377. doi: 10.2501/S0021849907070377
20. *Goffman E.* Frame analysis: an essay on the organization of experience. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1974. 586 p.
21. *Киклевич А., Пшибышевский С.* Прагматический статус эстетических речевых актов // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 75. С. 183–198. doi: 10.17223/19986645/75/9

22. Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N. Communicating recipient's emotions: text-triggered interest // *Training, Language and Culture*. 2022. № 6 (1). P. 60–74. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
23. Gamson W.A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: a constructionist approach // *American Journal of Sociology*. 1989. № 95 (1). P. 1–37. doi: 10.1086/229213
24. Tamimy M., Setayesh Zarei L., Khaghaninejad M.S. Collectivism and individualism in US culture: an analysis of attitudes to group work // *Training, Language and Culture*. 2022. № 6(2). P. 20–34. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-2-20-34
25. Kong K. Professional discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 288 p.
26. Malyuga E.N. Functional approach to professional discourse exploration in linguistics. Singapore : Springer, 2019b. 335 p. doi: 10.1007/978-981-32-9103-4
27. Малога Е.Н., Гришечко Е.Г. Как построить фундамент успешного научного журнала: опыт *Training, Language and Culture* // Научный редактор и издатель. 2021. № 6 (1). P. 48–58. doi: 10.24069/2542-0267-2021-1-48-58
28. Malyuga E.N. The language of corporate communication: functional, pragmatic and cultural dimensions. Cham : Springer, 2024. 154 p. doi: 10.1007/978-3-031-58905-8
29. Малога Е.Н. Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 52–70. doi: 10.17223/19986645/58/4
30. Grishechko E.G., Tomalin B. Cognitive engagement in scientific writing: empirical evidence on research data processing variation // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2025. № 11 (2). P. 54–79. doi: 10.18413/2313-8912-2025-11-2-0-3

References

1. Spratling, M.W. (2016) Predictive coding as a model of cognition. *Cognitive Processing*. 17. pp. 279–305. doi: 10.1007/s10339-016-0765-6
2. Hart, C. (2023) Frames, framing and framing effects in cognitive CDA. *Discourse Studies*. 25 (2). pp. 247–258. doi: 10.1177/14614456231155071
3. Entman, R.M. (1993) Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 43 (4). pp. 51–58. doi: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
4. Scheufele, D.A. (1999) Framing as a theory of media effects. *Journal of Communication*. 49 (1). pp. 103–122. doi: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x
5. Fillmore, C.J. (2006) Frame semantics. In: *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton. pp. 373–400. doi: 10.1515/9783110199901.373
6. Fillmore, C.J. (1976) Frame semantics and the nature of language. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 280 (1). pp. 20–32. doi: 10.1111/j.1749-6632.1976.tb25467.x
7. Fillmore, C.J. (2012) Encounters with language. *Computational Linguistics*. 38 (4). pp. 701–718. doi: 10.1162/COLI_a_00129
8. Mohammed, S. (2022). Inconsistency of translating medical abbreviations and acronyms into the Arabic language. *Training, Language and Culture*. 6 (3). pp. 67–77. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77
9. Kabbach, A., Ribeyre, C. & Herbelot, A. (2018) Butterfly effects in frame semantic parsing: Impact of data processing on model ranking. *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics*. Santa Fe: Association for Computational Linguistics. pp. 3158–3169.
10. Petrucc, M.R. (2022) Frame semantics. In: *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. pp. 592–601. doi: 10.1075/hop.m2.fra1
11. Huhn, J.M., Potts, C.A. & Rosenbaum, D.A. (2016) Cognitive framing in action. *Cognition*. 151. pp. 42–51. doi: 10.1016/j.cognition.2016.02.015

12. Druzhinin, A.S. & Lavrova, N.A. (2024) What is irreal about the past and why past is about irreality: A cognitive perspective on preterit-irrealis cross-linguistic relationship. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 87. pp. 23–54. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/87/2
13. Donskova, Yu.V. & Kurilova, A.D. (2023) Semantic-cognitive representation of the concept "disease" in the modern Russian media space (on the example of COVID-19). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 83. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/83/1
14. Grishechko, E.G. (2023) Language and cognition behind simile construction: A Python-powered corpus research. *Training, Language and Culture*. 7 (2). pp. 80–92. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-80-92
15. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) The metaphorical structure of the human conceptual system. *Cognitive Science*. 4 (2). pp. 195–208. doi: 10.1207/s15516709cog0402_4
16. Lakoff, G. (2012) Explaining embodied cognition results. *Topics in Cognitive Science*. 4 (4). pp. 773–785. doi: 10.1111/j.1756-8765.2012.01222.x
17. Leontovich, O.A., Kalinin, O.I. & Ignatenko, A.V. (2023) Metaphor power and language typology: Analysis of correlation on the material of the United Nations Declarations. *Training, Language and Culture*. 7 (2). pp. 21–29. doi: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-21-29
18. Guruleva, T.L. & Fesenko, O.P. (2023) Typological, etymological and cognitive aspects of comparing phraseological units of military topics in Russian and Chinese. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 81. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/81/1
19. Tsai, S.P. (2007) Message framing strategy for brand communication. *Journal of Advertising Research*. 47 (3). pp. 364–377. doi: 10.2501/S0021849907070377
20. Goffman, E. (1974) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
21. Kiklewiec, A. & Przybyszewski, S. (2022) The pragmatic status of aesthetic speech acts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 183–198. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/9
22. Piotrovskaya, L.A. & Trushchelev, P.N. (2022) Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest. *Training, Language and Culture*. 6 (1). pp. 60–74. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74
23. Gamson, W.A. & Modigliani, A. (1989) Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach. *American Journal of Sociology*. 95 (1). pp. 1–37. doi: 10.1086/229213
24. Tamimy, M., Setayesh Zarei, L. & Khaghaninejad, M.S. (2022) Collectivism and individualism in US culture: An analysis of attitudes to group work. *Training, Language and Culture*. 6 (2). pp. 20–34. doi: 10.22363/2521-442X-2022-6-2-20-34
25. Kong, K. (2014) *Professional discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Malyuga, E.N. (2019a) *Functional approach to professional discourse exploration in linguistics*. Singapore: Springer. doi: 10.1007/978-981-32-9103-4
27. Malyuga, E.N. & Grishechko, E.G. (2021) How to build the foundation for a successful research journal: Training, Language and Culture best practices. *Science Editor and Publisher*. 6 (1). pp. 48–58. doi: 10.24069/2542-0267-2021-1-48-58
28. Malyuga, E.N. (2024) *The language of corporate communication: Functional, pragmatic and cultural dimensions*. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-031-58905-8
29. Malyuga, E.N. (2019b) Emergent trends in English scientific discourse: Issues of research relevance and linguistic identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 58. pp. 52–70. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/58/4

30. Grishechko, E.G. & Tomalin, B. (2025) Cognitive engagement in scientific writing: Empirical evidence on research data processing variation. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 11 (2). pp. 54–79. doi: 10.18413/2313-8912-2025-11-2-0-3

Информация об авторе:

Малюга Е.Н. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Россия). E-mail: malyuga-en@rudn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Malyuga, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: malyuga-en@rudn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.07.2025;
одобрена после рецензирования 14.09.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 27.07.2025;
approved after reviewing 14.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Original article

UDC 81'27:659.1:008:316.7(410+620+476)

doi: 10.17223/19986645/97/5

Axiological dominance in advertising texts: A cross-cultural linguistic analysis of the UK, Egypt, and Belarus

Antonious Samir Mounir¹

¹ Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus,
tonyolga2019@gmail.com

Abstract. The article presents a comprehensive axiological analysis of advertising texts across different cultural contexts. It scrutinizes linguistic and cultural factors that influence the axiological dominance in the promotional discourse. The sample materials comprise of 150 advertising texts from the UK, Egypt and Belarus. In this research, we applied the qualitative method by conducting a qualitative content analysis of advertising texts from different countries. The conceptual framework defines the core principles of axiological analysis, emphasizing the importance of cultural values in the creation of advertising content. The study suggests that the text of the ad featuring the language is a primary factor that determines the course of the values. The study is concerned with the intricate relationship between language and the transmission of values in advertising by showing the high-level and strategic competence in linguistics that is evident in the communication of values across diverse cultural and linguistic settings. There is significance to this particular study as it has undertaken an in-depth analysis of the language used in these texts deliberately to transmit specific values. Moreover, it contributes to the entire linguistic studies (from an axiological angle).

Keywords: axiological analysis, linguistic factors, advertising text, cultural factors, cognitive-axiological approach

Acknowledgments: The author wishes to express his deepest appreciation to the anonymous reviewers and the editorial board of the journal for their insightful comments and invaluable assistance.

For citation: Mounir, A.S. (2025) Axiological dominance in advertising texts: A cross-cultural linguistic analysis of the UK, Egypt, and Belarus. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 97. pp. 93–112. doi: 10.17223/19986645/97/5

Introduction

The analysis of advertising texts from a cross-cultural perspective should take into account the importance of values and beliefs since the examination of advertisements reveals the prominent role of cultural norms and ideals in shaping and spreading these messages. Such an approach makes it possible for us to grasp how cultural values underpin advertising creation and consumption and thus reveal the diversity among societies. In addition, to understand the specifics of cross-cultural advertising, one should consider the major ideas, for instance, individualism, collectivism, power distance, uncertainty avoidance, and gender.

In fact, the dimensions initially put forth by Schooler and Hofstede (1983) have proven to hold great significance [1]. A study of these dimensions reveals commonly held attitudes and standards that influence advertising strategies that are tailored to diverse cultural groups. Okazaki and Mueller (2007) argued that there is a link between cultural value dimensions and consumer preferences towards advertising [2]. The evidence suggests that people from individualistic cultures are more receptive to the ads that stress individual success and independence, while people from collectivistic cultures are more likely to react to the ads that portray interdependence and group harmony. One of the major subjects of advertising is the interpretation of cultural values, and specifics that resonate with cultural contexts provide substantial status by reinforcing the use of these dimensions [3]. In today's globalised world, adopting cross-cultural advertising with diverse cultural perspectives is not only beneficial but essential for businesses aiming to expand their market reach and build strong relationships with customers from different cultural backgrounds. Axiological analysis of valuation and beliefs in advertising texts among different cultures is the main aim of studying the represented values and beliefs, and advertisers can demonstrate a brand's cultural and ideological cues that address a specific audience [4]. Zou and Novospasskaya (2021) have shown that the form of advertisement that combines visual and text elements best reflects cultural nuances and builds immersion into a different culture [5]. In the past, British advertising strategy focused on conveying the values of economy, quality, and diversity to establish trust and gain a competitive edge among consumers [6]. Furthermore, the intercultural perspective concerning advertising also highlights cultural elements as an important part of the translation of these texts [7].

The thematic analysis of the axiological patterns that exist in advertising texts among Belarus, Egypt, and the UK has many advantages, to name a few. It not only simplifies the work of the scholars to establish the role of advertising as a tool for communication and its effects on the respective societies [8]. Furthermore, aside from paying attention to the linguistic and sociolinguistic aspects of advertising text background, one should not forget about the most significant elements of this powerful method of communication, which have not been put in their definite places yet [9]. At last, by considering the axiological dominant where the language of movie reviews emerges, the linguistic character and the subjective and objective facets of the axiological background of the worldview can be understood better [6]. Consequently, the evidence suggests that axiological dominance can be a primary element of communication tactics, cultural factors, and advertising procedures in the critical design process.

The dominance of axiological ideology, which is the value system and beliefs of a society that impact consumers' behaviour and attitude towards ads, is also very influential in these communities. This influence is especially prominent in Belarus, given the country's rich cultural heritage and historical background. For example, the prevalence of collectivism and a strong community feeling can be the factors that matter in determining the ads that people will better associate with [10]. In Egypt, where cultural norms and spiritual beliefs are so highly valued,

axiological dominance is another important factor to be considered. One should consider Islamic principles, family ethics, honour, and respect as strong values for the Egyptian people [11]. It is imperative to know the main cultural values of the UK, because through them we can come up with advertising strategies that have an impact on the audience.

Theoretical framework

The analysis of axiological aspects in advertising texts is a primary approach to expose the implicit values and beliefs transmitted through these messages. Such analysis gives us a thorough understanding of the influence and impact of the ads on consumer behaviours, attitudes and ways of thinking of people. The works of Shapovalova (2023) are notable contributions to the exploration of the interplay between value and the broader universe [12]. The core of this analytical framework entails isolating the principal values of the target consumer groups in order to elucidate the values and investigates the ways in which linguistic and cultural factors are responsible for the origin of these powerful values, thus allowing for a more holistic comprehension of how they influence advertisements. The axiological perspective in sociology provides a specific methodology to the investigation of social values and beliefs held by diverse social groups, such as those regarding culture and other components of society [13]. Moreover, scholars have founded the branch of cultural linguistics known as "axiological linguistics" on the basis that values are subjective judgments that perceive language as a medium through which individuals inquire, express, and communicate the realities that collectively manifest as narratives, whether conveyed orally or in written form. Cultural values become an inherent part of all ad messages, and their interpretations may vary from culture to culture. For instance, practicality, family, newness, cheapness, healthiness, sexiness, vanity, wisdom, and uniqueness are the main cultural values that are expressed [14]. Furthermore, cultural and ideological codes that are used in advertising are such a major factor in the brand's transmission of its beliefs clearly to the audience. Axiological detachment is a concept of linguistic pragmatics that focuses on the mechanisms and tools of the composition of texts that reveal the ideas and beliefs of the audience. It provides the opportunity to measure the degree of subjectivity and the power of the external dimensions, especially where the manifestation of ideology takes place.

Numerous scholars highlight the significant role of linguistic and cultural factors as key determinants of the primary values that characterize advertising [15]. In this regard, one of the instruments used is lingual utterance, which employs metaphor, metonymy, and trigger messages to refer to positive values and construct a persuasive message [16]. In addition to integrating cultural and ideological hints, e.g., trends, quotations, symbols, and so on, the advertising creatively draws the attention of the target audience and gives a sense of familiarity. Moreover, the language used in advertisements mirrors the everyday language of individuals and communities in specific contexts, capturing elements

such as people, place, time, and social setting, while the same phenomenon clings to a linguistic part of the process.

The cultural and linguistic concepts of advertising are essential to understanding advertisements because they enable the creation of new values through advertising texts. Advertising is one of the most effective communication tools used for national, and global culture maintenance and enrichment by cultivating values, norms, or even messages that represent the culture. Advertisers employ linguistics, visuals, and symbols in order to transpose the cultural content typical of the audience in the target area to facilitate the internalisation of the message. The interplay comprising the graphic, words, and colours, which, in terms of semiotics, can be put across linguistically and culturally, can be grasped in order to understand the process of communication and the subtle dimensions. Moreover, semiotics goes beyond the basics and concentrates on the influential signs and symbols in advertising, but it is equipment that every expert should put on when reading slogans and visuals. Thus, a sign system assumed by the semiotics theory is that only those who are experts engage themselves in it, and such a sign system tells a complex story with a thought-provoking cultural meaning.

This approach accordingly implies an evaluation of ads through the lens of semiotics, which reflects how cultural norms and values are transcribed and interpreted in the advertising messages. Additionally, the linguistic analysis of advertising demonstrates the effectiveness of the marketer, whose cultural considerations and identity are the subject matter of the advertisement. Alongside the mindful selection of the most pertinent vocabulary, slogans, and speech patterns, advertising gives rise to corresponding societal stereotypes and helps shape particular cultural norms. Through such an investigation, scholars shed light on the hidden propaganda that, through language, is turned into standard cultural norms and values. In his study, Goddard (2002) emphasises the crucial impact of cultural linguistic concepts that are incorporated by advertising companies [17]. By means of the linguistic concept, it reveals how advertising acts at the same time as both a reproduction and an inventor of cultural values in more or less any society.

The significance of linguistic and cultural factors is explained in the following points: (1) Advertising language can convey unique and sometimes unexpected interpretations of a product's profile. (2) Various values are gathered into culture, and for different cultures, we may find things that are deemed important or desired, unlike others. (3) Advertising employs symbolism and visualisation to create images and values that the public can understand. Those symbols and images can signify different things for different cultural communities. (4) Finally, advertising can use different values while making an advertisement text due to the cultural background of the viewer.

Literature review

Nowadays, the axiological "value-based or values-based or cultural" study of advertising texts is one of the central areas of focus for scholars who are

desperately in search of explanations of how the cultural values, language, and persuasive elements combine in advertising texts. In addition, studies of different culture settings have been carried out to explore the value system, which is embedded in the text of advertising with the aim of improving our understanding of axiology. Saussure (1974) conducted the first profound study in axiology in advertising communications and was the first to reveal that advertising texts, whether in printed or digital media, are the ones that carry the main values and axiology of a certain culture [18].

A study emphasised the role of cultural values in shaping advertising narratives [19], while the investigation of the visual ideal of a modern woman in English-language advertising signifies the role of sociolinguistic traits in the content of the advertising information, demonstrating the cultural values and stereotypes concerning women [20]. In fact, the interrelation between ads and cultural values has resulted in immediate investigation by researchers for the last decades. In their article, Pollay and Gallagher (1990) laid the groundwork for content analysis frameworks that would classify culture values reflected in ads [21]. Moreover, cultural values are widely considered a very significant instrument of transmission, and research has identified various clusters of semantics like relevance, relationship, and career in advertising content [22].

Cross-cultural studies were conducted to study the relationship between cultural values, attitudes towards advertising, and behaviour as they exist in the societies of these countries [23], the findings indicate that negatively perceived advertisements can significantly influence the image of the advertisers.

As a summary, these sources imply the multifold nature of cultural value systems in advertising texts and the variety of methods employed to analyse these values. These studies provide forms of cross-cultural analysis and critical discourse examination. They eventually lead to well-informed conclusions on the axiological nature of advertising texts, with all the implications for different societies.

Another noteworthy study by Barnes and Mattsson (2008) was based on the axiological values, which are the foundation of the marketing literature, and these clues guide advertisements in identifying the underlying value systems [24]. As well as, the proposal of an axiological method by Leonard (1989) for the evaluation of company values through their advertising operations also exerted an influence on the role of values in advertising [25]. Market orientation, promotion, and psychology were the main influencers of ads on the axiological dimension. According to the case of Cortés de los Ríos (2001), the teaching of metaphor in the world of newspapers in the industrial time was considered [26]. Cognitive-axiological framework was indicated as one of the leading instruments for the extraction of the meaning and the message in the metaphorical advertising expressions. Cheng and Schweitzer's research (1996) which was aimed at the study of a wider geographical scope, has demonstrated that the values expressed in Chinese and the United States television commercials, revealed the different world value outlooks across these two cultural contexts [27]. According to Murashova (2021), cognitive metaphors that are used in the hybrid formation of

marketing and political discourse, demonstrates the importance of value-based impacts of such metaphorical pictures at the advertising level [28]. Thus, this study has demonstrated the fact that the cognitive-axiological type of approach can be successfully implemented in the analysis of the value-loaded nature of modern commercials. Consequently, the examination of values in advertising has progressed and embraced diverse research viewpoints. These include interdisciplinary value measurement and cognitive linguistic analysis.

These studies show how culture and values are extremely important in the formation and interpretation of ads at the national and linguistic levels. The literature highlights the cultural values that affect advertisements more than anything else: these include the shaping of consumer preference and the content and style of advertisements. Cultural values including individualism and risk tolerance have been found to strongly affect the way ads are created, and this connection is what has given rise to a great field of research. Cultural studies have been done in order to investigate the connection between cultural values, attitudes toward advertising, and behavior, showing the consequences of negative advertising of advertisers on their image.

The axiological advertising texts examination has turned out to be the key to the explanation of the ways that values vary in intercultural and linguistic contexts. Cognitive-axiological framework has been identified as the most important tool for figuring out the meaning and message out of metaphoric ads, and it was shown that different countries have different sets of values.

Methodology

Firstly, we employed a purposeful sampling method to ensure that our samples were pertinent to our research question by allowing us to intentionally select texts that are relevant to our study on the reflection of values in advertising [29]. The criteria for selecting advertising texts were as follows:

1. The advertising text must be relevant to the study of values.
2. The text must contain explicit or implicit messages based on values.
3. The text must convey at least one axiological category.
4. The text must be written or translated into English.

To identify the axiological dominance in the selected texts, we applied several steps:

Initially, we analysed the signs and codes used in the content of the advertisements to determine which values they reflect by utilising a thorough and profound examination of the language and other elements within the ads.

Secondly, we analysed the cultural, historical, and social context in which these advertisements were crafted. In fact, this contextual understanding naturally helped us to interpret the values reflected in the ads more accurately.

Thirdly, we also applied Stuart Hall's encoding and decoding theory to identify the dominant values in the selected texts [30]. This theory helped us understand how advertisers encoded messages with specific values. Our qualitative research approach combines the abovementioned steps: 1) semiotic analysis; 2) contextual

understanding; and 3) encoding/decoding theory, which allows for a more comprehensive examination of the values reflected in advertisements.

The goal of our text selection was not to resolve the research question at the selection stage but to gather a representative sample that would allow for a deep analysis of value-based messages in subsequent stages of the research. Our method ensured that we collected a diverse set of texts that could be systematically analysed to uncover how values are reflected through advertising language.

We systematically coded the texts to study whether values are transmitted explicitly or implicitly. This involved:

1. Primarily, we identified themes and linguistic techniques that represent axiological messages.

2. Next, we analysed how advertising texts use language to emphasise certain values and how these values are presented to the target audience.

3. Considering the cultural, historical, and narrative context in which the advertisements were created, we aimed to understand the broader implications of the value-based messages.

4. We also took into account previous axiological classifications, including the contributions of Felices Lago [31, 32] and Cortés de los Ríos [26]. These classifications enabled us to identify, analyse, and categorise the values reflected in the advertisements, and correspondingly, this ensured an in-depth and well-grounded analysis. By following this methodology, we ensured that our selection and analysis of the 150 texts were rigorous, systematic, and supported our research goal of our study. The use of this methodology is supported by previous studies that employed similar methods to analyse the axiological aspects of advertising texts [refer to 31–35]. To do this, the researcher first pointed out the most fundamental divisions of values represented across such fields as philosophy, psychology, and modern linguistics, including: 1) importance (prestige: upper class, foreign glamour, antiquity myths, literature, history, religion, success, etc.); 2) vitality (strength, durability, speed, health, hygiene, etc.); 3) generic positive (or negative) evaluation; 4) exotic references; 5) hedonism; 6) sensitivity; 7) reliability/security; 8) aesthetics; 9) function/pragmatism/adequacy; 10) nature; 11) intrinsic values; 12) ethics.

The corpus of materials analysed for this study consisted of 150 advertising texts from three different countries: the UK, Egypt, and Belarus. Accordingly, the corpus was evenly distributed, with 50 advertising texts from each country comprising one-third of the total sample size. The UK advertising texts were obtained from two online sources. The first source was "The History of Advertising Trust," established in 1976, a UK charity (no. 276194) operating on a not-for-profit basis. Its primary objectives are the preservation and protection of the heritage of UK advertising history, making it available for research and study (<https://www.hatads.org.uk/>), while the second source was "The Advertising Archives," a photo library and museum housing an extensive collection of British newspaper advertisements and advertising texts located in London (<https://www.advertisingarchives.co.uk/>). The Belarusian sample materials were sourced from the "Minsk outdoor advertising" website:

<http://www.data.minsk.by/cms/outdoor/bankingadvertising.html>. Whereas the Egyptian advertising texts were sourced from the "Egyptian Ads Slogans" source: https://www.google.com/search?sca_esv=601961117&sxsrf=ACQVn0Bj0QqFDoghXXd7aTVFv78uWFSQ:1706344306521&q=Egyptian+ads+slogans&tbo=isch&source=lnms&sa=X&ved=2ahUKEwiproTyk_2DAxVzSvEDHTmWAUEQ0pQJegQICxAB&biw=1364&bih=681&dpr=1. This source was selected for two main reasons: firstly, it encompasses a comprehensive dataset listing the names and businesses officially registered in the specific countries; secondly, it offers extensive information on the advertisement names (including their publication years) and other pertinent details. Table 1 shows the basic statistics for different types of advertising texts.

Table 1
Types of advertising text categories

No.	Types of companies	Belarus		The UK		Egypt	
		Total No.	Percentage	Total No.	Percentage	Total No.	Percentage
1	Food & Drink	9	6.0%	13	8.66%	12	8.0%
2	Cosmetics	8	5.33%	10	6.66%	6	4.0%
3	Pharmaceuticals	1	0.67%	7	4.66%	6	4.0%
4	Fashion	6	4%	16	10.66%	0	0.0%
5	Business	7	4.67%	3	2.0%	26	17.33%
6	Charites	0	0.0%	1	0.66%	0	0.0%
7	Social & Political ads	19	12.67%	0	0.0%	0	0.0%

Table 2
Relevant values in the sample materials representing Belarus, the UK, and Egypt

No.	Values	Belarus		The UK		Egypt		Total	
		Total	Percent- age	Total	Percent- age	Total	Percent- age	Total	Percent- age
1	Importance (Prestige, etc.)	20	6.06%	9	2.73%	11	3.33%	40	12.12
2	Vitality	10	3.03%	21	6.36%	12	3.64%	43	13.03
3	Generic (positive, negative)	4	1.21%	1	.30%	6	1.81%	11	3.32
4	Exotic references	0	0%	2	.60%	0	0%	2	.60
5	Hedonism	15	4.54%	3	.91%	5	1.51%	23	6.96
6	Sensitivity	3	.91%	1	.30%	6	1.81%	11	3.32
7	Reliability/ Security	3	.91%	0	0%	17	5.15%	20	6.06
8	Aesthetics	16	4.85%	32	9.7%	3	.91%	51	15.46
9	Function/ Pragmatism/ Adequacy	16	4.85%	41	12.42%	25	7.60%	82	24.87
10	Nature	8	2.42%	4	1.21%	0	0%	12	3.63
11	Intrinsic values	0	0%	15	4.55%	2	.60%	17	5.15
12	Ethics	12	3.64%	6	1.82%	0	0%	18	5.46
		107	32.42%	135	40.91%	87	26.36%	329	100

Table 2 illustrates 330 pertinent values extracted from various advertising texts representing three distinct cultures. Our analysis revealed that the prevalence of function, pragmatics, and adequacy was the highest at 24.87% (82 occurrences), while exotic references were the least frequent at 0.60%. Noteworthy, several values listed above (e.g., innovation, purity, diversity, vitality, or truth) have been consistently documented in diverse sources and classifications by prominent authors in the fields of axiology, axiological linguistics, and advertising discourse (refer to the appendix for specific references). For additional details, please refer to Table 2.

The values listed above have been previously identified as consistent values in diverse sources and classifications by prominent authors in the fields of axiology, axiological linguistics, and advertising texts. These sources include classical and modern works (see the appendix for specific references).

Culture values in advertising text

Culture is undoubtedly one of the key factors that help to create advertising messages because they shape the values, norms, and beliefs of society. In addition, cultural values in advertising text may change the way consumers behave by engaging with consumers' emotions, beliefs, and desires. Correspondingly, research has demonstrated that ads that back up the cultural values are more likely to be perceived in a positive way by the consumers and to lead to higher purchase intentions [36]. Also, marketers are able to achieve a connection with consumers and develop brand loyalty by applying cultural values in advertising text. Additionally, advertising messages that are rooted in cultural values can be used to build brand perception and create distinctiveness for a brand in a competitive market. Brands that genuinely incorporate cultural values in their advertising campaigns to the consumers are perceived as more relatable and trustworthy [37].

Through the knowledge of cultural specifics of the market they are aiming at and by incorporating them into advertising text, companies can create a powerful brand identity that is appealing to their consumers. Representing cultural values in advertising text is a sophisticated assignment. A range of studies have examined the linguistic portrayal and value orientation of popular science IT discourse in mass media, categorising values into three groups: 1) the meaning; 2) connection; and 3) job, as referred to by [16]. These cultural values are reflected in the ads through paradoxes, which are the key to the sophisticated reflection of cultural values in advertising. Recently, the importance of individualism and collectivism in advertising has been highlighted by researchers due to the differences in the advertising content [38]. Consequently, the reflections of cultural values in advertising have been the centre of the debate, showing the role of advertising in preserving and representing cultural norms [21]. The references mentioned above are collectively an all-encompassing view of the complex cultural values in advertising texts that cover language subtleties, contradictory values, cross-cultural variations, gender portrayals, and cultural value portrayals.

Axiological values and cognitive-axiological approach in advertising texts

Scholars have focused on the importance of values in cross-linguistic communication and the integration of values in brand names [39], so it becomes evident that the cognitive-axiological approach is the most relevant way of understanding the values that are expressed in ads. Generally, the purpose of using cognitive strategies such as comparison metaphors, correlation metaphors, domain expansion, domain reduction, and metonymic chains is to communicate meanings in the name of a product. According to Pluzhenskaya (2023), a metaphor is a kind of cognitive-axiological revelation that is obvious and direct, showing that metaphorical expressions are a key means of conveying meanings and values [40]. The thematic component and ethical complexity of advertising text depend on the cognitive processes and linguistic strategies to convey these values. Axiology, as a discipline, is dedicated to the adaptation of moral and ethical principles, recognising their susceptibility to paradigm shifts and terminological alterations [41]. In addition, it hints at the ways in which cognitive practices, for instance, metaphors and metonymies; make branding appealing [15]. Clearly, scholars view it as a virtual mirror into the social-cultural context of different communities, thus promoting cohesion among these spread-out groups [42]. Furthermore, the involvement of linguistic cognition in advertising, especially the application of emotive-descriptive words, is included in the process, as they influence women's critical thinking as well [43]. It proves that the cognitive-axiological viewpoint is useful in determining the values and attitudes that marketers aim to advertise.

Axiological analysis of linguistic elements in English advertisements

The feature of the language of the first ad "100% natural, just like kids" is clear, accurate, and to the point. The reason for such a simple language is to ensure that many people absorb the message of this ad. In point of fact, the phrase "100% natural" emphasises the natural origin of the Sun-Maid brand. The application of the numerical "100%" in essence, is to ensure a sense of authenticity, as well as to affect the audience. Since people tend to trust everything that is marked as "100 %", it builds a sort of guarantee in their mind. On the one hand, the metaphorical phrase "just like kids" creates an image of purity; on the other hand, it compares the nature of the product to the innocence of kids. Besides, the juxtaposition of 'natural' and 'kids' also gives the sense of childhood, so it is real and the product that is presented is also real. There is no jargon or complex vocabulary used in the ad, which makes it accessible to the target audience. "100% natural, just like kids" conveys the central values of vitality and nature in a successful way. On the one hand, the phrase "100% natural" showcases the use of natural and unprocessed ingredients and that highlights the value of nature. On the other hand, "100% natural" addresses consumers' desire for natural foods, one associated with health and vitality. In parallel with placing the phrase "just like kids," the ad expresses the children's innocence, which supports the idea that the product reifies natural

vitality that parents want for their children. The ad focuses on natural ingredients, which contributes to a healthy lifestyle, which is a key aspect of vitality. The ad links the product to children thus, the ad educes a sense of purity and simplicity associated with nature.

The linguistic features of this ad "Triple distilling makes Jameson extra smooth" are explicit and quite easy to comprehend. This clarity and readability of the language is generally efficient in communicating the product without employing sophisticated or complex terminology to not overwhelm the audience. It is also worth noting that the usage of terminology "triple distilling" refers to a certain process in the whiskey industry that signifies the best quality. Equally significant, the utilization of this term is to highlight "Jameson" as a notably distinctive whiskey subject to the process to accomplish its smoothness. The adjective "smooth" is employed to ensure the texture of the whiskey suggesting that it is pleasant to drink. Correspondingly, the use of the adjective "extra" is to articulate that Jameson offers something beyond industry standards that create a sense of superiority. We can observe that the word choice is dominant in the alcohol market, where taste is the main concern for consumers. The smoothness of the Jameson whiskey makes it valued intrinsically not only for the pleasure it provides, but also for beyond just its functional benefits. Besides, intrinsic values are those estimated for their own sake, regardless of external significance, Jameson has asserted the intrinsic value of precision in whiskey production by applying "triple distilling". This phrase serves as a pragmatic clarification for why Jameson is smooth, whereas the functional merits are represented in the smoothness of the whiskey. This concern makes it an adequate choice for those who are looking for this characteristic. Jameson whiskey is an aesthetic value because of its smoothness and quality.

The linguistic nature of this ad "Pure natural mineral water from Scotland" is clearly direct and precise, which eases the process for the consumer to comprehend the content of the advertisement. The ad's language is simplistic yet transparent at the same time since the information is easily comprehensible and memorized. The adjectives "pure", "natural" and "mineral" serve to promote the quality of the water found in the Highlands. The adjective "pure" further establishes the perception of quality, and less processed, two characteristics that a lot of users look for in packaged water. These adjectives also have a freshness orientation, which are important values to enormous consumers. The term "Highland" triggers one to picture the Scottish Highlands, which are known for beauty and freshness. Consequently, the advertisement is successful in employing the linguistic dimension in order to create an imagery of clear, natural and geographical exclusivity. Intrinsic value is reflected through the emphasis of the water's origin which is a core value, not to mention, by using the phrase "pure natural mineral water" the advertiser expresses a sense of unaltered and untouched quality that aligns with consumer desires for natural products. Describing the water as "pure natural mineral water" implicitly shows the primary functional value that is vividly communicated through elucidating these characteristics. This water is safe to drink every day and even meets the minimum requirement for

hydration. One more point, the noun phrase "mineral water" implies that the water contains minerals, which adds a pragmatic value by suggesting health benefits. The ad not only stimulates imagery of Scottish landscapes and its natural beauty, but also associates the product with natural beauty. The mention of "Scotland" and the emphasis on natural origin help reinforce the brand identity of Highland Spring, which is known for its commitment to natural and sustainable practices. These elements together make the product more attractive.

Axiological analysis of linguistic elements in Egyptian advertisements

The ad "ورا كل إزاة حكاية" (Every story has its own charm) is characterized by vague words, which, on the one hand, create imprecise meanings and, on the other, evocative meanings. In this light, this vagueness builds an associative meaning. In addition, the applied linguistic style is classified not only as a "narrative-type" style but also as uses vague words to create imprecise and evocative meanings. This style can be effective in creating a positive emotional association with the brand and making the advertisement more engaging and memorable. The phrase "ورا كل إزاة حكاية" (Every story has its own charm) is poetic and engaging, using a lyrical quality that resonates with Arabic language speakers. To some extent, the word "حكاية" (story) expresses a sense of narrative, which is a powerful technique to connect with consumers on an emotional level. It is vague to another extent since it does not say what exactly the charm is. This vagueness allows the audience to fill in the gaps with their own interpretations that give it an associative meaning. In order to make the message easy to understand the ad follows a simple subject-predicate structure characterised by clarity and conciseness. The tone is nostalgic and inviting, encouraging the audience to reflect on their personal stories and the charm associated with them. This ad represents the intrinsic value, "refers to the value something has in and of itself, independent of its utility or relation to other things" of storytelling that is deeply rooted in Egyptian culture, in a broader vision. Along the same lines, storytelling, shared within families, is an indulged tradition that helps gather people together; it also creates emotional connections. From this perspective, Coca-Cola is part of familial moments and more of a part of social gatherings, and it is made more of a part of celebrations, the ad highlights. The ad emphasises the significance of memories and personal experiences and it targets consumers who regard the moments they spend with others and their personal stories. In short, this ad utilises vagueness, a simple grammatical structure and a type of synthetic personalization to connect and engage with the audience. The use of poetic language not only adds a touch of elegance and sophistication but also stresses the charm of every story; it perfectly ingrains itself into Egyptian culture, and connects within Coca Cola brand identity, as can be an integral part of personal and communal experience. Further, the ad effectively communicates intrinsic values such as storytelling, personal connections, and emotional appeal.

The ad "سنة بتحبه... 25 سنة بتحبك" (25 years of love... 25 years of your love) actually uses a poetic language and emotive language, which is noticeable,

nevertheless the language is simple and easy to understand. Further, the poetic style makes the message more eminent and engaging in order to have an impact on the emotional side of the consumer. Also for showing a sense of mutual love and appreciation, the ad uses a play on words. The repetition of "25 سنة" (25 years) in both parts of the sentence is to affirm the coherence and longevity of the relationship. To add depth to the message the ad uses another linguistic device of a metaphorical expression, which is observed in the romantic comparison of a customer-brand relationship to a romantic relationship. On top of that, the contrast between (you love it) and (it loves you) creates a strong emotional resonance. The ad's symmetry structure is ultimately in the structure that makes the ad so impactful. Lastly, the tone is warm, nostalgic, and appreciative. The ad glorifies a significant event, 25 years of McDonald's being in Egypt. This anniversary is important culturally because it shows the brand's fidelity in the market. The message correspondingly bears gratitude from McDonald's to its customers for their love and advocacy over the years. This mutual appreciation is culturally significant as it shows respect and value for the customer's relevance. Regarding the sensitivity value, it is represented through a strong emotional connection by implementing the concept of love, where family and relationships are thoroughly valued. This approach is distinctly sensitive in Egyptian culture.

We observe that with the intention of guaranteeing direct accessibility and relatability to the audience, the ad "مهما كان مزاجك، هنلاقيه عندنا" (Whatever your mood is, you will find it with us) uses clear and concise language and script that is visible in the ad's linguistic lucidity. This is why in this regard the use of clear language through word choice and meaning, and a well-structured phrase makes it easy to understand. The phrase "مهما كان مزاجك" (whatever your mood is) is a comprehensive and welcoming phrase. It is used in this context in effort to acknowledge the variability of human emotions to find something that agrees with their current state. "هنلاقيه عندنا" (you will find it with us) is a reassuring and thorough statement. This implies that "التكعيبة" (Takeeba) has many choices to serve various moods and preferences. The ad gives the impression of accommodation that no matter how you feel the consumer will be met. The use of everyday language makes the message feel approachable and relatable. The ad has a welcoming and inviting tone as a final note. Hedonism is a culturally significant value that shapes social interactions and behaviors within a society. The ad indicates the intrinsic value of hedonism; first, the ad successfully advertises the idea of hedonism, which is aimed at the quest for pleasure of one's urges; second, such a representation fits the axiological perspective where values are a leading component of language. The phrase "مهما كان مزاجك" (Whatever your mood is) from one side, features both the mental and emotional state of the individual. This phrase, through another lens, intimates toward the idea of personal satisfaction and happiness that is germane to hedonistic value. This phrase underscores the primary personalised needs and wishes, which are the focus for the school of thought of hedonism. In other words, the ad connects to the hedonistic desire for emotional satisfaction owing to it assures consumers can find something to match their mood. That reflects the cultural value of seeking

pleasure in daily life. Variety in food and drink is esteemed in Egyptian culture when it comes to social gatherings. This cultural preference for a wide range of options is a reason why the ad promises to find something for every mood. In brief, the ad communicates hedonistic values by means of encouraging emotional satisfaction. The ad's linguistic clarity, as well as the emphasis on hospitality makes it speak to the Egyptian audience. Thus, uphold the brand identity as a customer-centric and versatile food and drink provider.

Axiological analysis of linguistic elements in Belarusian advertisements

Giving the fact that the ad "10 лет МакДональдс в Беларуси! С каждым комплексом шоколад в подарок!" (10 years of McDonald's in Belarus! Chocolate as a gift with each combo) uses a mixture of native vocabulary and borrows some terms from English in order to relocate a festive message and a promotional offer, aiming at communicating both an effective and transparent message. The purpose of utilising declarative language in this ad is not only to inform the audience about the presence of McDonald's in Belarus, but to the audience about a significant event and celebrates the brand's longevity as well. The use of declarative language apparently helps in building trust and fidelity by stating a fact. Using the borrowed word "комплексам" (combo), this is adapted in Belarus, and reflects the influence of international business and marketing terminology. Although the first nominal sentence concentrates on stressing the idea of McDonald's being present in Belarus for 10 years, the second nominal sentence implies the action of giving. We also observe that the language is formal and promotional, and definitely suitable for an advertisement. While, "С каждым комплексом шоколад в подарок!" implies that with every combo purchased, the customer will receive chocolate as a gift, "шоколад в подарок" offer of a gift, and is presented in a way that is clear and appealing to potential customers, thus the ad is designed to inform and persuade. The ad employs a celebratory and positive tone, and aims to attract customers by presenting a gift to create a positive association with the brand. The use of exclamation marks adds to the excitement and festive tone. As a result, the linguistic analysis shows that the use of proper grammatical structures, and semantic clarity to correspond a celebratory and promotional message effectively. We can analyse the ad for its function, pragmatism, and adequacy as follows: In terms of its function, the ad's declaration statements serve as a factual announcement in order to confirm the brand's 10-year presence in Belarus. This enhances trust and loyalty by underlining longevity and operates as a functional tool to drive sales and enhance customer correlation. By using declarative language, the pragmatism of the message is ensured. Additionally, the offer of chocolate with combos provides perceptible value to the customer's purchase, in order to meet customer's expectations for rewards during celebratory events, enough to boost customer satisfaction and loyalty. Celebrating a decade of service is a generic positive evaluation that reflects the brand's reliability, consistency, and strong market presence. This reinforces customer trust and loyalty, leading to a positive evaluation of the brand. Celebrating a

milestone and giving a promotional gift makes for a great customer experience. This makes the brand look good because customers feel valued and rewarded, which is important for building a good brand image.

The structure of the advertisement "Lipton Ice Tea МакФреш и Липтон Айс Ти Вкус сезона. вот что я люблю" (Lipton Ice Tea McFresh and Lipton Ice Tea Taste of the season. This is what I like) is simple, personal, and easy to understand. This ad uses the language we use, every day, to make the message feel more approachable and genuine. In one regard, using a personal and affirmative statement "Вот что я люблю" (This is what I like) gives the ad a little bit of authenticity and personal preference. In another regard, the ad employs a personal, and appreciative tone. The descriptive phrase "Вкус сезона" (Taste of the season) induces a sense of freshness and relevance to the current time to clarify the product's suitability for the present season. The implication of the phrase "Вот что я люблю" (This is what I like) can be viewed to strengthen the loyalty of the endorsement. The phrase "Вкус сезона" can be seen as a form of figurative language, suggesting that Lipton Ice Tea's taste is inherently seasonal, similar to how certain flavors are tied to specific times of the year. From a relevance theory perspective, the pragmatic analysis of the ad attempts to explain how it optimises relevance. This is accomplished by establishing the balance between cognitive effects and mental effort by making sure that the information offered is good enough to justify the audience's processing effort. The simple and clear message ensures that the audience quickly understands the key points: a personal endorsement, the product and its seasonal appeal. "Lipton Ice Tea МакФреш и Липтон Айс Ти Вкус сезона" is a straightforward listing of the products, followed by "Вот что я люблю, " which is a clear expression of personal preference. The ad exemplifies the hedonistic value for several reasons since it focuses on the enjoyable nature of the products, and that is clear in the following statements; Firstly, the phrase "Вот что я люблю" (This is what I like) vividly not only meets the audience preferences but also their enjoyment. Secondly "Вкус сезона" (Taste of the season) represents enjoyment and delight. Lastly, the ad provides a sense of variety by offering different flavors (McFresh and Taste of the season). By focusing attention on the nature and seasonal characteristics of the product, the ad transparently reflects nature values and that is clear in the use of "Вкус сезона" (Taste of the season).

"GLOBUS! Старый друг лучше новых двух!" which translates to (An old friend is better than two new ones!) this phrase is a common proverbial expression used to metaphorically emphasize the long-standing familiar product over new ones. The employ of both contrasting adjectives "Старый" (Old) and "новых" (new) is used to clearly strengthen the value of something established versus something new. Given the context of the discussion, the phrase relies on the semantic concept of comparison, where the value of an "old friend" is juxtaposed against two new ones. The word "better" is used to represent a positive evaluation of the formed structure over the new ones. We can argue that the ad applies a pragmatic strategy of appealing to the audience's preferences using a well-known proverb. From one point of view, the linguistic presentation of the message is

clear and accessible to a wider audience. From another viewpoint, the ad uses a direct and concise style of discourse, which makes the message simple and memorable. The inclusion of the brand name "GLOBUS!" serves as a framing device placed at the beginning to link the proverbial message with the brand. This is a phrase that nearly everyone in Russian speaking countries will know, and it carries with it some reliability. The phrase "An old friend" metaphorically positions GLOBUS as a dependable companion in the culinary lives of consumers. The ad uses linguistic and cultural elements that reinforce the brand as a trusted and reliable food product. The phrase is simple, but effective and memorable. The ad is comfortable and reliable in a way that is appealing. It uses the proverb "Старый друг лучше новых двух!" to position "GLOBUS!" as a reliable and long-standing brand, akin to an "old friend," which is highly valued in Belarusian culture. Having an implication of a long standing and reliable relationship, the brand prestige is built in line with the cultural value of respecting long-standing relationships and traditions. All this is fully consonant with the broader cultural trend of the appreciation of historical and cultural heritage and value of loyalty, which are highly appreciated in Belarusian society. Connecting your brand to deeply held cultural values makes your brand more than just a logo. The ad suggests that the hedonistic values are being satisfied by choosing GLOBUS! The brand's familiarity and reliability evoke pleasure and contentment, reinforced by the phrase "Старый друг лучше новых двух! " It creates an emotional connection. Hedonistic marketing is the central approach to marketing that makes "GLOBUS!" appealing to consumers looking for trustworthy, pleasurable experiences, a cultural value in modern Belarusian society.

Conclusion and study limitations

The detailed linguistic unit analysis expressed in the English ads is a purposeful application of such elements to achieve two goals, which are to elicit and emphasise the values required. The ads employ linguistic values to get the point across that an improved quality of life experience is the very essence of the good life (create a positive perception of products or services). As a result, the advertisers meticulously choose and integrate pre-established values into the advertisements. In a broad sense, the language is used in descriptive, expressive, and appellative styles. Apparently, clear, symbolic, and emotional language is employed in a strategic way to reflect values and to use cultural associations and linguistic functions. The identification of the functional meaning of words used in Egyptian advertisements is a sign of the intended use of language, which implies clarity and specificity in communicating values. Obviously, the values shown in the ads are not just a well-planned connection with the target audience but also lead to the satisfaction of their needs and expectations related to goods or services. The analysis examines the importance of language as an instrument for shaping and reinforcing the value-based decisions behind the advertising texts used to transmit a specific value in the Egyptian context. Distinctly, the language

style in Egyptian advertisements balances vague, evocative words with clear and concise language to achieve both emotional engagement and linguistic lucidity.

The analysis of Belarusian advertisements reveals the strategic use of language to convey specific axiological values. The styles of language used are varied, including: 1) clear and concise language to ensure accessibility and cultural resonance; 2) declarative language to build trust and fidelity by stating a significant event; and 3) proverbial expressions to position the brand as reliable. The strategic use of various language styles works together: 1) to build trust; 2) to evoke pleasure; 3) to align with deeply held cultural values; and 4) to make the brand more reliable.

The pragmatic investigation of values in advertisements across English, Egyptian, and Belarusian contexts offers two key advantages: Firstly, by analysing linguistic tools, advertisers can characterise values, enabling them to use language more persuasively in their ads. Secondly, this linguistic analysis enables the creation of advertisements that align with the values and worldviews of the target audience. As a result, the messages can be delivered in such a way that customers can recognise them as beneficial to them as well as the company.

In the study, 150 advertising texts were analysed to understand the significance of different cultural contexts as reflected in the values expressed in the advertisements. The paper attempted to investigate how values are reflected in the text of advertising; here it should be noted that the outcomes could be conditioned on individual cultural and linguistic contexts. Hence, preferential research should focus on overcoming the problems related to this approach using a more representative sample in the evaluation:

1. It should study the way the audiences in such countries understand and the response they show to the values presented in advertising texts.
2. It should identify how and to what extent you can make use of value-based advertising.
3. It should enlarge the analysis of not only texts that are used in advertising but also visuals and any other semiotic modes.

References

1. Schooler, C., & Hofstede, G. (1983) Culture's consequences: International differences in work-related values. *Contemporary Sociology*. 12 (2). 167.
2. Okazaki, S., & Mueller, B. (2007) Cross-cultural advertising research: where we have been and where we need to go. *International Marketing Review*. 24 (5). pp. 499–518. doi: 10.1108/0265133071.0827960
3. Usunier, J.C., Lee, J.A., & Lee, J. (2005) *Marketing Across Cultures*. Pearson Education.
4. Terskikh, M., & Zaytseva, O. (2023) Ideologicheskiye i kul'turnyye kody v usloviyakh formirovaniya provokativnogo soderzhaniya reklamy (na primere reklamnykh tekstov benetton) [Ideological and cultural codes in terms of provocative advertising content formation (as exemplified by Benetton advertising texts)]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 225–237.
5. Zou, H., & Novospasskaya, N.V. (2021) Classification of elements of linguocultural information in the polycode text of printed advertising based on the material of Russian and Chinese languages. *Litera*. 2. pp. 1–10.

6. Kochetova, L. A. (2016) Linguistically-Relevant Diachronic Study of Cultural Values in Early British Advertising Discourse. *International Journal of Environmental & Science Education*. 11 (9). pp. 2507–2517.
7. Gromová, E., Müglová, D. & Perez, E. (2017) Culture in advertising and advertising in culture: Communication, translation, representation. *Ars Aeterna*. 9 (2). pp. 81–92.
8. Ionova, S. (2023) Emotsional'naya dominanta teksta: nekotoryye lingvisticheskiye aspekty issledovaniya [Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 1. pp. 13–27.
9. Klevakina, I.N. & Melnik, N.V. (2023) Lingvopersonologicheskoye osmysleniye aksiologicheskikh dominant professional'nogo kinokritika [Linguopersonological Comprehension of Axiological Dominants of a Professional Film Critic]. *Filologiya i chelovek* (2). pp. 38–48. (In Russian).
10. Hofstede, G. (2011) Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2 (1).
11. Belk, R.W. (1983) Worldly Possessions: Issues and Criticisms. *Advances in Consumer Research*. 10. pp. 514–519.
12. Shapovalova T. E. (2023) Aksiologicheskiye znaki v grammaticeskoy forme khudozhestvennogo teksta [Axiological marks in the grammatical form of a literary text]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2 (297). pp. 34–38.
13. Petrov, I. (2020) Aksiologicheskiy podkhod v sotsiologii kul'tury [Axiological Approach in the Sociology of Culture]. *Byulleten' nauki i praktiki*. 6 (4). pp. 480–483.
14. Vorkachev, S.G. (2023) Aksiologiya i metaksiologiya lingvokul'turnykh znacheniy [Axiology and metaaxiology of linguocultural meanings]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2 (297). pp. 13–17.
15. Cortés de los Ríos, M.E. & El Yamlahi, F. A. (2023) A linguistic analysis of the dominant axiological values in Moroccan drink brand names. *Revista De Lenguas Para Fines Específicos*. 29. pp. 155–176.
16. Al-Omar, N. (2020) Ideology in Advertising: Some Implications for Transcreation into Arabic. *Hikma*. 19 (1). pp. 43–68.
17. Goddard, A. (2002) *The Language of Advertising*. Psychology Press.
18. Saussure, F. de. (1974) *Cours de linguistique Generale*. Payot.
19. Men'shikova, E.E. (2023) Possible Worlds in the Semantic Space of the Advertising Tourist Narrative. *Philology. Issues of Theory and Practice*. 16 (1). pp. 152–157.
20. Galyavieva, L.S., Karimova, A.A. & Khasanova, O.V. (2023) Esteticheskiy ideal sovremennoy zhenshchiny v angloyazychnoy reklame: sotsiolingvisticheskiy aspect [The aesthetic ideal of a modern woman in English-language advertising: sociolinguistic aspect]. *Filologiya: Nauchnyye Issledovaniya*. 10. pp. 28–36.
21. Pollay, R.W. & Gallagher, K. (1990) Advertising and Cultural Values: Reflections in the Distorted Mirror // *International Journal of Advertising*. 9 (4). pp. 359–372.
22. Shiryaeva, T., Arakelova, A., Golubovskaya, E. & Mekeko, N. (2019) Shaping values with "YouTube freedoms": linguistic representation and axiological charge of the popular science IT-discourse. *Heliyon*. 5 (12). e02988.
23. Raza, S.H., Hasnain, A. & Khan, S.W. (2018) Cross-Cultural Evaluation of the Mediation of Attitudes in Relationship of Cultural Values and Behavioral Reactions toward Web Based Advertising. *South Asian Journal of Management Sciences*. 12 (01). pp. 1–24.
24. Barnes, S. & Mattsson, J. (2008) Brand Value in Virtual Worlds : An Axiological Approach. *Journal of Electronic Commerce Research*. 9 (3).
25. Leonard, M. (1989) Marketing Literature Review. *Journal of Marketing*. 53 (4). pp. 94–110.
26. Cortés de los Ríos, M.E. (2001) *Nuevas perspectivas lingüísticas en la publicidad impresa anglosajona*. Universidad Almería.

27. Cheng, H. & Schweitzer, J. (1996) Cultural values reflected in Chinese and U.S. television commercials. *Journal of Advertising Research*. 36 (3) pp. 27-44.
28. Murashova, E.P. (2021) The role of the cognitive metaphor in the hybridisation of marketing and political discourses: An analysis of English-language political advertising. *Training, Language and Culture*. 5 (2). pp. 22-36.
29. Suri, H. (2011) Purposeful Sampling in Qualitative Research Synthesis. *Qualitative Research Journal*, 11 (2). pp. 63–75. doi: 10.3316/qrj1102063
30. Hall, S., Hobson, D., Lowe, A. & Willis, P. (2003) *Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972–79*. Routledge.
31. Felices Lago, A.M. (1991) *El componente axiológico en el lenguaje: su configuración en los adjetivos que expresan emociones y conducta en la lengua inglesa*. Universidad De Granada.
32. Felices Lago, A.M. (1996) Axioematic analysis of brand names in English: A semantic-pragmatic approach to branding. In: Budin, G. (ed.) *Multilingualism in Specialized Communication* (Proceedings of the 10th European Symposium on Language for Special Purposes). Viena-Infoterm. pp. 991–1010.
33. Ilyinova, E. & Kochetova, L. (2016) Diakhronicheskaya perspektiva v issledovaniyakh teksta i diskursa: obzor podkhodov [Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 15 (4). pp. 18–25.
34. Felices Lago, N. & Hewitt, E. (2004) Personal Qualities of Applicants in Job Advertisements: axiological and lexical analysis of samples in English from the Spanish press. *LSP and Professional Communication*. 4.
35. Felices Lago, N. & Cortés de los Ríos, M. E. (2009) A cognitive-axiological approach to print eco-advertisements in the economist: the energy sector under scrutiny. *Revista De Lingüística Y Lenguas Aplicadas*. 4 (1).
36. Shavitt, S., Johnson, T.P. & O'Guinn, T.C. (2006) The role of cultural values in understanding the importance of perceived service quality and satisfaction." *Journal of Marketing Research*. 43 (2). pp. 121–134.
37. Escalas, J.E. & Bettman, J.R. (2005) Self-Construction, Reference Groups, and Brand Meaning. *Journal of Consumer Research*. 32 (3). pp. 378–389.
38. Pham, T. (2022) Individualism and collectivism in advertising – An overview. *Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. 4 (1). pp. 30–36.
39. Saavedra, R.A., Philominraj, A., Ranjan, R. & Urzua, C.A.C. (2023) Axiological Study of Educational Projects in Schools. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*. 22 (6). pp. 494–514.
40. Pluzhenskaya, L. V. (2023). Kommercheskaya reklama kak aksiologicheskiy resurs vospitatel'noy deyatel'nosti [Commercial advertising as an axiological resource of upbringing activity]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsiokinetika*. 28 (3). pp. 25–34.
41. Minyar-Belorucheva, A. & Sergienko, P. (2023) Linguistic Approach to the Axiological Sphere of Language and Culture Research in the Modern Communication Studies. *Scientific Research and Development Modern Communication Studies*. 12 (2). pp. 15–19.
42. Soomro, M.A., Rajper, M.A. & Koondhar, M.A. (2023) An Axiological Discussion: Address Forms as Reflectors of Values in Multilinguals. *Sir Syed Journal of Education & Social Research (SJESR)*. 6 (1). pp. 147–158.
43. Malyuga, E. & Khaperstkova, A. (2023) Lingvokognitivnyy aspekt v izuchenii zhenskoy emotsiional'no-otsenochnoy leksiki v reklamnom diskurse [The linguistic-cognitive aspect in studying women's emotional-evaluative lexis in advertising discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 71–79.

Information about the author:

A.S. Mounir, Master of Science, lecturer, Faculty of Humanities and Language Communications, Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Vitebsk, Belarus). E-mail: tonyolga2019@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

*Статья поступила в редакцию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 81'42: 398
doi: 10.17223/19986645/97/6

Вещный и растительный коды культуры в частушках о социальных отношениях

Инна Витальевна Тубалова¹, Ахмед Ибрагим Салми^{2,3}

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

³ Университет Айн-Шамс, Каир, Египет

¹ tina09@inbox.ru

^{2, 3} ahmed.i.salem.90@gmail.com

Аннотация. Рассматривается специфика функционирования растительного и вещного вербальных кодов культуры в русских частушках о социальных отношениях. Выявляется, что типы социальных отношений, интерпретируемых при использовании этих кодов, не различаются. Номинации предметов более частотны и более разнообразны, чем номинации растений, так как для оценки социальных отношений в их семантике выдвигается не только общефольклорная и жанровая символика, но и конкретно-текстовая семантика.

Ключевые слова: вербальные коды культуры, социальные отношения, частушка

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Тубалова И.В., Салми А.И. Вещный и растительный коды культуры в частушках о социальных отношениях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 113–134. doi: 10.17223/19986645/97/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/6

Material and plant codes of culture in chastushkas about social relations

Inna V. Tubalova¹, Ahmed I. Salmy^{2,3}

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Ain Shams University, Cairo, Egypt

¹ tina09@inbox.ru

^{2, 3} ahmed.i.salem.90@gmail.com

Abstract. The aim of this article is to identify the specific use of verbal cultural codes of objects and plants in Russian chastushkas about social relations. The empirical material consisted of 491 chastushkas about social relations with units of these codes,

selected from three folklore collections. The study concluded that the functions of the verbal cultural codes – plant and object – differ in the interpretation of social relations in chastushkas, due to the specifics of their structural and substantive organization. This corresponds to the types of social relations interpreted by chastushkas, among which the most prominent are relationships within a young couple, as well as relationships between children and parents. Object nominations are used more frequently than plant nominations; the composition of the units of the object code is also more extensive and varied. Code units in chastushkas implement genre-specific semantics (1) through general folklore/genre symbolism or (2) by actualizing the functions of the nominated realities manifested in a specific chastushka plot. Object nominations participate in the assessment of social relations both by activating general folklore symbolism and by their primary meaning, activating the functions/attributes of objects. It is precisely through units manifesting primary meaning that the diversity of object nominations used in chastushkas about social relations is created. The names of clothing, musical instruments, and food are most consistently recorded as symbolically loaded object nominations in chastushkas about social relations. Plant nominations in chastushkas about social relations, on the one hand, always activate their symbolic content, and on the other, virtually all plant nominations used in them possess similar symbolism. The limited variety of units used corresponds to the high level of development of plant symbolism within the tradition and the priority given to those whose symbolism corresponds to the emotions evoked. Interpretations of parent–child relationships using object nominations suggest both negative and positive evaluations. Food nominations, indicating family harmony, are most frequently recorded for the expression of positive emotions. Chastushkas about parent–child relationships with plant nominations express only negative emotions. Only four objects are most frequently used: birch, flower, grass, and fir tree. Interpretations of boyfriend–girlfriend relationships using object nominations and plant nominations do not differ in the composition of the emotions expressed and suggest both negative and positive evaluations. Names of clothing and musical instruments are recorded as object nominations used to express positive emotions. Negative emotions are expressed through the use of symbolically unloaded object nominations, as well as symbolically loaded clothing names. The same units are used as plant nominations in chastushkas about the "child–parent" relationship.

Keywords: verbal codes of culture, social relations, chastushka

Acknowledgments: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Tubalova, I.V. & Salmy, A.I. (2025) Material and plant codes of culture in chastushka about social relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 113–134. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/6

Как и большинство современных исследователей, в определении кода культуры мы ориентируемся на концепцию У. Эко, который определяет код культуры как «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляет правилом комбинаторики, определяющим порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) выстроены синтагматически» [1. С. 77].

Согласно семиотической концепции У. Эко, культура рассматривается как «знаковый универсум», в котором код выступает как норма, связывающая элементы различных систем. В рамках этой логики культура представляет собой «пространство культурных кодов – вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания» [2. С. 65]. Кроме различий в формальных средствах означивания, коды культуры, согласно концепции С.М. Толстой, дифференцируются «на основе их значения независимо от субстанции самих знаков» [3. С. 109].

В настоящей работе мы рассматриваем вещный и растительный коды культуры в их вербальном – по характеру субстанции – выражении. Исследуемые коды различаются по значению. Растительный вербальный код является одним из «природных» культурных кодов культуры и по этому признаку он противопоставляется вещному коду.

В качестве единиц вербального растительного кода мы рассматриваем номинации растений и их частей, единицами вещного кода мы считаем номинации предметов.

Рассматривая культурный код как инструмент организации культурных смыслов, представленных в знаковой форме, исследователи ставят проблему национально-культурной специфики этих смыслов. В настоящем исследовании эта проблема конкретизируется применительно к фольклорному тексту как форме представления культурной информации. В качестве значимого аспекта существования человека рассматриваются его отношения с другими членами фольклорного коллектива¹ как социальной группы. В связи с этим делается попытка установить, какие реалии вещного мира, представленные в форме номинаций предметов и растений, становятся маркерами связанных с этими отношениями ценностей, какое ценностное содержание они маркируют.

Цель данной работы – выявить специфику использования вещного и растительного вербальных кодов культуры в русских частушках о социальных отношениях.

Объектом исследования являются русские частушки, интерпретирующие отношения между людьми в фольклорном социуме при использовании лексических единиц растительного и вещного кодов.

Частушка особым образом реализует принципы функционирования фольклорного дискурса, представляющего «особый тип коллективной речевой деятельности, обусловленный социокультурной ситуацией, историческими условиями» [4. С. 28]. Его цель – «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [4. С. 33].

¹ Термин «фольклорный коллектив» фиксирует границы социума, обладающего общими ценностями и формами их презентации, одной из которых является фольклор.

В связи с направленностью фольклора на фиксацию норм и правил традиционного общества отношения между членами этого общества в фольклорном тексте отражаются как фиксированные, типовые, что позволяет с некоторым допущением трактовать эти отношения в контексте концепции социальной структуры общества и рассматривать их как проявляющиеся через особые социальные статусы и роли. Социальный статус в рамках этой концепции понимается как «соотносительное положение индивида или социальной группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, характерных для данной системы» [5]. Важно отметить, что социальные статусы «ранжированы относительно господствующей системы ценностей» [5]. Под социальной ролью понимается «нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимый индивидом в зависимости от социального статуса или позиции в обществе» [5].

Американский социолог и антрополог Л. Ральф, стоящий у истоков формирования данной концепции, предложил подразделить социальные роли на два типа: «актуальные» (фактически выполняемые) и «идеальные» (нормативные культурные модели, на которые должно быть ориентировано поведение людей) [6]. В рамках этой логики фольклор фиксирует «идеальные» социальные роли, обоснованные ценностной системой, интерпретирующей с точки зрения традиции социальные отношения в фольклорном коллективе.

Интерпретация социальных отношений в фольклоре, как и все аспекты его разнообразия, определяется особенностями реализации его цели в конкретных жанрах, что последовательно подчеркивают фольклористы (А.П. Аникин, С.Г. Лазутин, С.Е. Никитина, Б.Н. Путилов, А.Т. Хроленко и др.): «у каждого жанра есть свой предмет изображения и есть свой способ изображения, свой подход к изображению этого предмета» [7. С. 92], а для этого «у каждого жанра есть своя поэтика, то есть своя система языка, стилистики, свои принципы сюжетосложения, изображения человека и т.д.» [7. С. 93].

Предметом настоящего исследования является специфика реализации и функции вещного и растительного вербальных кодов культуры при трансляции разных аспектов социальных отношений в русских частушках.

Специфика функционирования этих кодов достаточно подробно описана. Так, растительный код является объектом внимания в [8–11], вещный – в [12–15]. На фольклорном материале обращение к различным кодам культуры имеет объемную традицию, представленную работами Е.Б. Артеменко, Е.Л. Березович, С.Е. Никитиной, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.Т. Хроленко и др. Отдельно описаны особенности вещной и растительной кодовой семантики в обрядовых текстах (например, [16]), в пословицах (например, [8, 17]). Семантика отдельных составляющих рассматриваемых кодов, реализуемых в народной лирике, представлена в [18–20]. Работ, устанавливающих на основании сопоставления специфику функционирования этих кодов в частушке, мы не обнаружили.

Д.Б. Гудков подчеркивает, что «имена, принадлежащие тому или иному коду культуры, обладают, помимо общеязыкового, еще и особым значением

как знаки вторичной семиотической системы, причем значение это отнюдь не является ситуативно обусловленным, но закреплено за соответствующей единицей языка» [21. С. 42]. Обладая кодовыми функциями, «многие слова языка фольклора живут “двойной жизнью”: как обозначения составляющих вещного мира и как знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [22. С. 171]. Двойственность содержания фольклорного слова и фольклорного высказывания выражается в наличии у них не только языковой, поверхностной семантики (ПС), но и глубинной семантики (ГС), отсылающей к широкому контексту фоновых знаний, обеспеченных традицией¹: «Чтобы понять смысл сообщения вообще и исполняемого фольклорного произведения в частности, нужно знать гораздо больше того, что заключено в поверхностной структуре текста; к тому же, из сообщения или его фрагмента извлекается информация, значительно превосходящая ту, которую можно извлечь чисто лингвистическим путем» [24. С. 34–35].

Обращаясь к анализу специфики реализации вещного и растительного кодов в частушке, обозначим ее важные для данной работы характеристики, которые определяют специфику интерпретации социальных отношений.

1. Исследователи подчеркивают, что частушка как жанр народной лирики функционально ориентирована на выражение личных чувств ее исполнителя (С.Г. Лазутин, Ю.Н. Соколов и др.). С.Г. Лазутин, например, указывает на то, что основная роль частушки «не в том, чтобы подробно рассказать о тех или иных фактах <...> а в том, чтобы дать этим фактам и событиям определенную идеино-эмоциональную оценку, выразить те или иные мысли или чувства» [25. С. 63]. О.Р. Николаев называет систему средств выражения лирического содержания частушки «поэтикой МГНОВЕНИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ» [26. С. 129]. В связи с этим социальные отношения реализуются в частушке как результат их эмоциональной интерпретации, а кодовые единицы в основном участвуют в фиксации этих эмоций.

2. Частушка представляет собой жанр, обладающий, в отличие от большинства других жанров фольклора, особой фокусировкой позиции повествователя и позиции исполнителя, с чем связана специфика их содержания: «Частушки проявляют внимание ко всем жизненно важным вопросам, их содержание разнообразно. Однако в огромном большинстве случаев они сочинялись молодежью, поэтому их самой популярной темой стала любовь. Персонажи частушек – девушка и парень от подросткового возраста до брака. Частушки передают мечты девушек о замужестве, парней о женитьбе; зарождение и развитие любовного чувства; любовные переживания разного рода. Молодежь протестует против власти родителей, их запрета на свободное чувство; сообщает о своей грамотности, позволяющей писать друг другу любовные письма; наивно стремится ко внешним формам городской культуры как способу утверждения самостоятельности и привлечения

¹ Подробно о понятиях «поверхностная семантика» и «глубинная семантика» применительно к фольклорному тексту см. [23] и др.

к себе внимания со стороны противоположного пола» [27. С. 361–362]. В соответствии с этим частушки «предназначены для публичного исполнения в кругу молодежи» [25. С. 64]. Частушка отражает взгляд на мир с позиции молодого поколения фольклорного коллектива, что определяет отбор жанрово интерпретируемых социальных отношений и их характеристику.

3. Исследователи также отмечают, что частушка в большинстве содержит элемент повествовательности, в ее основе лежат «небольшие сюжетные ситуации» [25. С. 102]. Это означает, что, с одной стороны, содержание частушки предполагает фиксацию определенных эпизодов, фиксирующих действия героев, а с другой – сюжет в них не развит, и повествовательное начало подчинено трансляции эмоций и чувств: «Интерес представляют лишь отдельные детали, раскрывающие те или иные чувства и переживания лирических героев. <...> То есть повествовательные частушки интересны не своими “эпическими сюжетами”, а лирическим содержанием» [25. С. 102]. Сюжетные ситуации реализуют типовое социально-ролевое поведение героев, соответствующее их социальным статусам. Состав сюжетных ситуаций частушки коррелирует с обозначенной выше спецификой ее героев – молодых членов фольклорного коллектива. Сюжетные ситуации становятся способом интерпретации типовых, нормативных социальных отношений, фиксируя не только содержание нормативных социальных статусов, но и интерпретацию социально-ролевого поведения, значимого для оценки молодежью.

4. Определяя специфику частушечных сюжетов, фольклористы также отмечают, что, в отличие от многих других фольклорных жанров, частушка характеризуется тесной связью с ситуативной действительностью [7, 25, 28]. Так, Б.Н. Путилов определяет частушку – наряду с анекдотами, слухами, сплетнями – как жанр «злободневный», прямо реагирующий на окружающую действительность [7. С. 24], отличая ее от основного жанрового массива фольклора, который «чужд хроникальности, сиюминутности и даже просто откровенной злободневности» [7. С. 24]. В связи с этим интерпретируемые в частушке социальные статусы всегда достаточно конкретны и обозначены прямо, не иносказательно (парень – девушка, девушка – соперница и под.), что позволяет оценить факты реальности с участием наделяемых этими статусами героями с позиции фольклорной нормы. Кроме того, в соответствии с реальностью переживаемых молодежью отношений, состав сюжетных ситуаций включает характерные именно для этой социальной группы действия, типовые с точки зрения народной культуры: реакции на запрет родителей выбирать пару, на измену, совместные действия пары при гармоничных отношениях и под.

Таким образом, обращение к частушке в заявлении аспекте позволяет выяснить особенности ценностной интерпретации типовых социальных отношений, в которые вступает «фольклорная» молодежь, установить, как оцениваются эти отношения с позиции данного социального страта и как реализуется эта оценка при использовании номинаций предметов и растений.

Эмпирическая база для данного исследования включает 491 частушку о социальных отношениях, выбранную из фольклорных сборников [29–31].

На первом этапе из указанных сборников были отобраны частушки, отвечающие двум условиям: (1) на уровне ГС интерпретирующие отношения между членами социума; (2) использующие в тексте единицы рассматриваемых кодов – растительного и вещного, соответственно, фиксирующие значение этих единиц в качестве компонента ПС.

На втором этапе интерпретируемые в выбранных частушках отношения были типизированы, установлено количественное соотношение пословиц, использующих для интерпретации каждого типа отношений вещный или растительный тип верbalного кода (табл. 1). В качестве основания для типизации были выбраны парные социально-ролевые позиции, отношения между которыми подлежат жанровой интерпретации, а значит, согласно цели фольклорного дискурса, ценностно маркируются, в том числе при использовании рассматриваемых кодов.

Таблица 1
Распределение интерпретируемых типов социальных отношений в частушках по содержанию вербальных кодов культуры, используемых при трансляции их ГС

Тип социальных отношений	Тип вербального кода		Всего
	вещный	растительный	
Парень – девушка	225	135	360
Девушка – соперница	0	4	4
Родители – дети	68	30	98
Теща – зять	2	0	2
Муж – жена	2	1	3
Свекровь – невестка	9	3	12
Девушка – подруга	6	6	12
ВСЕГО	312	179	491

На третьем этапе был проведен анализ соотношения ГС и ПС частушек каждого типа, определены кодовые функции исследуемых единиц и на основании их обобщения выявлены принципы реализации и функции растительного и вещного кодов для интерпретации каждого типа отношений.

Материал показал, что наиболее последовательно в частушке интерпретации подвергаются отношения между парнем и девушкой (до замужества) и отношения «родители–дети» (табл. 1), причем, в отличие от пословицы [17], это отношения между «взрослыми» детьми – молодыми парнем/девушкой (молодежью) – и их родителями, которые, согласно традиции, все еще играют в их жизни значительную роль. Такой состав интерпретируемых отношений соответствует жанрово обусловленному тематическому своеобразию частушки, ориентированной на представление типовых эмоций молодого поколения, оформленных по отношению к типовым наиболее значи-

мым для них ситуациям, оцениваемым с позиции фольклорной нормы. Рассмотрим, каким образом каждый из исследованных вербальных кодов реализуется при интерпретации этих отношений.

1. **Вещный код**, единицы которого представляют номинации предметов, является более востребованным (см. табл. 1). Множественности частушечных текстов, использующих данный код, соответствует разнообразие реализуемых в частушке единиц.

Отдельного внимания заслуживает количественное соотношение кодовых единиц, реализующих в частушках о социальных отношениях рассматриваемые коды (табл. 2).

Таблица 2
Количественное соотношение и уровень разнообразия единиц вещного и растительного кодов культуры в частушках о социальных отношениях

Код культуры	Кол-во текстов	Кол-во единиц	Индекс разнообразия	Наиболее частотные единицы
Вещный	312	86	0,28	<i>Платок/платочек, тальянка/тальяночка, кофта/кофточка, рубашка, платье, гармоны/гармошка</i>
Растительный	179	22	0,12	<i>Береза/березонька/березка, цветок/цветик/цветочек, травиночка/травинка/травушка, елка/елочка</i>

Анализ текстов показал, что перечень номинаций предметов реализуется как более объемный, чем перечень номинаций растений. Но важнее то, что он является более разнообразным: частушек о социальных отношениях с предметными номинациями – больше, в них реализуется значительно больше единиц. Об этом свидетельствует такой показатель, как индекс относительного разнообразия кодовых единиц, представляющий собой отношение количества единиц каждого кода к количеству частушечных текстов, его реализующих. Данный индекс фиксирует, какой из рассматриваемых кодов реализуется в частушке более разнообразно – по составу представляющих его лексем. Отметим, что этот показатель оказывается значимым только как относительный, так как при расширении объема материала количество единиц может как расти, так и оставаться стабильным.

Важно, что кодовые номинации соответствуют предметам, оперированние которыми характерно для типовых частушечных сюжетных ситуаций, реализующих эмоциональную оценку отношений. В частушке все номинации предметов проявляют свое первичное значение, соответствующее сюжетной логике. При этом в составе номинаций предметов выделяются (1) единицы, обладающие стабильной фольклорной символикой (*На беседушке сидела, На меня туман нашел. Милый в беленькой рубашке Поздороваться пришел*: ПС – «предмет одежды»; ГС – «выражение мужского начала»), и (2) единицы, ею не обладающие (*Ты не подчуй меня, милый, Сладкою конфеткою. Мне теперь не до*

тебя, Я увлеклась газеткою). Для эмоциональной оценки социальных отношений могут использоваться как ГС номинаций предметов (символическое содержание, заданное на уровне общефольклорного и/или жанрового кода, т.е. выше уровня конкретного текста), так и ПС (бытовое, первичное содержание).

Рассмотрим специфику использования номинаций предметов типа (1) и (2) для оценки социальных отношений.

(1) Частушек с предметными номинациями, использующих фольклорную/жанровую символику этих номинаций для оценки социальных отношений, большинство (74%). При этом перечень таких единиц ограничен, соответственно, именно названия предметов – носители общефольклорной символики (особенно номинации одежды и музыкальных инструментов) наиболее частотны (табл. 2).

В их составе выделяются три семантические группы, каждая из которых реализует единый тип фольклорной символики, что подтверждается в целом ряде исследований: (а) номинации одежды, фиксирующие признаки внутреннего состояния человека (одежда – «оболочка души») [18–20, 32]; (б) номинации пищи, символизирующие дом, семейное богатство и благополучие [33, 34]; (в) номинации музыкальных инструментов, реализующие в частушке ГС гармоничных отношений, связанной с «идеальным» образом партнера [32, 35, 36]. Например, А.В. Кулагина, анализируя частушечную символику, обращает внимание на то, что «испачканная, поношенная, разорванная одежда символизирует неразделенную любовь, ссору, разлуку, измену» [32. С. 80], и в частушке *Мне купили бело платье И сказали – не марай. А еще чего сказали? С комсомольцем не гуляй* данная символика негатива при использовании приема психологического параллелизма реализует оценку отношений молодой пары: негативная оценка ненормативного состояния платья соответствует предписанной извне негативной оценке отношений с «комсомольцем».

ГС предметных номинаций может поддерживаться сюжетной ситуацией, в которой описываются проявления отношений, или использоваться независимо от сюжета, даже создавать расфокусировку его логики. Рассмотрим разные типы соответствия ГС номинации предмета и его ПС, проявляющейся в сюжете, на примере текстов с кодовой единицей *платок/платочек*, которая, как считают исследователи, является носителем общефольклорного значения «связь между парнем и девушкой» [19, 32]. При взаимодействии ГС и ПС за счет сюжета ГС уточняется в каждой конкретной частушке: *Вышивала я платочек, Буквы ставила подряд. Ты лети, лети, платочек, Прямо к милому в отряд* (инструмент установления связи), *Милый мой, у нас с тобой Любовь платочком связана, Из-за тебя, мой дорогой, Семерым отказано* (инструмент закрепления связи), *Ты, сударушка, скажи, С кем сидела у межи? Я словам твоим не верю, Ты платочек покажи* (инструмент проверки связи) и под. При использовании ГС независимо от ПС оперирование платком как предметом или факт его наличия интерпретируются как «позитивный настрой на восстановление/установление связи» только на уровне ГС, а в сюжете это не проявляется: *Мой приятка в Питере,*

*Недавно люди видели. Платочком утирается, В деревню собирается;
«Девки в беленъих платочках, Вы далёко ли пошли?» У нас дролечки в кол-
хозе, Мы обедать понесли; У меня платочек алый, Не буду повязывать.
Пойду к милому в окопы Раны перевязывать.*

(2) Частушек с предметными номинациями, использующих ПС этих номинаций для оценки социальных отношений, меньшинство (26%).

Для номинаций, используемых для оценки отношений в соответствии с их ПС, сам сюжет, с учетом его типового характера, определяет их функции в реализации этой оценки: *Не форси калошами, У тебя нет лошади. Одна метелочка в углу, И та кричит: «Уйду-уйду!»* (калоши – маркер ложного достатка, метелочка – маркер отсутствия достатка; эти функции они приобретают за счет сюжетного противопоставления лошади как номинации объекта высокой значимости; в результате в ГС оформляются негативные эмоции по отношению к партнеру); *Нам не дороги часы, Не дороги калоши. Нам не дороги богаты, Дороги хороши* (часы и калоши – маркеры богатства, наличие которого у партнера оценивается негативно в сравнении с другими – положительными – качествами, о чем прямо заявляет героиня). Функциональный выбор номинируемого предмета соответствует его реальным функциям: например, *часы* – номинация предмета, который обладает высокой стоимостью и ограниченной доступностью, *метелочка* – наоборот, номинирует предмет обыденный, широко доступный; номинации предметов участвуют в реализации частушечных эмоций за счет сюжетной актуализации этих свойств.

Использование каждой такой номинации в основном единично, так как их востребованность определяется конкретной сюжетной ситуацией. Если даже в разных частушках такие номинации повторяются, то они участвуют в реализации эмоций ситуативно, в соответствии с построением конкретного сюжета: например, *калоши* в приведенных выше частушках маркируют как достаток, так и его отсутствие. Именно в связи с тем, что в экспликации кодовой нагрузки определяющую роль играет конкретная сюжетная ситуация, состав номинаций предметов является наиболее объемным и разнообразным – в сравнении с номинациями растений и животных (см. табл. 2).

Рассмотрим, каким образом в частушках, включающих единицы вещного кода, интерпретируются отношения «родители–дети» и «парень–девушка» как наиболее последовательно реализуемые; выявим особенности взаимодействия их ПС и ГС.

1.1. Частушки об отношениях «родители–дети» с предметными номинациями.

1.1.1. В частушках об отношениях между детьми и родителями эмоциональной оценке наиболее регулярно (77% текстов) подвергается **негативное отношение родителей к выбору пары**. Номинации предметов в этом случае способствуют реализации позиции детей, что соответствует жанровым установкам.

Выражение эмоций молодежи, чей выбор ограничивают родители, фиксируется на уровне ПС либо (чаще) на уровне ГС – через фиксацию обращения с предметом как дефектного (*Поиграл бы я в гармошку – Права рученька болят. Взял бы замуж я милашку – Тятька с мамкой не велит; Шила кофточку по моде, Не велела мать носить: «Не с богатыми гуляешь, Тебе нечего форсить»; Что, тальянка, не играешь? Пояском завязана. Что, милашка, не встречаешь? Дома не приказано*), либо (реже) указанием на дефект самого предмета, которым оперирует герой (*Милая кровиночка, На кисете дырочка. Шила-торопилася, От маменьки таилася; Я пляшу – они не топают, Ботиночки мои. Я люблю – они не сватают, Родители твои*). При этом важно, что дефектный предмет или предмет, с которым некорректно обращаются, в частушках такого типа всегда является атрибутом, которым оперируют дети как участники отношений, что соответствует реализации на уровне ГС именно их позиции при выражении отрицательной оценки типовой ситуации.

В качестве номинаций предметов, которые не могут быть использованы в соответствии со своим назначением, в большинстве случаев используются названия одежды (кофточка «по моде» которую нельзя носить; ботиночки, в которых нельзя плясать) и номинации музыкальных инструментов (тальянка, которая не играет, гармошка, на которой не может играть герой). Отдельно отметим относительную регулярность реализации в частушках с рассматриваемой ГС единиц платок/платочек и кисет, примыкающих к группе единиц с семантикой «одежда». В рассматриваемых частушках их использование способствует трансляции эмоций, связанных с нарушением родителями гармоничной связи: дефект обращения с предметом на уровне ПС, соответствующий негативной эмоциональной оценке ситуации на уровне ГС, часто выражается в том, что это обращение осуществляется втайне от родителей: сюжет поддерживает символику номинации предмета: *Шила милому кисет, Пока мамки дома нет. Маменька за скобочку, Я кисет в коробочку; Маменька ругается, Куда платки деваются. Того не догадается, Что дроля вытирается; Ходи, милый, по задам, Я платочек тебе дам. Шитый, мытый, катаный, От мамаши прятанный*.

1.1.2. Еще одним объектом регулярной эмоциональной интерпретации, реализуемым в таких частушках, является сюжетная ситуация **расставания детей и родителей**, связанная для девушки с замужеством, а для парня – с уходом в солдаты (23% текстов).

В частушках такого типа состав номинаций предметов отличается от перечня номинаций, используемых в частушках типа (1.1.1), и наиболее частотными оказываются единицы пищевого субкода, маркирующие связь с семьей (родителями) и домом: *Пеки, мамаша, пироги, В последний раз побереги. Клади-ка каши, масла лей, Меня, мальчонку, пожалей; Поставь, мама, самовар, Я почайничаю. Не последний ли годок Поотчайничаю; Ставь, мамаша, самовар, Дай-ко мне почваниться. Выйду замуж в большу семью, Чашка не достанется*. Важно, что предметы в сюжетах частушек такого типа становятся объектом, которым оперируют родители, а не дети

(как носителей реализуемых эмоций). При этом в большинстве случаев негативная оценка направлена на саму ситуацию, текст строится как запрос к родителям на сохранение гармонии, оформленный как форма прямого обращения. В отдельных текстах, использующих номинации предметов в той же функции, негативная оценка перемещается на родителей, и форма прямого обращения в них не используется: *Сидит тяята за столом, Разливает чай с вином. Пропивает меня, девушку, Навеки в чужой дом!; Меня дома ругают, Что я много хлеба ем. Сшите белую котомочку, Уйду, не надоем.*

1.2. Частушки об отношениях «парень – девушка» с предметными номинациями. Такие частушки по функциям кодовых единиц более разнообразны, чем частушки о родителях и детях.

1.2.1. Наиболее регулярно предметные номинации используются для выражения **любовной гармонии** (60% текстов).

В связи с тем, что большинство частушек любого типа представляют эмоции с позиции девушки, для выражения любовной гармонии наиболее частотно используются номинации мужской одежды (*рубашка, сапоги, брюки, сюртук* и др.) в сочетании с их позитивно ориентирующими признаками как внешними маркерами выражения внутренней гармонии, и музикальных инструментов (*тальянка, гармошка* и др.), символически указывающих на мужской идеал: *Каждый день в рубашке розовой, А сегодня в любой. Как ему не возноситься, Каждой девушке любой; Лакированы сапожки У дроли моего. На руках тальянка новая, И в талию пальто; Какой сюртук, какие брюки У милого моего. Он возьмет гармошку в руки, Все смотрела бы на него.* Интересно, что в систему единиц, участвующих в маркировании мужского идеала с позиции девушки, органично включаются предметы, связанные с новой для крестьянской культуры социальной нормой, что соответствует открытости перечня предметных номинаций: *Самогонку мил не пьет, В карты не играет. К комсомольцам он идет, Книжки там читает; За то Мишу полюбила, Что он умный паренек: Книжки Ленина читает, Ходит в красный уголок; Я работаю монтером – Электричество горит. Дроля книжечку читает Да меня благодарит; Мой залетка комсомол В сельсовете за столом, Перед ним бумаги много И чернильница с пером.*

Номинации женской одежды (платье, кофта, юбка) используются значительно реже и в основном участвуют в реализации перспективы гармоничных отношений, а не их текущего состояния: *Я надену бело платье, Новое с воланами. С комсомольцем гулять буду, А не с хулиганами; Черну юбочку носить – Надо кофту вязану, С комсомольцами гулять – Надо много разуму; Шила кофту-перекофту, Кофту-выкофту-кофту. Наши юбочки, кружки, Чтобы сватались дружки.*

1.2.2. Следующий по частотности тип – частушки, выражающие **негативные эмоции, связанные с любовными отношениями** (29% текстов).

Именно для выражения семантики такого типа оказывается наиболее востребованной ПС номинаций предметов во всем ее разнообразии, и в

первую очередь за счет таких частушек расширяется перечень единиц вещного кода (см. табл. 1). Соответственно, если позитивные любовные эмоции в частушечной интерпретации достаточно однотипны, то негативные более дифференцированы, и для их выражения требуется апелляция к разным функциям разных предметов: *Не форси, форсун, часами, Я тобой не дорожу, Ты венчаться хочешь в церкви, А я в церковь не хожу* (часы – как проявление богатства – в рамках сюжетной ситуации, где также фиксируется отношение партнера к церкви, маркируют его несоответствие новому идеалу); *Нитка черна, нитка черна, Нитка не кручена. Что ты, милый, часто пишешь, Знаешь – неученая* (нитка, сюжетно представлена как не соответствующая ее нормальному состоянию, при использовании приема параллелизма указывает на негативную оценку непонимания со стороны партнера); *Брошу косу вдоль покосу, Я не буду страдовать. Брошу милого, забуду, Я не буду тосковать* (отказ от нормативного использования предмета также через параллелизм способствует выражению негативной оценки разлуки).

Общефольклорная символика, реализуемая при использовании описанных выше семантических групп единиц, используется реже. Номинации одежды транслируют негативную оценку отношений, символически представляя негативное внутренне состояние через его несоответствие внешнему проявлению (*Не завидуйте, подружки, Моей кофте модненькой; Не до кофты модненькой, Рассердился родненький*) или, наоборот, отражение во внешнем дефекте внутренней дисгармонии (*До чего мне неохота Кофты-залокотницы. Хороший парень не согласен Сидеть возле работницы; Голубой платок линяет На моей головушке, Мой миленочек гуляет На чужой сторонушке*).

В отличие от частушек, интерпретирующих отношения с родителями, номинации пищи реализуют символику достатка, в том числе его отсутствия, тем самым участвуют в реализации неагтивной оценки партнера по этому параметру (*Не гордись, миленочек, Не богатый домичек. Ты обедал – я была, – На столе одна вода; Моя милка из дворянок, Не ест хлеба – дай баранок*).

1.2.3. В отдельную группу выделяются частушки, интерпретирующие негативную оценку ситуации **разлуки/расставания** (оценка самих отношений не является негативной). Эта группа относительно малочисленна (10% текстов). В абсолютном большинстве из них используется единица *платок*, реализующая, как указано ранее, семантику связи между партнерами в аспекте ее нарушения: *Платочек бел, платочек бел, Платок далеко улетел. От Москвы четыреста, Не затеряй, пожалуйста; Говорят, платок – разлука, Я еще платок дала. Не платочек разлучает, Чужса-дална сторона; Возьму беленький платочек, Не буду повязывать, Пошлию милому на фронт Раны перевязывать*.

Таким образом, использование вещного кода в частушках о социальных отношениях характеризуется высокой активностью и значительным разнообразием номинаций предметов, а трансляция эмоций, связанных с этими

отношениями, реализуется как через обращение к общефольклорной/жанровой кодовой семантике, так и к семантике конкретно-текстовой.

2. **Растительный код** реализуется в частушках исследуемого типа значительно реже, чем вещный, но также достаточно активно (см. табл. 1). При этом индекс разнообразия представляющих его единиц является значительно ниже, чем единиц вещного кода (см. табл. 2), т.е. их состав достаточно ограничен, более того, 70% текстов используют номинации всего четырех растительных объектов (табл. 2), что указывает на их высокую значимость. Зафиксированный уровень разнообразия создается за счет единичного (1–2 раза) использования номинаций растений в остальных 30% текстов.

Если вещный код для эмоциональной оценки социальных отношений в частушке использует либо ПС предметных номинаций, либо их ГС, то растительный код выполняет функцию оценки отношений, всегда используя ГС своих единиц: исследователи фольклора постоянно подчеркивают, что номинации растений прямо связаны в народной лирике с передачей эмоционального состояния героини (реже – героя) [25, 28, 32].

Кроме того, в абсолютном большинстве проанализированных текстов с номинациями растений реализуются не одна, а две сюжетных ситуации, одна из которых формируется вокруг положения/состояния растительного объекта (и именно в описании этой ситуации реализуется растительный код), а в другой задействуется участник интерпретируемых отношений. В результате оценка отношений, проявленных во второй сюжетной ситуации, выражается через первую. Типовая оценка, заданная традицией, транслируется в тексте с позиции одного из участников отношений, эмоциональное состояние которого идентифицируется с образом номинируемого растения: *Неужели ты заянейши, Трауушка шелковая? Неужели не вспомянейши Мила, чернобровая?* (сюжетная ситуация, связанная с выражением сожаления об увядании травы, усиливает обоснование тоски по прежним отношениям, зафиксированным в другой сюжетной ситуации); *В поле белая береза От дождя качается. Скажи, милый, потихоньку, Ты о чем печалишься?* (ненормативное состояние березы указывает на тревогу, сопровождающую обращение к партнеру); *Скоро с елочки иголочки На землю упадут. Скоро милому, хорошему Винтовочку дадут* (анормативное состояние растительного объекта обосновывает негативные эмоции, связанные с расставанием). Таким образом, растительный код, локализованный в отдельном сюжете, выполняет в ГС частушки функцию оценки (или ее усиления) содержания параллельного сюжета, в нашем материале – социальных отношений.

Как и номинации предметов, номинации растений в частушечной сюжетной ситуации всегда реализуют свое первичное значение (*береза, елочка, трава, цветок* – «виды растений»), что соответствует общей модели жанра. Но в силу того, что номинации растений в большинстве реализуются в локализованном сюжете, описание отношений не требует включения их ПС в логику такого описания, в результате отношения, представленные в частушках с номинациями растений, оказываются более разнообразными, чем в ча-

стушках с номинациями предметов, хотя выражаемые ими эмоции однотипны. Позитивные/негативные эмоции, как регулярно отмечают исследователи, выражаются через описание нормативных/ненормативных, с точки зрения природы, состояний растений, в том числе указанием на деструктивное воздействие человека на растение. Типовые эмоции, фиксируемые в символике используемых номинаций, не раз становились объектом внимания исследователей. Например, В.П. Аникин отмечает, что «традиционный образ березы, раскачиваемой непогодой, означает по обычной психологической ассоциации дождь, несчастье, грусть» [28. С. 199]; зеленая трава (нормативное состояние растительного объекта), по наблюдению А.В. Кулагиной, является символом любви [32. С. 87] и т.д. В целом практически любые растения в фольклоре однотипно проявляют нормативные/ненормативные состояния и однотипно подвергаются деструктивным воздействиям. Кроме того, кодовая семантика большинства номинаций растений достаточно жестко стабилизирована традицией и поэтому наиболее стабильна даже в частушке как в одном из поздних фольклорных жанров. Данные наблюдения подтверждают стабильность принципов реализации растительного кода в народной лирике, распространяющихся на частушку.

Рассмотрим, каким образом в частушках, включающих единицы растительного кода, интерпретируются отношения «родители–дети» и «парень–девушка», которые являются наиболее последовательно реализуемыми во всех проанализированных частушках о социальных отношениях. Для установления особенностей трансляции эмоций при использовании растительного кода в частушках о социальных отношениях выявим особенности взаимодействия их ПС и ГС.

2.1. Частушки об отношениях «родители–дети» с номинациями растений ЗНАК?

В отличие от частушек с предметными номинациями, все частушки с номинациями растений реализуют эмоции по поводу накладываемых родителями ограничений. Расставание детей и родителей также интерпретируется в них как насилиственное (ситуация «девушку выдают замуж», реже – «парня берут в солдаты»).

2.1.1. Наиболее частотно (52% текстов) при использовании номинаций растений характеризуются **ограничения родителей на связанные с молодостью свободу**, выражаемые конструкциями прямого обращения-просьбы от 1-го лица: *Не руби, тятаенька, Зеленую осину. Я гуляю-веселюсь Последнюю зиму; Не руби-ка, тятаенька, Зеленую сосну. Я гуляю-веселюсь Последнюю весну; Маменька робненька, Во саду смородинка, Дай годочек погулять, Я еще моло́денька.*

2.1.2. Менее частотно (34% текстов) реализуется оценка **насилиственного выбора пары для замужества**: *Ты гори, гори, лучинушка, Березовый пучок, Запросватал меня тята За старинный пятачок; Что ты, белая березонька, Не колешься с конца? Лет семнадцати девчоночку Неволят за вдовца; Говорила я папаше: «Не руби зеленый сад. Отдадите меня замуж, Не воротите назад».*

2.1.3. Как и в частушках с предметными номинациями, частушки с номинациями растений эмоционально оценивают **негативное отношение родителей к выбору пары**, но такая негативная семантика реализуется значительно реже (14% текстов): *Меня мамонька стегала От березки прутиком. Мне родила говорила: «Не гуляй с рекрутником»; Ветер дует и бушует, Всё березку шевелит. С комсомольцем мне мамаша Гулять большие не велит; Сохни, сохни, сырой дуб, Пока листочки отпадут. Сколь ни сватайся, мой милый, За тебя не отпадут.*

Согласно общим принципам народной лирики, негативные эмоции выражаются описанием ненормативного состояния растений (их *рубят, ломают*, они *шевелятся* под воздействием ветра и т.п.).

2.2. Как и частушки с предметными номинациями, частушки об отношениях **«парень – девушка»** с номинациями растений более многочисленны и разнообразны по семантике, несмотря на низкий индекс разнообразия кодовых единиц.

2.2.1. В отличие от интерпретации любовных отношений при использовании номинаций предметов, растительный код наиболее активно (61% текстов) интерпретирует **негативно оцениваемые любовные отношения**.

В соответствии с описанными выше особенностями организации частушек, привлекающих для интерпретации отношений растительный код и реализующих «открытый» характер жанровой модели, типовые варианты негативно оцениваемых отношений достаточно разнообразны: чаще всего – безответная любовь (*Белая березонька К земельке приклонилася. Бедная я девушка – В неровнюшку влюбилася; На березке листик вянет, – Видно, летечко прошло. На меня милой не взглянет, – Видно время отшло; По улице травка вянет. Идет милый и не взглянет*), реже – измена (*Как над Нивой над рекой Согнулась елочка дугой. Согнулась елочка дугой, Миленок водится с другой*), отсутствие пары (*Две березки да ветла. Все попарно, я одна. Делать нечего одной. Пойду с гуляночками домой*), а также разные другие виды любовной дисгармонии (*Меня милый провожал Все елками да елками. До чего меня довел: Грудь колет иголкам; Иссушил меня милой Суше травки полевой. Я повысушу его Суше сена своего*).

2.2.2. Отношения **любовной гармонии** реализуются в 25% текстов. Их позитивная оценка, в соответствии с принципами частушечного миромоделирования, в основном выражается через описание нормативного состояния растительных объектов (*Где мы с дролечкой стояли – Снег растаял до земли. Где мы с милым целовались, Там цветочки расцвели; Ты сирень, сиренечка, Голубая веточка. До чего к дроле пристала Серенькая кепочка; Скоро Дон уж вскроется, Листом лес покроется. Скоро милый мой приедет, Сердце успокоится*).

2.2.3. Частушки с номинациями растений, интерпретирующие негативную оценку ситуации **разлуки/расставания**, единичны, функционирование растительного кода в них не обладает особой спецификой (*Я не думала, что с елочки Иголочки спадут. Я не думала, что дролечку В солдатики возвьмут*).

Подводя итоги анализа специфики использования вещного и растительного вербальных кодов культуры в русских частушках о социальных отношениях, отметим в первую очередь, что многие представленные нами наблюдения характеризуют данный жанр в целом, а не только отдельный тип его текстов, связанный с оценкой социальных отношений. Но в связи с этим важно, что социальные отношения находятся в тематическом фокусе данного жанра, основанного на реализации позиции молодого поколения фольклорного социума.

Этому соответствуют типы интерпретируемых частушкой социальных отношений, среди которых значительный приоритет имеют отношения внутри молодой пары, а также отношения молодежи и родителей.

В силу жанровой ориентации на трансляцию эмоций частушка, в отличие от пословицы [17], не использует номинаций парных предметов и растений и их частей (например яблоко – яблоня), так как, во-первых, типовые эмоциональные оценки транслируются через образ одного из участников этих отношений (в пословице – с объективированной позиции, представленной как коллективная норма), а, во-вторых, – транслируемые эмоции являются обобщенными и однотипными (в пословице – логическое, эмоционально нейтральное представление конкретных норм).

Номинации предметов используются более частотно, чем номинации растений; состав единиц вещного кода также более объемен и разнообразен.

Кодовые единицы в частушке реализуют жанрово обусловленную семантику (1) за счет общефольклорной/жанровой символики или (2) за счет актуализации функций номинируемых реалий, проявленных в конкретном частушечном сюжете. Номинации предметов в тексте частушки о социальных отношениях реализуют оба способа реализации этой семантики: единицы, символически нагруженные на уровне фольклора/жанра/лингвокультуры в целом, участвуют в оценке социальных отношений за счет ее активизации; единицы, не обладающие таким качеством, активизируют для трансляции эмоций функции/признаки номинируемых предметов. Именно за счет единиц второго типа создается разнообразие используемых в частушке о социальных отношениях номинаций предметов.

В качестве символически нагруженных номинаций предметов в частушках о социальных отношениях наиболее последовательно фиксируются названия одежды, музыкальных инструментов и пищи.

Номинации растений в частушке о социальных отношениях, с одной стороны, всегда активизируют свое символическое содержание, а с другой – практически все они обладают общефольклорной символикой. Это определяется общим свойством семантики номинаций растений в народной лирике, а также типовыми для фольклора в целом принципами трансляции эмоций на основании сопоставления с состоянием мира природы. Ограниченно разнообразия используемых единиц соответствует высокому уровню стабильности символики растений, заданной традицией, и приоритетности тех единиц, символика которых соответствует задаваемым эмо-

циям. Именно отсутствие такой стабильности в символике номинаций предметов, а также отсутствие общекультурно обусловленной фокусировки их функций на трансляции эмоций определяют их большее разнообразие и более высокую частотность.

Интерпретация отношений «родители–дети» с использованием номинаций предметов предполагает как их негативную оценку, так и позитивную, характеризующую единство и поддержку детей родителями. Для реализации позитивных эмоций фиксируются в большинстве номинации пищи, указывающие на семейную гармонию. Частушки об отношениях «родители–дети» с номинациями растений реализуют только негативные эмоции. Наиболее частотно ограниченное количество номинаций предметов: *береза, цветок, трава, елка*.

Варианты интерпретации отношений «парень–девушка» с использованием номинаций предметов и номинаций растений по составу реализуемых эмоций не различаются и предполагают как их негативную оценку, связанную с различными ограничениями молодых героев, так и позитивную, характеризующую единство и поддержку. В качестве номинаций предметов, используемых для реализации позитивных эмоций, фиксируются названия одежды и музыкальных инструментов, реализующие соответствующую общефольклорную символику. Негативные эмоции проявляются при использовании символически не нагруженных номинаций предметов, а также названий одежды, символика которых допускает трансляцию негатива через сюжетное оформление их ненормативного состояния. В качестве номинаций растений в таких частушках используются те же единицы, что и в частушках об отношениях «родители–дети».

Список источников

1. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2004. 544 с.
2. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. № 2, т. 67. С. 60–65.
3. Толстая С.М. Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.
4. Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.
5. Грицацов А.А. Новейший философский словарь. Минск : Книжный Дом, 1999. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/345/socialnyj-status.htm> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Линтон Ральф // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/linton-ral-f-d2cb20?ysclid=mgux4yz61587681308> (дата обращения: 18.05.2025).
7. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура СПб. : Наука, 1994. 238 с.
8. Абакумова О.Б. Растильный код культуры в пословицах о правде и лжи // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка : сб. тр. конф. (Москва, 05–06 апреля 2022 г.). М. : РГГУ, 2022. С. 57–61.
9. Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. М. : Ленанд, 2016. 328 с.

10. Ваганова Е.Н., Рогачев В.И. Мифопоэтика растительного кода в традиционной культуре мордовского народа // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 1. С. 57–71.
11. Рогачев В.И., Ваганова Е.Н., Мингазова Л.И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 439–445.
12. Красных В.В. Потяни за ниточку – клубок и размотается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 58–67.
13. Абукаева Л.А. Пищевой код культуры в текстах мариийских молитв // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, № 1. С. 6–13.
14. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 24 с.
15. Тубалова И.В., Ван Х. Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках // Русин. 2018. № 2 (52). С. 141–160.
16. Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М. : Индрик, 2019. 656 с.
17. Тубалова И.В., Салми А.И. Вербальные коды культуры в пословицах о социальных отношениях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 112–132.
18. Бохонная М.Е. Эстетическая интерпретация «вещного» мира в языке среднеобского фольклора: на материале лирической песни и частушки : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 248 с.
19. Симакова М.С. Платок в русской частушке: традиции и новации // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/folklore-laboratory/Simakova.htm> (дата обращения: 14.09.2025).
20. Тубалова И.В. Единицы с семантикой «одежда» в языке фольклора // Актуальные проблемы русистики : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 104–110.
21. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Вып. 26. М. : Макс Пресс, 2004. С. 39–50.
22. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М. : Наука, 1993. 187 с.
23. Тубалова И.В., Эмер Ю.А., Ван Х. «Швидкі ніженки скували, білі рученьки зв'язали»: взаимодействие поверхностной и глубинной семантики текста лирической песни (формулы с соматизмами) // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 992–1006.
24. Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2005. Вып. 8. С. 22–41.
25. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для филол. фак-та ун-та. М. : Высш. шк., 1981. 221 с.
26. Николаев О.Р. Почему мы не поем «русские народные» песни до конца (о некоторых механизмах трансляции русской песенной традиции) // Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии. 1997. № 5. С. 125–140.
27. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор : учеб. для высш. учеб. заведений. М. : Флинта: Наука, 2002. 400 с.
28. Аникин В.П. Теория фольклора : курс лекций. М. : Университет, 2007. 428 с.
29. Русские частушки : сборник / [сост.: Ф.М. Селиванов, Б.П. Кирдан, В.П. Аникин] ; под ред. А.Е. Жирковой. М. : Эксмо, 2007. 480 с.
30. Пойте все!: сборник частушек / сост. Г.М. Иванов ; [под ред. И.И. Середенко]. Томск : Красное знамя, 2004. 359 с.
31. Русские частушки : сборник / под ред. А.Е. Жирковой. М. : Эксмо, 2007. 480 с.
32. Кулагина А.В. Поэтический мир частушки. М. : Наука, 2000. 303 с.

33. Устинова Н.А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 21 с.
34. Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М. : Наука, 2004. 413 с.
35. Бахонная М.Е. Символическое содержание единиц, называющих музыкальные инструменты, в языке среднеобской частушки // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/bohonnaya2.htm> (дата обращения: 14.09.2025).
36. Зырянов И.В. Поэтика русской частушки. Пермь, 1974. 174 с.

References

1. Eco, U. (2004) *Otsutstvuyushchaya struktura: vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure: An Introduction to Semiology]. Translated from Italian. Saint Petersburg: Simpozium.
2. Kovshova, M.L. (2008) Analiz frazeologizmov i kody kul'tury [Analysis of phraseological units and cultural codes]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2 (67). pp. 60–65.
3. Tolstaya, S.M. (2013) Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty [Cultural codes and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolinguistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Theoretical Issues]. Moscow: Institute for Slavic Studies RAS. pp. 109–113.
4. Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyy fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore: Cognitions and Discourses]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Gritsanov, A.A. (1999) *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Knizhnyy Dom. [Online] Available from: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/345/socialnyj-status.htm> (Accessed: 13.05.2025).
6. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]. (n.d.) Linton Ral'f [Linton Ralph]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/c/linton-ral-f-d2cb20?ysclid=mgux4yhz61587681308> (Accessed: 18.05.2025).
7. Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Popular Culture]. Saint Petersburg: Nauka.
8. Abakumova, O.B. (2022) [The plant code of culture in proverbs about truth and lies]. *Integrativnye i kross-kul'turnye podkhody k izucheniyu myshleniya i yazyka* [Integrative and Cross-Cultural Approaches to the Study of Thinking and Language]. Proceedings of the Conference. Moscow. 05–06 April 2022. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 57–61. (In Russian).
9. Tsiv'yan, T.V. (2016) *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [Model of the World and Its Linguistic Foundations]. Moscow: Lenand.
10. Vaganova, E.N. & Rogachev, V.I. (2022) Mifopoetika rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture mordovskogo naroda [Mythopoetics of the plant code in the traditional culture of the Mordvin people]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 1 (16). pp. 57–71.
11. Rogachev, V.I., Vaganova, E.N. & Mingazova, L.I. (2019) Funktsionirovaniye rastitel'nogo koda v traditsionnoy kul'ture narodov Povolzh'ya (na primere fol'klora mordvyerzi i mokshi) [The functioning of the plant code in the traditional culture of the peoples of the Volga region (based on the folklore of the Mordvin-Erzya and Moksha)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 3 (13). pp. 439–445.
12. Krasnykh, V.V. (2013) Potyani za nitochku – klubok i razmotaetsya... (k voprosu o predmetnom kode kul'tury) [Pull the thread – the ball will unravel... (towards the issue of the subject code of culture)]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie,*

- komunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 46. Moscow: MAKS Press. pp. 58–67.
13. Abukaeva, L.A. (2024) *Pishchevoy kod kul'tury v tekstakh mariyskikh molity* [The food code of culture in the texts of Mari prayers]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. 1 (18). pp. 6–13.
14. Kapelyushnik, E.V. (2012) *Kulinarnyy kod kul'tury v semantike obraznykh sredstv yazyka* [Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
15. Tubalova, I.V. & Wang, Ghya. (2018) Somatic code in east slavic proverbs and ditties. *Rusin.* 2 (52). pp. 141–160. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/52/11
16. Agapkina, T.A. (2019) *Derev'ya v slavyanskoy narodnoy traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Sketches]. Moscow: Indrik.
17. Tubalova, I.V. & Salmi, A.I. (2024) Verbal codes of culture in proverbs about social relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 112–132. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/6
18. Bokhonnaya, M.E. (2006) *Esteticheskaya interpretatsiya "veshchnogo" mira v yazyke sredneobskogo fol'klora: na materiale liricheskoy pesni i chastushki* [Aesthetic interpretation of the "material" world in the language of Middle Ob folklore: based on the lyrical song and chastushkas]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
19. Simakova, M.S. (n.d.) *Platok v russkoy chastushke: traditsii i novatsii* [Scarf in Russian chastushka: traditions and innovations]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and Post-Folklore: Structure, typology, semiotics]. [Online] Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/folklore-laboratory/Simakova.htm> (Accessed: 14.09.2025).
20. Tubalova, I.V. (2000) *Edinitsy s semantikoy "odezhda" v yazyke fol'klora* [Units with the semantics of "clothing" in the language of folklore]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki* [Current Issues of Russian Studies]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 104–110.
21. Gudkov, D.B. (2004) *Edinitsy kodov kul'tury: problema semantiki* [Units of cultural codes: the problem of semantics]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Vol. 26. Moscow: Maks Press. pp. 39–50.
22. Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow: Nauka.
23. Tubalova, I.V., Emer, Yu.A. & Van, Kh. (2019) "Shvidki nizhen'ki skuvali, bili ruchen'ki zv'yazali": vzaimodeystvie poverkhnostnoy i glubinnoy semantiki teksta liricheskoy pesni (formuly s somatizmami) ["Shvidki nizhen'ki skuvali, bili ruchen'ki zv'yazali": The interaction of surface and deep semantics of a lyrical song text (formulas with somatisms)]. *Quaestio Rossica*. 3 (7). pp. 992–1006.
24. Neklyudov, S.Yu. (2005) *Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii"* [Semantics of the folklore text and "knowledge of tradition"]. In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vol. 8. Moscow: [s.n.]. pp. 22–41.
25. Lazutin, S.G. (1981) *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian Folklore]. Moscow: Vysshaya shkola.
26. Nikolaev, O.R. (1997) *Pochemu my ne poem "russkie narodnye" pesni do kontsa (o nekotorykh mekhanizmakh translyatsii russkoy pesennoy traditsii)* [Why we don't sing "Russian folk" songs to the end (on some mechanisms of transmitting the Russian song tradition)]. *Russkiy tekst. Rossiysko-amerikanskij zhurnal po russkoy filologii*. 5. pp. 125–140.
27. Zueva, T.V. & Kirdan, B.P. (2002) *Russkiy folklor* [Russian Folklore]. Moscow: Flinta: Nauka.
28. Anikin, V.P. (2007) *Teoriya fol'klora* [Theory of Folklore]. Moscow: Universitet.
29. Zhirkova, A.E. (ed.) (2007) *Russkie chastushki* [Russian Chastushki]. Moscow: Eksmo.
30. Seredenko, I.I. (ed.) (2004) *Poyte vse!* [Everybody Sing!]. Tomsk: Krasnoe znamya.
31. Zhirkova, A.E. (ed.) (2007) *Russkie chastushki* [Russian Chastushki]. Moscow: Eksmo.

32. Kulagina, A.V. (2000) *Poeticheskiy mir chastushki* [The Poetic World of the Chastushka]. Moscow: Nauka.
33. Ustinova, N.A. (2011) *Pishchevoy kod tradisionnoy kul'tury Srednego Priob'ya: etnolinguisticheskiy aspekt* [Food code of the traditional culture of the Middle Ob region: an ethnolinguistic aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
34. Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) (2004) *Khleb v narodnoy kul'ture: Etnograficheskie ocherki* [Bread in Folk Culture: Ethnographic Sketches]. Moscow: Nauka.
35. Bokhonnaya, M.E. (n.d.) *Simvolicheskoe soderzhanie edinits, nazyvayushchikh muzykal'nye instrumenty, v yazyke sredneobskoy chastushki* [Symbolic content of units naming musical instruments in the language of the Middle Ob chastushka]. *Folklor i postfolklor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and Postfolklore: Structure, Typology, Semiotics]. [Online] Available from: <https://ruthenia.ru/folklore/bohonnaya2.htm> (Accessed: 14.09.2025).
36. Zyryanov, I.V. (1974) *Poetika russkoy chastushki* [Poetics of the Russian Chastushka]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.

Информация об авторах:

Тубалова И.В. – д-р филол. наук, декан филологического факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: tina09@inbox.ru

Салми А.И. – аспирант кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); ассистент преподавателя, Университет Айн-Шамс (Каир, Египет). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Tubalova, Dr. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tina09@inbox.ru

A.I. Salmy, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); teaching assistant, Ain Shams University (Cairo, Egypt). E-mail: ahmed.i.salem.90@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 20.03.2025;
approved after reviewing 13.08.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

*Статья поступила в редакцию 20.03.2025;
одобрена после рецензирования 13.08.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/97/7

«Непарадная» Новороссия в травелоге И.М. Долгорукого «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года»

Сергей Сергеевич Жданов^{1,2}

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,

Новосибирск, Россия

^{1,2} fstud2008@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена репрезентация пространства Новороссии в травелоге И.М. Долгорукого «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года». Отмечена значительная роль остранения и травестии в описаниях. Установлено, что Новороссия как фронтирное пространство маркирована мотивами новизны, неустойчивости, батальности, маргинальности, этнической и религиозной пестроты, большей свободы и потенций развития. Выделен мифopoэтический образ «демиурга», который упорядочивает новые энтропийные топосы.

Ключевые слова: имагология, травелог, пространство, Новороссия, И.М. Долгорукий, травестия, русская литература

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII–XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы)», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Для цитирования: Жданов С.С. «Непарадная» Новороссия в травелоге И.М. Долгорукого «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 135–164. doi: 10.17223/19986645/97/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/97/7

"Unceremonial" Novorossiya in Ivan Dolgoruky's travelogue "Far-off Bells Always Ring Sweet, or My Journey Somewhere in 1810"

Sergey S. Zhdanov^{1,2}

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian State University of Geosystems and Technologies,

Novosibirsk, Russian Federation

^{1,2} fstud2008@yandex.ru

Abstract. This article examines the representation of the Novorossiya space in Ivan Dolgoruky's travelogue "Far-off Bells Always Ring Sweet, or My Journey Somewhere in 1810". This representation is characterized by defamiliarization, travesty, and ambivalence, stemming from the frontierness of the described space. Its development is depicted in both military (reclaiming lands from the Turks) and peaceful (colonization) terms. Frontierness implies motifs of novelty and instability (social, economic, climatic, etc.). A marker of Novorossiya is also its ethnic and religious diversity, the combination of Western and Eastern (Asiatic) features in the characterization of the space. The Novorossiyan representation also includes motifs of marginality (images of convicts, thieves, fugitives), a greater degree of freedom due to the instability of power and laws, and potential for development and greater opportunities, which, in turn, actualizes the motif of *urgia* (ordering work) that organizes the space, and the mythopoetic image of "demiurge"-orderers. In this regard, a number of key figures in the Novorossiyan personosphere can be identified: Empresses Elizabeth and Catherine, Potemkin, Faleev, de Traversay, the Duc de Richelieu, most of whom are associated with both military and peaceful development of new lands. Exclusively associated with the battleground space are the images of Münnich, Suvorov, Volkonsky, Gorich, Miller, and Prince of Württemberg. However, the most significant figure in the semiotized Novorossiyan history, according to Dolgoruky, is the mythologized, partially defamiliarized and travestied image of Potemkin as the *genius loci* of Novorossiya, whose "theophany" is most vividly manifested in the *topos* of Nikolaev, especially in the sentimental descriptions of its surroundings – the Spassky and Bogoyavlensky gardens. The motif of instability, in this connection, gives rise to motifs of unrealized potential, ruined plans, and forgotten historical achievements. The motif of frontier novelty is actualized differently in local variants of Novorossiya. For instance, in the steppe space, novelty appears as entropic and is marked by wildness, emptiness, boredom, horror, desolation, treelessness, waterlessness, heat, discomfort, ruin, and death. However, the presence of as-yet-unrealized possibilities within the chaotic *topos* gives rise to the motif of the steppe's potential abundance. Various combinations of entropy and order characterize the description of demi-natural and urban *topoi* of Novorossiya – from provincial, empty, boring villages and towns to the highly organized space of large cities and, especially, the *loci* of gardens, which represent an "anti-steppe." Among the triad of key Novorossiyan urban *topoi*, Dolgoruky's description of Kherson exhibits the greatest entropy, while that of Nikolaev the least. The middle variant presents the image of ambivalent Odessa, shown as a space in the making, one that has not yet realized its potential due to novelty and politico-economic circumstances, and which acts as an "anti-Paris" within the context of the travelogue.

Keywords: imagology, travelogue, space, Novorossiya, I.M. Dolgoruky, travesty, Russian literature

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

For citation: Zhdanov, S.S. (2025) "Unceremonial" Novorossiya in Ivan Dolgoruky's travelogue "Far-off Bells Always Ring Sweet, or My Journey Somewhere in 1810". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 97. pp. 135–164. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/7

Имажинально-географическая Новороссия в отечественной гуманитаристике значительное время рассматривалась в рамках украинской проблематики, например, в исследованиях А.В. Марчукова [1], Т.В. Васильевой [2],

С.О. Курьянова [3]. Иным вариантом изучения данной темы стали работы, связанные с крымскими текстом или мифом [4–9]. Однако следует отметить, что, несмотря на наличие исследований, в которых анализируются (вс科尔ъзь [10, 11] или подробно [12, 13]) иные новороссийские топосы, презентация пространства Новороссии в русской литературе начала XIX в. как объект научного внимания еще изобилует лакунами. В связи с этим большой интерес с точки зрения литературоведческой имагологии представляет трапелог И.М. Долгорукого «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года». Разумеется, данный текст привлекал внимание литературоведов в работах, посвященных как особенностям трапелогов [14, 15], так и украинскости [16; 17] и казацкости [18]. Но ни в одном из указанных источников особенности презентации пространства Новороссии в трапелоге Долгорукого, которые является предметом данного исследования, не рассматривалась подробно.

Примечательным этот текст делает авторский тон повествования. Трапелог «Славны бубны за горами...» отличается и от сентименталистских по духу «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова или «Писем из Малороссии» А.И. Левшина, и от более рационалистических, связанных с традицией XVIII в. [19. С. 242], двух «новороссийских» текстов П.И. Сумарокова. Хотя произведение Долгорукого содержит как сентименталистские элементы, например пейзажные описания садов, так и порой весьма подробные фактографические презентации малороссийского и новороссийского пространств, главную особенность, на наш взгляд, данного текста, однако, составляет установка на трапевтизацию и остранение повествования, что сближает его с зарубежными письмами Фонвизина, где также мы встречаем мотив «славных за горами бубнов», ставший «смысловым рефреном» [15. С. 122] и «устойчивым метафорическим отзывом в русской словесности о другой культуре» на рубеже XIX в. [14. С. 373].

Важно также учесть, что вышеупомянутые авторы путевой прозы о Новороссии/Малороссии в своих описаниях балансировали между фокусами повествования, которые можно обозначить как «историю» (пространство исторической памяти), «географию» (ландшафтные описания) и «повседневность» (бытовые зарисовки об антропности пространства Чужого). Соотношение этих фокусов порождает своеобразие конкретного произведения. Если, например, Левшин делает акцент на «истории», то Долгорукий отдает предпочтение повседневности, пропущенной через призму трапевтирующей иронии и остранения, в результате чего изложение исторических фактов занимает меньшее место на страницах текста «Славны бубны за горами...» и, как покажем далее, порождает порой весьма своеобразные интерпретации, отличные от изображения пространства исторической памяти Новороссии в иных русских трапелогах. В своем интересе к повседневности, в том числе ко всякого рода развлечениям в рамках провинциальной жизни, трапелог Долгорукого несколько напоминает более поздние «Путевые записки по России...» М.П. Жданова, но последние лишены ярко выраженного трапевтирующего элемента. Более того, автор первого текста в самом его начале заявляет приватный характер своего путешествия и, соответственно, собственных наблюдений за пространством.

Во главу угла поставлен мотив развлечения путешественника¹, причем пространство Новороссии здесь travestизировано, подано как своего рода эрзац французского вояжа, где Париж выступает эталоном, а Одесса его грубой заменой: «Уехал бы в Париж, потому что люблю шум, гам, театр, роскошь и прочее; а где все этого более, как не во Франции? Но у кого нет ни вотчин, ни денег, тот живет, как Бог велит. <...> Я решился и поехал... в Одессу» [20. С. 1].

Возможно, в этом проявляется карамзинская традиция – эпатирующая маска петиметра [21. С. 571], которая, однако, остранена, поскольку помещена в пространство Новороссии, где нарратор практически лишен возможности следовать своей линии поведения, жить роскошной жизнью. Отъезд из Москвы, расставание с пространством Своего, также описан по-карамзински эмоционально, причем в стихах²: «Тебя ли, родина, забуду, Москва, мой отчий дом, мой рай!» [20. С. 1]. Но тон изображения Малороссии и Новороссии скорее фонвизинский. Если «Письма русского путешественника» характеризуются «ксенофилией», приязнью к Чужому, то у Долгорукого мы чаще встречаем иронию по отношению к нему, причем мотив чужести является лейтмотивом текста, который нарастает с момента попадания нарратора в Харьковщину, а в пространстве Полтавы является во всей полноте: «Здесь уже я почитал себя в чужих краях» [20. С. 64]. Автор называет киевлян «как бы чужеземцами» [20. С. 299], уподобляет малороссиян «анттиподам» [20. С. 246].

Фронтальная Новороссия также изображена амбивалентно как смешение пространств Своего и Чужого в исторической динамике, т.е. нельзя утверждать, что границы между этими началами в тексте незыблемы. Так, в Николаевской степи автор подчеркивает неустойчивость топоса, ранее чужого, но теперь отчасти своего: «Полвека назад мы бы думали, что едем в чужие края <...>. Время все превращает: наша подорожная почти до Царьграда нам также хорошо ныне служила, как бы от Петербурга до Москвы, и мы... в чужой стороне почитали себя дома» [20. С. 105]. В одесском же пространстве нарратор замечает: «Россиянин в Одессе, конечно, не дома» [20. С. 134]. Маркирование топоса Одессы как не своего также подчеркнуто в сцене отъезда из города: «Мы... поскакали в Россию. Так изъясняются все, говоря здесь о нашей стороне, когда в нее сбираются ехать» [20. С. 175]. В то же время при всей любви Долгорукого к Своему, пространственно определенному прежде всего как Москва и Владимир, автор остается «западником», что ясно из признания в любви к французскому топосу, и во

¹ Мотив развлечения подан как «фантазия» и «бесцельность», отсутствие серьезной цели: «чего не делает Фантазия! Еду без нужды, без цели, только чтоб ехать» [20. С. 1]. Ср. с «высокой», «исторической» целью вояжа Левшина.

² Впрочем, сцене стихотворного прощания присуща некоторая остраняющая театральность, которую усиливает сам нарратор, уподобляя себя «новому Хореву» [20. С. 1], очевидно, герою сумароковской трагедии, тем самым смешивая высокий (расставание с родиной) и низкий (травестийное путешествие «без цели») планы и одновременно задавая малороссийский (киевский) контекст вояжа.

многом критикует новороссийское в ориенталистском духе как недоупорядоченное, не соответствующее «цивилизованному» образцу. Однако¹ те атрибуты в Новороссии, которые соответствуют авторскому «просвещенному эталону» восприятия, подмечаются и превозносятся даже в сравнении со Своим, условно русским: «В обществе Черноморских краев я забывал, что я в России, где... молодые люди без извинения толкают дам и девушек, марают их нежные платья грубыми своими сапогами, дерут их шпорами безбожно. Я думал, что я в какой-нибудь иностранной пристани Средиземного моря: все говорят чужеземными языками или своего природного не коверкают» [20. С. 183].

Чужесть Малороссии и Новороссии в тексте Долгорукого, однако, разная. Если первое лиминальное пространство во многом изображено как топос взаимодействия русскости и польскости, то второе представляет собой фронтier. Это пространство отвоеванное (ср. «сторона завоеванная» [20. С. 177] – об одесских окрестностях) и отвоевываемое до сих пор у Османской империи. То и дело упоминаемая продолжающаяся война в Молдавии составляет батальный контекст повествования. Например, Долгорукий с целью остранения смешивает мирную и военную сферу в изображении обоза с сахаром, встреченного под Полтавой (здесь Малороссия есть транзитная территория) и следующего «из Белева в Молдавию»: «Казалось бы, на что там сахар, где друг друга режут всякий день: однако, Русскому воину и за полчаса до смерти сладкого пуншу стакан непротивен» [20. С. 59–60]. Из киевского Арсенала «пропасть» «бомб и ядер» «беспрестанно на волах возят в Молдавию: дня два постоят вокруг Арсенала пирамиды, а потом и в поход. Чалма тянет к себе наш чугун, как магнит железо» [20. С. 292]. Сама же Новороссия выступает, с одной стороны, как убежище от войны (в топосе Елисаветграда упомянут travestированый через сравнение с рыбой образ «знатного Молдавана», «многие дают ему титло Господаря... война с Турками выбросила на наши берега этого крупного осетра» [20. С. 102]; в селении Терновки под Николаевом «обитают Болгары, вытесненные Турками из Адрианополя и прибегшие под покровительство России» [20. С. 201]), а с другой – как место относительной вольницы и, соответственно, ограниченного помещичьего произвола: «Границы близки: один (беглый. – С.Ж.) скрывается в Молдавии, другой в Турции; и так нет у помещика ничего надежного» [20. С. 177]. При этом турецкая угроза представляет собой часть новороссийской жизни: «Дюк опять сегодня проскакал в Крым: видно, флот Турецкий хоть не страшен, да и не забавен» [20. С. 198]. Кроме того, Долгорукий сообщает, что не поехал в Крым из-за угрозы вторжения османского флота, но «Турки потерлись... около наших судов с хлебом... и ушли» [20. С. 178]. Турецкие пленные (и перебежчики) формируют еще один устойчи-

¹ Позиция нарратора колеблется, что с учетом travestизации повествования создает неопределенность оценок и ролей, когда не доехавший до Франции петиметр или чиновник-космополит [20. С. 64] превращается в горячего патриота, сетующего о забвении россиянами деяний Петра в Полтаве [20. С. 75].

вый антропный элемент новороссийского пространства: «В Николаев за-гнали несколько Турецких Пашей <...>; иные пленные, другие, изменив народу своему, перебежали к нам» [20. С. 120]; «Недалеко от города (Ново-миргорода. – С.Ж.) встретились нам кучи Турок пленных» [20. С. 206]. Образ Новороссии как потенциально конфликтного пространства зафиксирован и в презентации локуса одесской военной гавани, где остраненно смешаны черты сакрального и батального: «там все пушки вычищены, пригото-влены, как полы в церквях на Светлый День Христов, <...> только показ-жись Чалма, то и бац из нескольких сот орудий» [20. С. 173]. В другом фраг-менте сообщено об орудиях, которые иронически названы «мебелью», и в тор-говой гавани: «Гавани обе, военная и купеческая, снабжены большим числом орудий: прекрасная на море мебель! Они всегда готовы к делу, и около их не спят» [20. С. 147]. Но в той же Одессе турецкость маркирована, несмотря на войну, и в пространстве повседневности, пусть и с негативным оттенком: «Извозчик... сдал мне какую-то Турецкую монету, и я стал немножко ознакомливаться с иностранными деньгами, да и с какими же? С самыми неверными и неприязненными» [20. С. 135]. «Турецкие деньги в Одессе ходят свободно: их берут купец, разносчик, ямщик; всякий сдает на них нашими деньгами без затруднения» [20. С. 143]. В пространстве исторической памяти встречаем и ориенталистский образ гарема при описании топоса Тер-новки: «Прежде тут была Турецкая слободка; в ней видны и поднесь разорен-ный дом Паши и маленькая рощица <...>. Здесь в уединении он, чаю, испове-довался в тайне своему Пророку и лобызal раболепных наложниц» [20. С. 201].

В известной мере Долгорукий воспринимает Новороссию как медиац-ионное, транзитное пространство между Вторым и Третьим Римами – Царьградом и Москвой. По крайней мере, первый топос (причем не как Стамбул, а именно мифопоэтический, по сути, Царьград) не раз актуализи-рован в пространственной привязке описываемых топосов: «подорожная почти до Царьграда нам... служила, как бы от Петербурга до Москвы» [20. С. 105]; «я в Одессе! <...> сбылось мое желание; я на Черном море, на два дня расстояния от Царьграда!» [20. С. 135]; «не далеко уж и до Царьграда: эх нас куда занесло!» [20. С. 158]. Впрочем, образ Одессы не лишен в тек-сте примеси турецкости, что проявлено в остраненной презентации одесского дома Дюка Ришелье через мотив курения на турецкий манер: «После обеда... подают всем гостям длинные трубки <...>. Я странен казался, отка-завшись от этого угощения; а сам видя хозяина и гостей, сидевших наши-роком диване, подогнув ноги под себя и протянувших до полу длинные чу-буки, я... думал, что я в Царьграде» [20. С. 161]. Двойное наименование Стамбул-Царьград встречается лишь в презентации пространства истори-ческой памяти Очакова, который, по замечанию нарратора, «Турки назы-вали ... маленьким Царьградом, или Стамбулом» [20. С. 126].

Вообще, фронтальная Новороссия, с одной стороны, маркирована как тер-ритория маргинальных беглецов, земля преступлений: «Тут (в Александрии. – С.Ж.) уже считается... до трех сот по названию своему выходцев, а просто по-русски беглых; <...> мы стали встречать довольно одноземцев,

вышедших сюда из Великороссийских областей и на степях поселившихся» [20. С. 99–100]; «Очаков населен всяким сбродом; Греки и Жиды... самые бедные таскаются по городу как бродяги и ищут случая пошильничать для пропитания, одни шинкуют, другие днем крадут» [20. С. 178]. «Сторона <...> вся заселена беглыми и бродягами. В самой Одессе их 20 тысяч слишком душ, <...> откуда взялись, никто не знает» [20. С. 177]; «Он (Херсон. – С.Ж.) населен бродягами, беглыми, всяким сбродом» [20. С. 196]. С другой стороны, как территория переселенцев и колонистов – это пространство большей свободы и потенций, проистекающих из-за неосвоенности Новороссии в экономическом и правовом планах: «Тут (в Громоклее. – С.Ж.) поселено 44 выходца, кои именуются Молдаванскими Дворянами; владеют 6-ю тысячами десятин земли, потому что некогда здесь ею не дорожили, а отдавали вся кому <...> не платят никакой подати, кроме поземельных денег; скота имеют пропасть» [20. С. 106]; «полезная колония! <...> у них (болгар в Терновках. – С.Ж.) ни одна черта земли не теряется, все засеяно и воспитано» [20. С. 201]; «наехали на Русскую колонию. 500 душ казенных крестьян, бедные землей, переходили из Обоянской округи селиться за Орлик» [20. С. 100]; «Под самым Новомиргородом селились при нас Обоянские крестьяне» [20. С. 206].

Упомянуты также две немецкие колонии в окрестностях Одессы – лютеранская Либен-Таль и католическая, неназванная. Причем, если болгарская колония охарактеризована положительно, то описание немецкого «канклава» амбивалентно. Так, мы встречаем мотивы упорядоченности, чистоты, скромности, умеренного изобилия как типажные черты немецкой идиллии в русской литературе: «стол накрыт... без тщеславного мотовства и непристойной роскоши, но просто, чисто и опрятно» [20. С. 155]; «преизрядный садик», «чистота в домах около очага и самовара, словом везде, совершенная»; «очень хорошего построения мельница, которая работает лошадьми и не знает ни в какое время остановки»; «Кирка небогата, но пристойна» [20. С. 156]. В то же время эта идиллия остранена в ряде фрагментов: например, в описании локуса кирхи, где «на престоле» нарратор видит «зеркала, перед коими высокие горели свечи», и травестирует сакральное пространство церкви, уподобляя его профанному образу ночного столика: «Изрядная выдумка! Убирать престол как нахтыши. Скоро мы увидим на нем и духи и румяна» [20. С. 157]. Травестия затрагивает и мотив набожности немцев, на которых, по ироническому замечанию Долгорукого, влияет жаркое пространство повседневности: «они не столько из набожности туда ходили, как для прохлады: в тамошних местах отрадней было днем во всяком нежилом строении, нежели на дворе и под прямым лучом солнца» [20. С. 157]. Остраниние порождено соединением «западного» (германского) и «южного» (новороссийского) топосов, которым также противопоставлено пространство Своего – локуса русской дороги, сгущенного в образе ямщика: «я не мог довольно надивиться окружающим меня предметам. Что может быть страннее, как воображать себя в России и в степи у берегов Черного моря, ездить на почтовых лошадях с иностранной сбруей и упряжкой, слышать разговор Немецкий и Французский на козлах и быть в невозможности изъясниться

по-Русски ни с кучером, ни с форейтором? Это для меня очень было ново и дико после наших плечистых ямщиков» [20. С. 157]. Мотив немецкой езды как проявления чужести, не-русскости¹, негативно заострен и в сцене дорожного происшествия: «Господа Немцы... ездить не мастера: <...> до смерти было переехали нашей коляской бедную девчонку <...>. Суди Бог нашего глупого Эльзасского кучера!» [20. С. 158]. Наконец, Долгорукий «разоблачает» локус немецкой колонии как порожденный публицистикой симулякр идиллии, сталкивая его с образом новороссийской реальности с ее приписками, лихомицтвом и т.п.: «здесьние колонисты не так счастливы на месте, как в журналах наших и ведомостях, и что многие из них, если бы могли отдать то, что им казна по книгам будто выдала вперед, не остались бы здесь и на день» [20. С. 159].

В Одессе «западный» элемент представлен образами не только французского и австрийского консула [20. С. 163], но и «градоначальника», а также «военного губернатора» Дюка де Ришелье [20. С. 147]. Также следует упомянуть описанный в комплиментарных тонах образ николаевского губернатора Маркиза де Траверсе. Владычество иностранцев в презентации Новороссии приобретает остранныющую огласовку и в образе градоначальника Херсона: «весьма удивительно было услышать, что в Херсоне Городской Голова – Француз, поселившийся здесь более 20 лет тому назад. Чудо!» [20. С. 198]. Итальянскость зафиксирована в образе одесской итальянки Марыи, которая в общественном саду «готовит славное мороженое», «макароны и пуленту Итальянскую», радуя нарратора «Римской сей трапезой» [20. С. 153]. Английскостью маркированы площади в Одессе: «На площадях средняя пашня земли... усажена разными деревьями, вокруг коих... сделаны балюси и ограды: эти насаждения... названы букетами. Мне сказывали, что так водится в Англии» [20. С. 139]. Европейскостью отмечен локус одесского собора: «он, по рисункам судя, уподобляется в малом виде обширным базиликам Европейским» [20. С. 144]. В этом смысле именно Одесса подчеркнуто маркирована остранныющей нерусскостью: «Для всех тех, кои привыкли к Русским городам, всякий иностранный (и Одесса строится... на манер такой же) покажется с виду нехорош» [20. С. 132]; «Россиянин в Одессе... не дома» [20. С. 134].

Вообще, новороссийское пространство в антропном срезе отличается большой пестротой, смешением молдавского, великороссийского, татарского, еврейского, болгарского, турецкого, греческого (как в маргинальном варианте, так и в образе богатых одесских купцов), немецкого элементов, что демонстрирует, например, локус военного училища в Одессе: «Тут есть Молдаване, Крымских Татар и Казачьи дети, без различия Вер и состояния» [20. С. 150]. Только малороссияне редко упоминаются в пространстве Новороссии, в основном как транзитные перевозчики на волах: «Одни волы возят

¹ Оппозиция «немецкая езда – русская езда» характерна для русской литературы и порой возводится в ранг культурных несовместимостей двух идентичностей, как, например, в поэзии П.А. Вяземского [22. С. 13].

шагом всякие тягости, а Хохлы впросонках погоняют их длинными своими лозами» [20. С. 99]; «они (Хохлы. – С.Ж.) перевозили дубовый лес на корабли в Николаев» [20. С. 107]; «печатся несчастный Хохол среди Николаевских степей» [20. С. 110]. Мотив смешения, как видим, касается и религиозной сферы, причем не только смешения светского и сакрального начал, как в описании колонистской кирхи, но нахождения в одном топосе православия официального и раскольничего: «Я ходил смотреть Раскольничью церковь» [20. С. 104] (в Елисаветграде); «Сверх этого собора город (Николаев. – С.Ж.) имеет... и Раскольничий храм; в новых населениях их охотно терпят: где не было вовсе престола, там и кумир поставить можно» [20. С. 114]; «Раскольники... имеют также свой особый дом молитвы в Одессе» [20. С. 145]. Также сообщено об одесских Церкви Греческой, Католицкой Римской Церкви и синагоге. Смешение турецкости как отголоска прошлого и русскости в настоящем акцентировано в остраненной презентации локуса церкви-мечети в Очакове: «В городе одна церковь, если можно так назвать старую мечеть, наскоро переделанную: это та самая, которую на завтра взятия Очакова Потемкин велел освятить <...>. Хотя и хоры тут сделаны, он более похож на Магометанское разоренное капище, нежели на Восточную церковь. На самой той башенке, на которую хаживал их глашатай кричать “Алла” ныне колокольня, и Пономарь босой ходит в маленький колокольчик сзыывать на молитву кучку Правоверных. Башенка эта почти не переделана: окропили святой водой, и поганый камень освятился» [20. С. 128]. Ср. сходное описание священного локуса в Терновке: «Старая мечеть обращена в Греческую церковь; башни ее, однако, сохранены как памятник, и эти два различные по началу своему здания странное представляют соединение язычества с Православием» [20. С. 202]. Как видим, Долгорукий, которого современный критик обвиняет в «социальном и национальном расизме» [16. С. 83], не стесняется в выражениях. Еще более травестиен пересказанный им исторический анекдот об иконе Григория Армянина в Николаевском соборе, написанной по приказу Потемкина: «он хотел дать изображению его вид Азиятской, и для того списал с одного Турка лицо, которое в одежде Священномуученика поставлено в иконостас» [20. С. 113].

Вся неустойчивость, смешение разных элементов обусловлены фронтальностью Новороссии, которая закономерно маркирована мотивом новизны: колонисты «бегут искать нового отечества», «спешат быть на новом месте» [20. С. 100]; «новые грады», «новые языки» [20. С. 111]; «Город (Николаев. – С.Ж.) нов» [20. С. 112]; «Новые люди, пришед на землю нову...» [20. С. 114]; «предприятие новое» [20. С. 139] (о тротуарах в Одессе); «новый край» [20. С. 140] и «новое место» [20. С. 147] (об Одессе); «новый дом божий на новом месте» [20. С. 144]; «прелести нового мира» [20. С. 175]; «сторона новая» [20. С. 177].

Мотив новизны пространства тесно связан с целым рядом иных мотивов. Новизна топосов актуализирует мифопоэтический по своей сути мотив творения: «можно время образования сего края уподобить эпохе сотворения мира, когда Всесильный рек – и быша, повеле – и создашся» [20. С. 114].

В свою очередь, мотив творения связывается с мотивом demiourga-творца, вернее, целого ряда иерархически организованных demiургов. Разумеется, во главе данной иерархии стоит монарх как упорядочиватель Новороссии, прежде всего это Екатерина II, которая «чудотворной рукой» «воздвигла новые грады» [20. С. 111], «много» в Херсоне «хорошего и полезного надумала» [20. С. 198]. Также Собор в Николаеве «отстроен» ее «иждивением» [20. С. 191]. Вторая, уже немирная ипостась мифообраза Екатерины, также связанная с освоением пространства, – роль завоевательницы: «все далее Елисаветграда покорено Екатериной» [20. С. 105]; «покорила себе новые языки» [20. С. 111]; отняла «у Турок Крым» [20. С. 122], повелевала армией «Екатерининых храбрых воев» [20. С. 191]. В качестве создательницы-завоевательницы Новороссии Екатерина переназывает освоенное пространство, что мыслится в мифологической логике как возвращение к античному прошлому топосов. Впрочем, последний акт пространственного «переформатирования» Долгоруким подан поспешным действием, погрешившим против истины: «Екатерина… поспешила многим завоеванным местам дать древние имена, и один городок от нее получил наименование Ольвиополя; но естественные открытия заставляют убеждаться, что Римский город Ольвия не там был, где Таврическая Владычица его нарекла» [20. С. 122–123]; «Екатерина, вообразив там гроб Овидиев, поспешила дать и имя его городу», т.е. Овидиополю [20. С. 158]. Пространство исторической памяти Новороссии в тексте хранит и другой, более «старый» образ монарха-демиурга, зафиксированный в топонимике – в названии Елисаветграда, или Елисаветы: «Под властью быть Елисаветы прекрасней было во сто крат. Когда ее благи советы творили счастье здешних чад» [20. С. 105]. Причем елисаветинский элемент отделен от екатерининского не только темпорально, но и локально: «все далее Елисаветграда покорено Екатериной» [20. С. 105].

Еще ярче, чем екатерининский, в персоносфере новороссийского пространства выражен образ Потемкина, хотя он и мыслится demiургом второго порядка, получающим свою власть над топосом через Екатерину и повторяющим ее действия в рамках Новороссии: «Когда Екатерина набивала сваи в Петербургские болота и творила канавы, Потемкин на другом краю света нашел девственную природу и в степи насаждал вертвограды!» [20. С. 184]; «Много здесь хорошего и полезного надумала Екатерина; <...> Потемкин многое и исполнил хорошо» [20. С. 198]. Но, несмотря на свою локальную ограниченность, в рамках Новороссии demiургичность образа Потемкина доминирует: «Роскошь столько же чудотворна в затеях богатого владыки, как натура в деснице премудрого своего Творца» [20. С. 184]. Мотив demiourga, однако, имеет и травестийную огласовку, поскольку власть Потемкина над материей манифестируется в презентации бани в саду: «Он властвовал над самой натурой: вода, поднятая насосами вверх до нарочитой высоты, сбегала к нему под крышку и сквозь потолок, уподобленный ситу, упадала в его купальню и орошала его внезапно с головы до ног: какая сладострастная выдумка!» [20. С. 184]. Локус потемкинской купальни включает в себя антично-оргиастический элемент благодаря образу нимф: «Тут

орошался некогда исполин, и никто, кроме нимф, приблизиться к нему не смел» [20. С. 185]. Фривольный смысл одного из садовых локусов (Богоявленского) как места любовной игры¹ зафиксирован в названии Витовка: «Сад при нем назывался Витовкой. В то время, как он убирал его, Госпожа Вит кружила ему голову» [20. С. 186]. Действительно, если воспользоваться ницшевской дихотомией, образ Екатерины в тексте Долгорукого ближе к аполлоническому началу (это своего рода аристотелевский Нус, перводвижатель упорядоченного космоса), а Потемкина – к дионисийскому, земному: «что был Николаев при нем... Царство радостей мирских в России!» [20. С. 184].

Неслучайно наиболее экспрессивные и значительные репрезентации по-темкинских локусов в пространстве исторической памяти Новороссии относятся к демиприродным локусам садов-«вертоградов» – находящимся в окрестностях Николаева Спасскому и Богоявленскому, описание которых приближено к сентименталистским образцам изображений облагороженной природы: «Спасское. Ах! какое очаровательное место! Какой божественный уголок в природе! Натура! Где ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благословенной почве земного шара? Над горой, исчерченной садовыми дорожками, усаженной плодоносными деревьями, скрывающей овраги невинные, откуда не хищные выбегают звери, но, как из курильниц огромных, вылетают на воздух благоухания тысячи разных ароматических растений и окуривают вокруг вас весь воздух, над этой горой некогда великой человек, Потемкин, построил залу, пожил в ней и бросил» [20. С. 182]; «В самом Богоявленском прелест: я туда ездил и не мог довольно налюбоваться этим местом. Я нигде не видел такого соединения вдруг богатства природы, роскоши искусственной... Потемкин любил это место, и разводил тут сады. Всякое растет и дерево, какое только в том климате достать можно около Крыма, все сюда привезено было на подводах и насанено» [20. С. 185]; «Он особенно любил здешнее место: Николаев, Богоявленское, Спасское были его утешение и отрада! <...> он пекся о малейшем украшении своих садов, как часто отвлекался он от своих занятий, чтоб о них подумать» [20. С. 190].

Мотив роскоши устойчиво связан с образом Потемкина и проявлен во множестве «потемкинских» локусов: в николаевской «Церкви во имя Всех Святых» Долгорукий наблюдает малороссийский хор певчих – «остаток стаинной роскоши, которую вводил во вкус Потемкин» [20. С. 118]; в «прекрасном саду» под Николаевом Потемкин «давал роскошные праздники»

¹ В репрезентации сада Богоявленского смешаны реально-историческое и мифопоэтическое (как языческое, так и христианское) начала, что зафиксировано эксплицитно самим Долгоруким в образе «фрая земного» и травестировано образом мертвей змеи, на которую здесь наступает нарратор, что провоцирует балансирование описания на грани божественного и профанного, метафорического и буквального смыслов: «прекрасен сад, но змея нехороша» [20. С. 189].

[20. С. 119]; «роскошь» «чудотворная» [20. С. 184]; «роскошь искусственная» Богоявленского как «памятника роскоши» [20. С. 185]; «Витовка! <...> вельможа сыпал в тебя все свои сокровища!» [20. С. 189]. Еще один «потемкинский» мотив – это масштабность замыслов «демиурга»-«исполина» и их пространственных воплощений в Николаеве, который в темпоральном слое прошлого маркирован также потенцией столичности и состоит в сложных связях притяжения-отталкивания с образами Москвы и Петербурга¹: «вид» николаевского Адмиралтейства «отвечает колоссальным намерениям того, который кинул первые основания Николаева: известно, что его заложил Потемкин» [20. С. 113]; «Собор каменный строен при Потемкине и его иждивением <...> огромностью своей важен» [20. С. 113–114]; «Поживи Потемкин, и Николаев стал бы шире Москвы: от города до Богоявленского считается 12 верст, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежит по берегам Буга, подобно Петергофской» [20. С. 185]. Именно Николаев описан Долгоруким как локус, где проявляются «величество» Потемкина [20. С. 201] («места славы знаменитого вельможи» [20. С. 201]) и его, по сути, «демиургически-божественный» статус: «Таврический! Тебе в твой век дивился Питер: Но в нем ты был лишь Князь, а здесь ты был Юпитер» [20. С. 201].

С демиургическим и в то же время трикстерным статусом потемкинского образа связан, наконец, мотив его экстраординарности, выхода за рамки человеческих норм, что проявляется в его странных поступках, как, например, выбора турка в качестве натурщика для изображения христианского святого: «он рожден был для всего необыкновенного» [20. С. 113]. Травестийность проявлена и в иной ипостаси Потемкина – военной, которую мы отмечали в образе Екатерины. С одной стороны, мы имеем дело с возвышенным изображением «знаменитого вождя Екатеринных храбрых воев» в сублокусе могилы херсонского собора с надписью «Спасителю рода человеческого Екатерина II посвящает» [20. С. 191]. С другой стороны, в пространстве исторической памяти Очакова, который «брал и Потемкин» [20. С. 125], образ последнего вписан в травестийную сцену смешения мортальности и эротизма, где пространство смерти становится местом встречи князя с любовницами: «Здесь наши знатные дамы, в награду сладострастному победоносцу, возили на санях свои прелести, переезжали костры мертвых тел и в богатых землянках, средь роскоши и неги, забывали в объятиях Потемкина все ужасы военного ополчения, меж тем как утомленные воины жгли дома, грабили мужей, насиливали жен и нещадно рубили богатые вертограды» [20.

¹ Вообще, топосы Новороссии и Малороссии в тексте Долгорукого проявляют черты изоморфизма по отношению к образам Москвы и Петербурга, что неудивительно, если принять в расчет привязанность автора к Своему, с которым сравнивается Чужое-«полуденное». Вспомним параллельные строительство Петербурга Екатериной и устройство николаевских вертоградов Потемкиным. Это могут быть и такие экзотические варианты смешения Своего и Чужого как Очаков – «маленький Царьграда». Ср. также с образом аналогичной потемкинской деятельности Князя Куракина в Малороссии, который «весьма старался сделать из Полтавы в малом виде Петербург» [20. С. 67].

С. 126–127]. Здесь мы встречаем целый ряд травестийных деталей, от оксюморонного образа «богатой землянки», порожденного закрепленными за Потемкиным мотивами «роскоши и неги», любовных похождений, до изображения ужасов войны в ее неприглядности вплоть до попирания костей убитых. Отметим также, что демиург николаевских садов в батальном локусе косвенно возглавляет разрушение «вертоградов» противника.

В скользь в травелоге упомянут демиург «третьего порядка», подчиненный уже Потемкину, Фалеев, в связи с описанием сублокуса его могилы в Николаевском соборе: «близ стен церковных воздвигнут памятник из белого камня над известным и громким в свое время Фалеевым, который приводил все здесь в движение по мановению Князя Таврического» [20. С. 114]. Подробней развернут образ другого николаевского «демиурга» – маркиза де Траверсе, который, в частности, связан с заботой о локусах Адмиралтейства («Все это заводил, ободрял и поддерживал, Маркиз де Траверсе» [20. С. 117]), потемкинского сада Спасского («Здесь некогда Потемкин жил *<...>*; от времени его осталась большая галерея и дом, которые бы пришли уже в совершенную ветхость, если бы не обитал в ней по летам Маркиз де Траверсе. *<...>* сад пострадал от небрежения. Маркиз… подсадил все деревья и сделал его опять прекраснейшим для прогулки» [20. С. 119]). Траверсе тем самым становится продолжателем дела «демиурга» Потемкина и сам получает статус *genius'a loci*: «Маркиз де Траверсе, полубог Николаева, давал тут (в Спасском. – С.Ж.) балы и приохочивал публику к прогулкам» [20. С. 182]. Не связан с образом Потемкина лишь образ «демиурга» Дюка де Ришелье, благодетеля Одессы: «Новое место сие обязано его попечением всей своей настоящей славой. Он… на все усилия… готов для возведения Одессы на ту степень славы, какого от местоположения своего она ожидать может» [20. С. 147]; «виды Градоначальника *<...>* совершенно устремлены на украшение Одессы, утверждение ее польз и расширение ее выгод» [20. С. 148]; «очень любит тамошний край, и особливо Одессу, которая слывет его балованным дитятеи» [20. С. 160]; «Одесса обязана своему Начальнику многими полезными и увеселительными заведениями» [20. С. 150]. При этом в образе Дюка также присутствует связь с локусами садов, которым он покровительствует, способствуя преобразованию степного дикого пространства в культурное: «всякое дерево в степи – сокровище. Дюк ни за что так не сердится, как за изломанное или испорченное дерево» [20. С. 139]. Кроме того, генерал-губернатор создает собственный сад, куда открыт проход горожанам: «тут сад его разросся и очень густ: он его сам разводил. Все деревья посажены только 9-ть лет тому назад, но они дают уже изрядную тень. *<...>* Сад Дюка есть совершенный образец того, что могут постоянные и пристрастные труды в степи; да и в самом палящем климате, по крайней мере в России *<...>* Дюк такой насадил вертоград, какого и в самых удобных для того местах не увидишь.» [20. С. 154]. Ришелье изображен и покровителем одесской торговли (вообще предпочитает купеческое общество).

Возвращаясь к мотиву новизны, отметим, что с ним в тексте Долгорукого связан мотив волшебного/быстрого роста городов: «край волшебный, приятный, непостижимый в скорости своего созидания» [20. С. 174]; «Город (Николаев. – С.Ж.) нов, вырос, так сказать, из земли» [20. С. 174]. Скорость создания особенно подчеркнута в образе Одессы: «тут была прежде у Турок неважная крепостца, называемая Гаджи-бей: теперь вы тут насчитаете домов до 200 каменных, все это воздвиглось лет в 15: как не подивиться действию столь скорому и удачному деятельности торговли!» [20. С. 136]. Торговый характер города, делающий застройку весьма выгодной, способствует его росту, т.е. под волшебство подводится автором весьма рациональное экономическое обоснование: «Дом в 20 тыс. построенный, очень скоро приносит с найма до 4000 доходу» [20. С. 141]. Соответственно, Одесса выступает как город больших барышей, которым способствует локус Учетной Конторы, «место самое благотворительное», дающее займы: «Заняв... капитал, вы ставите дом и отдаете его тотчас в наймы. Доход с него в несколько лет выплачивает долг ваш, и вы вдруг, приехавши в Одесу без денег <...>, делаетесь лет через пять гражданином тутошним, имеете дом и получаете с него доход» [20. С. 148]. Мотив быстрого роста связан также с мотивом конкуренции новороссийских городов друг с другом: «Одесса похитила его (Николаева. – С.Ж.) добычи; так точно и Николаев вселил в забвение Херсон» [20. С. 114].

Новизна Новороссии также означает достаточно высокую степень ее антропийности, т.е. подразумевает наличие хаотического начала, подлежащего упорядочиванию. Это прежде всего относится к природному топосу степи, противопоставленному антропному пространству и выраженному мотивами дикости, масштабности¹, безводности, безлесности, безлюдности, пустоты, жары: «Отсюда (от Кременчуга до Елисаветграда. – С.Ж.) мы начали странствовать по настоящим и пространным степям: ни полей, ни кустов; страшной величины дачи, ничем не населенные, не воспрявшие никаких семян. Продолжительные жары даже всю траву на них посушили. Верст по 30-ти проезжали, не встречая ни малейшего жила. Воды мало, да и та по большой части нехорошая» [20. С. 99]; «берега Ингульские, орошае-мые самой нечистой водой» [20. С. 105]; «По всей дороге до Николаева <...> вы ничего не видите, кроме дикой степи, никакого растения: один ковыль, как волна вьется по земле. Жар и зной палит ужасный: здесь тепла нет: или духота, или такой холод... что шубы просим; переход из воздуха в другой быстр и опасен для неосторожных» [20. С. 105]; «От Николаева та же про-стирается степь пустая и пространная <...> место степное, дикое, безлес-ное» [20. С. 122]; «выйедешь из Одессы – опять степь: ни лесу, ни воды» [20. С. 155]; «На пути нет никакого жила, кроме почтового сарая» [20.

¹ Масштабность Новороссии подается несоразмерной антропности, подавляющей человека и в эпизоде скитаний церковнослужителей: «Бедные люди! Здесь есть места, за 1000 верст от Владыки отстоящие, и Дьячок должен пройти весь Крым до Екатерино-славля, чтоб получить право, воротясь домой, надеть изорванный стихарь» [20. С. 204].

С. 194]. Вследствие семиотической пустоты это пространство отмечено также скукой: «Все наводит скуку и тоску» [20. С. 99].

К вышеназванным характеристикам степного локуса в варианте николаевской степи добавляется мотив ужаса («Николаевская ужасная степь» [20. С. 105]), который заострен в сцене ночлега, травестирующей в то же время «книжную» традицию готического романа с его эстетикой ужасного и лунарной образностью: «Никогда... Громоклеи я не забуду. Вы, которые так восхищаетесь луной и ее светом, любите читать страшные новейшие повести Г-жи Радклиф! хотите ли познать ужасы месячной ночи? <...> велите привезти себя туда, <...> лягте... и поверьте, что нет ничего тощнее, как ударение месячных лучей, когда все, нас окружающее, пусто, уныло и бесплодно! О! как месяц тогда противен!» [20. С. 108]. Эта лунарность связана с мотивом неочной романтики, а мук бессонницы («Беспокойные мечты тут меня замучили; сон бежал от очей моих») и усиливает визуальную не-привлекательность и пустоту освещаемого пространства ночной степи, отличной от нарративов рококо или сентиментализма («что сии бледные лучи озаряли? Увы! не излучины Английского сада, не тихий ручеек в долинах сладострастных, не боскет, где любовь ищет любви и умирает в восторгах. О! нет, месяц освещал степь дикую и пространную, горизонт пустоты бесконечной: небо и сухая земля!»), а также порождает особый онизм смешения земного (дикой степи) и водного (антиантропного, маркируемого ужасом океана) пространств: «Седой ковыль, повеваемый зефиром, покрывает всю степь и уподобляется океану, тот же ужас в чувствах, что и на воде» [20. С. 108]. Мотив страдания связан в тексте и с дневной ипостасью степного топоса в образе огненной стихии – «яркого огня, под которым печется несчастный Хохол среди Николаевских степей» [20. С. 110]. Николаевская степь отмечена мотивом безвременья, смешения темпоральных границ, травестирующий также положительные образы сентименталистского естественного человека и адамического (райского) состояния: «Натуральный, нами с восторгом выхваляемый, человек не знает ни будних, ни праздников; в степи Вторник и Воскресенье все равно. Он работает, преет, в поте лица ест хлеб свой, не видит ничего выше неба; словом, он живой образец Адама, изгнанного из рая и осужденного на рабство, бесконечный труд и смерть. Восхищайтесь таким бытием, господа энтузиасты!» [20. С. 109].

Мотив пустоты одесской степи усилен мотивом разрушительной войны: «здесь... обитали везде Турки... война старое все истребила, а мир непродержательный ничего нового устроить не допустил» [20. С. 122]. Кроме того, мотив новороссийской степной пустоты травестийно связывается с пространством пустыни как аскезы: «лоскуток степи до Буга <...>. Кроме бедного хутора никакого жила; не допросишься ни яиц, ни молока, нет ничего: убожество пустынное! Вот бы где хорошо жить монахам!» [20. С. 178]. Впрочем, в пустоте степи отмечен и положительный момент – отсутствие нищих как вариант безлюдности: «Мне полюбилось по всей этой степной дороже то, что не встречали на распутьях, так как у нас водится, кучи нищих <...> или в степи странствовать не так способно, или их прибирают» [20.

С. 130]. Мотив мортальности и одновременно неустроенности топоса выражен в образе падали на дорогах, «которая очень часто заражает весь воздух: что может быть несноснее, наипаче в зной! Припишем и это тому же неудобству, т.е. пространству голых земель: <...> надобно члену Земской Полиции сведать и приехать на место, а он нередко во ста верстах, и селения вокруг его нет никакого» [20. С. 130].

Мотив безлесности степи также весьма важен в пространстве Новороссии, автор возвращается к нему неоднократно при описаниях локусов как садов, где посадка деревьев есть вариант упорядочивание пространства («всякое дерево в степи – сокровище» [20. С. 139]; «Сад Дюка есть совершенный образец того, что могут постоянные и пристрастные труды в степи» [20. С. 154]; под Николаевом «церковь... обсажена ветлами. Здесь и это дерево в диковинку: никакого нет!» [20. С. 109]), так и домов. Последние строятся либо из камня, например, в Одессе, маркируемой каменностью¹ («Одесса вся выстроена камнем. <...> Ни одного строения деревянного в целом городе» [20. С. 136]), либо из глины и навоза, что нарратор отмечает как характерную деталь, отмечающую, начиная с полтавских окрестностей, гравитицу степей: «такой край, где природа вовсе не дает дров», «Жители отапливают хаты свои кизяком: так называется засушенный скотский сор. <...> Тем же навозом обмазывают и стены в некоторых домах пополам с глиной» [20. С. 61]. Для пространства Новороссии же образ кизяка, хотя и не используется в контексте строительного материала, часто упоминается в качестве средства отопления и приготовления пищи, что сообщает негативный ольфакторный (и вкусовой) маркер описанию топосов: у молдаван в Громоклее, несмотря на богатство («пропасть скота») «дров ни полена, топят кизяком, которого навалены у них стопы, как у нас скирды с хлебом» [20. С. 106–107]; «Не найдя (на станции под Одессой. – С.Ж.) дров ни полена, ни битых колес, ни изрубленных перил, повар наш стряпал на кизяке, к которому мы не привыкли; и так ничего душа не принимала» [20. С. 132]; «ни полена дров, топи кизяком, от которого воняет» [20. С. 165]. В одесском пространстве образ кизяка подвергается также остранению как признак богатства: «Дров почти нет; <...> почти все жгут на кухне кизяк, и тот почитается зажиточным хозяином, у кого его много» [20. С. 142]. Тот же остраненный образ кизяка встречаем и в описании усадьбы в Анчекраге: «Кизяку... наставлено пропасть. Странно видеть Русскому человеку такие огромные кучи... навоза» [20. С. 177]. Ср. с образом кизяка как маркера обратного перехода от

¹ Каменностью отмечены и Судаклея (Сугоклея) («Отсюда стали мы примечать большие камни, белые и дикие <...> из самых мелких строятся низенькие горенки» [20. С. 106]), и окрестности Одессы, причем эти домашние локусы отмечены амбивалентностью – внешней привлекательностью, напоминающей о дворянской усадьбе, при внутреннем неуюте: «Обыватели живут в каменных избах <...> избы выкладываются из дикого камня, который <...> дает стену неровную, похожую на то, что искусственно делается в богатых садах для изображения руин <...>. Наружные фасады все представляют вид изрядный, но внутри страшная нечистота и неопрятность отвратительная» [20. С. 129–130].

Новороссии к Малороссии в топосе Новомиргорода: «здесь уже топят дровами: мы помаленьку расстаемся с кизяком» [20. С. 208].

Аналогично с постепенным удалением от Новороссии – от Елисаветграда до Новомиргорода – меняется и образ пустой и визуально непривлекательной степи («Степь продолжается, но не так уже гола; появились приятные виды; показался местами кустарник; везде золотые нивы радуют взор путешественника»); возникает и маркер русскости как Своего: «Я с удовольствием любовался на сарафан нашего покроя, какого уже давно не видал» [20. С. 206]. Тот же Елисаветград маркирован мотивом южного изобилия, пусть и в остраненной форме, где владимирские вишни, относящиеся к условному Северу, оцениваются нарратором выше, чем елисаветградские. Южное изобилие же проявлено в образе арбузов и шелковицы: «Хотите ли есть славные вишни? Поезжайте во Владимир: <...> в Елисавете пусть потчивают арбузами, шелковицею. Здешний край славится быть плодовитым, потому что приближен к полудню» [20. С. 102]; «Таких арбузов в целом свете, как здесь... не едят» [20. С. 102]. Кстати, локус бахчи как типично «полуденный», противопоставленный «северному» локусу оранжереи, актуализирован в травелоге Долгорукого с момента попадания нарратора в малороссийское пространство Юга: «Наконец въехали мы в пределы Украины <...> Увидели мы образчики плодородного климата: на воздухе рождаются арбузы без всякого садовнического присмотра; для них отведены изрядные места, и их зовут бакши. <...> У нас арбуз закутан в оранжерее; <...> тут, напротив, ничто его не заслоняет и не прячет» [20. С. 106]. Образ арбуза как маркер южного изобилия встречаем в характеристике Николаева: «Арбузов и дынь в Николаеве пропасть и дешевы» [20. С. 199]. Вспомним также описание роскошных николаевских садов в тексте. Потенциальной плодородностью особо отмечены окрестности и Одессы: «натаура вокруг нее все дала изобретательному человеку: почва плодоносная, природа ни у кого не остается в долгу; был бы труд и семя для посеваний. Хозяин самого небольшого хутора может величайший приобрести доход земляной работой. Солнце греет, роса живит, море прохладжает» [20. С. 164]. Кстати, оппозиция «южный сад – северная оранжерея» проходит через весь «украинский» фрагмент травелога: «Она (долина около Валок... (Малороссия). – С.Ж.) ...убрана плодовитыми деревьями; оранжереи наших вельмож не дадут им такого благовония, каким от сих дерев накурен в окрестности здешней весь воздух» [20. С. 57]; «Оранжерей (в Одессе (Новороссия). – С.Ж.) ни у кого нет: всякий ждет плодов от натуры на вольном воздухе и получает их не очень много ранее наших садов, а всегда позже северных оранжерей» [20. С. 142]; «Не нужны здесь (в Одессе. – С.Ж.) садовники, ни теплицы, ни парники: на вольном воздухе всякой плод спеет, позже искусственного <...> но <...> плоды свободные гораздо вкуснее принужденных... Оранжереи наши в столицах ясно то доказывают» [20. С. 164]. Таким образом, пустое степное пространство пусто именно в силу своей малой антропной освоенности и маркировано потенциями развития, что мы видим, например, в ремарке

Долгорукого о несходстве «жнитва и сенокоса» в «коренной» России и Новороссии: «Оба сии упражнения, которые в наших местах уподобляются... торжеству, здесь не тот вид совсем имеют: пространство дач и малочисленность народа тому причиной» [20. С. 130].

Антропные (в том числе демиприродные) локусы составляют «анклавы» упорядоченности в преобразуемом ургией энтропийном пространстве степи, что, например, зафиксировано в презентации Николаева: «после такой продолжительной степной дороги, увидевши Буг и город на нем, закричит: «Слана Богу! Есть еще для меня и жизнь и люди!» <...> я уж в Николаеве, там, где не было ничего, кроме продолжения степи» [20. С. 110–111]. Степень данной упорядоченности локусов, однако, варьируется. В этом смысле в наибольшей степени «антистепью» выступают образы садов, помещенных, в том числе, в контекст парадиса или идиллии: вышеупомянутые Спасское и Богоявленское в Николаеве, одесские сады (включая общественный, где «стройный рост» и «вид» деревьев «восхищает» [20. С. 153], и сад «здешнего Коменданта», «один из редких в России качеством дерев и вкусом плода. Все превосходное там» [20. С. 153]), а также сад Дюка и «преизрядный садик» [20. С. 156] головы немецкой колонии под Одессой. В этих случаях степень антропности высока, но она может быть и минимальна, как в описании источника в Кандыбине: «Родник обнесен низкой оградой из тутошнего камня и представляет прохладную ванну. Верхний холм оттеняет ее от зноя; от него проведен желоб, где пасущие овец и коней обыватели напояют свой домашний скот. Какое романическое место!» [20. С. 108]. Соответственно, естественность новороссийского локуса выше, чем пространство столичной усадьбы с ее облагороженной природой, порождая оппозицию «московское (Свое) – новороссийское (Чужое)»: «Если б этот клочок земли с водою вырезать и отнести к богатому барину в Москву, который его бы убрал, обогатил, отдал, то бы вышла заманчивая прогулка, сокровище! Но здесь натура одной... цели... искала – пользы» [20. С. 109–110]. Именно в голой функциональности, необлагороженности Новороссия уступает не только Москве, но и ряду топосов Малороссии, например саду Софиевки под Уманью. Ср. также с проявлением сентименталистского мотива облагороженной природы как визуальности, вызывающей экстатическое наслаждение у созерцателя, в характеристике Спасского, противопоставленного крымскому пространству и стимулирующего авторский ониризм: «Здесь не Крымские одни прелести натуры... здесь... среди неописанных красот той же натуры люди, мир, забавы, нега, роскошь и, вместе с тем, весь вид дикого единения и шумной водопад <...>. Вот, где можно писать романы, пылать страстью и дать ее почувствовать другому!» [20. С. 183–184].

Даже идиллические сады Спасского и Богоявленского не являются ахронными локусами порядка, но подвержены влиянию внешней энтропии. Отсюда лейтмотивы забвения, преходящести земной славы, нереализованных потенций и непостоянства, весьма важные в презентации Новороссии, где нет ничего абсолютно устойчивого: «Сверх... непрочного состояния хлебопашца, погода имеет свои непостоянства: засухи часто лишают

вовсе жатвы; пожары истребляют в степях сенокосы. Всякий помещик подвержен большим потерям в замену больших иногда барышей» [20. С. 177]. Вспомним также ремарку, что Одесса затмила Николаев, который, в свою очередь, «вселил в забвение Херсон» [20. С. 114]. Мотив забвения и нереализованных потенций актуализирован в различных новороссийских локусах, связанных, в том числе, с образом Потемкина: «Чего здесь не построили, не развели, не посадили, чтоб после бросить и показать образчики начатого, но несовершенного, великолепия!» [20. С. 114]; «Предполагали основать здесь Морской Корпус; но проект <...> не состоялся» [20. С. 116]; «все имеет свое время; вельможа (Потемкин. – С.Ж.) умер и многие прелести здешнего края исчезли» [20. С. 119]; «по особенному к нему прилеплению Княжьему предполагали здесь (в Спасском. – С.Ж.) поставить монастырь <...>. Но умер Князь, и замыслы его с ним похоронились» [20. С. 119–120]; «руина», «развалившаяся хижина» (о потемкинской бане); «Вельможа умер, и все исчезло!» [20. С. 185]. Еще ярче мотив разрушения/забвения проявлен в топосе Богоявленского, где нарратор отмечает соединение «богатства природы, роскоши искусственной и нищеты»: к состоянию дикости, т.е. «натуры», сад возвращается, проникаясь энтропией во временной динамике («все принялось и пустилось, а после все поросло тростником и облеклось в пустыню. Тут уже не сад теперь пышный и просторный, а дичь одна необработанной природы» [20. С. 185]; «разрушение» «драгоценных прелестей» [20. С. 188]). Соответственно, выстроен изоморфизм локуса и антропности, ведь дикий сад является собой напоминание «о бренности жизни, ветшании, невечности, смерти и беспорядке ее» [23. С. 301–302]. В тексте Долгорукого этот локус порождает комплекс переживаний нарратора, обусловленный оксюморонным (остраняющим) соединением витального и мортального элемента, где первый проявлен в подчеркнуто южных и изобильных, циклично-природных, и потому ахронных вегетативных образах продолжающего плодоносить сада («тут отягченные ветки абрикосами, бергамотами <...> Высокий куст Гречихи орехов царствует над прочими плодами; с ним сблизила природа и каштановое дерево»), а второй – в образе антропной конечности, смерти души сада, т.е. Потемкина как *genius loci*: «Я сидел на самой той скамейке, на которой Потемкин сматривал рано по утру, <...> как все шевелится для приходи его <...> Натура <...> все та же, но снят с нее наряд; душа сих мест удалилась в другие селения: все мертвь было около меня» [20. С. 186]. Вытеснение антропности из природного пространства актуализировано и в презентации сублокуса садовых каналов: «сухие рвы и болотистые тинные места, где я никак не поверил бы, что были когда-либо токи свежей воды <...> тут прорыты были везде каналы <...> Князь разъезжал на них в раззолоченных лодочках. Гребцы пели, кричали, весла отражали лучи яркого дневного светила; вода сливала с них крупные свои перлы, а Князь не вмещал своих восторгов. Везде тут ныне ил, камыш и на каждом шагу увязнешь. Вместо торжественных песен и кликов народных, один слышен крик неугомонных лягушек. Ах, что печальней сей картины!» [20. С. 187]. Путешествие по пространству потемкинского прошлого Новороссии также

заводит Долгорукого в Херсон – к княжеской могиле («Наслушавшись здесь от всех очень много о Потемкине, я пожелал видеть гроб его, и для этого только съездил в Херсон» [20. С. 191]), где, с одной стороны, память о Потемкине хранит вышеупомянутая надпись в соборе, а с другой – сам локус могилы оказывается скрыт от наземного мира, погружен в хтоническую энтропийность: «все засыпано землею. Нет уже ныне туда ни входа, ни отверстия. Я любопытствовал узнать хотя снаружи то место, под коим он погребен был: не хотели или не умели мне и того причетники указать» [20. С. 191]. Мотив забвения соотнесен и с образом Екатерины II¹, актуализированный в остраненной презентации пространства недостроенной церкви в Одессе: «Другая церковь в городе предполагалась... во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена. <...> О, как времена, да и в какой короткий срок, все истребляют!» [20. С. 119]. Локус недостроенной церкви отмечен вторжением энтропии: «Ныне вы тут найдете недостроенные стены открытого со всех сторон храма, которые разрушает и ветр тлетворный, и морские непогоды, и пуще еще пренебрежение человеков. <...> Вокруг него всюду настроены казармы: там живут солдаты; жены их ходят выливать в развалины храма всю домашнюю нечистоту; словом, воспетая и молитвословием прославленная скиния обратилась в место пустое и омерзительное» [20. С. 144–145].

«Антистепью» в презентации Новороссии выступает и ряд усадебных локусов. Так, Долгорукий маркирует локус недостроенного еще Ильинского, «имения Графа Безбородько» [20. С. 121] упорядоченностью, противопоставленной пустоте энтропийной степи: «мы и тому подивиться должны, что нашли уже селение Русское, Христианской храм, хаты, обитателей и господский флигель» [20. С. 122], т.е. Новороссия – это пространство в становлении. Упорядочивающей ургией маркированы и усадьбы возле Николаева: «Самые малые усадьбы там разрабатываются с большим тщанием, и на сады в этой стороне залюбуется всякой путешественник» [20. С. 182]. Смешением энтропийных и упорядоченных черт отмечено описание имение офицерской вдовы в Анчекраге, где, с одной стороны, хозяйство неустойчиво («купила тут 130 душ, счетом, а нашла только 30; на работу выходит 15»), а с другой – есть маркер цивилизованной (нестепной) жизни: «в степи слышать фортепиано необыкновенно» [20. С. 177]. Осторожное совмещение в локусе степных и «антистепных» признаков подчеркнуто и в изображении хутора госпожи Лареновой, актуализирующем мотив волшебства: «мне так было странно, что я думал быть в области какой-нибудь феи. В степи находить книги, музыку, некоторую роскошь не только

¹ Однако образ Екатерины в топосе Херсона маркирован мотивом незабвенностии: «Память Херсонской Царицы здесь незабвenna; цели еще стены того строения, в котором некогда она ужинать изволила» [20. С. 198]. Ср. также с актуализацией мотива незабвенностии в пространстве Елисаветграда в связи с образом Елизаветы: «О град, Царице соименный! <...> званью будешь, незабвенный в сердцах Российских всех сынов!» [20. С. 105].

просвещенных, но уже и испорченных от излишних наслаждений городов, все это меня очень удивляло» [20. С. 203].

Образы мелких городов и поселений в степной Новороссии в основном отмечены (семиотической) пустотой и слабо выраженной антропностью как проявлениями энтропийности. Это ничем не примечательный за исключением «Комиссариатской экспедиции» «уездный городок Херсонской губернии, Крюков» («Мы его проскакали, и я о нем ничего не скажу, кроме того, что с виду он не обращает никакого на себя внимания»); населенная «из гусар Александрийского полка» Александрия, «уездный городок, ничего не значащий» [20. С. 99]; «селение небольшое» Судаклея [20. С. 105]; «селение Громоклея» («название громкое, а жилища никакого») [20. С. 106]. Чуть лучше семиотизировано пространство Миргорода, лиминального топоса как в прошлом («Здесь некогда была граница наша к Польше и жиливали иностранные Консулы, цвела торговля») [20. С. 207]), так и в настоящем («Город этот принадлежит к Херсонской Губернии; от него в версте mestечко Златополье в Киевской уже Губернии») [20. С. 208]), даже имевшего в пространстве исторической памяти статус «столичного»: «поставлен был здесь же престол Вознесенской Губернии» [20. С. 207]. Но современность города маркирована у Долгорукого энтропийными мотивами непривлекательности, маломасштабности, забвения: «Город неважный; домов хороших деревянных в нем очень мало, все мазанки. Он заштатный и без уезда <...> теперь весь составлен из развалин» [20. С. 207]. Несмотря на громкое название, теми же провинциальностью, малозначимостью отмечен Елисаветград: «Город... ничего очень любопытного не содержит, и хорошим его назвать нельзя; довольно, что он носит громкое имя» [20. С. 105]; «старая обвалившаяся земляная крепостца, не заслуживающая примечания» [20. С. 104]. Но в его репрезентации есть несколько положительных черт: отмеченное выше изобилие даров природы, привлекательность «храма пространного и хорошего» со «старинным письмом» [20. С. 205] и «каменного острога» с «очень хорошей» «внешней архитектурой», образ которого оксюморонно остранен: «если, говоря о тюрьме, можно назвать что-нибудь хорошим: каково-то в ней!» [20. С. 104]. Еще один остраненный городской топос представляет Ольвия, изображенная в двух ипостасях: античной и современной автору, расположенной в пространстве «дач» графа Безбородько и обвязанной своим возникновением первой: здесь из «рытвин» «беспрестанно извлекаются разные древности»; «Место, где сделаны ямы для сих изысканий, как будто городок» [20. С. 123]. Травестия достигается акцентированием маргинальности римской Ольвии, противопоставленной «высокой» стороне образа античности: «Ольвия... был город ссылкой; <...> скольких злодеев мы доискиваемся остатков и, обрадовавшись, когда попадется нам урна с их пеплом, за редкость ее почтаем» [20. С. 123].

Выше, в связи с образами Потемкина и очаковской церкви-мечети, мы отмечали травестизацию пространства исторической памяти города, образ которого, однако, амбивалентен. С одной стороны, батальность Очакова оценена негативно как выражение неприятия автором войны, выраженное в остраненной сцене нефеломании, где небесное начало противопоставлено

контекстуально ничтожному земному пространству: «помещу здесь странность. <...> Средь глубоких моих размышлений об Очаковском штурме, войне и ее последствиях взглянул я вдруг на небо и увидел <...> облако. <...> Наковальню, совершенно сходную с кузнецными: стройное согласие идей с воздушными явлениями! <...> была здесь в то время наковальня. Сколько пролили крови, а за что? За лоскуток песчаного берега при мутной воде» [20. С. 123]. Будучи в прошлом топосом войны, современный Очаков для Долгорукого не становится пространством мира, консервируя в себе батальную энтропийность и мортальность: «город разоренный; доныне видны в нем еще следы Российской рати: хуже деревни, везде обломки бывших строений, каменные груды. Часто попадаются под ноги сухие кости человеческие <...>. Ни одного не найдете сучка тех прекрасных садов, которые вокруг Очакова разведены были на несколько верст: сабли все порубили» [20. С. 125]; «Теперь нет ничего в Очакове, кроме самой истинной картины опустошения» [20. С. 127]. Травестизация актуализирована в образах квартиры нарратора, уподобленной проданной за долги развалине, т.е. антидому («Опалый домишко, хуже стократно тех, кои... описываются ... за долги и, за неявкой желающих, стоят лет по 10 без крыш и починки; и тут окна выбиты, рамы трясутся. <...> он не хуже был час спустя после приступа» [20. С. 127–128]), а также каменных ядер, в описании которых смешаны батальная и глюттоническая сферы: Турки ими «потчевали наши медные лбы» [20. С. 125].

С другой стороны, батальное пространство Очакова имеет и «высокое» измерение, отмеченное мотивами славы, бесстрашения («Знаменитое место в нашей истории! <...> стена ее (турецкой крепости. – С.Ж.) свидетельствует доныне храбрость полков и полководца») и описанное с пафосом («Орлу судило небо смирить гордую Луну» [20. С. 125]). Помимо амбивалентного образа Потемкина, в персоносферу Очакова входят образы Миниха («Брал его Миних, брал и Потемкин» [20. С. 125]), а также павших здесь генералов Волконского и Горича. Причем образы последних связаны с характерным батальным ониризмом – переносом нарратора в пространство войны, выраженным, впрочем, слабей, чем у того же Сумарокова: «сел на пушку и дал волю всем своим мечтам. Здесь тени Волконского и Горича встречали мысль мою и напоминали гибельное событие Очаковского штурма; я воображал, что я вижу тот путь, те самые ворота, где их последний рок постиг от руки врага, не умеющего щадить жертв своих» [20. С. 126]. Наконец, в связи с топосом Кинбурнской косы обозначен образ Суворова, напрямую по имени не названного: «я вечную намять проворчал тому непобедимому витязю нашего края, который прославил себя на этой косе и своей тут победой отворил, можно сказать, путь к Очакову и ко всем счастливым подвигам нашего войска, умножившим его славу в Европе» [20. С. 127–128].

Неоднозначна характеристика и новороссийской триады крупных городов – Николаева, Одессы, Херсона. Наиболее негативно описан последний из них, маркированный мотивами непривлекательности, грязи («Херсон ме-

сто не прекрасное»; «Город <...> очень неприятен: улицы нечисты, строение скверное, ни одного нет хорошего дома, кроме <...> обжорного ряда», скучи («скуча, которую... никто... скрыть не может» [20. С. 195], «скучный Херсон» [20. С. 197]), антропной маргинальностью («Он населен бродягами, беглыми, всяkim сбродом» [20. С. 196], «Народ (на канатной фабрике. – С.Ж.) употребляется ссылочный <...> всякого черты ужасны; печать злодейства отражает всякое сострадание» [20. С. 197]), в том числе травестиированной («здесь пропасть Жидов и Комаров – либо первого увидишь, либо последнего убьешь» [21. С. 195]), разрушения («Крепость, хотя еще не стара, однако требует уже значительных поправок и только что поддерживается от совершенного разрушения» [20. С. 196]), т.е. признаками энтропии. Положительно охарактеризованы локусы, связанные либо с торговлей – обжорный ряд, гавань («Гавань купеческая очень хороша: в ней строится много транспортных судов по самым прекрасным образцам. <...> Торговля животворит совершенно берега Днепровы» [20. С. 197]), – либо с пространством исторической памяти: дом, где принимали Екатерину, и собор, «великолепный и огромный храм» [20. С. 196], упоминаемый выше в связи с сублокусом могилы Потемкина. Это пространство включает в себя и иные могильные сублокусы, маркированные мотивом военной славы: «Сколько знаменитых гробниц около Собора! Тут увидите вы храброго Миллера. Я остановился у его мавзолея: шишак над ним столько же чист еще поныне, как и слава его. <...> Там подалее был его сын, достойный такого отца. Тут Князь Волконский. Кто не знает его кончины под Очаковом? Кто не оплакал отважности его геройской: я впервые тогда почувствовал восторги славы <...> Здесь предана земля нежная отрасль Царского Дома. <...> Принц Виртембергский» [20. С. 196].

Наиболее положительно охарактеризован в тексте Николаев, названный автором «любимым» [20. С. 176] и всячески выделяемый на фоне иных городов: «Я купил здесь сукна, для того только, чтоб носить Николаевской Фрак. Вот первая вывеска моего пристрастия к этому городу!» [20. С. 112]. В целом топос охарактеризован масштабностью, упорядоченностью, наполненностью (в противоположность пустой степи), привлекательностью: «он назначался быть огромным <...>. Обывательских домов довольно, казарм и слобод также; улицы широки и правильны <...> все можно достать»; дом Военного Губернатора «велик и хорошо убран» [20. С. 112]. Особое место в презентации Николаева занимает мотив водности, выраженной, во-первых, в речных топосах Ингула и Буга, противопоставленных друг другу. Первая река маркирована нечистотой («нечистой водой» [20. С. 105]) и не-привлекательностью («река нехороша, потому что заплывает почти вся камышами»), вторая – привлекательностью, быстротой и полноводностью: «Буг мне чрезвычайно показался. Протяжение сей реки в длину невелико: но как в ней много воды! Как она инде широка, горда, рьяна!» [20. С. 111]. Во-вторых, город связан с морем, что актуализировано в локусах верфи («Главный предмет внимания в Николаеве есть корабельная верфь» [20.

С. 111]) и Адмиралтейства, маркированного также масштабностью и привлекательностью («большой каменный и прекрасный дом» на «большой площади»: «вид строения соответствует колоссальным намерениям» Потемкина [20. С. 113]) и совмещающего черты ургийной и образовательной сфер (сублокусы «мастерских палат» «для кузнечных» и «всяких медных поделок» [20. С. 115], Штурманской школы и Адмиралтейского депо, «хранилища разных орудий и книг» [20. С. 116]). Здесь же хранятся артефакты, связанные с пространством исторической памяти: выкопанные в Ольвии «два камня нарочитой величины из чистого белого мрамора» с античными надписями [20. С. 115] и «две доски мраморные с надписями Турецкими», найденные «при взятии Анапы» [20. С. 117]. Также николаевский собор отмечен масштабностью, но при этом непривлекательностью: «Собор ни живописью, ни красотой убранства не щеголяет; лишь одной огромностью своей важен» [20. С. 113–114].

Сильнее амбивалентность проявлена в репрезентации Одессы. Помимо вышеупомянутых локусов садов и собора, положительно охарактеризованы дома, маркированные надежностью, привлекательностью, относительной масштабностью, каменностью, задающей признак как столичности, так и античности: «такой дом простоят лет сто. <...> Выбеленный дом никакой разницы не кажет с лучшими кирпичными оштукатуренными домами в столицах, а без подмазки дом из такого камня похож очень цветом своим и отливом мелких его раковин на древние строения. Таков и карантин – прекраснейшее здание» [20. С. 137]; «строения много в городе; есть дома в два этажа, и несколько зданий весьма примечательных» [20. С. 139]. Масштабность, чистота, упорядоченность подчеркнуты и в описаниях локусов военного училища, лазарета, клубной залы, театра, торговых рядов: «Дом... училища <...> велик, опрятен и хороши; все содержание детей отменно рачительно <...>. Учителей содержат за дорогую плату и лучших, каких достать можно»; «Одесса может хвастать... Лазаретом: я до сих пор нигде не видал такого хорошего. <...> залы для помещения больных превеликие <...> все средства к очищению воздуха приняты; ...можно гулять по тамошней больнице, как в самой чистой большого барина зале <...>. Распорядок ее основателен» [20. С. 151]; «Для балов <...> есть клубная зала <...>. Вид галереи... величествен: она искусно расписана. ...покои для карт и стола также хорошо убраны. Зала поместить может человек до 600»; «Театр – одно из прекраснейших зданий в городе и на лучшем месте. <...> Все устроено с наилучшим размером и со вкусом» [20. С. 153]; «жители города толпятся в рядах. Линия их вытянута большая, каменная, и товаров разных много <...> лавки в Одессе приятное гульбище» [20. С. 142–143]. В целом автор подчеркивает «красоту сего нового края» [20. С. 140], «прекрасную натуру» [20. С. 177]. При этом как новый город Одесса отмечена чертой недоупорядоченности: «задумано... сделать тротуары... но еще о пользе их судить нельзя – предприятие новое» [20. С. 139]; «купеческая (гавань. – С.Ж.) еще не отделана» [20. С. 140]; «Одесса, по недавнему своему образованно, очень

хороша, но что она еще ни в сотую долю не доведена до того степени пре-
восходства во всех частях, до какого назначает ей сама натура и ее точка во
вселенной» [20. С. 165–166].

Степная энтропийность, выраженная мотивами пыли, зноя, ветра, вони, насекомых, безлесности, неуютя, также проникает в одесское пространство: «поднялась сильная буря; все около города пески: пыль закружилась столбом» [20. С. 133]; «Внутри города в редком доме можно найти спокойное убежище. Если не палит зной, <...> то страшная пыль по улицам поднимается столбом и вселяется облаками в вашу комнату, потому что редкой день не ветрено в Одессе; или несказанная тьма мошек и мух одолеют вас <...> Вот самое беспокойное неудобство здешнего места! <...> никто здесь не живешь прежде ночи: жарко, душно, пыльно!» [20. С. 138]; «Камень здешний на улицы не годится: он бы тотчас измоловся в пыль от трения колес; от того и мостовых нет, и пыль столбом крутится» [20. С. 138–139]; насаженные деревья «украшали бы очень город, если бы пыль не портила зелени» [20. С. 139]; «ни полена дров, топи кизяком, от которого воняет; пыль, мухи, зной, или холодный ветер: какая мука!» [20. С. 165]. Ольфакторная и визуальная непривлекательность, неуютная открытость маркируют одесские места морского купания: «море открыто, отмели зелены и зловонны; надо бно далеко объезжать и искать чистого берега для плавания. Нигде купальни нет, ни ванны закрытой; следовательно, всякий любопытный может смотреть на вас в самую нечаянную минуту» [20. С. 152]. Сочетанием мотивов привлекательности и непривлекательности отмечена пейзажная панорама города: «Последняя станция лежит на прекрасном месте, у самого берега Черного моря; отсюда уже видна Одесса. Представьте наше восхищение; но вид города умерил восторги; ибо он издали неказист» [20. С. 132]. Небольшое количество церквей и колоколен, маркирующее Одессу как пространство Чужого, усиливает мотив непривлекательности города: «Для всех тех, кои привыкли к Русским городам, всякий иностранный (и Одесса строится... на манер такой же) покажется с виду нехорош. <...> В Одессе церквей мало, колоколен нет, ничто не выходит из кучи равного строения; и так первый на нее взгляд не обворожает» [20. С. 132]. Также непривлекательными описаны локусы многих одесских домов, которые прежде всего функциональны, а не эстетичны, что придает городу, по мнению Долгорукого, провинциально-ориентальный (турецкий) облик: «не дают домам хороших фасадов <...> о наружности домов частных недумано, и от этого с первого взгляда на строение Одесса может названа быть пространными Гаджибеем» [20. С. 139]. Амбивалентным выступает и мотив торговли, которая, с одной стороны, «красит Одессу и делает ее подлинно золотым дном», с другой стороны, будучи прежде всего транзитной, «отняла у нее все свои прелести, быв остановлена обстоятельствами» [20. С. 140]. Долгорукий отмечает дороживизну товаров («дороживизна во всем, кроме вин Греческих» [20. С. 141]) и даже отсутствие некоторых из них, например, апельсинов, которые оптом скупает Москва [20. С. 165]. Ориентированное на коммерцию пространство характеризуется мотивами и богатства, и одновременно

скуки, закрытости, отсутствия публичной роскоши: «Многие богатые купцы, особенно Греки, очень скучны, имеют свои конторы, но сами редко живут при них, а насылают приказчиков, кои не в праве роскошничать» [20. С. 163]; «город не оживлен, он мне показался скучен» [20. С. 163–164]; «в Одессе самой нет еще роскоши столичных городов, при всей изящности ее местоположения» [20. С. 164]; «никакого общества, все сидят по домам и живут из барыша» [20. С. 165]; «С расчетом жить во время торговли – найдешь себя в обетованной земле; но для удовольствия еще рано сюда переселяться» [20. С. 165]; «долго еще о ней хвастать надобно будет в журналах, чтоб заманить туда любопытного» [20. С. 166]; «несносные последствия, скука, тоска» [20. С. 176]. Соответственно, Одесса оказывается в этом смысле анти-Парижем, «нетуристическим» топосом, не оправдывая во многом надежд нарратора, объявленных в начале текста.

Таким образом, репрезентацию Новороссии в травелоге Долгорукого отличают остраненность, травестийность и амбивалентность, проистекающая из фронтирности описываемого пространства. Освоение последнего изображено как в военном (отвоевывание земель у турок), так и мирном (колонизация) смыслах. Фронтирность предполагает мотивы новизны и при этом неустойчивости (социальной, экономической, климатической и т.п.). Маркером Новороссии выступает и пестрота в этническом и религиозном плахах, соединение западности и восточности (азиатскости) в характеристике пространства. В новороссийскую репрезентацию входят также мотивы маргинальности (образы каторжников, воров, беглецов), большей степени свободы в силу неустойчивости на новых землях власти и законов и потенций развития, больших возможностей, что, в свою очередь, актуализирует мотив ургии, упорядочивающей пространство, и мифопоэтических образов «демиургов»-упорядочивателей. В связи с этим можно выделить ряд ключевых образов новороссийской персоносферы: императрицы Елизавета и Екатерина, Потемкин, Фалеев, де Траверсе, Дюк де Ришелье, большая часть которых связана как с военным, так и мирным освоением новых земель. Исключительно с батальным пространством, маркированным мотивом славы, соотнесены образы Миниха, Суворова, Волконского, Горича, Миллеров, Принца Виртембергского. При этом наиболее значительным в семиотизированной новороссийской истории является, по Долгорукому, мифологизированный, частично остраненный и травестионный образ Потемкина *genius loci* Новороссии, «теофания» которого ярче всего проявлена в топосе Николаева, в особенности в сентименталистских описаниях его окрестностей – садов Спасского и Богоявленского. Мотив неустойчивости, в связи с этим, порождает мотивы нереализованных потенций, разрушения планов, забвения исторических свершений, характерный для потемкинской образности.

Мотив фронтирной новизны по-разному актуализирован в локальных вариантах Новороссии. Так, в пространстве степи новизна выступает как энтропийность и маркирована дикостью, пустотой, скукой, ужасом, безлюдностью, безлесностью, безводностью, жарой, неуятом, разорением, смер-

тью. Впрочем, наличие в хаотическом топосе нереализованных пока возможностей обуславливает мотив потенциального изобилия степи. Различное сочетание черт энтропии и порядка характеризует описание демиприродных и урбанистических топосов Новороссии – от провинциальных, пустых, скучных селений и городков до высокоорганизованного пространства крупных городов и, в особенности, локусов садов, представляющих собой «антистепь». Среди триады ключевых новороссийских городских топосов описание Херсона Долгоруким отличается наибольшей энтропийностью, а Николаева – наименьшей. Срединный вариант являет образ амбивалентной Одессы, показанной пространством в становлении, не реализовавшим еще своих потенций в силу новизны и политико-экономических обстоятельств и выступающим «анти-Парижем» в контексте трапелога.

Список источников

1. *Марчуков А.В.* Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М. : Регnum, 2011. 294 с.
2. *Васильева Т.А.* У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.
3. *Курьянов С.О.* Об украинском тексте в русской романтической литературе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 765–770.
4. *Курьянов С.О., Рыжман Я.В.* Крымский миф в сентиментальных произведениях П.И. Сумарокова // Вопросы русской литературы. 2014. № 30 (87). С. 216–222.
5. *Петрова Э.Б., Прохорова Т.А.* Севастополь и его ближайшая окреста в сочинениях московских путешественников по Крыму конца XVIII – первой половины XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2015. Т. 1, № 1. С. 48–77.
6. *Курьянов С.О.* О крымском тексте и формировании сверхтекста // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Кн. 1. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 90–116.
7. *Лисицына Е.Ю.* Крымский миф в русской литературе рубежа XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2019. 179 с.
8. *Орехов В.В.* Миф о разрушении Херсонеса: эпизод литературного освоения Крыма // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 194–213. doi: 10.17223/24099554/15/12.
9. *Курьянов С.О., Новикова М.А.* Ифигениев текст как субтекст крымского текста (о формировании ифигиевского мифа) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 4. С. 121–130.
10. *Фарафонова О.А.* Ориентальный трапелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. 2017. № 7. С. 70–82.
11. *Алексеев П.В., Жданов С.С., Шарыпова В.С.* «Полуденная Россия» в ориентальном трапелоге Н.С. Всеволожского // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск : сб. материалов : В 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». Новосибирск : СГУГИТ, 2024. С. 82–92. doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-82-92
12. *Панов А.С.* Амбивалентность образа Одессы в презентациях русских и американцев в первой трети XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История.

Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2 (4). С. 110–119.

13. Жданов С.С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 5. С. 215–239. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239

14. Морозова Н.Г. К вопросу об изучении русской дневниковой прозы XVIII века // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы пятой междунар. науч.-практ. конф. Самара : ПГСГА, 2010. С. 370–374.

15. Гуминский В.М. «Письма русского путешественника» в контексте развития русской литературы путешествий // Литературоведческий журнал. 2017. № 40. С. 74–145.

16. Беляков С.С. Русский взгляд на украинца // Вопросы национализма. 2015. № 2 (22). С. 80–91.

17. Васильева Т.А. «Любовь к стране своей родной и к притеснителям презренье...»: национализация древнерусского прошлого и конструирование образа Малороссии в ранней романтической словесности // Имагология и компартистика. 2016. № 1 (5). С. 5–29. doi: 10.17223/24099554/5/1

18. Шаталов Д.В. «Путевая литература» начала XIX в. и формирование историографического образа украинского казачества // Мир историка: историографический сборник. Вып. 9. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. С. 224–240.

19. Кулакова А.А. Путевая проза в русской литературе конца XVIII – начала XIX века // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4 (60). С. 241–243.

20. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. М. : Университетская типография (Катков и К°), 1870. 355 с.

21. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. С. 525–606.

22. Жданов С.С. Образ «пестро-лоскутной» Германии в поэзии П.А. Вяземского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 6–37. doi: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-6-37

23. Топоров В.Н. Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья // Облик слова. М. : Русские словари, 1997. С. 290–318.

References

1. Marchukov, A.V. (2011) *Obraz Ukrayny v russkom soznanii. Nikolay Gogol' i ego vremya* [The Image of Ukraine in the Russian Consciousness. Nikolai Gogol and his time]. Moscow: Regnum.
2. Vasil'eva, T.A. (2014) *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrayny v rossiyskoy slovesnosti kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX veka* [At the origins of Ukrainianophilia: the image of Ukraine in Russian literature of the late 18th – first quarter of the 19th century]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Kur'yanov, S.O. (2018) *Ob ukrainskom tekste v russkoy romanticheskoy literature* [On the Ukrainian text in Russian Romantic literature]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 6. pp. 765–770.
4. Kur'yanov, S.O. & Ryzhman, Ya.V. (2014) *Krymskiy mif v sentimental'nykh proizvedeniyakh P. I. Sumarokova* [The Crimean myth in the sentimental works of P.I. Sumarokov]. *Voprosy russkoy literatury*. 30 (87). pp. 216–222.
5. Petrova, E.B. & Prokhorova, T.A. (2015) *Sevastopol' i ego blizhayshaya okruga v sochineniyakh moskovskikh puteshestvennikov po Krymu kontsa XVIII–pervoy poloviny XIX veka* [Sevastopol and its surrounding area in the writings of Moscow travelers to Crimea

- from the late 18th to the first half of the 19th century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.* 1 (1). pp. 48–77.
6. Kur'yanov, S.O. (2017) O krymskom tekste i formirovaniyu sverkhteksta [On the Crimean text and the formation of a supertext]. In: *Sovremennaya kartina mira: krymskiy konteks* [The modern picture of the world: the Crimean context]. Book 1. Simferopol: IT "ARIAL". pp. 90–116.
7. Lisitsyna, E.Yu. (2019) *Krymskiy mif v russkoy literature rubezha XIX–XX vekov* [Crimean myth in Russian literature at the turn of the 19th and 20th centuries]. Philology Cand. Diss. Simferopol.
8. Orekhov, V.V. (2021) The myth of the Chersonesus destruction: an episode of the literary development of Crimea. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies.* 15. pp. 194–213. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/15/12
9. Kur'yanov, S.O. & Novikova, M.A. (2022) Ifigeniev tekst kak subtekst krymskogo teksta (o formirovaniyu ifigenievogo mifa) [The Iphigenian text as a subtext of the Crimean text (on the formation of the Iphigenian myth)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik.* 4. pp. 121–130.
10. Farafonova, O.A. (2017) Oriental'nyy travelog Pavla Sumarokova ("Dosugi krymskogo sud'i, ili vtoroe puteshestvie v Tavridu") [Pavel Sumarokov's oriental travelogue (The Leisure Time of a Crimean Judge, or the Second Journey to Taurida)]. *Nauchnyy dialog.* 7. pp. 70–82.
11. Alekseev, P.V., Zhdanov, S.S. & Sharypova, V.S. (2024) ["Midday Russia" in the oriental travelogue of N.S. Vsevolozhsky]. *Interekspo GEO-Sibir'* [Interexpo GEO-Siberia]. Proceedings of the 20th International Conference. Vol. 5. Novosibirsk. 15–17 May 2024. Novosibirsk: SGUGiT. pp. 82–92. (In Russian). doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-82-92
12. Panov, A.S. (2016) Ambivalentnost' obrazza Odessy v reprezentatsiyakh russkikh i amerikantsev v pervoy treti XIX v. [Ambivalence of the image of Odessa in the representations of Russians and Americans in the first third of the 19th century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoryya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie.* 2 (4). pp. 110–119.
13. Zhdanov, S.S. (2024) Reprezentatsiya prostranstva Novorossii v "Puteshestvii po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu" P. I. Sumarokova [Representation of the Novorossiya space in P.I. Sumarokov's Journey Across Crimea and Bessarabia in 1799]. *Nauchnyy dialog.* 5 (13). pp. 215–239. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239
14. Morozova, N.G. (2010) [On the study of 18th-century Russian diary prose]. *Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy* [Higher Humanitarian Education in the 21st Century]. Proceedings of the 5th International Conference. Samara. 20–21 September 2010. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education. pp. 370–374. (In Russian).
15. Gumin'skiy, V.M. (2017) "Pis'ma russkogo puteshestvennika" v kontekste razvitiya russkoy literatury puteshestviy [Letters of a Russian Traveler in the context of the development of Russian travel literature]. *Literaturovedcheskiy zhurnal.* 40. pp. 74–145.
16. Belyakov, S.S. (2015) Russkiy vzglyad na ukrainца [A Russian view on the Ukrainian]. *Voprosy natsionalizma.* 2 (22). pp. 80–91.
17. Vasil'eva, T.A. (2016) "The love of his native country and the contempt to oppressors...": Nationalization of the Old Russian past and the construction of Ukraine's image in the early Romantic literature. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies.* 1 (5). pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/5/1
18. Shatalov, D.V. (2014) "Putevaya literatura" nachala XIX v. i formirovaniye istoriograficheskogo obrazza ukrainskogo kazachestva ["Travel Literature" of the early 19th century and the formation of the historiographic image of the Ukrainian Cossacks]. In: *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The World of a Historian: Historiographic Collection]. Vol. 9. Omsk: Omsk State University. pp. 224–240.
19. Kulikova, A.A. (2008) Putevaya proza v russkoy literature kontsa XVIII – nachala XIX veka [Travel prose in Russian literature of the late 18th – early 19th centuries]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta.* 4 (60). pp. 241–243.

20. Dolgorukiy, I.M. (1870) *Slavny bubny za gorami, ili puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda* [Glorious Drums Beyond the Mountains, or My Journey Somewhere in 1810]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko).
21. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1984) "Pis'ma russkogo puteshestvennika" Karamzina i ikh mesto v razvitiu russkoy kul'tury [Karamzin's Letters of a Russian Traveler and their place in the development of Russian culture]. In: Karamzin, N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka. pp. 525–606.
22. Zhdanov, S.S. (2024) *Obraz "pestro-loskutnoy" Germanii v poezii P.A. Vyazemskogo* [The image of a "motley-patchwork" Germany in the poetry of P.A. Vyazemsky]. *Dva veka russkoy klassiki*. 1 (6). pp. 6–37. doi: 10.22455/2686-7494-2024-6-1-6-37
23. Toporov, V.N. (1997) *Vetkhiy dom i dikiy sad: obraz utrachennogo schast'ya* [An old house and a wild garden: the image of lost happiness]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Oblik slova* [The Face of the Word]. Moscow: Russkie slovari. pp. 290–318.

Информация об авторе:

Жданов С.С. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ЯЦ «Лингва» Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); заведующий кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and. Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
одобрена после рецензирования 01.02.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 25.09.2024;
approved after reviewing 01.02.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья

УДК 82.09

doi: 10.17223/19986645/97/8

«Как Человек и Божий Сын...»: к интерпретации поэмы И.С. Никитина «Моление о чаше»

Глеб Максимович Маматов¹, Владимир Евгеньевич Угрюмов²

^{1, 2} Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

¹ G.M.mamatov@yandex.ru

² v.u7@mail.ru

Аннотация. Поэма И.С. Никитина «Моление о чаше» рассматривается в литературоцентристской и богословской перспективах. Изучаются биографический, историко-литературный контексты, образная, персонажная, мотивная структуры и жанровая специфика, раскрывается связь с гуманистическими и социальными взглядами Никитина, обусловленными его близостью поэтам-демократам и влиянием В.Г. Белинского. Поэма представляет собой характерное для русской христианской лирики произведение, в котором сохранены основные черты религиозной поэмы и молитвенной лирики, но при этом она не является лишь переложением евангельской истории, что доказывает теологический анализ.

Ключевые слова: И.С. Никитин, поэма «Моление о чаше», христианская поэзия, религиозный текст, русская литература 1850–х гг., евангельский сюжет

Для цитирования: Маматов Г.М., Угрюмов В.Е. «Как Человек и Божий Сын...»: к интерпретации поэмы И.С. Никитина «Моление о чаше» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 165–193. doi: 10.17223/19986645/97/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/97/8

"As a Man and Son of God...": To the interpretation of Ivan Nikitin's poem "Prayer for the Cup"

Gleb M. Mamatov¹, Vladimir E. Ugryumov²

^{1, 2} Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ G.M.mamatov@yandex.ru

² v.u7@mail.ru

Abstract. The article analyzes Ivan Nikitin's poem "Prayer of the Cup" (1854). This poem is dedicated to the canonical Gospel plot of Jesus Christ's prayer in the Garden of Gethsemane. This research consists of two parts. First, we examine the external verbal structure and internal linguistic organization (composition, poetic syntax). We consider both the primary symbols and the motifs of the poem, which are opposed to each other, creating the work's integrity. The images of light (moon, stars) are associated with the figures of Christ and the Angel, correlating with the theme of the heavenly Kingdom of God and contrasted with the motif of darkness, associated with Judas and the devil. The

image of fire possesses dual symbolism. On the one hand, it is an attribute of God and the Heavenly realm. This is associated with the sunset's glow and the divine fire that purifies Christ, burning His face before His transformation into a divine being. But, on the other hand, it is the sinister infernal flame of the torches of the Jewish guard, illuminating Judas's face during the betrayal of Christ. Thus, the poem's structure of imagery is divided into a series of important oppositions: Angel and devil, Christ and Judas, God and Man. However, the figure of Christ is very complex to analyze, and we examine Nikitin's text relying on all four Gospels. Second, we analyze the image of Christ in a theological key, drawing upon the patristic works of John Chrysostom, Theophylact of Bulgaria, and Euthymius Zigabenus. In Nikitin's poem, we find both similarities and direct allusions to the Gospels of all four apostles, as well as fundamental differences from them. The poet retains the fabula of the plot in the Gospel of Mark and Matthew (the threefold prayer, falling to the ground), the motif of bloody sweat and the plot of the descent of an Angel from the Gospel of Luke, and he takes the image of Judas the devil from the Gospel of John. But the figure of Christ in his poem is transforming. Nikitin's image of the Savior is complex and multifaceted; He is depicted as a man at the moment of highest tension, in a borderline situation, and as the Son of God, conscious of His sonship. In the poem, we observe the triumph of the human spirit in its communion with God. An important place is occupied by the motif of the unity of the human and the divine in the image of the Savior, more precisely – the eternal process of moving from the human to the divine. For the divine is impossible to fully comprehend, but this path is shown as overcoming human sorrow to achieve divine joy. Nikitin artistically depicts the Savior's Transfiguration as a processual category. A significant characteristic of this process in the poem is silence. The word "silence" is repeated four times in the text, as if surrounding the suffering and Transfiguration, which speaks to a "condensation of thought." The motif of fire is also connected to this; in the poem we note three of its kinds: the blazing sunset, the divine fire, and the fire of betrayal. This also contributes to the "condensation of thought" on the process of prayer. For Nikitin, Christ appears not as the God-Man, but as a man-God, in whom the earthly principle genuinely suffers in order to become heavenly. The Savior-Redeemer, who took upon Himself all the sins of the world, reveals His human origin. The poet invites the reader to a silent dialogue – a dialogue of compassion for his hero, who speaks and repeats his human sorrow and, as a man, meets the messenger of heaven and His Transfiguration, which differs from all the Gospels or patristic interpretations, according to which Christ firmly accepts His "cup" as the Son of God. In Nikitin's version, the Savior does this through agony and sorrow; His humility is not equivalent to fortitude of spirit, and the joy of His Transfiguration is tragic in its loneliness and the world's hostility towards Him. In the poet's understanding, Christ is ideal as a Man, but as a man is always in the process of Transfiguration, always on the path to God in Man; herein lie the humanistic ideals of the Russian poet.

Keywords: "Prayer for the Cup", I.S. Nikitin, religious poetry, lyric, theology, semiosphere, image of Christ

For citation: Mamatov, G.M. & Uglyumov, V.E. (2025) "As a Man and Son of God...": To the interpretation of Ivan Nikitin's poem "Prayer for the Cup". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 97. pp. 165–193. (In Russian). doi: 10.17223/1998645/97/8

Введение

В семиотике Ю.М. Лотмана особое место занимает вопрос о диалоге языков, кодовых систем. В одной плоскости между ними возникает живое взаимодействие, и они не представляются статичными. Одна из них является

главенствующей, а другая – вторичной или подчинённой. Происходит перевод одной системы знаков в другую, при их соединении переводимый язык теряет характерные особенности, а переводящий сохраняется и обогащается [1. С. 86]. В этом процессе образуются особые пограничные сферы: единство языков порождает нечто, находящееся на стыке между ними, но не являющееся ни одним из них в полной мере. С этим связана полиглотичность культуры [2. С. 143]. Пример такого текста – церковная архитектура Сицилии. При строительстве Кафедрального храма в Сиракузах или Палатинской капеллы в Палермо были использованы элементы арабского и византийского зодчества [2. С. 143]. Это «общение» создаёт цельность произведения и его способность к смыслопорождению [3. С. 104]. Таким образом, текст, которым в семиотической системе Лотмана является любой феномен, имеющий в своей основе знаковую структуру, выступает как динамичная сфера, в которой разные языки находятся в постоянном взаимодействии между собой [4. С. 9–11; 5. С. 20–21].

Анализируя такие «пограничные» произведения искусства, исследователь должен обращаться к особенностям как переводящей системы, так и переводимой. Данный вопрос актуален при анализе художественных произведений, вдохновлённых библейскими сюжетами. В таких текстах слиты два культурных пласта: литературный (первичная система) и христианский (вторичная система). В филологии проблема религиозной интерпретации художественных произведений остаётся дискуссионной до сих пор [6. С. 322]. При этом в гуманитаристике выработано немало подходов к исследованию «христианского текста», среди которых следует назвать контекстуальный, учитывающий историю и культуру православия [7. С. 12–14], персонологический, основанный на изучении экзистенциального опыта личности писателя и религиозного миросозерцания русского народа [6. С. 325; 8. С. 349; 9], теологический, предполагающий обращение к богословским толкованиям евангельских источников, избранных тем или иным автором [9. С. 8–9]. Отдельная группа работ посвящена интертекстуальным связям между литературой и Библией [10–12], отношениям писателей и поэтов к христианству и Церкви [13, 14]. Несмотря на значительное число исследований, можно смело утверждать, что методика изучения «христианского текста» ещё остаётся актуальным и интересным вопросом, требующим от исследователя наличия определённых знаний в области истории христианства и Евангелия, ведь ново- и ветхозаветные истории изначально интерпретировались богословами. Поэт или прозаик, обращаясь к Библии, становится последующим толкователем, который может достаточно вольно «работать с материалом».

В русской литературе данная проблема особенно актуальна в связи со значительной ролью христианства в жизни многих писателей и поэтов. Словесность, «которая генетически несёт в себе элементы православия и от них получает импульсы религиозно-языкового и религиозно-художественного творчества», влияет как на художественные произведения, так и на религи-

озную жизнь общества, потому «русская литература имеет экклезиологическую ценность» [9. С. 7]. В XIX в. в связи с введением в обиход творений святых отцов и Учителей Церкви, созданием института старчества, появлением православных подвижников, начинается расцвет христианских мотивов в русской словесности [9. С. 8]. Неудивительно, что писателям именно этой эпохи посвящён ряд научных трудов, освещающих религиозные взгляды и их отражения в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.А. Фета [15–23].

Особенно интересно в этом контексте творчество И.С. Никитина, в чьей жизни православие занимало значимое место. В данной статье интерпретируется поэма «Моление о чаше». Заметим, что это единственное произведение Никитина, в котором реконструируется евангельский сюжет (моление Христа в Гефсиманском саду) в своём каноническом виде. Новизна предлагаемой работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в качестве материала исследования выбрано малоизученное произведение, где оригинально интерпретирован частотный в русской литературе новозаветный сюжет. Во-вторых, выявляется место данного произведения в контексте творчества И.С. Никитина и религиозной поэтики русской литературы XIX в. В-третьих, предлагаемая интерпретация соединяет филологические и богословские методы анализа художественной литературы. Мы рассматриваем поэму «Моление о чаше» как религиозный текст¹, «находящийся» между двумя знаковыми системами: соборной христианской культурой и индивидуальным поэтическим творчеством. В-четвёртых, в статье предлагается рассмотреть произведение Никитина и в связи с его социальными и гуманистическими идеями, что позволит более глубоко исследовать природу его христианской лирики в контексте русской литературы 1850-х гг.

Биографический и историко-литературный контексты

Обратимся к биографическому и литературно-историческому контекстам. Отец поэта, Савва Евтихиевич, происходил из духовного сословия, что отразилось на воспитании и образовании Никитина: «И.С. Никитин учился в Воронежском духовном училище и в духовной семинарии <...>. Несомненно, на религиозном настроении поэта отразилось его обучение в духовной школе, тем более что и первоначальное его воспитание, в доме его отца, было тоже религиозное, так как отец его был из духовного звания и торговал церковными свечами, почему, несомненно, вращался в кругу духовном» [24. С. 2]. Важно и то, что перед смертью поэт с большим интересом читал «Житие» Тихона Задонского, чьи молитвы были обретены в Воронеже летом 1861 г., и работы В.И. Чеботарёва, келейника святого [24. С. 4; 25. С. 59].

¹ Данный термин означает текст, который «характеризуется такими чертами, как полисемантичность, притчевый характер повествования, внутренняя полнота и непротиворечивость, основанные на христианской этике и гносеологии и т.д. В то же время религиозный текст не обладает священным статусом и не во всех случаях неизменен» [20. С. 5].

Во время обучения Никитина в семинарии начали формироваться его литературные предпочтения и нравственные взгляды. Важную роль в его судьбе сыграло знакомство с поэзией А.В. Кольцова и публицистикой В.Г. Белинского, чьи статьи оказывали серьёзное влияние на умы семинаристов: «Огненные статьи Белинского, так близкого к Кольцову, читались с жаром и чуть не заучивались наизусть; <...> одним словом, пребывание в семинарии, совпадающее с умственным движением тогдашнего времени, имело на Никитина громадное влияние. Это умственное движение, как известно, произведено было Белинским» [26. С. 5]. М.Ф. Де-Пуле делает правомерный вывод о близости взглядов молодого поэта к западничеству, «журнальным выразителем» которого и был критик [26. С. 6]. Важна мысль В.А. Тонкова: «Чтение этих статей не могло не вызвать благоговейного отношения к Белинскому, какое Никитин сохранил в течение своей жизни» [27. С. 14]. Осмысление идей В.Г. Белинского определило творческий путь Никитина, сформировало нигилистическое отношение к миру, которое было характерно для него в ранние годы [26. С. 6]. В дальнейшем Никитин был близок поэтам революционно-демократического направления, Н.А. Некрасову [27. С. 50; 28. С. 19–20] и М.Л. Михайлову [27. С. 14–26]. На зрелое творчество Никитина повлиял и Н.Г. Чернышевский, написавший рецензию на его первую книгу [27. С. 34–35; 29]. Важен и факт участия поэта во второвском кружке, куда входили представители воронежской интеллигенции, помогавшие ему публиковаться в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» и познакомившие его с А.Н. Афанасьевым, Ф.И. Буслаевым, В.И. Далем, П.И. Мельниковым-Печерским, В.Ф. Одоевским и И.И. Срезневским [28. С. 11].

Следует актуализировать вопрос о влиянии В.Г. Белинского на духовные взгляды Никитина. В хрестоматийном «Письме Н.В. Гоголю 15 июля 1847 года» Белинский подвергает православную церковь критике: «Ей (России. – Г.М., В.У.) нужны не проповеди <...>, не молитвы <...>, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью» [30. С. 244]. В этом фрагменте Белинский акцентирует мысль о пагубном влиянии церкви на общество, чему критик противопоставляет здравый смысл, справедливость и необходимость действия. И.С. Никитин в письме к Н.И. Второву и И.А. Придорогину от 27 октября 1858 г. так охарактеризовал обучение в семинарии: «Открыв при книжной лавке библиотеку для чтения по дешёвой цене, получая все лучшие современные журналы, я мог бы, если не ошибаюсь, действовать на известную часть публики, действовать на молодежь семинарии, проводя в неё всё лучшее; по мере моих сил мне хотелось бы заплатить добром за зло этому отупляющему учебному заведению» [31]. Поэт осмысляет церковное образование как «примитивное», отрицательно воздействующее на семинаристов. Критика поэта касается не только семинарии. В стихотворении «Ах! признаюся, воля Ваша...» (1854) он враждебно описывает священство: «Скажите, где здесь совершенство? / К тому ж, что скажет духовенство? /

А здесь ведь очень важен глас / Больших бород и длинных ряс» [32. С. 151]. Не менее резко о семинарии и священстве Никитин напишет в стихотворении «Ах, прости, святой угодник...» (1858): «Миряний – попов поклонник, / Чтитель рясы и бород – / Мёртвой школе гимн поёт. / Ох, знаком я с этой школой! / В ней не видно перемен: / Та ж наука – остав голый, / Пахнет ладаном от стен. / <...> / Поп, обросший бородою, / По дворам с святой во-дою / Будет в праздники ходить, / До упаду есть и пить» [32. С. 282–284]. Становится очевидным, что Никитин скептически настроен к церкви, как к социальному институту. Но вера И.С. Никитина была абсолютно искренней, о чём пишет М.М. Семёнов: «Бог, в которого верует Никитин <...> – не отвлечённая идея. Это личный живой Бог; Иван Саввич представляет Его “окружённым духов – незримою толпой”, – которых он и посыпает к людям, – через этих слуг своих, являя руку Свою» [33. С. 508]. В этом, по мнению М.М. Семёнова, заключается различие взглядов Никитина и Белинского. Но с такой позицией нельзя полностью согласиться. Критик отделяет Христа и Его учение от религии: «...но Христа-то зачем Вы примешали тут? <...> Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» [30. С. 246]¹.

Важной деталью является цитирование знаменитого девиза Великой французской революции «Свобода, равенство и братство». Очевидно, что и для Никитина истинная вера не может существовать вне гуманизма и социальной эмпатии. Для поэта Христос всегда оставался идеалом, чей подвиг знаменовал высшее проявление духа, дарящее утешение всем страждущим, о чём он пишет в автобиографической повести «Дневник семинариста» (1860): «Унывает ли несчастный, бесчестно оскорблённый и задавленный, – я указываю ему на бесконечное терпение божественного страдальца, который, прибитый гвоздями на кресте, прощал своим врагам» [35. С. 60]. Поэт осмысливает Распятие Христа как самопожертвование, подвиг на кресте дарует всем страждущим успокоение. Заметим, что и роль искусства для Никитина заключалась в облегчении мучений народа, а истинная миссия поэта – в прохождении им через грязь жизни, о чём он пишет в письме А.А. Краевскому от 20 августа 1856 г., в котором отвечает на критику рецензента из «Современника»: «...всеобъемлющий г. рецензент упустил из виду примирение автора с горькою действительностио <...>. Не вдруг колодник запоет о своих цепях: физическая боль, мрак и сырой воздух тюрьмы остановят до известного времени поэтическое настроение. <...> Попробовал бы г. рецензент пройти по уши в грязи по той самой дороге, по которой идёт автор-мешанин, я послушал бы тогда, как он воспел эту грязь и скоро ли взялся за пенье!» [31].

В молитвенной лирике Никитина и Бог, и Христос выступают как утешители, дарующие измученной душе надежду, успокоение и обретение духовной гармонии как в стихотворении «Сладость молитвы» (1854), написан-

¹ Подробнее об этом см. работу И.Р. Монаховой [34. С. 141].

ном сразу после «Моления о чаше»: «И в душу прольётся мне светлая радость, / И смело на образ тогда я взгляну, / И, чувствуя в сердце какую-то сладость. / На ложе я лягу и крепко засну» [32. С. 124]. Помимо этих произведений в 1854 г. поэт написал немало стихотворений, в которых обратился к социальной проблематике («Жена ямщика», «Бурлак», «Лесник и его внук», «Купец на пчельнике»). Религиозная тематика у Никитина всегда соединена с социальной, заметим, что в стихах за 1854 г. тема «утешения молитвой» актуализирована во многих нерелигиозных стихотворениях («Вечер после дождя», «Неудачная присуха»).

Историко-литературный контекст при изучении творчества Никитина не исчерпывается связью с В.Г. Белинским. Г.П. Черешнева в своей диссертации доказывает, что он испытал влияние А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского [28. С. 12–13]. Это наблюдение позволяет говорить, что воронежский поэт – наследник литературной традиции XVIII–XIX вв. На наш взгляд, ещё одной точкой пересечения Никитина и русских классиков стал «теоцентрический тип миросозерцания», который «связан с христианской онтологией, ориентирован на единого личного Бога, который творческой любовью связует мировое целое, давая ему высший порядок и смысл» [9. С. 8]. В письме к А.Ф. Кони от 6 ноября 1853 г. Никитин так пишет о своём отношении к природе: «В моей грустной действительности единственное для меня утешение – книги и природа: в беседе с нею я забываю всё меня окружающее. Она – мой первый наставник, научивший меня знать и любить бога» [31]. Для Никитина природа – проявление божественной воли на земле. В миниатюре «Когда один в минуты размышления...» (1851) герой верит в «святое Провидение», управляющее всеми процессами во вселенной [32. С. 79]. В данном случае трудно не согласиться с наблюдением Д.А. Романова о «растворении Бога в окружающем мире» в лирике поэта, а также близости его взглядов пантеизму [36. С. 248].

Итак, одной из важнейших тем в лирике Никитина является христианство. На протяжении всего своего творческого пути поэт неизменно обращался к религии и молитвенной лирике, на что указывают названия многих его миниатюр: «Монастырь» (1849), «Молитва» (1851), «Новый Завет» (1852), «Молитва дитяти» (1852), «Война за веру» (1853), «Моление о чаше» (1854), «Сладость молитвы» (1854), «Лампадка» (1857), «Исповедь» (1861). Религиозные темы возникают и в самых крупных и значительных произведениях Никитина: в поэме «Кулак» (1857), повести «Дневник семинариста». Говоря об изучении религиозной тематики в лирике Никитина, мы не можем не отметить, что она уже становилась предметом исследования как филологов, так и деятелей церкви. Все эти работы можно разделить на две категории. К первой относятся те труды, авторы которых «идеализируют» христианские взгляды поэта, показывая его как глубоко религиозного человека, в чьих стихах «достоверно и искренно выражено мироощущение верующего человека, который не видит смысла жизни вне обращения к Богу» [37. С. 19]. К таким работам относятся статьи иеромонаха М.М. Семёнова, кото-

рый писал о «теодице», мотивах Голгофы и «религиозного сомнения», которое побеждается искренней молитвой никитинских героев [33. С. 512; 38. С. 551], очерк М.М. Степанова [24]. В схожем русле о христианских взглядах поэта пишет Г.П. Черешнева: «В его стихах религиозно-патриотические настроения поддерживаются сознанием величия православной родины и своего единения с нею» [39. С. 20]. Такое понимание христианских взглядов обнаруживается в трудах биографов и критиков поэта [25. С. 67; 40]. Вторая группа работ включает в себя те сочинения, авторы которых не признают в религиозных стихах Никитина художественных достоинств [41] или ставят их ниже по уровню произведений, написанных на социальную тематику [27; 42. С. 70]. При анализе лирики Никитина нельзя говорить о незначительности религиозной лирики, так как христианские мотивы сохраняют свою значимость на протяжении всего его творчества. Такие аспекты данной темы, как библейская сюжетика, факты обучения в Воронежской семинарии и наличия знаний в области теологии, исследователями не учитывались, не брались ими во внимание и традиции русской религиозной лирики, которые нашли своё отражение в творчестве Никитина, примером чего является поэма «Моление о чаше».

История публикации поэмы «Моление о чаше»

Поэма «Моление о чаше» написана, согласно авторской датировке, 7 января 1854 г. Ф.Е. Сивицкий пишет, что текст произведения вместе со стихотворениями «Русь» (1851) и «Война за веру» был напечатан в «Воронежских губернских ведомостях» [25. С. 23]. Мы изучили подшивку газетных номеров «Воронежских губернских ведомостей» за 1854 г., находящуюся в Российской национальной библиотеке, но не нашли данного стихотворения ни в одном из выпусков. При этом поэма принесла славу И.С. Никитину: «Междур прочим, выразила желание видеть Никитина супруга тогдашнего губернатора, княгиня Е.Г. Долгорукая <...>. Она сделалась одною из ревностнейших почитательниц его таланта (особенно нравились ей стихотворения религиозного содержания – «Моление о чаше», «Сладость молитвы») <...> Популярность его возросла особенно после написанного им стихотворения «Моление о чаше»; о Никитине заговорили во всех даже едва грамотных слоях общества; стихотворение переписывалось во множестве экземпляров и распространялось далеко за пределы Воронежа» [26. С. 16–17]. М.Ф. Де-Пуле, автор этих строк и человек, близко знавший Никитина по второвскому кружку, не пишет о публикации текста в 1854 г., возможно, что оно распространялось в Воронеже в рукописных списках. Собственно, изучив другие источники, мы выявили, что Ф.Е. Сивицкий допустил фактологическую ошибку. Поэма не была опубликована при жизни Никитина из-за духовной цензуры. В Полном собрании стихотворений указана следующая информация: «Впервые – изд. 1869 г., т. 1, стр. 267. Автограф – в архиве Никитина; там же автографы двух первоначальных редакций, без даты.

Списки – в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника, без даты. Духовной цензурой стихотворение не было разрешено к печати» [32. С. 577–578]. Сам поэт высмеял этот запрет в миниатюре «Ах! признаюся, воля Ваша...»: «Не дай Бог, если лоб их медный / Противоречье здесь найдёт, – / Ведь этой «Чаши» автор бедный / Ни за копейку пропадёт» [32. С. 151].

Мы нашли текст первой публикации произведения в журнале «Русский Архив» за 1865 г., где оно было напечатано под названием «Молитва в саду Гефсиманском» с примечанием под заглавием «Неизданное стихотворение И.С. Никитина» [43. С. 805–810]. Это противоречит как данным Ф.Е. Сивицкого, так и информации из собрания стихотворений. Возникает вопрос, почему авторы комментария не обратились к сведениям М.Ф. Де-Пуле в первом собрании сочинений, где, по их информации, поэма была впервые опубликована: «Стихотворение это напечатано в первый раз в 7-м выпуске “Русского Архива” 1865 г., стр. 805–810, но в первоначальном виде и, притом, с не совсем точного списка. Обе редакции, почти одновременные (январь 1864 г.) сохранились в подлиннике у Второва» [44. С. 526–527]. Любопытна история создания поэмы, описанная М.Ф. Де-Пуле. Одна почитательница таланта Никитина подарила ему эстамп Ф.А. Бруни «Моление о чаше» (1834–1836), вдохновивший поэта на создание «Моления о чаше» [44. С. 37]. Связь поэмы с этой картиной опосредованная, сюжет никитинского произведения никак не связан с изображением Христа у Бруни. Заметим, что исследуемое стихотворение получило положительную оценку в критике конца XIX и начала XX в. [45. С. 76; 46. С. 53], но мы не можем говорить, что оно подробно изучено в научной литературе, посвящённой Никитину.

Сюжет моления Христа в Гефсиманском саду в русской и европейской литературе

Перед непосредственной интерпретацией следует рассмотреть основные значения изучаемой истории в Библии, русской и европейской литературе. Выделим схематично основные сюжетные элементы истории о молении Спасителя в Гефсиманском саду в Четвероевангелии:

1. После Тайной Вечери Иисус Христос отправляется в Гефсиманский сад с тремя учениками.
2. Спаситель пал на колени и взмолился Богу (моление о чаше), в то время как апостолы погрузились в сон.
3. Порицание учеников и возвращение к молению (троекратная молитва у Матфея и Марка).
4. Утешение Христа Ангелом в Евангелии от Луки [47. Лк. 22: 41–44].
5. Иисус будит Петра, Иакова и Иоанна и говорит им о грядущем предательстве и казни.
6. Появление Иуды и иудейских первосвященников и фарисеев с огнями и оружием (у Иоанна).

Эта сюжетная канва возникает в большинстве произведений, посвящённых истории моления о чаше. Здесь стоит назвать византийские иконы, полотна Дуччо, Эль Греко, А. Мантеньи, Дж. Беллинни, Н.Н. Ге, В.Г. Перова,

прелюдию и фугу до-диез минор из первого тома «Хорошо Темперированного Клавира» И.С. Баха, «Мессию» Г.Ф. Генделя, ораторию «Христос на Масличной горе» Л. ван Бетховена. В европейской и русской литературе этот сюжет также достаточно популярен, о чём написано немало филологических работ. Ряд исследований посвящён «Оливовой роще» Р.М. Рильке [48], «Масличной горе» А. де Винны [49], «Молению о чаше» А.Н. Апухтина [50], роману «Ермо» Ю. Буйды [51]. Стоит отдельно назвать диссертацию М.О. Граматчиковой, изучавшей сюжет моления о чаше в «Реквиеме» А.А. Ахматовой, литературе русского зарубежья, поэзии Великой Отечественной войны, советской лирике, романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака [52]. Исходя из наблюдений учёных, выделим, что в литературе данный сюжет или появляется в каноническом виде, или «растворяется» в тексте на уровне аллюзий. Отметим его основные коннотации. Прежде всего, это высокое предназначение героя, данное с небес [53. С. 102], христологические мотивы [48. С. 18–23, 49], утешение в подвиге Спасителя [52. С. 43], соотнесение вечности и мгновенности [52. С. 181], постижение великой цели, воскрешение [51. С. 232], историческая катастрофа, необходимость жертвенности ради мира и спасения людей [52. С. 81–97]. Становится очевидным, что евангельский сюжет имеет немало различных трактовок в русской и европейской литературе. Встаёт вопрос, каковы основные особенности в презентации известной евангельской истории в поэме И.С. Никитина?

Анализ «Моления о чаше» И.С. Никитина (филологический аспект)

В.А. Котельников обозначает два центральных жанровых образования в русской христианской лирике начала XIX в.: «религиозный эпос», восходящий к западноевропейской литературе (Дж. Мильтон, Ф. Клопшток, И. Брейтингер), и «христианская псалмодика», включающая в себя «молитвенную поэзию» [9. С. 19]. Произведение Никитина соединяет обе эти тенденции. Оно написано в эпическом стиле, крайне близком русской религиозной поэме, но её смысловой центр – три моления Христа. Рассмотрим «эпическое начало». В.Л. Коровин выводит следующие черты жанра «религиозная поэма» в русской литературе. Тщательное следование первоисточнику, что восходит к «перелаганию» псалмов в русской духовной оде. Идентичность пространственно-временной структуры поэмы и евангельской истории («Хеверь» (1837), «Разрушение Вавилона» (1839) В.И. Соколовского, «Иов» (1859), «Таинственная капля» (1861) Ф.Н. Глинки [54. С. 188–192]). Соединение повествования с толкованием. Каждое произведение является авторской трактовкой библейского сюжета, что уже соприкасается с областью богословия [54. С. 180]. Никитин следует этой традиции. Сюжет поэмы линейный и почти полностью идентичен библейскому предтексту. Совпадает с евангельской историей и точное упоминание новозаветных топонимов. Рассмотрим композицию. Поэма состоит из 210 стихов. В использующемся источнике она разбивается на несколько фрагментов: первый включает стихи № 1–170, второй – стихи № 171–186, третий – стихи № 187–202,

четвёртый – стихи № 203–210 [32. С. 117–122]. Такая разбивка кажется достаточно произвольной из-за отсутствия отступов внутри первых 170 стихов. Все публикации произведения различны по структуре. В собрании сочинений 1869 г. отступы стоят после стихов № 136, 154, 170, 186 и 202 [44. С. 267–274]. В издании 1914 г. разделы стоят после стихов № 154 и 190 [26. С. 114–116]. На наш взгляд, поэма делится на 10 смысловых частей (таблица).

Композиция «Моления о чаше»

Номер части	Название части	Название подчастей с указанием номеров первого и последнего стихов
1	Пейзаж	Социальный, городской (стихи 1–12)
		Природный, космический (стихи 13–22)
2	Гефсимания	Сон апостолов, описание проклятого мира (стихи 23–38)
3	Первое моление Христа	Явление Спасителя – первое моление о чаше – первое обращение к ученикам (стихи 39–83)
4	Второе моление о чаше	Мучения Христовы от знания Своей участи (стихи 84–106)
		Второе обращение к ученикам (стихи 107–114)
5	Третье моление Христа	Душевные мучения Христа (стихи 115–130)
		Молитва (стихи 131–150)
		Описание состояния после молитвы (стихи 151–154)
6	Чудо с Ангелом	Явление ангела (стихи 155–171)
7	Фрагмент о сатане	Описание «царства тьмы» и сатаны, противопоставление фрагменту об Ангеле и небесном мире (стихи 172–186)
8	Фрагмент о небесном мире	Окончание чуда с Ангелом (стихи 187–192)
9	Возвращение Христа к ученикам	Преображение, третье обращение к ученикам (стихи 193–206)
10	Появление Иуды	Финал (стихи 207–210)

Композиция произведения довольно сложна и многослойна. Большинство смысловых частей разделяется на несколько фрагментов, каждый из которых имеет самостоятельное значение. Взаимоотношения этих частей также специфичны. Части № 3–5 объединяются в одно целое благодаря параллелизму: все моления строятся по единой смысловой и синтаксической структуре, но различны по смыслу. Можно говорить о градации, постепенном снижении эмоциональных оттенков от возмущения до принятия участия. Иначе взаимодействуют части № 6–8, где противопоставлены небеса и царство тьмы. В девятой части подразумевается и нетождественность небес-

ного и земного миров: «Поднявшись тихо, небожитель / Летел к надзвёздным высотам, – / Меж тем всемирный Испкупитель / Опять пришёл к ученикам» [32. С. 122].

Поэма начинается с пейзажа, который усложнён разделением на две фрагменты. В первом дан социальный фон: природа неразрывна с миром людей, на что указывают локусы полей, садов и города: «День ясный тихо догорает; / Чист неба купол голубой; / Весь запад в золоте сияет / Над Иудейскою землём. / Спокойно высяясь над полями, / Закатом солнца освещён, / Стоит высокий Елеон¹ / С благоуханными садами. / И, полный блеска, перед ним, / Народа шумом оживлённый, / Лежит святой Ерусалим, / Стеною твёрдой окружённый» [32. С. 117]. Очевидно движение от небесного мира через горные сады к суетному пространству грешного города. Упоминание стен также неслучайно и вводит мотив неволи человеческой жизни. Этому ограниченному нижнему миру противопоставлено описание вольного безграничного приморья с высоты птичьего полёта; герой находится, будто на горе, рассматривая бесконечные просторы: «Вдали Гевал и Гаризим, / К востоку воды Иордана / С роскошной зеленью долин / Рисуются в волнах тумана, / И моря Мёртвого краса / Сквозь сон глядит на небеса. / А там, на западе, далёко, / Лазурных Средиземных волн / Разлив могучий ограждён / Песчаным берегом широко...» [32. С. 117–118]. Гармоничность этой картины вселенская; соединение лазури неба и морской синевы создаёт прекрасный и идеальный Космос. Д.М. Ковалёв замечает, что никитинский пейзаж психологичен и дан через призму его созерцания лирическим субъектом [56. С. 24]². Особый нюанс – многоточие в конце первой части. Фигура умолчания может интерпретироваться двояким образом: как наслаждение созерцающего героя красотой природы и как горький вздох перед последующими событиями.

Вторая часть продолжает первую за счёт мотива смены времён суток от солнечного заката к лунной ночи: «Темнеет... всюду тишина... / Вот ночи вспыхнули светила, – / И ярко полная луна/ Сад Гефсиманский озарila» [32. С. 118]. Этот ноктюрн – самый мелодичный фрагмент поэмы, описание звёздного неба будто навеяно идеей о музыке сфер. Важную роль здесь иг-

¹ Сады Елеона уже «намекают» на Гефсиманский сад. В.С. Кинешемский так характеризует данный топос: «Достигнув подошвы горы Елеонской и перейдя небольшой Кедронский поток, Господь с учениками вошёл в находившийся здесь Гефсиманский сад. Это было уединённое место, тихий укромный уголок, где Спаситель любил бывать для молитвы и для задушевных бесед с учениками. <...> Гефсиманский сад, удалённый от городской суеты, был самым подходящим местом для последней тихой, уединённой молитвы» [55. С. 296].

² Нередко природа воспринимается поэтом как храм, где герой творит искреннюю сердечную молитву: «Вот уж веет прохладой ночью; / Грезит колос над узкой межою; / Месяц огненным шаром встаёт, / Красным заревом лес обдаёт. / Кротко звёзд золотое сиянье, / В чистом поле покой и молчанье; / Точно в храме, стою я в тиши / И в восторге молюсь от души» («В синем небе плывут над полями...») (1858)) [32. С. 285].

рают цезуры, замедляющие звукоизвлечение, а также аллитерации на боковой сонорный «л», глухие «с», «ш», назальный «н» и ассонанс на «и». Преобладание данных фонетических единиц вовлечено в процесс звуковой семантизации: создаётся ощущение тишины, уединённости, имитируются звуки ночной природы. Но если согласные «л», «с», «ш», «н» – зубные и артикулируются ближе к кончику языка, то начинающие доминировать в следующем отрывке заднеязычный «к» и нёбно-зубной «р» маркируют темы тяжести и вечного проклятия земного мира. Отмеченное «вторжение» согласных «к» и «р» вместе с продолжающим доминировать зубным «с» связано с переходом к новой части, посвящённой сну человечества и апостолов и страсти христовыми: «Их сон спокоен и глубок; / Но тяжело спал мир суровый: / Веков наследственный порок / Его замкнул в свои оковы, / Проклятье праотца на нём / Пятном бесславия лежало / И с каждым веком новым злом / Его, как язва, поражало...» [32. С. 118]. Соединение данных звуков, как будет доказано далее, вводит в поэму тему креста, которая станет в последующих стихах своеобразным лейтмотивом, возникающим и на тематическом, и на фоническом уровнях. Упоминание оков отсылает к образу стен Иерусалима: мир разделён на космическую бесконечную и земную (человеческую) ограниченную сферы.

Мы переходим к изучению эпизода страданий Христа и Его трёх молитв, который является смысловым центром поэмы. Никитин следует традиции русской молитвенной лирики, в которой, по мысли В.А. Котельникова, «лежит не стилизация молитвословия, а такой акт религиозно-языкового творчества, который включает в себя момент реального богообщения и богопознания» [9. С. 19]. Никитину особенно важно показать внутреннюю борьбу Христа, Его психологические мучения. Состояние Спасителя меняется от возмущения и скорби одиночества («За слово истины высокой / Голгофский крест предвидел он. / И чувством скорби возмущён, / Отцу молился одиноко» [32. С. 119]), плача («Сказал – и тихо удалился / Туда, где тихо пла-кал он, / И той же скорбью возмущён, / На землю пал он и молился» [32. С. 119]) к преодолению человеческой слабости и преображению. Отметим настойчивые повторы звуков «к», «р», «с», «т». Это сочетание звуков продолжает выделенный ранее лейтмотив «креста», центральный в этом отрывке (слово «крест» упомянуто четыре раза), причём здесь учащаются аллитерации на «т»: «И те, которым со креста / Пошлёт Он дар благослове-ния, / С улыбкой гордого презренья/ Поднимут руки на Христа...», «И если Твоему народу / Позор Мой благо принесёт, / Пускай за общую свободу / Сын человеческий умрёт!» [32. С. 119]. Тема креста (распятия), о чём думает Христос в Гефсиманском саду, как бы впечатывается во внутреннюю форму текста, высвечивается на уровне фоники, подчёркивая болезненные и напряжённые размышления Спасителя. Несмотря на осознание трагической участии, Он смиленно принимает её. Богообщение становится диалогом Отца и Сына, а богопознание равнозначно самопознанию Спасителя.

Рассмотрим мотив страдания. В деяниях святых Апостолов говорится, что именно через «многие скорби» лежит путь в Царствие Божие [47. Деян.

14:22]. Боль Спасителя связана с Его одиночеством в мире (даже апостолы спят), с тем, что радость Царства Небесного не была воспринята людьми, что Он «пришёл к своим, и свои Его не приняли» [47. Ин. 1:11]. Использующаяся градация необходима для изображения страстей Христа и акцентирования внимания на человечности Спасителя, чья душа полна страдания за других, а финальное смирение равнозначно «превращению в молитву»: «И вот опять Он удалился / Под сень смоковниц и олив, / И там, колени преклонив, / Опять Он плакал и молился: <...> И руки к небу Он подъял, / И весь в молитву превратился; / Огонь лицо Его сжигал, / Кровавый пот по Нём струился» [32. С. 120–121]. Кровавый пот связан с наивысшим напряжением моления Христа, началом Его преображения и мощью моления. Никитин описывает миг исключительного физического-физиологического (гематидроз) и духовного напряжения, когда тело не может выдержать силы этой молитвы, символизирующющей становление в Богочеловека и обретение полноты Логоса. На это указывают изменения в графической структуре: вначале личные местоимения, относящиеся к Христу, написаны со строчной буквы, а в finale – с заглавной. Происходит превращение из человека в божество. Меняются стихии. Вначале этой части возникает сад из олив и смоковниц (растительная земная символика), который сменится небесной воздушной сферой, образами луны и звёзд: «Спокойно в выси голубой / Светил блистали мириады, / И полон сладостной прохлады / Был чистый воздух. Над землёй» [32. С. 122]. Данные изменения можно назвать параллелизмом: преображение Христа в Богочеловека сопровождается переходом от земных образов к небесным, что позволяет говорить о возвышении и Спасителя, и окружающей Его природы. Изменения касаются слов Христа. Никитин использует различные синтаксические приёмы, благодаря которым изображена живая, эмоциональная речь Спасителя, Его сердечная молитва, что подчёркивает Его человеческое начало. В первом молении Он представляет Себя как мученика, не желающего погибать от рук иерусалимской черни. Его отчаяние и скорбь переданы с помощью риторических восклицаний: «О, подкрепи меня, молю, / Моя душа изнемогает!», «О, да минует чаша эта, / Мой Отче, Сына Твоего! / Мне горько видеть злобу света / За искупление его!», «Но не Моя да будет воля, / Да будет так, как хочешь Ты!»; умоляния: «С улыбкой гордого презренья / Поднимут руки на Христа...», инверсии: «Проклятьем черни поражён, / Измученный и обнажённый, / Перед толпой поникнет Он / Своей главой окровавлённой». Выделим анадиплосис «Твой Сын безропотно умрёт, / Умрёт за общую свободу» [32. С. 119]. Повтор глагола *умрёт* усиливает психологическое напряжение, тему смерти и страха перед ней.

Второе моление близко по структуре первому, но тональность его меняется, возникают мотивы любви Божией и сомнения в Своей миссии на земле: «Ты, Отче, в мир Меня послал, / Но Сына мир Твой не приемлет: / Ему любовь Я возвещал – / Моим глаголам он не внемлет» [32. С. 119]. Очевидны отсылки к всепрощению Спасителя («Я был врачом его больным, / Я за врагов моих молился») и воскрешению Им мёртвых: «Народу мир я

возвещал, / Народ судом Мне угрожает, / Я в мире мёртвых воскрешал – / И мир мне крест приготовляет») [32. С. 120]. Но важным отличием от предыдущей молитвы здесь является фигура антитезы, которая создаёт особую смысловую и синтаксическую схему. В первых стихах Иисус говорит о благе, которое Он принёс людям, а в итоговых – о неблагодарности народа. Тема смирения связана с мотивами горя и невозможности избежать участия: «И взор в тоске невыразимой / С небес на землю он низвёл, / И снова скорбию томимый, / К ученикам он подошёл» [32. С. 120]. Важно описание душевных страданий Христа между второй и третьей молитвами: «Что думал Он в минуты эти, / Как Человек и Божий Сын, / Подъявший грех тысячелетий, – / То знал Отец Его один. / Но ни одна душа людская / Не испытала никогда / Той боли тягостной, какая / В Его груди была тогда, / И люди, верно б, не поняли, / Весь грешный мир наш не постиг / Тех слёз, которые сияли / В очах Спасителя в тот миг» [32. С. 120]¹. В этом фрагменте особенно важен стих «Как Человек и Божий Сын», где слово «Человек» написано с заглавной буквы, что маркирует тему гуманистического идеала Христа. Внутренняя работа, которая происходит с Ним, остаётся великой загадкой для всех людей мира, не способных познать страшные муки, которые Он испытал перед преображением в Богочеловека. Этой борьбе посвящено последнее моление, в котором Он принимает на Себя все грехи мира: «Позор людской, позор веков, – / Всё на себя Я принимаю, / Но Сам под тяжестью оков, / Как человек, изнемогаю... / О, не оставь Меня в борьбе / С Моею плотию земною, – / И всё угодное Тебе / Тогда да будет надо Мною! / Молюсь: да снидет на Меня / Святая сила укрепленья! / Да совершу с любовью Я / Великий подвиг примиренья!» [32. С. 121]. Словосочетание «тяжесть оков» вновь связано с земным миром, плотью и человеческой природой. Именно после этого моления к Христу нисходит божий посланник, происходит последняя победа Спасителя над искушением сатаны и символическое освобождение от земного бремени. Наивысшая точка молитвы – точка Преображения наступает, когда Христос весь превращается в молитву. Именно в этот миг и Спаситель, и Вселенная освобождаются через скорбь к радости. Эта свобода знаменует победу над дьяволом, который пребывает в одиночестве и злобе: «Вокруг молчало всё глубоко; / Была на небе тишина, – / Лишь в царстве мрака одиноко / Страдал бесплодно сатана» [32. С. 122].

Любопытна мысль В.И. Кузнецова о мотиве битвы добра и зла в поэме: «В основе лирического сюжета “Моления о чаше” лежит текст Св. Писания, но поэт так его трансформировал, что Христос у него более похож на социального реформатора, нежели евангельского героя» [57. С. 47], по мысли исследователя, поэма воспринималась «не как божественное откровение, а

¹ Раздумья Христа стали темой для размышления в работе В. Кинешемского: «Что переживал в эти минуты Спаситель и отчего Он ужасался и тосковал? Отчего смертельно скорбела душа Его? Несомненно, пред Ним вставала картина предстоящей страшной казни...» [55. С. 296].

как призыв к борьбе с земным злом» [57. С. 47]. На наш взгляд, это наблюдение В.И. Кузнецова вписывается в контекст уже упомянутых работ, в которых лирика Никитина и, в частности, поэма «Моление о чаше» рассматривались в контексте его гуманистических и социальных взглядов. В молении Христа подчёркивается Его деятельность во благо человечества и готовность умереть во имя всемирной свободы: «День казни близок: он придёт, – / На жертву отданый народу, / Твой Сын безропотно умрёт, / Умрёт за общую свободу...» [32. С. 118–119]. Невозможно не выделить близость этой строфы письму Белинского, в котором подвиг Христа мыслится в терминах Великой французской революции. Общая свобода, во имя которой приносит себя в жертву Спаситель, являет собой освобождение всего человечества от тьмы и греховности, его приход к Богу и просветление. Тема воли повторяется часто, а словосочетание «общая свобода» становится рефреном поэмы: «Он знал, что в мире колебался / Его владычества кумир / И что бесславно падший мир / К свободе новой приближался» [32. С. 122]. Спаситель в «Молении о чаше» выступает как носитель гуманистических идеалов. Поэма Никитина становится выражением его социальных взглядов, во многом, испытавших влияние В.Г. Белинского и поэтов-демократов. Христос в «Молении о чаше» – это Спаситель мира, который стремится вывести его к истинной духовной свободе и спасению в Боге, неудивительно, что Иерусалим описан как проклятый и больной город, а Христос как «врач». В строке «за общую свободу» Никитин цитирует послание Павла римлянам: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего её, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» [47. Рим. 8:19–21]. В поэме подразумевается выход человечества из тварного, почти животного состояния к свету богоопознания и славе Господней. Поэтому моления Христа допустимо трактовать как молитвы общечеловеческие, всемирные. Таким образом, религиозное содержание поэмы можно охарактеризовать как близкое «секулярному христианству» в русской литературе XIX в. Идея свободы, о которой возвещает Христос в молении, отражает основные идеалы поэтов демократов, к которым относится И.С. Никитин, а также В.Г. Белинского. В то же время в поэме можно говорить об идеализированном образе Христа, «искренно», «с любовью» идущего на жертву во имя всеобщей благодати, в данном случае поэма вдохновлена православным мироощущением самого автора, искренне верившего в подвиг Спасителя.

Исходя из всего вышеизложенного, допустимо сделать вывод, что Никитин провозглашает действие трёх молитв как путь от скорби к радости, от человеческого к божественному, от мрака к свету. В поэме Спаситель трижды выходит к спящим апостолам, взыывает к ним и остается в одиночестве бодрствования на пути к Богу, от плоти к духу: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» [47. Мк. 14:38]. Оппозиция дьявольское–священное – центральная. Грешный земной мир близок царству сатаны. Несмотря на «испитие чаши», Христос остаётся

один на один с предательством и грядущей казнью: «Ученики, как прежде, спали, / И вновь Спаситель им сказал: / «Вставайте, близок день печали / И час предательства настал...»» [32. С. 122]. Христос воспринимает всё, что предстоит ему пережить, с горечью и болью, а фигура умолчания в конце этой фразы маркирует эмоциональную тяжесть, горький вздох человека, идущего на Голгофу. Эти стихи противопоставлены по содержанию более раннему фрагменту о преображении Христа и Его твёрдом принятии участия: «И в это чудное мгновенье / Как был Он истинно велик, / Каким огнём одушил венеция / Горел Его прекрасный лик! / Как ярко отражали очи / Всю волю твёрдую Его, / Как радостно светила ночи / С высот глядели на Него!» [32. С. 122]. Словосочетание «день печали» можно интерпретировать и как осмысление Голгофы как трагедии для мира, и как личную драму Христа. Но нельзя не согласиться с мыслью Ю.В. Лебедева о «величии и красоте христианского самопожертвования» в этой поэме [58. С. 86]. В стихе «Всю волю твёрдую Его» возникает тема искреннего самопожертвования во имя свободы всего человечества.

Финальное появление Иуды и стражников можно трактовать как антитезу по отношению к идиллическому пейзажу в начале поэмы, а также к картине уединённого Гефсиманского сада, где молился Спаситель: «И звук мечей остроконечных / Сад Гефсиманский пробудил, / И отблеск факелов зловещих / Лицо Иуды осветил» [32. С. 122]. Высший и низший миры противопоставлены по ряду мотивов: космос – хаос, жизнь – гибель; свет – тьма; свет – огонь; шум – безмолвие. Мотив благодатного молчания связан с образами небес и Гефсиманского сада («Темнеет... всюду тишина...», «Была на небе тишина», «И вдруг с безоблачных небес, / Лучами света окружённый, / Явился в сад уединённый / Глашатай Божиих чудес» [32. С. 119–121]), а мотив шума – с пространством Иерусалима («Народа шумом оживлённый», «Ерусалима шум забыв») и образом Иуды. Тишину сада нарушает звон мечей, связанный с темами агрессии и убийства. Важен мотив горящих факелов, чей огонь освещает лицо ученика-предателя, что ассоциируется с Адом и антонимично Христу, чей лик освещён ночными светилами. Иуда – носитель сатанинского начала; это единственный из учеников, названный в поэме, что связано с его противопоставлением Христу, победившему в последней битве с дьяволом и обретшему божественную природу.

Итак, произведение И.С. Никитина написано в традициях русской религиозной лирики, причём оно соединяет в себе две магистральные жанровые тенденции. В «Молении о чаше» воплощены основные черты религиозной поэмы: абсолютное следование библейскому предтексту, сохранение структуры персонажей, тщательное воссоздание места действия. Но смысловым центром поэмы становится молитва, обращение к которой необходимо поэту для описания страстей христовых, создания живого и психологически меняющегося образа Спасителя, что изображено благодаря использованию различных синтаксических фигур и фонических приёмов. Как и в поэзии предшественников, молитва становится способом богоопознания и богообращения. Но в поэме можно говорить о своеобразном восприятии традиции.

Богопознание равнозначно самопознанию, обретению Себя как Божьего Сына, а богообщение становится диалогом с Отцом. Молитва у Никитина обретает вселенское значение, это символ победы над злом, дьяволом и тьмой. Но важным моментом является восприятие подвига Христа. Это, бесспорно, преображение в божественного избранника, но в то же время Он имеет человеческое начало и принимает гибель во имя всемирной свободы и всеобщего благоденствия, что выражает социальные идеалы эпохи. Никитин создаёт не «поэтическое переложение» евангельского сюжета, а поэму о страстях христовых, испытанных перед становлением в качестве Богочеловека, в котором обе природы гармонично соединены, и чей альтруистичный подвиг выражает гуманистические взгляды поэта.

«Моление о чаше» И.С. Никитина (богословский аспект)

Мы приступаем к анализу «теологической основы» поэмы Никитина. Теоретической базой исследования стали труды раннехристианских и средневековых богословов (Иоанн Златоуст, Феофилакт Болгарский, Евфимий Зигабен), русских и зарубежных теологов XIX–XX вв. (М.Д. Муретов, Д.Ф. Штраус, В.С. Кинешемский), а также толкование Катехизиса и церковной истории О.В. Давыденкова. Привлечение этих источников необходимо для углублённого исследования основных символов, общих для поэмы и новозаветного сюжета, рассмотрения образа Христа сквозь призму богословского спора о двуприродности Спасителя и Его воплощений (Божий Сын, Спаситель, Искупитель), возникающих в поэме, и для интерпретации онтологической категории Логоса, которая занимает значимое место в «Молении о чаше».

Рассмотрим строки из Евангелия от Матфея на церковнославянском языке, ставшие эпиграфом к поэме: «И, прешед мало, паде на лице своем, моляся и глаголя: отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от мене чаша сия: обаче не яко же аз хошу, но яко же ты» [32. С. 117]. Использование этой цитаты неслучайно: Никитин заостряет внимание именно на молении Христа в Евангелии, которое цитируется в эпиграфе и становится главной темой произведения. Главным сходством с Евангелием от Матфея (и Марка) также можно назвать троекратную молитву. Но из Евангелия от Луки взяты мотивы кровавого пота и явления Ангела [47. Лк. 22: 43–44], а из Евангелия от Иоанна – сцена появления Иуды с вооружёнными стражниками: «Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками, и оружием» [47. Ин. 18:3]¹. Главное отличие сюжета поэмы от евангельских предтекстов – речь Христа. Матфей пишет, что вторая и третья молитвы были одинаковы: «И, оставив их, отшёл опять и помолился в третий раз, сказав то же слово» [47. Мф. 26: 39–44]. У Луки Иисус молится только один раз, взойдя на камень [47. Лк. 22:

¹ Д.Ф. Штраус выделяет, что Иоанн является единственным евангелистом, упомянувшим об этом [59. С. 440].

41–47]. У Никитина Иисус встаёт на колени («На землю пал он и молился»), как это описано в Евангелиях от Матфея и от Марка [47. Мф. 26:39; Мк. 14:36]. Самое важное, что в финальной молитве у Никитина Христос чашу не упоминает, что противоречит и названию поэмы, и Евангелию: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя» [47. Мф. 26: 39:42].

В святоотеческих толкованиях чаша трактуется как символ мучений и смерти, на которые идёт Иисус: «Чашею он называет Свои страдания и смерть, показывая, с одной стороны, что эти страдания так легки, как легко выпить чашу, а потому и нам должно с готовностью идти на страдания, а с другой стороны, названием “чаша” показывая, что и Сам Он добровольно идёт на смерть. Далее, как выпивший чашу, будучи отягчен, тотчас засыпает, так и испивший чашу страдания погружается в сон смерти» [60. С. 101]. У Никитина нельзя говорить о «лёгкости» этого действия; для Христа это тяжёлое испытание. Неупоминание чаши в последнем молении знаменует её испытание и обретение духовной силы. В поэме Христос молится три раза. Тройственность моления в Евангелиях от Матфея и Марка Иоанн Златоуст трактует как символ человеческого совершенства [61. С. 243]. Этую мысль развивает Феофилакт Болгарский: «...стал молиться в третий раз, уверяя в Своём человечестве, ибо число три служит показанием истины и достоверности» [60. С. 135].

Д.Ф. Штраус упоминает связь этих молитв с тремя искушениями дьявола [59. С. 434–435], что находит отражение у Никитина, в чьей поэме возникает образ сатаны: «Виновник зла, он понимал, / Кто был Мессия воплощённый, / О чём Отца Он умолял, / И, страшной мукой подавлённый, / Дух гордый молча изнывал, / Бессильной злобой сокрушённый...» [32. С. 122]. Связь моления и искушения отмечал Евфимий Зигабен: «Марк говорит, что прежде этих слов Иисус Христос сказал: приспе (απέχει), т.е. дьявол получил власть против Меня» [62. С. 201]. В традиционных толкованиях с дьяволом связан и Иуда, что мы наблюдаем в «Молении о чаше». Для Феофилакта Болгарского моление – это оружие против сатаны: «Скорбит вместе с тем и для того, чтобы утаить Себя от диавола, чтобы диавол напал на Него, как на простого человека, и умертвил Его, а чрез это и сам был бы низложен» [60. С. 134–135]. Иуда поддался дьявольскому искушению при совершении предательства: «Один из “двенадцати”, – сказал евангелист, показывая с удивлением, что Иуда предал себя диаволу, несмотря на то, что был избран и с первыми поставлен» [60. С. 135]. В.С. Кинешемский также выделяет связь Иуды с сатаной: «Вот почему нас возмущает предательство Иуды; вот почему его поступок в песнопениях церковных называется “ножом, намазанным мёдом”; и вот почему в христианской иконографии он помещается в аду на коленях у сатаны» [55. С. 306]. Духовные испытания Христа в Гефсимании были Его последним искушением: «...последняя борьба Спасителя с сатаною, борьба внутренняя, незримая, в тайниках души, но страшная в своей напряженности» [55. С. 297]. Можно утверждать, что поэма в ряде

своих сюжетных моментов следует традиционным трактовкам евангельского сюжета. При этом борьба с сатаной осмысlena Никитиным именно в философском ключе, как битва за человеческие души, победа Христа знаменует будущее освобождение многих людей из дьявольской тьмы к божественному свету.

Очевидна сложность библейской основы. Никитин обращается ко всем Евангелиям, включая в поэму сюжетные элементы из книг каждого апостола; также он вводит мотив искушения Христа дьяволом, о чём написано в святоотеческих толкованиях, но не в Священном Писании. Усложнение касается и образа Христа, представленного в различных атрибутах действователя: «Посланник Бога», решающий судьбу мира – Человек – Сын Божий – Учитель – Врач – Спаситель – Жертва – Воплощение божественной Любви – Освободитель¹ – земной кумир – Мессия – всемирный Искупитель. Восприятие Иисуса как Посланника Божьего связано с Его именем, означающим «помазанник», данное слово имело ряд коннотаций – пророк, царь, мессия [63. С. 95]². Наименование «Сын Божий» в поэме представляется также традиционным, это второе лицо Троицы: «При этом Спаситель никогда не использует выражение “Отец наш”, не объединяя Себя в Своём богосыновстве с прочими людьми. Различие в словоупотреблении указывает на разное отношение к Отцу: “Отец ваш” употребляется в значении усыновления людей Богу, а “Отец Мой” – в собственном смысле» [63. С. 96]. Христос воспринимает Себя как посланника, что близко осмыслению Его фигуры как орудия Господнего промысла [63. С. 98]. Традиционно понимание Христа как Спасителя. Заметим, что в поэме Он говорит о готовности к Голгофе ради гармонии между Богом и людьми: «Но если кровь нужна святая, / Чтоб землю с небом примирить, – / Твой вечный суд благословляя, / На крест готов Я восходить» [32. С. 120]. В традиции посредническая роль Христа как Мессии и небесного посланника заключалась в примирении высшей и низшей сфер [63. С. 109–110]³.

Выделим цитату из «Посланий Иоанна» во второй молитве Спасителя («Ты Бог любви, начало света»). Никитин вводит ещё одну богословскую трактовку образа Христа, как откровения божией любви: «“Бог есть любовь”. При этом Отец есть Источник любви: “Ибо так возлюбил Бог мир,

¹ «И близ Спасителя он стал / И речью, свыше вдохновенной, / Освободителя вселеной / На славный подвиг укреплял. / И сам подобный лёгкой тени, / Но полный благодатных сил, / Свои воздушные колени / С молитвой пламенной склонил» [32. С. 121].

² «Имя “Христос” означает “Помазанник”, по-еврейски помазанник – “Машиах”, в греческой транскрипции – “Мессия” (messias). В Ветхом Завете помазанниками называли пророков, царей и первосвященников, служение которых прообразовывало собой служение Господа Иисуса Христа» [63. С. 95].

³ Человеческое обличие Он сохранил и после Вознесения: «В Евангелии Господь предстаёт во всей полноте психофизических обнаружений человеческой природы. Так, Спасителю усвоется истинно человеческое тело со всеми его частями, свойствами и отравлениями. Эта истинная, а не призрачная телесность, по словам Самого Господа, сохраняется и после Воскресения Его из мёртвых» [63. С. 110].

что отдал Сына Своего Единородного". Сын есть Явление Любви, Откровение её: "Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Сына Своего" [63. С. 98]. В Евангелиях в сюжете о Гефсиманском саду нет намёков на эту мотивику. Здесь Никитин показывает своё отношение к Христу как к воплощению высшей божественной любви, Он воспринимается как дар Бога людям, который они не приняли. На небесную природу Христа указывает слово *врач*, что восходит к пониманию Спасителя как исцелителя душ: «Господь воплотился, чтобы спасти, исцелить повреждённую грехом человеческую природу; поэтому то, что Господь воспринял в единство Своей Ипостаси, то и исцелено, и напротив, если бы нечто не было воспринято, то осталось бы в падшем состоянии» [63. С. 115]. Обратимся к главному тезису IV Вселенского собора в Халкидоне, где было провозглашено единство человеческого и божественного и их неразрывном слиянии во Христе [63. С. 116]. Это «общение свойств» становится одной из главных тем поэмы. Но Никитин вкладывает в неё своё осмысление страдания Спасителя как Его скорбь по человечеству.

Рассмотрим подробнее мотив «превращения в молитву». Это изменение можно трактовать как преображение в Слово Божие, одно из основных воплощений Христа в Евангелии от Иоанна [64. С. 320–321]. Христос обретает Свою неизменную онтологическую сущность Логоса. В этот краткий по времени момент максимального напряжения, которое не выдерживает Его тело, покрывающееся кровавым потом, Христос осознаёт Себя как второе лицо Троицы. Моление знаменует переход в лик Богочеловека, осмысление собственного богосмыслия. Данный процесс можно трактовать как обретение силы, полноты и идеала Христа. Но в то же время следует учитывать содержания трёх молений. В них раскрывается тема страдания за человечество, альтруистическое желание освобождения людей от оков их тварного бытия мира, отчего Логос, в который превращается Иисус, становится символом всемирного Спасения и залогом освящения мрака Вселенной. Поэтому понятие Логоса и моления обретает не только религиозную, но и социально-гуманистическую основу, что связано с философскими взглядами И.С. Никитина.

Заключение

Поэма И.С. Никитина «Моление о чаше» представляет собой религиозный текст, в котором богословский и литературный коды взаимодополняют друг друга. Проделанный двунаправленный анализ произведения позволил нам сделать следующие выводы. Поэма Никитина во многом следует традиции русской религиозной поэзии на уровнях жанра, сюжета, хронотопа и структуры персонажей. Причём в этом тексте соединены как черты религиозной поэмы, так и молитвенной лирики. Моление у Никитина имеет своеобразную трактовку. С одной стороны, это личное общение с Богом-Отцом, но с другой стороны, это великая сила, позволяющая преодолеть мировое зло и совершить победу над дьяволом.

Теологическая интерпретация поэмы позволяет выделить в ней элементы, которые возможно обнаружить при знании богословия. Во-первых, это введённый поэтом мотив искушения Христа дьяволом, который не упоминается апостолами, но рассматривается богословами. В «Молении о чаше» победа над сатанинским искушением подчёркивает величие и силу подвига Христа, который, несмотря на Свои сомнения, всё же испивает чашу до дна. Во-вторых, образ Спасителя возникает у Никитина во многих атрибуатах Деятеля. И если некоторые из них достаточно традиционны и понятны без контекста (Искупитель грехов, Спаситель, врач), то другие имеют более сложную трактовку. Это касается, прежде всего, мотива «превращения в молитву», знаменующего преображение Христа и Его победу над плотью и становление в Логосе, Священном Слове, освещающем бытие. Трагедия заключается в том, что люди не приняли свет и любовь, которые несёт Слово Божие и в которое превращается Христос.

Вводя в поэму отсутствующие в Четвероевангелии, но известные лишь в богословии мотивы, Никитин создаёт произведение, в котором затронуты как философские общечеловеческие вопросы, характерные для многих «христианских» текстов русской литературы (добро и зло, страдание во имя мира, добровольный уход на смерть ради всего человечества, предательство Иуды), так и теологические, известные в научном богословии (природа Христа, восприятие Его как Логоса, искушение дьяволом). В поэме образ Спасителя целостен, но особо подчёркивается человеческое начало в Нём, что обусловлено гуманистическими взглядами поэта. Провозглашение всеобщей свободы в молении Спасителя выражает духовные идеалы Никитина, его чаяния всеобщего равенства и воли, что обусловлено влиянием поэтов-демократов и В.Г. Белинского. В этом случае христианство И.С. Никитина можно отчасти назвать секулярным, ибо в поэме поднят глобальный вопрос о всеобщем благоденствии, во имя которого Христос приносит Себя в жертву, что вписывается в контекст литературного процесса 1850–1860-х гг. Но нельзя отрицать тот факт, что в «Молении о чаше» отразились и идеалистические взгляды на религию самого поэта, имевшего религиозное воспитание и образование, а потому искренне верившего в Бога и Христа, отчего его поэма вдохновлена его личным православным мироощущением и искренней верой.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи : В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1.
3. Лотман Ю.М. Текст как динамическая система : Структура текста-81 : сб. тез. симп. М., 1981. С. 104–105.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2010. 704 с.
5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.
6. Долгушин Д.В. Религиозная интерпретация русской литературы: между доктринологией и персонологией // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 322–329.
7. Есаулов И.А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Евангельский текст в русской литературе: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. 2011. Вып. 6. С. 5–23.

8. *Лавров А.В.* В.М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество : сб. ст. М., 1996. С. 337–352.
9. *Котельников В.А.* Православие в творчестве русских писателей XIX века // Христианское чтение. 1994. № 9. С. 7–42.
10. *Коровин В.Л.* Библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 38 с.
11. *Долгушин Д.В.* Ещё раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н.В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4. С. 30–35.
12. *Климова М.Н.* Святость и соблазн (образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 90–95.
13. *Раскольников Ф.* Пушкин и религия // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 81–112.
14. *Анненкова Е.И.* Исторический путь и этика православия в концепции А.С. Хомякова и Н.В. Гоголя : Христианство и русская литература : сб. ст. Вып. 1. СПб., 1994. С.209–223.
15. *Бурова Ю.В.* Библейские и святоотеческие основания творчества Ф.М. Достоевского как историко-культурного феномена : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 24 с.
16. *Габдуллина В.И.* Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2008. 46 с.
17. *Кириченко О.А.* Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Библейские цитаты как средство выражения авторской идеи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 26 с.
18. *Куркина Т.Н.* Повесть «Хаджи-Мурат» в свете художественных и религиозных исканий Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 199 с.
19. *Новикова-Строганова А.А.* Религиозно-нравственные искания в творчестве Н.С. Лескова 1880-х–1890-х годов : автореф. ... д-ра филол. наук. М, 2003. 45 с.
20. *Макаревич О.В.* Интерпретация религиозных текстов в творчестве Н.С. Лескова второй половины 1870-х–1890-х гг. Вопросы проблематики и поэтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 25 с.
21. *Эгеберг Э.* Библейские мотивы в лирике А.А. Фета // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 250–253.
22. *Черемисинова Л.И.* Религиозные образы в стихотворении А.А. Фета «Оброчник» // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 80–84.
23. *Косицьина Н.О.* Лексика религиозной культуры в идиолекте А.А. Фета : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 21 с.
24. *Степанов М.М.* Иван Саввич Никитин, его отношение к православной церкви и религиозно-нравственные стихотворения. Казань : Центр типографии, 1911. 28 с.
25. *Сивицкий Ф.Е.* И.С. Никитин. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб. : Тип. В.И. Штейна, 1893. 78 с.
26. *Никитин И.С.* Сочинения с портретом, facsimile и биографией. СПб. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. 394 с.
27. *Тонков В.А.* И.С. Никитин. Очерк жизни и творчества. М. : Просвещение, 1968. 128 с.
28. *Черешнева Г.П.* Поэзия И.С. Никитина в литературном процессе 1840-х – начала 1860-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 28 с.
29. *Чернышевский Н.Г.* Собрание сочинений : в 10 т. СПб. : Изд-во П.О. Яблонского, 1906. Т. 2.
30. *Белинский В.Г.* Письмо В.Г. Белинского Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 года // Н.В. Гоголь в русской критике : сб. ст. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1953. С. 243–252.

31. Никитин И.С. Сочинения. М. : Худ. лит., 1980. URL: http://az.lib.ru/n/nikitin_i_s/text_0030.shtml (дата обращения 20.05.2024).
32. Никитин И.С. Полное собрание стихотворений. М. ; Л. : Сов. писатель, 1965. 616 с.
33. Семёнов М.М. Религиозные мотивы поэзии И.С. Никитина // Воронежские епархиальные ведомости. 1901. № 11. С. 505–514.
34. Монахова И.Р. Белинский и Гоголь. Штрихи к двойному портрету // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, № 2. С. 133–142.
35. Никитин И.С. Дневник семинариста. СПб. : Деятель, 1912. 109 с.
36. Романов Д.А. Лирика И.С. Никитина в ракурсе современной лингвопоэтики (к 200-летию со дня рождения поэта) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. Вып. 2 (53). С. 243–257.
37. Боченков В.В. Особенности рецепции стихотворений И.С. Никитина в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семёнова) // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. № 3. С. 18–23.
38. Семёнов М.М. Религиозные мотивы поэзии И.С. Никитина // Воронежские епархиальные ведомости. 1901. № 12. С. 542–555.
39. Черешнева Г.П. Религиозно-патриотические настроения в поэзии Ивана Саввича Никитина в период Крымской войны 1853–1856 годов. Литература и история. XIX век : сб. науч. тр. к 85-летию МГОУ и 190-летию Дома Трудолюбия (Елизаветинского училища). Вып. VI. М., 2016. С. 169–176.
40. Бубликов М.А. Иван Саввич Никитин (1824–1861). Биографии русских образцовых писателей с портретами. Вильно : Просветитель, 1913. URL: <http://public-library.ru/biography/nikitin.html>. (дата обращения: 19.03.2023).
41. Городецкий С.М. Лирика Никитина // Никитин И.С. Полное собрание сочинений : В 2 т. СПб., 1913. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/g/gorodeckij_s_m/text_1912_lirika_nikitina.shtml. (дата обращения: 25.04.2023).
42. Добринин М.В. Никитин И.С. // Литературная энциклопедия : В 11 т. М. : ОГИЗ РФСР, 1934. Т. 8. С. 67–72.
43. Никитин И.С. Молитва в саду Гефсиманском // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1865. № 8. С. 805–810.
44. Никитин И.С. Сочинения И.С. Никитина с его портретом, видом надгробного памятника, facsimile и биографией : В 2 т. Воронеж: Тип. А. Гольдштейна, 1869. Т. 1. 568 с.
45. Камов И.М. Содержание и характер поэзии И.С. Никитина. Варшава : Тип. Варшавского Учебного Округа, 1901. 242 с.
46. Рождествин А.С. Жизнь и поэзия Никитина. Казань : Тип. Императорского университета, 1902. 56 с.
47. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические с параллельными местами. М., 2009. 1232 с.
48. Ахтырская В.Н., Толмачёв В.М., Зиновьевна А.Ю., Иванова Е.Л. «Оливовая роща» Р.М. Рильке («Der Olbaum–Garten»). Четыре разбора // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета: III. Филология. 2008. Вып. 3 (13). С. 7–39.
49. Gherasim C. L’empreinte romantique de la Passion du Christ: Le Mont des Oliviers d’Alfred de Vigny et Sofi d’Amélie Nothomb // Trans. 2022. № 28. URL: <http://journals.openedition.org/trans/8172> (дата обращения: 25.01.2024).
50. Павловская О.А. Евангельский сюжет «Моление о чаше» в творческой интерпретации А.Н. Апухтина : Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2023: традиции и инновации : материалы науч.-практ. фестиваля. Иваново, 2023. С. 652–658.
51. Меднис Н.Е. Моление о чаше в романе Юрия Буйды «Ермо» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы : сб. науч. трудов. Вып. 3. Новосибирск, 1999. С. 221–237.

52. Граматчикова М.О. Мотивный комплекс моления о чаше в русской поэзии 1930–1940-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021. 218 с.
53. Жиличева Г.А. Интерференция повествовательных инстанций в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). С. 99–125.
54. Коровин В.Л. О жанре «религиозной поэмы» в русской литературе 1820–40-х гг. и поэмах С.А. Ширинского-Шихматова, А.Н. Муравьёва и Ф.Н. Глинки // Филаретовский альманах. 2014. № 10. С. 171–193.
55. Кинешемский В. Беседы на Евангелие от Марка. М., 2010. 800 с.
56. Ковалёв Д.М. Наедине с жизнью. М., 1979. 239 с. URL: <https://kovalevdmmitrij.narod.ru/sorokin.files/nikitin.htm> (дата обращения: 21.11.2023).
57. Кузнецов В.И. Иван Саввич Никитин. «Я Руси сын!...». М. : Просвещение, 1991. 159 с.
58. Лебедев Ю.В. Никитин И.С. // Русские писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. М. : Просвещение, 1990. Ч. 2. С. 85–87.
59. Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса. М., 1992. 528 с.
60. Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, ХП-ого века, учёным монахом Евфимием Зигабеном. М., 2020. 637 с.
61. Болгарский Феофилакт. Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского : В 2 т. М., 2010. Т. 1.
62. Златоуст Иоанн. Толкование на Евангелие от Матфея в двух книгах. М., 2010. 736 с.
63. Давыденков О. Катехизис. М., 2017. 229 с.
64. Муретов М.Д. Учение о Логосе у Филона Александрийского и Иоанна Богослова. СПб., 2012. 448 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra.
3. Lotman, Yu.M. (1981) *Tekst kak dinamicheskaya sistema : Struktura teksta-81* [Text as a Dynamic System: Text structure-81]. Moscow: Institute for Slavic and Balcan Studies USSR AS. pp. 104–105.
4. Lotman, Yu.M. (2010) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
5. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of a Literary Text]. Moscow: Iskusstvo.
6. Dolgushin, D.V. (2013) Religioznaya interpretatsiya russkoy literatury: mezhdu doktrinologiyey i personologiyey [Religious interpretation of Russian literature: between doctrinology and personology]. *Toronto Slavic Quarterly*. 44. pp. 322–329.
7. Esaulov, I.A. (2011) Evangel'skiy tekst v russkoy kul'ture i sovremenennaya nauka [The Gospel Text in Russian Culture and Contemporary Research]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature: Quote, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Vol. 6. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 5–23.
8. Lavrov, A.V. (1996) V.M. Zhirmunskiy v nachale puti [V.M. Zhirmunsky at the beginning of his journey]. In: *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Asceticism]. Moscow: Nauka. pp. 337–352.
9. Kotel'nikov, V.A. (1994) Pravoslavie v tvorchestve russkikh pisateley XIX veka [Orthodoxy in the works of Russian writers of the 19th century]. *Khristianskoe chtenie*. 9. pp. 7–42.
10. Korovin, V.L. (2017) *Bibleyskie temy v russkoy poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Biblical themes in Russian poetry of the 18th – first half of the 19th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

11. Dolgushin, D.V. (2007) Eshche raz o svyatootecheskikh motivakh v "Shineli" N.V. Gogolya [Once again on patristic motifs in Nikolai Gogol's The Overcoat]. *Sibirski filologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 30–35.
12. Klimova, M.N. (2013) Holiness and temptation (the image of Mary of Egypt in Russian literature). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 90–95. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/24/8
13. Raskol'nikov, F. (2004) Pushkin i religiya [Pushkin and Religion]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 81–112.
14. Annenkova, E.I. (1994) Istoricheskiy put' i etika pravoslaviya v kontseptsii A.S. Khomyakova i N.V. Gogolya [The historical path and ethics of Orthodoxy in the concepts of A.S. Khomyakov and N.V. Gogol]. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka. pp. 209–223.
15. Burova, Yu.V. (2004) *Bibleyskie i svyatootecheskie osnovaniya tvorchestva F.M. Dostoevskogo kak istoriko-kul'turnogo fenomena* [Biblical and patristic foundations of Fyodor Dostoevsky's work as a historical and cultural phenomenon]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saransk.
16. Gabdullina, V.I. (2008) *Evangel'skaya pritcha v avtorskem diskurse F.M. Dostoevskogo* [The Gospel parable in Fyodor Dostoevsky's authorial discourse]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
17. Kirichenko, O.A. (2008) *Roman L.N. Tolstogo "Anna Karenina". Bibleyskie tsitaty kak sredstvo vyrazheniya avtorskoy idei* [Leo Tolstoy's novel Anna Karenina. Biblical quotations as a means of expressing the author's idea]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ulyanovsk.
18. Kurkina, T.N. (2002) *Povest' "Khadzhi-Murat" v svete khudozhestvennykh i religioznykh iskaniy L.N. Tolstogo* [The story Hadji Murat in light of Leo Tolstoy's artistic and religious searches]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
19. Novikova-Stroganova, A.A. (2003) *Religiozno-nravstvennye iskaniya v tvorchestve N.S. Leskova 1880-kh–1890-kh godov* [Religious and moral searches in the works of Nikolai Leskov in the 1880s–1890s]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
20. Makarevich, O.V. (2014) *Interpretsiya religioznykh tekstov v tvorchestve N.S. Leskova vtoroy poloviny 1870-kh–1890-kh gg*. *Voprosy problematiki i poetiki* [Interpretation of religious texts in the works of Nikolai Leskov from the second half of the 1870s–1890s. Issues of problematics and poetics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
21. Egeberg, E. (1998) Bibleyskie motivy v lirike A.A. Feta [Biblical motifs in the lyrics of Afanasy Fet]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. pp. 250–253.
22. Cheremisinova, L.I. (2014) *Religioznye obrazy v stikhovrenii A.A. Feta "Obrochnik"* [Religious images in Afanasy Fet's Poem "Obrochnik"]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalista*. 3 (14). pp. 80–84.
23. Kositsyna, N.O. (2011) *Leksika religioznoy kul'tury v idiolekte A.A. Feta* [Vocabulary of Religious Culture in Afanasy Fet's Idiolect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.
24. Stepanov, M.M. (1911) *Ivan Savvich Nikitin, ego otoshenie k pravoslavnoy tserkvi i religiozno-nravstvennye stikhovreniya* [Ivan Savvich Nikitin, His Attitude to the Orthodox Church and His Religious-Moral Poems]. Kazan: Tsentr tipografii.
25. Sivitskiy, F.E. (1893) *I.S. Nikitin. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'*. *Biograficheskiy ocherk* [Ivan Nikitin. His Life and Literary Work. A Biographical Sketch]. Saint Petersburg: Tip. V.I. Shteyna.
26. Nikitin, I.S. (1914) *Sochineniya s portretom, facsimile i biografiey* [Essays with Portrait, Facsimile and Biography]. Saint Petersburg: Tip. T-va I.D. Sytina.
27. Tonkov, V.A. (1968) *I.S. Nikitin. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Ivan Nikitin. Essay on life and creativity]. Moscow: Prosveshchenie.
28. Chereshneva, G.P. (2012) *Poeziya I.S. Nikitina v literaturnom protsesse 1840-kh – nachala 1860-kh godov* [Poetry by Ivan Nikitin in the literary process of the 1840s – early 1860s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

29. Chernyshevskiy, N.G. (1906) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Saint Petersburg: Izd-vo P.O. Yablonskogo.
30. Belinskiy, V.G. (1953) Pis'mo V.G. Belinskogo N.V. Gogolyu ot 15 iyulya 1847 goda [Letter from Vissarion Belinsky to Nikolai Gogol, July 15, 1847]. In: *N.V. Gogol' v russkoy kritike* [Nikolai Gogol in Russian Criticism]. Moscow: GIKhL. pp. 243–252.
31. Nikitin, I.S. (1980) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: http://az.lib.ru/n/nikitin_i_s/text_0030.shtml (Accessed: 20.05.2024).
32. Nikitin, I.S. (1965) *Polnoe sobranie stikhovorenii* [Complete Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskij pisatel'.
33. Semenov, M.M. (1901) Religioznye motivy poezii I.S. Nikitina [Religious Motifs in Ivan Nikitin's Poetry]. *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 505–514.
34. Monakhova, I.R. (2011) Belinskiy i Gogol'. Shtriki k dvoynomu portretu [Belinsky and Gogol. Strokes toward a double portrait]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 2 (12), pp. 133–142.
35. Nikitin, I.S. (1912) *Dnevnik seminarista* [A Seminarian's Diary]. Saint Petersburg: Deyatel'.
36. Romanov, D.A. (2024) Lirika I.S. Nikitina v rakurse sovremennoy lingvopoetiki (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya poeta) [Ivan Nikitin's lyrics from the perspective of contemporary linguopoetics (on the 200th anniversary of the poet's birth)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2 (53). pp. 243–257.
37. Bochenkov, V.V. (2018) Osobennosti retseptsiy stikhovorenii I.S. Nikitina v publitsistike staroobryadcheskogo episkopa Mikhaila (Semenova) [Reception features of Ivan Nikitin in the journalism of the Old Believer bishop Mikhail (Semyonov)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 18–23.
38. Semenov, M.M. (1901) Religioznye motivy poezii I.S. Nikitina [Religious motifs in the poetry of Ivan Nikitin]. *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti*. 12. pp. 542–555.
39. Chereshneva, G.P. (2016) Religiozno-patrioticheskie nastroeniya v poezii Ivana Savvicha Nikitina v period Krymskoy voyny 1853–1856 godov [Religious and patriotic sentiments in the poetry of Ivan Savvich Nikitin during the Crimean War of 1853–1856]. In: *Literatura i istoriya. XIX vek* [Literature and History. 19th Century]. Vol. 6. Moscow: [s.n.]. pp. 169–176.
40. Bublikov, M.A. (1913) *Ivan Savvich Nikitin (1824–1861). Biografii russikh obraztsovых pisateley s portretami* [Ivan Savvich Nikitin (1824–1861). Biographies of Exemplary Russian Writers with Portraits]. Vilno: Prosvetitel'. [Online] Available from: <http://public-library.ru/biography/nikitin.html> (Accessed: 19.03.2023).
41. Gorodetskiy, S.M. (1913) Lirika Nikitina [Lyric Poetry of Nikitin]. In: Nikitin, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Saint Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/g/gorodeckij_s_m/text_1912_lirika_nikitina.shtml (Accessed: 25.04.2023).
42. Dobrynnin, M.V. (1934) Nikitin I.S. In: *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]. Vol. 8. Moscow: OGIZ RFSR. pp. 67–72. (In Russian).
43. Nikitin, I.S. (1865) Molitva v sadu Gefsimanskom [Prayer in the Garden of Gethsemane]. *Russkiy arkhiv. Istoriko-literaturnyy sbornik*. 8. pp. 805–810.
44. Nikitin, I.S. (1869) *Sochineniya I.S. Nikitina s ego portretom, vidom nadgrobnogo pamyatnika, facsimile i biografiey* [Works of Ivan Nikitin with His Portrait, View of the Tombstone, Facsimile, and Biography]. Vol. 1. Voronezh: Tip. A. Gol'dshteyna.
45. Kamov, I.M. (1901) *Soderzhanie i kharakter poezii I.S. Nikitina* [The Content and Character of Ivan Nikitin's Poetry]. Warsaw: Tip. Varshavskogo Uchebnogo Okruga.
46. Rozhdestvin, A.S. (1902) *Zhizn' i poeziya Nikitina* [Nikitin's Life and Poetry]. Kazan: Tip. Imperatorskogo universiteta.
47. Anon. (2009) *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta kanonicheskie s parallel'nymi mestami* [The Bible. The Canonical Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with Parallel Passages]. Moscow: [s.n.].

48. Akhtyrskaya, V.N. et al. (2008) "Olivovaya roshcha" R.M. Ril'ke ("Der Olbaum-Garten"). Chetyre razbora ["The Olive Grove" by R.M. Rilke ("Der Olbaum-Garten"). Four Analysis]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta: III. Filologiya*. 3 (13). pp. 7–39.
49. Gherasim, C. (2022) L'empreinte romantique de la Passion du Christ: Le Mont des Oliviers d'Alfred de Vigny et Sofi d'Amélie Nothomb. *Trans.* 28. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/trans/8172> (Accessed: 25.01.2024).
50. Pavlovskaya, O.A. (2023) [The Gospel Story "Agony in the Garden" in the Creative Interpretation of A.N. Apukhtin]. *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' v klassicheskem universitete – 2023: traditsii i innovatsii* [Research Activity at the Classical University – 2023: Traditions and Innovations]. Proceedings of the Festival. Ivanovo. 10–28 April 2023. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 652–658. (In Russian).
51. Mednis, N.E. (1999) Molenie o chashe v romane Yuriya Buydy "Ermo" [The Agony in the Garden in Yuri Buida's Novel Yermo]. In: Kapinos, E.V. (ed.) *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Materials for a Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. pp. 221–237.
52. Gramatchikova, M.O. (2021) *Motivnyy kompleks moleniya o chashe v russkoy poezii 1930–1940-kh godov* [The Motif complex of the prayer in the garden in Russian poetry of the 1930s–1940s]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
53. Zhilicheva, G.A. (2013) Interferentsiya povestvovatel'nykh instantsiy v romane B. Pasternaka "Doktor Zhivago" [Interference of narrative instances in Boris Pasternak's novel Doctor Zhivago]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2 (25). pp. 99–125.
54. Korovin, V.L. (2014) O zhanre "religioznoy poemy" v russkoy literature 1820–40-kh gg. i poemakh S.A. Shirinskogo–Shikhmatova, A.N. Murav'eva i F.N. Glinki [On the genre of the "religious poem" in Russian literature of the 1820s–1840s and the poems of S.A. Shirinsky-Shikhmatov, A.N. Muravyov, and F.N. Glinka]. *Filaretovskiy al'manakh*. 10. pp. 171–193.
55. Kineshemskiy, V. (2010) *Besedy na Evangelie ot Marka* [Conversations on the Gospel of Mark]. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa.
56. Kovalev, D.M. (1979) *Naedine s zhizn'yu* [Alone with Life]. Moscow: Sovremennik. [Online] Available from: <https://kovalevdmmitrij.narod.ru/sorokin.files/nikitin.htm> (Accessed: 21.11.2023).
57. Kuznetsov, V.I. (1991) *Ivan Savvich Nikitin. "Ya Rusi syn!.."* [Ivan Savvich Nikitin. "I am a Son of Rus!.."]. Moscow: Prosveshchenie.
58. Lebedev, Yu.V. (1990) Nikitin I.S. In: *Russkie pisateli: Bibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers: Bibliographic Dictionary]. Part 2. Moscow: Prosveshchenie. pp. 85–87. (In Russian).
59. Shtraus, D.F. (1992) *Zhizn' Iisusa* [The Life of Jesus]. Translated from German. Moscow: Respublika.
60. Zigabenos, E. (2020) *Tolkovanie Evangeliya ot Matfeya, sostavленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII-ого века, ученым монахом Евфимием Зигабеном* [Interpretation of the Gospel of Matthew, compiled according to ancient patristic interpretations by the Byzantine monk Euthymius Zigaben, 12th century]. Translated from Greek. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa.
61. Theophylact of Ohrid. (2010) *Tolkovanie na Syatoye Evangelie Blazhennogo Feofilakta Bolgarskogo* [Interpretation of the Holy Gospel by Blessed Theophylact of Bulgaria]. Translated from Greek. Vol. 1. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa.
62. John Chrysostom. (2010) *Tolkovanie na Evangelie ot Matfeya v dvukh knigakh* [Commentary on the Gospel of Matthew in Two Books]. Translated from Greek. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa.
63. Davydenkov, O. (2017) *Katekhizis* [Catechism]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities.
64. Muretov, M.D. (2012) *Uchenie o Logose u Filona Aleksandriyskogo i Ioanna Bogoslova* [The Doctrine of Logos in Philo of Alexandria and John the Theologian]. Saint Petersburg: Izd. Olega Abyshko.

Информация об авторах:

Маматов Г.М. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: G.M.mamatov@yandex.ru

Угрюмов В.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: v.u7@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.M. Mamatov, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: G.M.mamatov@yandex.ru

V.E. Ugryumov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: v.u7@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.04.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 31.10.2025.*

*Статья поступила в редакцию 24.04.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 821:0041
doi: 10.17223/19986645/97/9

Современная русская литература в Telegram: сюжеты, форматы, книги

Иван Иванович Назаренко¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, *Nazarenko42@yandex.ru*

Аннотация. Сделана попытка обзора современной российской литературы в Telegram после её массовой «медиамиграции» в мессенджер с 2022 г. Показано, что телеграм-канал современного российского поэта предстаёт форматом представления поэтического текста и сетевой лабораторией создаваемой поэтической книги. Обнаружены новые форматы создания прозы в Telegram: телеграм-роман, интерактивная телеграм-повесть, телеграм-эссе. Особое внимание направлено на книги поэтов, выросшие из текстов в их телеграм-каналах: «Чистое поле» В. Козлова и «Критик за правым плечом» Б. Кутенкова.

Ключевые слова: литература в Telegram, формат художественного текста, телеграм-поэзия, телеграм-проза, цифровые художественные практики

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Назаренко И.И. Современная русская литература в Telegram: сюжеты, форматы, книги // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 194–211. doi: 10.17223/19986645/97/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/9

Contemporary Russian literature in Telegram: Plots, formats, books

Ivan I. Nazarenko¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
Nazarenko42@yandex.ru

Abstract. The article attempts to review contemporary Russian literature in Telegram after its mass "media migration" to the messenger since 2022. The study is based on the concept of the format of existence of a literary text in the digital space. Two types of format are distinguished: the format of presentation and the format of creation. A possible methodology for studying a writer's Telegram channel is built. Poetry is most widespread in the Telegram messenger, which is explained by its adaptability to the network format and the return of the reader to poetry in the second half of the 2010s – early 2020s. The Telegram channel of a contemporary Russian poet,

firstly, appears as a new format for presenting a poetic text in the context of texts of a wide variety of speech genres (for poets of the "patriotic" line – war reports, diaries of participants in military operations, jokes and memes). Secondly, a Telegram channel can be a network laboratory for a poetry book being created as a dictionary of key words of the modern world and its other, potentially unfinished network version (this is shown in the material of V. Kozlov's telegram channel "Poetry of the Southern Outskirts" and his book of poems *Clean Field*). New formats for creating fiction in Telegram are found in new genre modifications: a Telegram novel, a version of a novel-blog created in a Telegram channel ("A Million Signs Under the Ceiling" (2017) of S. Bury) or only imitating the maintenance of a telegram channel at the plot-narrative level ("The Last War of the Village by the River" (2022) by E. Koridorov), an illustrated interactive Telegram story, the plot of which is directed by subscribers ("Mzhir" (2022–...) by A. Golubeva). Journalism is in demand in the format of Telegram essays, which can be compiled into collections and books: reassembled non-chronologically, they can generate new plots. The book of notes and essays by B. Kutenkov *The Critic Behind the Right Shoulder*, which grew out of his Telegram channel "tonio kreger", is an act of professional and creative self-identification of the author in a turning point, when it is more important to be a critic and cultural promoter supporting the literary process than a poet. It is concluded that, in general, Telegram does not create fundamentally new formats for the existence of literary texts, but seems to be an important "page" in the history of Russian literature on the Internet, in which the literary text acquires openness and incompleteness, fragmentariness and rhizomicity, interactivity and collectivity of creation.

Keywords: literature in Telegram, literary text format, Telegram poetry, Telegram prose, digital artistic practices

Acknowledgments: The results were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Nazarenko, I.I. (2025) Contemporary Russian literature in Telegram: Plots, formats, books. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 194–211. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/9

Исследование бытования, функционирования и создания художественных текстов в цифровом пространстве – одна из актуальных задач современного литературоведения. При этом важно учитывать динамику изменения функций, возможностей и восприятия цифровой среды и платформ для онлайн-коммуникаций. Русскоязычный литературный интернет 1990-х – начала 2010-х гг. был пространством свободы и экспериментов, породившим явления сетевых библиотек и сетевой литературы, а также такие новые литературные форматы, как роман-игра и роман-блог, «пирожки» и разнообразные формы видеопоэзии и др. Однако уже в 2011 г. С. Костырко зафиксировал завершение русской сетеватуры как самостоятельного явления: «Сегодняшний литературный интернет – это просто часть литературной жизни, которая уже не делит себя на онлайновую и офлайновую» [1]. Думается, это наблюдение актуально и для 20-х гг. XXI в., когда окончательно ушло восприятие интернета как пространства свободы, куда можно уйти от

реальности: исчезла прежняя анонимность в интернете, были принятые законы, заставляющие нести ответственность за написанное. Интерес к новым форматам создания художественных текстов в сети стихает, современные литературные эксперименты связаны с искусственным интеллектом: «Нейрого́голь», «AI да Пушкин», сборники рассказов, написанные писателями совместно с нейросетями («Пытаясь проснуться», 2022, «Механическое вмешательство», 2024).

Геополитические катаклизмы современности приводят к распадению глобализированного мира, что проявляется во фрагментации мирового интернета и его «суверенизации» в разных странах: государства как бы проводят в цифровом пространстве те же «границы», что и в пространстве географическом. Так, в России в 2022 г. произошли блокировки популярных сайтов и социальных сетей, в том числе Facebook, Twitter и Instagram¹, платформ, очень важных для литературной жизни 2010-х гг., что обусловило стремительный рост популярности мессенджера Telegram (создан в 2013 г. Павлом Дуровым) и «медиаисход» [2] литераторов в Telegram. Представляется, что для современной русской литературы последних лет, в том числе для её зарубежного, эмигрантского сегмента, Telegram – одна из наиболее значимых цифровых платформ.

Результаты контактного взаимодействия художественного текста с цифровой средой можно описать с помощью термина «формат». Слово происходит от лат. *formatum* «оформленное», и в последующем во всех языках романской группы семантика этого слова была связана с идеей «придания формы». В контекстах книгопечатания, полиграфии, теле- и радиовещания, программирования использование термина «формат» сигнализирует о ситуации структурирования и представления информации, исходя из коммуникативного замысла. То есть в широком смысле формат художественного текста – это способ его предъявления в цифровой среде, соотнесенный с жанром/традицией/каноном.

Можно выделить два типа форматов существования художественного текста в цифровом пространстве. Первый – это **формат представления**: новые способы взаимодействия между художественными текстами и читателями, которые возникли в условиях цифровой среды и определили появление и распространение практик цифрового чтения. Второй тип – это **формат создания**: принципы формирования новой поэтики художественных произведений, порожденных с использованием инструментов цифровой среды. Формат определяется как носителем художественного текста, среди которых «видеозапись, цифровой контент и аудиозапись плюс ещё традиционный бумажный формат» [3. С. 170], так и особенностями виртуальной платформы и её интерфейса. М.П. Абашева уже ставила проблему влияния цифрового пространства на поэтику художественных текстов и их жанровые стратегии: «...в Твиттере могут жить только малые формы, Инстаграм подталкивает к визуальному контенту и т.д.» [4. С. 279].

¹ Продукты принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

Телеграм-канал – основное пространство существования художественных текстов в мессенджере. Telegram дает возможность пользователям создавать каналы с 2015 г. – это публичные страницы, использующиеся для размещения текстовой, визуальной, реже – аудиальной информации. Если в конце 2010-х гг. телеграм-каналы отличала закрытость и камерность, поскольку подписчики не могли оставлять комментарии и ставить «лайки», то к 2025 г. появились не только эти возможности, но и другие (чат-боты, «stories» и т.д.). В целом канал в Telegram создает более интимный, чем в других соцсетях, контакт между автором и читателем, который не листает ленту и не ищет нужного ему автора среди спама и рекламы, а получает пост от его канала как сообщение. Telegram имеет лимит на длину одного текстового сообщения до 4 096 символов, что определяет лаконичность и фрагментарность художественных текстов в этом мессенджере (однако это не сверхкраткость Twitter, где длина поста – всего 280 символов). Сервис Telegraph позволяет размещать не только короткие заметки, но и большие тексты.

Telegram дает возможность проследить историю канала вплоть до смены его названий, однако как любой блог он потенциально незавершim. Другая проблема – возможное исчезновение текстов в Telegram (удаление отдельных постов или всего канала по авторской воле, внешние блокировки, потеря интереса пользователей к мессенджеру). На современном этапе поколебалось восприятие интернета как «безграницного хранилища текстов» [1], и у современных писателей, публикующихся в интернете, остается стремление к изданию текстов в традиционном печатном формате. Книга как бы легитимизирует присутствие автора в литературном процессе, и краткая история русского литературного Telegram имеет уже несколько примеров рождения целостных книг из авторских телеграм-каналов. Тем не менее, как подчеркивает М.П. Абашева «сетеvoе бытование текстов писателя – не черновик, но одна из возможных версий его творчества, дающая дополнительные возможности» [4. С. 274].

Исследование писательского телеграм-канала как целого должно начинаться с «медиапаратекста», выполняющего функции авторской самопрезентации и самоидентификации: с названия, описания канала и первых вводных сообщений в канале. А. Войтовский, автор вышедшего в конце 2024 г. на платформе «sug.ma» (заблокировано на территории РФ) «большого медиатехнического обследования» современной поэзии в Telegram, замечает: «...необходимость озаглавить канал настраивает на особый творческий лад и подталкивает к мышлению в терминах крупных форм (поэм, циклов, сборников)» [2]. Войтовский выделяет лишь один тип писательских телеграм-каналов – «“концептуальные каналы” или “каналы-проекты”» [2]. Однако, изначально создаваясь как проект, в дальнейшем контент на канале может выходить за пределы проекта. Поэтому другой тип писательских каналов условно можно назвать личным, персональным, в котором могут выкладываться авторские тексты разных

типов и форматов. Персональные каналы могут иметь концептуальное название («На словах» Линор Горалик¹, «из серда тьмы» Оксаны Васякиной и др.), а могут в качестве названия носить имя литератора («Dmitry Danilov», «Дмитрий Львович Быков»², «Михаил Елизаров» и др.).

Содержимое писательского телеграм-канала, как и блога на других платформах, можно воспринимать как сборник малых «речевых жанров»: «...это письма, записи, байки, анекдоты, кулинарные рецепты, споры с читателями, черновики будущих произведений, анонсы новых книг, любимая музыка, фотографии, опросы читателей и др. Теперь речевые жанры в блоге оказываются в соседстве с литературными текстами и воспринимаются наравне с ними» [5. С. 105]. Добавим, что названные речевые жанры создают и контекст восприятия художественного текста, особенно авторские автocomментарии к ним, задающие не единственно верное, но важное направление интерпретации. В.Л. Шуников называет особенности поэтики блог-литературы, характерные и для поэтики произведений в Telegram: «виртуальность личности автора – и любого субъекта речи»; «ризомность и фрагментарность текста»; «способность автора (а также его готовность) напрямую коммуницировать с читателями»; «проблематизация границ между нехудожественным <...> и литературным высказыванием»; «нивелирование различий между устной и письменной речью» [6. С. 108].

Попытка осмыслить феномен современной русской литературы в Telegram пока не было. Можно выделить лишь процитированную статью А. Войтовского, в которой исследователь на материале «малых» поэтических телеграм-каналов поэтов «новейшего поколения» рассматривал поэтическую рефлексию нового мессенджера и его влияние на содержание и поэтику стихотворений. Обнаружено лишь две уникальные механики мессенджера, влияющие на формат создания стихотворений: «“блюр” (“спойлер”, скрытие текста) и сквозная сеть ссылок, объединяющих фрагменты поэтического цикла» [2].

Понимая необозримость материала, в данной статье мы не претендуем на подведение «предварительных итогов» интенсивного существования современной русской литературы в Telegram после её массовой «медиамиграции». Мы попытаемся выявить некоторые форматы существования художественных текстов в данном мессенджере и книги традиционного печатного формата, выросшие из писательских телеграм-каналов; обратим внимание также и на сюжеты текстов, отражающих переживания кризисной современной действительности. Подчеркнем, что для нас значима не эстетическая ценность художественного феномена, а само его *существование*, возможно, обозначающее потенциальную тенденцию.

Мы обратимся не только к поэзии, но и к прозе, в том числе к нехудожественной, в телеграм-каналах писателей, оставшихся после 2022 г. в России.

¹ Включена в реестр иностранных агентов.

² Включен в реестр иностранных агентов.

Стоит признать поляризацию и идеологизированность современного российского культурного пространства, влияющие и на виртуальное пространство. Раскол, как представляется, связан не только с отношением к событиям начала 2022 г., но и с разным пониманием роли писателя и искусства: независимость или необходимость выбора стороны и диалога с властью, принадлежность к глобализированному миру или в первую очередь к своей культуре, обращенность к узкому кругу, своему читателю или к широкой аудитории. Потому деление современных писателей на «патриотическую» и «либеральную» линии представляется очень условным.

Поэзия в Telegram: телеграм-канал поэта как формат представления и сетевой черновик поэтической книги

Российские литераторы начинают осваивать Telegram как замену литературного ЖЖ со второй половины 2010-х гг., некоторые уходили туда или заводили каналы по причине усиления либеральной цензуры в Facebook (А. Пелевин, А. Долгарева и др.). С 2022 г. создаётся большое количество новых телеграм-каналов писателей, поэтов и литературных критиков или происходит активизация ведения каналов, созданных ранее, но прежде воспринимавшихся как второстепенные, по сравнению с другими платформами. В Telegram уходят литераторы самых разных эстетических и идеологических ориентаций, в том числе эмигранты новой волны, не желающие терять контакт со своей аудиторией внутри России. Так, в один и тот же день, 26 февраля 2022 г., заводят телеграм-каналы Д. Быков и Д. Воденников. Первые сообщения в их каналах отражают их дальнейшие стратегии присутствия в Telegram-пространстве. Оппозиционер Быков, пребывающий к началу 2022 г. за пределами России, заявляет о себе политической заметкой и инвективным прощанием с Россией – стихотворением «Остров змеиный» [7]. Воденников, находящийся в России, не комментирует происходящие исторические события и не откликается на них поэтически, вместо этого он публикует чуть ранее вышедшее в журнале «Story» лирическое эссе «Ледяные яблоки» [8].

А. Войтовский закономерно обращает внимание на поэзию, расцветшую в Telegram с 2022 г., что, на наш взгляд, объяснимо следующими факторами. Ещё в начале 2000-х Ю. Ракитой были сделано предположение, что основной формат литературного интернета – «“экран” – количество текста, помещающегося в одну экранную страницу компьютера без прокрутки», поэтому «идеальным жанром <...> для распространения в сети является... *короткое стихотворение* размером в две-три, максимум – четыре строфы. Оно целиком помещается на экран и в то же время является вполне законченным и содержательным текстом» [9]. Но важнее всё же «внедицифровой» фактор распространенности поэзии в Telegram. Как пишет поэт и исследователь поэзии Владимир Козлов, вторая половина 2010-х – начало 2020-х гг. – это «время поэзии», когда к ней возвращается читатель, что особенно заметно стало с 2022 г.: поэты читают стихи «в госпиталях и на Красной площади», появляются «многотысячные телеграм-каналы поэтов»: «Энергия поиска единомышленников в оценке происходящего со страной в ситуации всеобщего

пересмотра ценностей и границ познакомила с современной поэзией большую аудиторию, которая ещё вчера поэзией не интересовалась» [10. С. 14].

Действительно, огромную популярность (от 2 до 30 с лишним тыс. подписчиков) имеют телеграм-каналы поэтов «патриотической» линии. К их числу можно отнести Анну Долгареву, Александра Пелевина, Игоря Карапова, Анну Ревякину, Владислава Маленко и др. Эти поэты заявили о себе коллективными поэтическими сборниками «ПоэЗия русского лета» (2023) и «ПоэЗия русской зимы» (2024), их часто называют «Z-поэтами», их групповая самоидентичность часто задана буквами Z или V в названиях каналов: «Александр Пелевин Z», «ДОЛГАРЕВА». А. Долгарева считает, что популярность «Z-поэзии» связана с «запросом народа»: «...в этом изменившемся мире у человека простого, человека русского миллион экзистенциальных вопросов <...> Ему нужны люди, которые вышли и говорили бы с ним. Но без фальши – и без дурновкусия» (21 июня 2023 г. [11]). Возможно, как и в годы Великой Отечественной войны поэзия выдвигается вперед в связи с крушением привычного миропорядка как наиболее субъективный, мобильный и доступный для масс род литературы, и Telegram становится одним из основных каналов «Z-поэтов» для связи с аудиторией: «Поэзия уходит в народ почти как в стихию фольклорной старины, но через интернет – из уст в уста, из Телеграм» [12. С. 138].

Однако для названных поэтов телеграм-канал – скорее лишь формат представления поэтических текстов, не определяющий их поэтику, не подвигающий к экспериментам, хотя и позволяющий собирать разные форматы существования одних и тех же своих текстов: аудио- и видеозаписи («кружки»), авторские и актерские прочтения и др. (см., например, стихотворение А. Пелевина «Вдоль искореженных дорог», выложенное 2 июня 2022 г., и его медиаинтерпретации в постах 8 июля 2022 г., 30 мая и 20 сентября 2024 г. [13]). Телеграм-каналы «Z-поэтов» создают особое пространство, где художественные тексты, часто почти неотличимые от «человеческих документов» эпохи, существуют в контексте военных сводок и репортажей (как у Долгаревой [11]), социально-политических размышлений и дневников участника боевых действий (как у Дм. Филиппова [14]), личных заметок, шуток и мемов (как у А. Пелевина [13]).

Более интересный материал для исследования поэзии в Telegram дают малые концептуальные поэтические телеграм-каналы. Обратимся к каналу В. Козлова «Поэзия южной окраины» (летом 2025 г. – более 700 подписчиков). Поэт не считает необходимым комментировать актуальную социально-политическую повестку, основное содержание канала – «стихи и мысли о стихах, которые созвучны текущему настроению» (29 июня 2022 г. [15]). Канал с первоначальным названием «Солнце ЧП» был создан 7 апреля 2022 г. как проект будущей книги стихов «Чистое поле», опубликованной в 2023 г. Авторская расшифровка «Солнца ЧП»: «“чистое поле”, но это все-таки ЧП – чрезвычайное положение настоящего времени. “Солнце ЧП” – это опыт поиска подлинности» (7 апреля 2022 г. [15]). Вначале канал представлял собой творческую лабораторию: выкладывание поэтических текстов и

выстраивание из них целого сопровождалось диалогом с читателями и авторской рефлексией своего замысла и его воплощения. В вводном сообщении Козлов смещал акцент с будущей книги на процесс смыслопорождения. Поэт подчеркивал, что в течение полугода до регистрации канала создавал «тексты одного формата»: это стихотворения из трех строф-катренов (что внешне соответствует краткости сетевой поэзии), каждое должно было иметь название, заключенное в квадратные скобки. Козлов призывал читателей к сотворчеству – к активному чтению и интерпретации стихотворений: «...за каждым текстом стоит задуманное ключевое слово. Слово, которое мне кажется ключевым для понимания современного мира. Но я не всегда их открываю. Можно давать свои ключевые слова и их объяснения, также соображения, чужие цитаты или картинки, навеянные текстом» (7 апреля 2022 г. [15]). То есть изначальный замысел Козлова был связан с идеей создания поэтической книги как словаря, выражающего авторские представления о современном катастрофическом мире, в котором ключевые слова должны были разгадывать читатели.

Коммуникация автора с читателями разворачивалась в комментариях к постам. Однако замысел о творческом диалоге с сетевыми читателями можно назвать не вполне реализованным: поначалу подписчики предлагали разные варианты ключевых слов, потом, когда их активность упала, поэт стал оставлять скобки в названиях пустыми лишь в некоторых публикациях и давать автокомментарии к стихотворениям и ключевым словам (шуточное стихотворение «[коты]», которое не вошло в книгу). После 16 мая Козлов совсем перестал скрывать ключевые слова, и последним значимым случаем взаимодействия с читателями оказался выбор итогового названия поэтической книги. 8 июля 2023 г. автор запустил в канале опрос, как ему назвать книгу, предложив разные варианты, среди которых наиболее популярными оказались «#чистополе» (под этим хэштегом выходили стихи в его канале) и «Чистое поле». Первый, более современный, отсылал к цифровому пространству, где сначала выкладывались поэтические тексты. Но итоговым стал второй, более традиционный и более отвечавший сюжету формирующейся книги, где интернет – лишь часть современной цивилизации, в которой лирическому субъекту тесно и откуда он прорывается к метафизике «чистого поля»: «Тесно – и всё теснее / в мессенджере, фейсбуке, / в аватаре, е-мейлах, / в предложении, в букве» [16. С. 5].

Ещё один тип постов во время работы над книгой – авторские автокомментарии, рефлексия создаваемых текстов. В одном из первых Козлов открывает семантику образа чистого поля: «Это условное пространство, которое находится совсем рядом, и в нем все устроено иначе. Оно то пропадает, то внезапно является, то просто проваливается в него. Чистое поле – это возможность пересоздания мира. Это специально очищенный лист, который провоцирует поиск» (8 апреля 2022 г. [15]). В другом посте поэт рефлексирует становящееся целое: «Язык этой вещи стерт до абстракций. <...> Примитив и архаика, поэзия ортодокса, чуть ли не фундаментализма, но при этом глубоко современная сюжетика» (25 апреля 2022 г. [15]). Поэт может

открывать аллюзии и указывать на претексты своих стихотворений: «текст [облака] <...> крутится вокруг строки из песни Галича – “Облака плывут, облака”» (5 июля 2023 г. [15]).

Сетевая творческая лаборатория Козлова включала и визуальный ряд: фотографии конкретных полей, вдохновляющих автора, половецких каменных баб, одного из «важных визуальных образов» проекта, сопровождающих стихотворения рукописных черновиков, фиксирующих творческий процесс с зачеркиваниями и исправлениями, поскольку «черновик – это главное визуальное искусство, доступное пишущему» (2, 8, 12 мая 2022 г. [15]). Стихотворение «[бунт]», выложенное в канале 20 июля 2023 г., намеренно построено в формате черновика с помощью телеграм-механики зачеркивания текста: первый, черновой вариант третьей строфы присутствует, но перечеркнут, что даёт возможность проникновения в творческое сознание поэта и вариативность прочтения итогового текста (в печатной книге такой возможности нет).

Поэтическая книга «Чистое поле» в итоге не обнаружила никаких «лучших дополнительных материалов» (7 апреля 2022 г. [15]), как обещал автор в телеграм-канале в начале проекта, и никаких следов её сетевого происхождения. Она состоит из 120 стихотворений, распределенных по семи неозаглавленным частям: некоторые стихотворения из телеграм-канала вошли в книгу в неизменном виде, некоторые сменили название (например, «[нечисто]» стало «[пределом]», «[выбор]» – «[свободой]»), другие были частично переписаны (например, «[перспектива]» – первое стихотворение, выложенное на канале и существующее там в нескольких вариантах). С одной стороны, отсутствие в книге авторского предисловия даёт возможность восприятия её не только как «словаря ключевых слов современного мира», с другой – снимается игра, которая была в телеграм-канале: все слова в скобках открыты, направление интерпретации дано, задача читателя – соотнести слово со стихотворением. Чтение «Чистого поля» от одного стихотворения к другому открывает авторский сюжет поиска самоидентичности как подлинности и сюжет пересоздания мира (семь частей как очевидная метафора семи дней творения). Финальное стихотворение в книге – «[свобода]» – отражает итог пройденного лирическим субъектом пути: преодоление духовного туризма и обретение свободы благодаря взгляду в мифическое пространство чистого поля, преображение мира в сознании с помощью поэзии, выход за пределы сознания к другому и Богу и установление новых связей с миром: «Стать человеком, которого дали, / эфемерность пути наугад, / невыполнимость заданья / больше не будут пугать» [16. С. 122]. Тем не менее фиксируется незавершимость жизненного пути как необходимость продолжения движения: «С чувством удовлетворения / соотношением объектов в миру / расфокусировать зрение, / чуть постоять на ветру» [16. С. 122].

Однако поэтическая вселенная «Чистого поля» оказывается незавершена: стихи с хэштегом #чистое поле продолжают выходить в телеграм-канале Козлова и после публикации книги – по нынешний 2025 г.: «Пятый год я живу внутри разрастающейся вселенной “Чистого поля”». Представьте себе

жизнь в сени неисчерпаемой темы. <...> Новые фрагменты “Чистого поля” теперь стали напоминать экспромты, мгновенные прорывы... <...> Именно в экспромте можно показать уникальный росчерк мгновенной вспышки воображения» (20 июля 2025 г. [15]). Периодические возвращения в «чистое поле» становятся экзистенциальной необходимостью самопознания в процессе существования, где обретение любой самоидентичности временно: «Что во мне, когда выйду в поле, / будет подлинно, а что подло?» (18 мая 2025 г. [15]). Таким образом, обращение к телеграм-каналу Козлова, с одной стороны, даёт возможность реконструировать историю создания завершенной книги не просто как черновик, но как сетевую лабораторию. С другой – это иной формат существования поэтических текстов и иной способ прочитать ту же незавершенную «поэтическую вселенную», в противоположность завершенной книге.

Проза в Telegram: телеграм-роман, телеграм-повесть и телеграм-эссе

Сервис Telegraph даёт возможность писателям размещать лонгриды, публикуя отдельные главы из пишущихся романов и используя Telegram как формат их представления. Однако в целом, по нашим наблюдениям, крупные прозаические формы оказались мало востребованы в Telegram. Возможные причины этого называет В. Козлов, объясняющий, почему он не будет публиковать в социальных сетях отрывки из своего романа «Облик Протея»: «Во-первых, любого персонажа сразу примут за меня, во-вторых, что может сказать кусочек ткани о пошитом из него целом» (9 июня 2025 г. [15]).

Тем не менее возникает относительно новый формат романа – «телеграм-роман», вариант романа-блога. Первым «телеграм-романом», полностью созданным в этом мессенджере, был роман Сергея Бурого «Млн знаков под потолком» (2017). Центральный персонаж-нarrатор – запертый в комнате с опускающимся потолком журналист, который каждый час должен писать минимум три тысячи знаков, поэтому роман публиковался главками соответствующего объема в телеграм-канале в течение месяца. Сам автор осознавал влияние мессенджера на поэтику романа: его стиль с «максимально простыми» фразами, короткими абзацами и минимумом «художественных средств», захватывающий сюжет, но главное – «пространство Telegram с его короткими сообщениями и большой вовлеченностью подписчиков усиливало восприятие главного героя с его клаустрофобией, страхом, безумием...» [17]. В настоящее время телеграм-канал (mlnznakov), в котором выкладывались фрагменты романа, недоступен; в интернете в свободном доступе можно найти лишь часть романа, это свидетельствует о том, что для литературного процесса он остался малозначительным экспериментом.

Другая наметившаяся тенденция – влияние телеграм-формата на традиционную «толстожурнальную» литературу: в октябре 2022 г. в журнале «Урал» был опубликован «telegram-роман» Эдуарда Коридорова «Последняя война Селения у Реки». Это художественный текст, не создававшийся и

не выкладывавшийся в Telegram, ведение телеграм-канала героем, мальчиком из африканского селения, – прием, мотивирующий фрагментарность, дневниковость и «остраненность» наррации и её стилизацию под телеграм-посты (хэштеги после каждой записи, выделение полужирным наиболее важных фраз). Одна из сюжетных интриг связана с подписчиками героя-нarrатора: «Мой канал – про то, что я узнал почти за 14 лет жизни здесь, в Селении у Реки. Сначала я думал, что это никому не интересно. <...> Однако у меня уже четыре подписчика. Значит, в том мире, с кинотеатрами и небоскребами, чего-то не хватает – а у меня оно вот, под рукой. Кто же эти подписчики?» [18. С. 9]. Финал романа разрушает иллюзию мальчика, что жизнь в Африке может быть интересна людям западной цивилизации: подписчиками, читавшими его канал, оказываются его же родители и два «закупщика конопли», однако пятым подписчиком, самым загадочным, как он думает, является его умершая любимая старшая сестра. Это можно прочитывать и как мистическое установление контакта с небесным миром с помощью мессенджера, и как возможность того, что хотя бы один подписчик из большого мира у героя был.

Из интересных прозаических проектов в Telegram можно выделить начатую 18 мая 2022 г. иллюстрированную «телеграм-повесть» «Мжири» в одноименном канале Александры «Альфины» Голубевой (летом 2025 г. – более 4 тыс. подписчиков). Главная особенность заключается в её интерактивности: текст создавался автором, но сюжет, опираясь на ряд изначально заданных правил, направляли читатели, предлагая в комментариях, что делать герою в следующей сцене. При этом автор оставлял себе право самостоятельно принимать «окончательное решение о дальнейших событиях» (18 мая 2022 г. [19]). Сюжет «телеграм-повести» связан с движением героя к центру Лабиринта (возможно, метафора современной действительности), к «Главной Загадке Мира», уже известной автору. Компактные сцены (не более четырех-пяти абзацев), написанные сетевым языком от 2-го лица (что приближает читателя к герою), дополнялись созданными «Альфиной» картинками, выдержанными в одном стиле и напоминающими компьютерную игру в жанре «квеста» или «бродилки» (рис. 1). Также в канале выкладывалось фанатское творчество по мотивам «Мжири» (рисунки, стихи и др.), что расширяло пространство коллективного творчества. На отдельном сайте (mjjir.alphyna.org) текст «телеграм-повести» сохранялся в традиционном не-интерактивном формате как «веб-комикс». К настоящему времени проект «Альфины» по личным причинам заброшен: 26 февраля 2024 г. был выложен последний на данный момент отрывок из начала четвертой главы.

В целом же в Telegram с начала 2022 г. оказывается более востребовано прямое авторское слово – дневники, заметки, эссе, комментарии и т.д., краткие и фрагментарные, как и художественные тексты в цифровом пространстве. В этом смысле показательно название книги интернет-«записей 2013–2020 гг.» из Facebook поэтессы Марины Кудимовой – «Фобия длинных слов» (2023): «Эпоха соцсетей каждого сделала потенциальным обладате-

лем такой фобии: “лонгриды”, тексты, по объему превышающие одну компьютерную страницу, не читаются... Посты в соцсетях ведут начало от дневников, записных книжек и “записок на манжетах”» [20. С. 7].

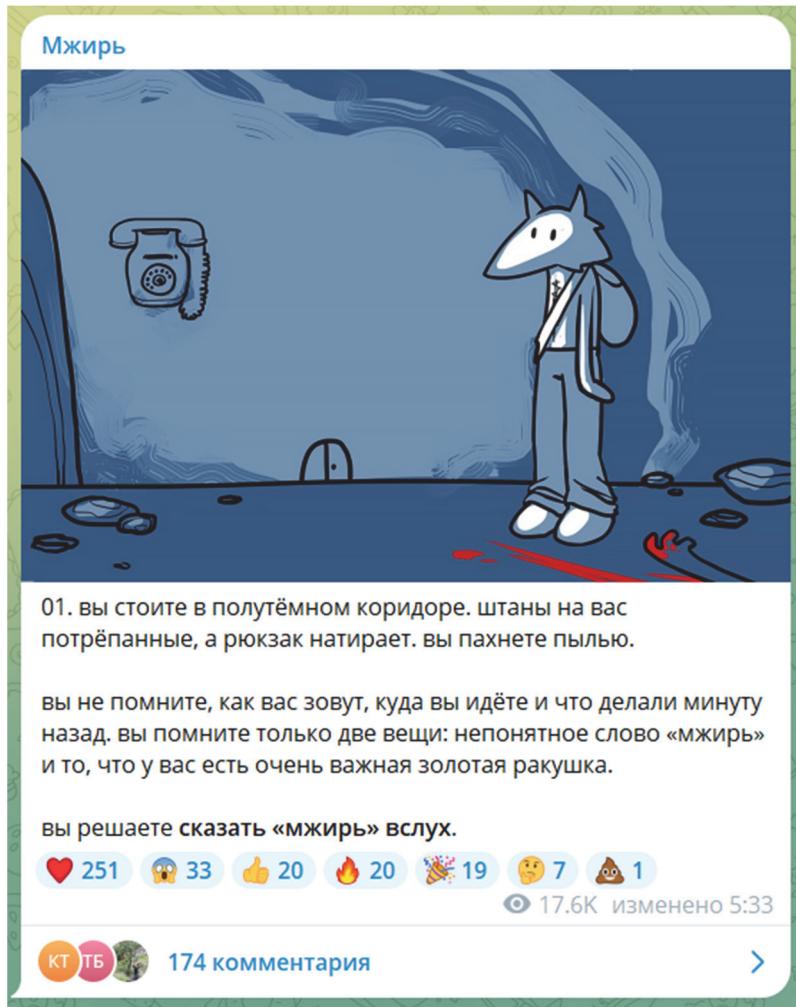

Рис. 1. Пример одной из сцен «телеграм-повести» «Мжирь»

Telegram, как в своё время ЖЖ и Facebook, начинает порождать сборники таких записей, извлеченных из авторских телеграм-каналов и составивших новое целое. Так, в «Новом мире» (2025. № 1) вышла подборка постов из телеграм-канала философа Андрея Тесли «введение к отсутствующему», составленную П. Колозариди: «Посты Андрея кажутся ветвистыми: то ли из-за дефисов, перебивающих все остальные знаки препинания, то ли из-за грамматики, иногда похожей скорее на “его” персонажей из XIX века»

[21]. Нехронологическая логика собирания целого из постов открывает для составительницы главный сюжет Тесли – «герменевтику любви» [21] к чтению и письму.

Борис Кутенков, поэт, критик и культуртрегер, в 2025 г. опубликовал книгу заметок и телеграм-эссе «Критик за правым плечом», составленную из постов 2022–2024 гг. в его телеграм-канале «тонио крёгер» (создан 13 марта 2022 г., к настоящему времени – более 500 подписчиков). Изначально Кутенков вел канал как профессиональный дневник (фиксировал, с кем из литературного сообщества встретился, какие тексты написал и подготовил и т.д.) с акцентом на частной жизни без возможности комментирования постов подписчиками. Вскоре у автора возник замысел собирания заметок в целое, в подборку эссеистики, и две подборки – промежуточные этапы на пути к книге – действительно публиковались в журнале «Формаслов» (в 2022 и 2024 гг.). Расширился тематический диапазон телеграм-эссе: размышления о прочитанных книгах и просмотренных передачах, изменениях культурного ландшафта после февраля 2022 г., влиянии на литературный процесс новых законодательных ограничений, острое переживание «раскола и гражданской войны в литературе» (21 июля 2024 г. [22]), при этом сознательно редуцировано осмысление сдвинувшейся социально-исторической реальности (в книге это подчеркнуто эвфемизмом «после известных событий» [23. С. 5]). Тексты Кутенкова в целом соответствуют формату телеграм-поста (в среднем 3–4 тыс. знаков, в книге – не более двух страниц), однако автор воспринимает этот формат как ограничение для выражения мыслей, и его эссе часто не вмещаются в один пост: «Но писать короче не умею и не буду – только в том случае, когда это соответствует задачам конкретного текста. Подобное – не свойственное, конечно, формату телеграма, – потребовало бы от меня подстраивания под неограничный для меня стиль» (9 января 2024 г. [22]).

«Критик за правым плечом», книга «избранных заметок о классиках, современниках, литературном быте», получает концептуальную обложку (рис. 2), подчеркивающую её сетевое происхождение: передняя обложка повторяет значок приложения Telegram – белый самолетик на голубом фоне, а задняя – имитирует телеграм-посты, заключенные в «облачки». Помимо этого, в предисловии дана ссылка на авторский канал с предложением подписаться. Заметки и эссе перекочевывают из телеграм-канала в книгу с минимальным редактированием. После каждой заметки сохраняется указание даты публикации исходного поста, появляются обязательные названия, но главное – в книге выстраивается новая композиция.

В отличие от упомянутой «Фобии длинных слов» Кудимовой, где соблюдена хронологическая композиция, Кутенков в книге избранных заметок делит посты на три раздела: «57 писем молодому автору», «„Джедай с лопатою света“ и другие эссе», «О классиках и современниках». Книгу Кутенкова можно прочитывать как документ свидетеля «литпроцесса под обломками» (см. одноименное эссе) в эпоху исторических катаклизмов, однако

это и акт авторской самоидентификации. Все три раздела объединяет скрытый сюжет поиска профессионально-творческой самоидентичности: в ситуации «всеобщего охерения и озверения» [23. С. 56], когда наступают «мрак и хаос» [23. С. 42], для автора оказывается важнее не его поэтическая работа (примеров его творчества в книге, в отличие от телеграм-канала, почти нет), а критическая, культуртрегерская, традиционно понимаемая как спасение и сохранение культуры: «В очередной раз думаю о теневой – сверхважной – роли критика и литературоведа как невидимого ангела, стоящего за плечом Творца» [23. С. 180].

Рис. 2. Обложка книги Б. Кутенкова

Особенно значим третий раздел, где среди классиков и современников ищутся образцы для опоры и самоидентификации. Главными образцами для Кутенкова становятся прежде всего женщины, поддерживавшие других и сыгравшие культуроохраняющую роль: жена Толстого Софья Андреевна, литературовед Мариэтта Чудакова, поэтессы-критики Татьяна Бек и Людмила Вязмитинова (показательны и названия некоторых эссе: «Софья Андреевна – это я», «Мариэтта Чудакова как ролевая модель» и др.). Среди творцов-мужчин таким образцом становится поэт Андрей Тавров, существование которого для Кутенкова «было тем, что освещает не только литературный процесс, но и мир вокруг» [23. С. 153]. Такие люди, по авторской метафизической концепции культуры, приносят в мир свет, а после их смерти «немедленно открывается форточка, в которую влезают дьявольские силы» [23. С. 155]. Смерть в переломную эпоху созидателей культуры – ещё одна из важных линий книги, воплощенная в образе «гребаного смертепада», отсюда отчетливая обращенность книги к другому, «молодому автору», только входящему в современный литературный процесс и нуждающемуся в поддержке. То есть автор ставит задачу самому стать для других тем, кем для него прежде были Чудакова, Бек, Тавров и др., хотя и иронизирует над этим стремлением, вводя образ «джедая с лопатою света» (см. одноименное эссе) из стихотворения А. Русс.

Поскольку телеграм-канал потенциально незавершim, Кутенков в финальном эссе вводит самозавершающий взгляд «глазами другого»: «Впервые в новогоднюю ночь увидел свой телеграм-канал со стороны, в чужом смартфоне» [23. С. 203]. Одна из ключевых коллизий книги – ощущение ненужности своей деятельности, «навязчивости к бытию», и этот эпизод можно рассматривать как удостоверение нужности кому-то деятельности автогероя, однако контакта с реальным другим и разрешения сомнений не происходит: напротив, возникают рефлексия своего сетевого текста и новые сомнения.

Интересно, что книга эссе Кутенкова, как и рассматривавшаяся выше поэтическая книга Козлова «Чистое поле», заканчивается мыслями «о внутренней свободе, которой часто не хватает в жизни» [23. С. 203]: финальное стихотворение Козлова – «[свобода]», финальное эссе Кутенкова – «Телеграм-канал как история свободы». Ведение телеграм-канала для Кутенкова является не уходом от социальной реальности (в канале признается в самоцензуре), а способом «внутренней сонастройки с бытием» (24 ноября 2023 г. [22]). Как и Козлов, Кутенков продолжает писание эссе в телеграм-канале и после выхода книги: «нацеливаюсь на продолжение “Критика за правым плечом” (эта дикорастущая книга, как и писал, потенциально бесконечна)» (2 августа 2025 г. [22]).

Таким образом, поэзия получает наибольшую распространённость в мессенджере Telegram. Телеграм-канал современного российского поэта, во-первых, предстаёт новым форматом представления поэтического текста в контексте текстов самых разных речевых жанров, во-вторых, может быть

сетевой лабораторией создаваемой поэтической книги и её иным, потенциально незавершимым вариантом. Новые форматы создания художественной прозы в Telegram обнаруживаются в жанровых модификациях: телеграм-роман, создававшийся в телеграм-канале или лишь имитирующий ведение канала на сюжетно-нarrативном уровне, иллюстрированная интерактивная телеграм-повесть, сюжет которой направляется подписчиками. Публистика оказывается востребована в формате телеграм-эссе, которые могут быть составлены в подборки и книги: пересобранные нехронологически, они могут порождать новые сюжеты. В целом Telegram создаёт лишь относительно новые форматы существования художественных текстов, но представляется важной «страницей» истории русской литературы в сети Интернет, в которой художественный текст приобретает открытость и незавершённость, фрагментарность и ризомность, интерактивность и коллективность создания.

Список источников

1. Костырко С. Русский литературный интернет: начало // Новый журнал. 2011. № 263. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/263/russkij-literaturnyj-internet-nachalo.html> (дата обращения: 20.06. 2025).
2. Войтовский А. Сад расходящихся телеграм-каналов // syg.ma. URL: <https://syg.ma/@voytovsky/sad-rashodyashchihsya-telegram-kanalov> (дата обращения: 21.06.2025).
3. Гавриков В.А. Будущее литературы // Art Logos. 2021. № 2 (15). С. 168–173.
4. Абашева М.П. Глава 8. Литература на территории Интернета: возможность новой поэтики // Между автономией и протеизмом: формы / способы социокультурного бытия и границы современного искусства. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. С. 269–286.
5. Абашева М.П., Максимова Т.О. Блог-литература как феномен: опыты Евгения Гришковца // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, № 4. С. 103–112.
6. Шуников В.Л. Русская литература в цифровую эпоху // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоzнание. Культурология. 2021. № 3. С. 102–114.
7. Дмитрий Львович Быков. URL: t.me/dmibykov (дата обращения: 16.08.2025).
8. Дмитрий Воденников. URL: https://t.me/dmitrii_vodennikov (дата обращения: 16.08.2025).
9. Ракита Ю. «Кремниевый век» сетевой поэзии // Октябрь. 2003. № 4. URL: [http://magazines.russ.ru/october/2003/4/rakita.html](https://magazines.russ.ru/october/2003/4/rakita.html) (дата обращения: 16.08.2025).
10. Козлов В.И. Русская поэзия начала XXI века: поколения, жанры, фигуры. СПб. : Алетейя, 2025. 284 с.
11. ДОЛГАРЕВА. URL: <https://t.me/dolgarevaanna> (дата обращения: 16.08.2025).
12. Плеханова И.И. Поэзия и проза СВОЙНЫ : сб. ст. Ульяновск : УлГТУ, 2025. 243 с.
13. Александр Пелевин З. URL: <https://t.me/comradepelevin> (дата обращения: 16.08.2025).
14. Вожак. URL: https://t.me/vozhak_Z (дата обращения: 16.08.2025).
15. Поэзия южной окраины. URL: https://t.me/sun_field (дата обращения: 16.08.2025).
16. Козлов В.И. Чистое поле. Москва : Воймега ; Ростов-на-Дону : Prosodia, 2023. 132 с.
17. Роман телеграммой. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/04/17/roman-telegrammoy> (дата обращения: 16.08.2025).

18. Коридоров Э. Последняя война Селения у Реки. Telegram-роман // Урал. 2022. № 10. С. 7–70.
19. Мжирь. URL: <https://t.me/mjjir> (дата обращения: 16.08.2025).
20. Кудимова М.В. Фобия длинных слов: Записи 2013–2020 гг. М. : Русский ПЕН-центр, Библио ТВ, 2023. 576 с.
21. Тесля А. Введение к отсутствующему // Новый мир. 2025. № 1. URL: <https://nm1925.ru/articles/2025/1-2025/vvedenie-k-otsutstvuyushchemu/> (дата обращения: 16.08.2025).
22. тонио крётер. URL: <https://t.me/toniokreger> (дата обращения: 16.08.2025).
23. Кутенков Б. Критик за правым плечом. Москва : Синяя гора, Саратов : Амирит, 2025. 220 с.

References

1. Kostyrko, S. (2011) Russkiy literaturnyy internet: nachalo [Russian literary Internet: the beginning]. *Novyy zhurnal*. 263. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nj/2011/263/russkij-literaturnyj-internet-nachalo.html> (Accessed: 20.06. 2025).
2. Voytovskiy, A. (2025) Sad raskhodyashchikhsya telegram-kanalov [The Garden of Forking Telegram Channels]. *syg.ma*. [Online] Available from: <https://syg.ma/@voytovsky/sad-rashodyashchikhsya-telegram-kanalov> (Accessed: 21.06.2025).
3. Gavrikov, V.A. (2021) Budushchee literaturey [The future of literature]. *Art Logos*. 2 (15). pp. 168–173
4. Abasheva, M.P. (2020) Glava 8. Literatura na territorii Interneta: vozmozhnost' novoy poetiki [Chapter 8. Literature on the Internet: the possibility of a new poetics]. In: Zaks, L.A. & Kruglova, T.A. (eds) *Mezhdu avtonomiey i proteizmom: formy / sposoby sotsiokul'turnogo bytiya i granitsy sovremenennogo iskusstva* [Between Autonomy and Proteism: Forms / modes of sociocultural existence and the boundaries of contemporary art]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. pp. 269–286.
5. Abasheva, M.P. & Maksimova, T.O. (2017) Blog-literatura kak fenomen: opyty Evgeniya Grishkovtsa [Blog literature as a phenomenon: the experiments of Evgeny Grishkovets]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 4 (9). pp. 103–112.
6. Shunikov, V.L. (2021) Russkaya literatura v tsifrovyyu epokhu [Russian literature in the digital age]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 3. pp. 102–114.
7. Telegram. (2025) *Dmitriy L'vovich Bykov*. [Online] Available from: t.me/dmibykov (Accessed: 16.08.2025). (In Russian).
8. Telegram. (2025) *Dmitriy Vodennikov*. [Online] Available from: https://t.me/dmitrii_vodennikov (Accessed: 16.08.2025). (In Russian).
9. Rakita, Yu. (2003) "Kremnievyy vek" setevoy poezii ["The Silicon Age" of online poetry]. *Oktyabr'*. 4. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/october/2003/4/rakita.html> (Accessed: 16.08.2025).
10. Kozlov, V.I. (2025) *Russkaya poeziya nachala XXI veka: pokoleniya, zhanry, figury* [Russian Poetry of the Early 21st Century: Generations, Genres, Figures]. Saint Petersburg: Aleteyya
11. Telegram. (2025) *DOLGAREVA*. [Online] Available from: <https://t.me/dolgarevaanna> (Accessed: 16.08.2025). (In Russian).
12. Plekhanova, I.I. (2025) *Poeziya i proza SVOyny* [Poetry and Prose of SVOyna]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
13. Telegram. (2025) *Aleksandr Pelevin Z.* [Online] Available from: <https://t.me/comradepelevin> (Accessed: 16.08.2025). (In Russian).
14. Telegram. (2025) *Vozhak* [The Leader]. [Online] Available from: https://t.me/vozhak_Z (Accessed: 16.08.2025).

15. Telegram. (2025) *Poeziya yuzhnay okrainy* [Poetry of the Southern Outskirts]. [Online] Available from: https://t.me/sun_field (Accessed: 16.08.2025).
16. Kozlov, V.I. (2023) *Chistoe pole* [Open Field]. Moscow: Voymega; Rostov-on-Don: Prosodia.
17. Vasyanin, A. (2017) Roman telegrammoy [A Novel in a Telegram]. *GodLiteratury.RF*. [Online] Available from: <https://godliteratury.ru/articles/2017/04/17/roman-telegrammoy> (Accessed: 16.08.2025).
18. Koridorov, E. (2022) Poslednyaya voyna Seleniya u Reki. *Telegram-roman* [The last war of the village by the river. A Telegram novel]. *Ural*. 10. pp. 7–70.
19. Telegram. (2025) *Mzhir'*. [Online] Available from: <https://t.me/mijir> (Accessed: 16.08.2025). (In Russian).
20. Kudimova, M.V. (2023) *Fobiya dlinnykh slov: Zapisi 2013–2020 gg.* [Phobia of Long Words: Recordings from 2013–2020]. Moscow: Russkiy PEN-tsentr, Biblio TV.
21. Teslya, A. (2025) *Vvedenie k otsutstvuyushchemu* [Introduction to the absent]. *Novyy mir*. 1. [Online] Available from: <https://nm1925.ru/articles/2025/1-2025/vvedenie-k-otsutstvuyushchemu/> (Accessed: 16.08.2025).
22. Telegram. (2025) *tonio kreger*. [Online] Available from: <https://t.me/toniokreger> (Accessed: 16.08.2025). (In Russian).
23. Kutenkov, B. (2025) *Kritik za pravym plechom* [The Critic Behind the Right Shoulder]. Moscow: Sinyaya gora; Saratov: Amirit.

Информация об авторе:

Назаренко И.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.I. Nazarenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nazarenko42@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.08.2025;
одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 22.08.2025;
approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/97/10

Коренная Сибирь в восприятии Ф.М. Достоевского: от «Записок из Мертвого дома» до «Дневника писателя»

Елена Георгиевна Новикова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, elennov@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка реконструкции образа коренной самобытной Сибири в творчестве Ф.М. Достоевского на фоне традиционных представлений о каторжном крае в изображении писателя. Показано, что образ коренной Сибири определяется азиатской проблематикой и поэтикой, при этом эволюционируя: если в «Записках из Мертвого дома» и «Преступлении и наказании» коренная Сибирь представлена отдельными картинами азиатской степи, то в «Дневнике писателя» 1881 г. с Сибирью и Азией Достоевский связывает надежды на будущее России.

Ключевые слова: локальный текст, жанр записок, Сибирь, Азия, степь, Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Дневник писателя», Ч.Ч. Валиханов, А.С. Пушкин

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

Для цитирования: Новикова Е.Г. Коренная Сибирь в восприятии Ф.М. Достоевского: от «Записок из Мертвого дома» до «Дневника писателя» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 212–235. doi: 10.17223/19986645/97/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/10

Indigenous Siberia in the perception of Fyodor Dostoevsky: From *Notes from the House of the Dead* to *A Writer's Diary*

Elena G. Novikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elenov@mail.ru

Abstract. This article attempts to reconstruct the image of indigenous, authentic Siberia in the work of Fyodor Dostoevsky against the backdrop of traditional notions of the penal region in the writer's depiction. The scientific novelty of the research is determined by the examination of the specific issue of Dostoevsky's perception of indigenous Siberia. This established the aim of the work: to identify the strategy of the author's interests and preferences within Dostoevsky's local Siberian text. The research materials are Dostoevsky's 1856 letter to Valikhanov, *Notes from the House of the*

Dead, Crime and Punishment, and the 1881 *A Writer's Diary*. The study of these materials shows that Dostoevsky's conceptions of indigenous, authentic Siberia formed and developed in the following way. In the 1850s, the geographical specificity of the Siberian region where Dostoevsky had to live – Omsk and Semipalatinsk – shaped his initial impressions of indigenous Siberia as an Asian steppe, inhabited by indigenous Siberian peoples and potentially holding geopolitical significance for Russia, as evidenced by his 1856 letter to Valikhanov. It should be emphasized that the *topos* of indigenous Siberia in Dostoevsky's works is consistently imbued with a vivid Asian character. The genre aspect of Dostoevsky's Siberian issues deserves special attention. The specific depiction of Siberia for him is closely linked to documentary genres – to "notes" (*zapiski*), and later to a "diary" (*dnevnik*). He insistently advises Valikhanov to write "notes" about the indigenous Asian steppe and, as a model, suggests Alexander Pushkin's article "John Tanner," dedicated to the life of Indians as the indigenous people of America. However, Dostoevsky himself, at the same time, creates his own notes about Siberia as a penal colony. *Notes from the House of the Dead* established a fundamental opposition of Dostoevsky's dual perception and depiction of Siberia simultaneously as a Russian penal colony and as an absolutely free "Kyrgyz steppe," which found its continuation in the "Epilogue" of *Crime and Punishment*. Therefore, in the 1860s, in *Notes from the House of the Dead* and *Crime and Punishment*, the writer creates vivid and polysemantic descriptions of the Asian steppe and the life of the indigenous Kyrgyz population. Nevertheless, they represent only separate episodes within his overall portrayal of Siberia as a penal space. Dostoevsky lived in Siberia for ten years in a state of unfreedom; this became the dominant feature in his depiction of the Siberian region. Consequently, the description of authentic indigenous Siberian culture was largely excluded from the main circle of his writerly interests and themes. In turn, in the 1881 *A Writer's Diary*, after reflecting on the experience of the Russo-Turkish War of 1877–1878, Dostoevsky proclaims directly opposite views on the significance of the Asian identity of the Russian person, asserting the special geopolitical and sociocultural role of Siberia and Asia in Russia's future development.

Keywords: local text, genre of notes, Siberia, Asia, steppe, F.M. Dostoevsky, "Notes from the House of the Dead", "Crime and Punishment", "A Writer's Diary", Ch.Ch. Valikhanov, A.S. Pushkin

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

For citation: Novikova, E.G. (2025) Indigenous Siberia in the perception of Fyodor Dostoevsky: From *Notes from the House of the Dead* to *A Writer's Diary*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 212–235. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/10

Одно из самых известных описаний Сибири Ф.М. Достоевского – в «Эпилоге» «Преступления и наказания»:

Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит город <...> в городе крепость, в крепости острог. В остроге уже девять месяцев заключен ссыльнокаторжный второго разряда Родион Раскольников <...>. Раскольников вышел из сарай на самый берег и стал глядеть на широкую и пустынную реку <...>. С дальнего другого берега чуть слышно доносились песни. Там, в облитой солнцем необозримой степи чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его [1. Т. 6. С. 410–419].

Важна изначальная авторская фиксация данного фрагмента: это – «Сибирь». Очевидно, что данный образ Сибири в романе восходит к опыту самого Достоевского. Описание базируется на реальном ландшафте середины XIX в.: на одном берегу Иртыша был расположен Омск как форпост России в Азии, в котором были построены «крепость» и «острог»; другой же берег реки все еще представлял собой «необозримую степь» коренных кочевых народов, и Иртыш выполнял роль очевидной водной границы между Сибирью Российской империи и коренным азиатским краем. Так ключевым принципом изображения Сибири здесь стала двойная оптика ее восприятия и описания, и в картине под названием «Сибирь», нарисованной Достоевским, оказались изначально заложенными смыслы принципиального противопоставления двух представлений о крае: «Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних».

«Город», «крепость» и «острог» в этом описании – место каторги писателя 1850–1854 гг., воспроизведенное в «Преступлении и наказании», и «здешние» люди каторжанина Родиона Раскольникова – это заключенные. Но есть и «другие люди» – это коренные народы края, азиатские кочевники; и базовая оппозиция, различающая/разделяющая их (как Иртыш) – это «свобода» и несвобода. Так здесь, наряду с каторжной, возникает совершенно иная Сибирь: «облитая солнцем необозримая степь», страна коренных азиатских народов с их «кочевыми юртами» и незнакомыми «песнями». Она дана как вечная и неизбывная, и отсылка к Аврааму, к кочевничеству библейского героя со «стадами его», предопределенному Божественной волей, сущностно усиливает и подчеркивает этот образ сибирского края. Изображение реального локуса двух берегов Иртыша обретает символические смыслы внутреннего распадения Сибири на коренную («степь») и российскую («город», «острог»).

При этом следует сразу же подчеркнуть, что топосу коренной Сибири Достоевского неизменно присущ яркий азиатский колорит.

Статистический анализ всего корпуса текстов Достоевского показал, что существительное «Сибирь» встречается у писателя 223 раза [2. С. 18]¹. Тема «Достоевский и Сибирь» изучается давно, глубоко, в разных аспектах, и в этом направлении достоевистики на сегодняшний день получены предельно значимые, серьезные и многообразные научные результаты [5–14].

Основной образ Сибири в российской культуре и литературе XIX в. – это страна «каторги и ссылки» и переселенцев, прибывших, принудительно или добровольно, из Центральной России. «К XIX столетию Сибирь была <...> усвоена русской культурой в качестве некоторого концепта. Сибирь с ее каторгами, пересильными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании

¹ Системный статистический анализ всего корпуса текстов Достоевского был осуществлен на основе материалов «Статистического словаря языка Достоевского» [3] и электронной книги «Ф.М. Достоевский. Энциклопедическое собрание сочинений» [4].

мифологизировалась, стала <...> общепонятным хронотопическим образом», – пишет В.И. Тюпа [15. С. 27]. Существенный вклад в создание и упрочение подобного образа Сибири внесли С.В. Максимов [16], Н.М. Ядринцев [17], П.Ф. Якубович (Л. Мельшин) [18], «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «Воскресение» Л.Н. Толстого. Важное место в этом ряду, конечно, занимают и «Записки из Мертвого дома» Достоевского.

Но уже в середине XIX в. в российской мысли начинает складываться совершенно иной образ Сибири – как самобытного края со своей собственной социокультурной и этнической спецификой, фактически начинает формироваться та сложная оптика его восприятия, которая так ярко проявилась в «Эпилоге» «Преступления и наказания». Специальное изучение и описание жизни Сибири, Дальнего Востока и Азии стало важнейшей темой российской науки и культуры середины – второй половины XIX в., и эти новые представления об азиатской части России оформлялись одновременно как в общероссийской науке и культуре, так и внутри самого сибирского социума.

Как указывает К.В. Анисимов, позицию исследователей Сибири можно отчетливо разделить на ««столичную» и «региональную»» [19. С. 30]. По замечанию М.М. Бахтина, феномен регионального сознания характеризуется тем, что «в нем выделяется идеологическая сторона – язык, верования, мораль, нравы – причем <...> в неотрывной связи с ограниченной локальностью» [20. С. 377–378]. Сибирь сама создала своих великих «региональных» исследователей – «последнего энциклопедиста Сибири» [21] Г.Н. Потанина [22–25], социолога Сибири Н.М. Ядринцева [26–28], бесстрашного исследователя Азии, ученого и путешественника Ч.Ч. Валиханова [29–31]. Но при этом в условиях социального, культурного, коммуникативного «трансграницы Сибири» [32, 33] в определенных случаях эти два разных подхода – «столичный» и «региональный» – теснейшим образом переплетаются между собой.

Именно это произошло в сибирском окружении Достоевского. В течение своей десятилетней жизни в Сибири писатель был активно погружен во внутреннюю жизнь края, и в его круге знакомств были лидеры сибирского областничества, представители коренных азиатских народов, российские чиновники и инженеры, наконец, путешественники – исследователи Сибири и Азии. Однако степень знакомства Достоевского со специальной проблематикой Сибири и Азии до сих пор в полной мере не оценивается, а потому и не всегда описывается. Например, в одной недавней статье, посвященной «сибирскому тексту» писателя, утверждается, с Ядринцевым они не были «непосредственно <...> знакомы» [34. С. 58], несмотря на собственный рассказ сибирского публициста о встрече и беседе с Достоевским в 1876 г. [35], а также на то, что история их контактов к настоящему времени достаточно подробно изучена [36. Т. 2. С. 454; 37–42]¹.

¹ См. также замечания Б.Н. Тихомирова [43. С. 26–27].

Поэтому в указанном научно-исследовательском контексте сегодня уже необходимо поставить специальный вопрос о реконструкции представлений Достоевского не только о каторжной, но и об иной – коренной, «кочевой» – Сибири. Научная новизна исследования обусловлена постановкой и изучением вопроса о месте и значении образа коренной Сибири в контексте общих представлений писателя о крае. Это определило цель работы, также обладающую научной новизной: выявить стратегию авторских интересов и предпочтений в локальном сибирском тексте Достоевского. Актуальность работы обусловлена важностью сибирской проблематики для современной науки о писателе, обращением к теории локальных текстов, а также исследованием авторской позиции в методологических подходах имагологии, что представляется значимым для современного литературоведения.

Глубинное приобщение Достоевского к коренной Сибири во многом оказалось связанным с Ч.Ч. Валихановым, которым русский писатель искренне восхищался:

Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и Бог знает как это сделалось <...> чувство и влечение дело необъяснимое [1. Т. 28, кн. 1. С. 248].

В «Подготовительных материалах» к «Подростку» обнаруживается уточнение представления Достоевского о Валиханове: «страшное простодушие» и «обаяние» [1. Т. 16. С. 43]:

ОН исповедуется сыну <...> (страшное простодушие, Валиханов, обаяние) [1. Т. 16. С. 43]¹.

Сейчас их взаимоотношения достаточно полно реконструированы [36. Т. 1. С. 454; 45–49]. Тем не менее в контексте данной работы следует специально обратиться к сибирскому периоду их взаимоотношений (хотя, конечно, их отношения петербургского периода также представляют значительный интерес).

Удивительно и в то же время крайне показательно, что существует изображение Валиханова в той же локальной точке, в которой у Достоевского находился Раскольников:

Группа кадет стояла у ворот двора кадетского корпуса, которые выходят на Иртыш; в этой группе находился и Чокан (Ч.Ч. Валиханов. – Е.Н.). Перед глазами молодых людей открывалась картина: река Иртыш, а за нею поднимающаяся к горизонту Киргизская² степь. Валиханов жадными глазами смотрел вдаль и сказал, взглянув на свою ногу: «Бог знает, где эта нога очутится впоследствии» [24. С. 93].

¹ На этом основании выдвинута версия, что Валиханов стал одним из прототипов образа Версилова [44].

² «Киргизская» с заглавной или строчной буквы здесь и далее – как у авторов.

В Омске наряду с острогом был расположен также Сибирский кадетский корпус, в котором в 1847–1853 гг. учился Валиханов. Здесь в 1847 г. встретились и на всю жизнь подружились два кадета, Валиханов и Потанин, фрагмент из «Воспоминаний» которого и приведен выше¹.

Тот же самый триединый локус Омск – Иртыш – степь, но какая существенная разница в его восприятии героем Достоевского и кадетом Валихановым. И дело здесь не только в проблематике свободы/несвободы. Раскольников видит совершенно новый для себя «другой» мир и «других» людей, а чингизиду Валиханову «Киргизская степь» была знакома и близка, и он был готов ее исследовать: «…жадными глазами смотрел вдаль и сказал <...> “Бог знает, где эта нога очутится впоследствии”». Как отмечает В.А. Обручев, на Валиханова уже в кадетском корпусе «смотрели как на будущего путешественника», и сам он относился к этому как «к своей будущей миссии» [23. С. 23].

Достоевский и Валиханов познакомились в Омске в 1854 г. в тот момент, когда писатель, только что освобожденный после отбывания каторги в Омском остроге, около месяца еще прожил в городе (вместе с С.Ф. Дуровым) в доме К.И. и О.И. Ивановых. Валиханов в это время, начиная с 1853 г., в Омске «формально <...> был определен офицером 6-го кавалерийского полка Сибирского казачьего войска <...>, но фактически оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири, а через год назначен адъютантом генерала Г.Х. Гасфорта, управлявшего тогда Западной Сибирью и северо-восточными районами Казахстана» [30. Т. 1. С. 32–33].

Однако истинное сближение русского писателя и молодого одаренного казаха произошло немного позже, во второй половине ноября 1856 г., когда Валиханов, возвращаясь в Омск после известной военно-научной экспедиции, посвященной изучению Иссык-Куля (руководитель – полковник М.М. Хоментовский), на несколько дней остановился в Семипалатинске², городе Сибирского седьмого линейного батальона, в котором отбывал во-

¹ Этот эпизод в жизни юного Валиханова представлялся Потанину столь значимым, что он неоднократно обращался к нему в разных вариантах своих воспоминаний. См.: «Группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходивших на Иртыш. Отсюда открывается вид на степь, которая расстилается на противоположном берегу Иртыша. Характер этой картины уже совершенно степной: безлесая равнина с уходящим в бесконечность горизонтом. Чувствуешь, что стоишь у ворот в среднеазиатские пустыни. Чокан стоял в группе и развивал свою мечту, может быть, он проникнет в эту степь до южных пределов, где начинается самый Дальний Восток, где начинается загадочный Китай. Сколько он вывезет новостей из *terra incognita*, которая чуть не у самого забора корпуса начинается» (Г.Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове) [29. С. XVII]. «Омский кадетский корпус стоял, можно сказать, на границе киргизской степи; из окон его верхнего этажа открывался вид на заречную сторону Иртыша, за которым начинается степь, и не одного, может быть, Валиханова мечта уносила в загадочную даль, в закиргизские страны, к подошве Тянь-Шаня и Нань-Шаня, в Тибет» (Г.Н. Потанин. Чокан Чингисович Валиханов) [30. Т. 1. С. 91].

² Ныне – г. Семей.

инскую службу Достоевский. Именно эти несколько дней и заложили основу их глубоких дружеских отношений, не прерывавшихся до самой смерти Валиханова.

После встречи в Семипалатинске у них завязалась переписка. Она началась письмом Валиханова от 5 декабря 1856 г., уже вернувшегося к этому времени в Омск [30. Т. 5. С. 132–133]. В настоящее время известны четыре письма Валиханова писателю [30. Т. 5. С. 132–133; С. 143–144; 147–150; 150–152] и только одно письмо Достоевского Валиханову от 14 декабря 1856 г. из Семипалатинска [1. Т. 28, кн. 1. С. 248–254] – ответ на его первое письмо. Хотя, судя по ответным письмам Валиханова, у Достоевского были и другие; см., например:

Любезный друг, Федор Михайлович. Письмо твое <...> я давно уже получил [30. Т. 5. С. 150].

Но именно два первые письма Валиханова и Достоевского крайне значимы в контексте данного исследования: они не только содержат в себе материал сибирской жизни Достоевского, но в конечном счете демонстрируют те мировоззренческие и идеино-художественные установки писателя, которые могут быть основой для реконструкции его базовых авторских стратегий по отношению к локальному сибирскому тексту.

В своем первом письме из Омска Валиханов пишет, прежде всего, о тех теплых взаимоотношениях, которые установились между ними:

Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас.

Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю [30. Т. 5. С. 133].

И, опираясь на эти свои чувства и впечатления, Валиханов обращается к Достоевскому за предельно важным советом – о том, как ему дальше организовывать свою жизнь:

Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить.

Как Вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше [30. Т. 5. С. 133].

Вернувшись из экспедиции, в которой он был свободен и как путешественник, и как ученый, пережив прекрасный опыт общения с Достоевским, Валиханов в Омске вновь вынужден был вернуться в жесткую и тяжелую для него военно-чиновничью среду «чиновнических крючков» [30. Т. 5. С. 133]. Отсюда – его рефлексия о своей жизни, о своем будущем, и обращение к Достоевскому: «Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше».

И единственное дошедшее до нас письмо Достоевского Валиханову стало, в сущности, предельно развернутым и подробным ответом на этот жизненно важный вопрос.

Прежде всего в своем письме Достоевский подхватывает тему искренних дружеских отношений, которые сложились между ними в Семипалатинске, – и делает это крайне эмоционально:

Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и Бог знает, как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! Вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если б на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое [1. Т. 28, кн. 1. С. 248].

И он начинает размышлять о письме Валиханова:

Вы пишете, что Вам в Омске скучно – еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами [1. Т. 28, кн. 1. С. 249].

Дальнейший развернутый ответ Достоевского Валиханову в целом организован представлением о нем как об уникальном представителе коренных сибирских народов в контексте размышлений об азиатском топосе «Степи»¹ [1. Т. 28, кн. 1. С. 249]; именно это и позволит нам реконструировать то базовое понимание писателя коренной Сибири, которое сложилось у него в 1850-х гг.:

Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих «Записок» о степном быте, Вашем возрасте там и т.д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать (например, вроде «Джона Теннера» в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью *новой дороги для Вас*². Если хотите будущее лето пробыть в Степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года Вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию <...>. Воротясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выгоды или такие соображения <...> родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы Вас и за границу <...> Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм^{ер}: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы рассказал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России,

¹ Здесь и далее в письме Достоевского «Степь» с заглавной буквы.

² Здесь и далее курсив Достоевского.

и в то же время служить своей родине *просвещенным* ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце <...> Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы *первый* из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности [1. Т. 28, кн. 1. С. 249].

В размышлениях Достоевского значимое место занимает обращение к жанру записок, которое оказывается связанным, в том числе, с именем А.С. Пушкина: «Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте <...> например, вроде “Джона Теннера” в переводе Пушкина, если помните».

Авторитет Пушкина был бесспорен не только для самого писателя, но и для Валиханова. Потанин, характеризуя образование, полученное в Сибирском кадетском корпусе, отмечал:

Русская литература для нас кончалась Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым [29. С. XVIII].

Достоевский указывает здесь на статью Пушкина «Джон Теннер», опубликованную им в «Современнике» в 1836 г. за подписью «The Reviewer»¹. Пушкин пишет:

В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями [50. С. 451].

Джон Теннер мальчиком был похищен индейцами и около тридцати лет своей жизни провел в индийских племенах, и пушкинская статья, действительно, представляет собой его собственный перевод и пересказ этих «Записок», сделанные на основании работы с их французским изданием. Как отмечает С.А. Фомичев, «29 августа (1836 г. – Е.Н.) Пушкин приобретает только что вышедшие в Париже “Мемуары Джона Теннера, или Тридцать лет в пустынях Северной Америки” во французском переводе де Блоссвиля² и сразу же приступает к их чтению» [51. С. 466]. Далее ученый приводит названия произведения Джона Теннера в разных переводах: «Название, данное книге Блоссвельем, было не вполне точным. Впервые книга была издана в 1830 году в Нью-Йорке под заглавием “Рассказ (“Narrative”³) о похищении и приключениях Джона Теннера (переводчика на службе США в Со-Сент-Мари) в течение тридцатилетнего пребывания среди индейцев в Северной Америке”» [51. С. 467].

¹ Современник. 1836. Кн. 3. С. 205–256.

² Блоссвиль Эрнест, виконт де Поре (1799–1886).

³ Прим. С.А. Фомичева.

Как видим, в этих вариантах названий представлен целый спектр жанровых определений произведения: «мемуары», «рассказ», «narrative». Однако Пушкин в своей статье называет его «Записки Джона Теннера», и именно на это ориентируется Достоевский, предлагая Валиханову написать «нечто вроде своих “Записок” <...> вроде “Джона Теннера” в переводе Пушкина».

Основное содержание пушкинской статьи – это описание внутренней жизни индейцев как коренного народа Америки:

Эти «Записки» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов <...> показания простодушные и бесстрастные [50. С. 451].

Важна общая пушкинская характеристика «Записок» как бесспорно достоверного описания повседневного существования коренных американских народов:

«Записки» Теннера представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности [50. С. 458].

И далее в статье следуют отдельные фрагменты, конкретизирующие эту общую картину:

Описание различных охот и приключений во время преследования зверей занимает много места в «Записках» Джона Теннера [50. С. 461]; Препятствия, нужды, встречаемые индийцами в сих предприятиях, превосходят всё, что можно себе вообразить. Находясь в беспрестанном движении, они не едят по целым суткам <...>. Проваливаясь в пропасти, покрытые снегом, переправляясь через бурные реки на легкой древесной коре, они находятся в ежеминутной опасности потерять или жизнь или средства к ее поддержанию [50. С. 462–463].

В определенном смысле «Джон Теннер» Пушкина может служить значимым смысловым контекстом для выявления специфики представлений Достоевского о коренной Сибири.

Безусловно, важно следующее: если в «Джоне Теннере» Пушкина акцент поставлен на изображении «нужд, непонятных для чад образованности», то Достоевский в своем письме обращается именно к «чаду образованности» – к уникальной для своего времени личности Валиханова: «Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне <...>. Вы *первый* из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности».

Переходя собственно к этим «обязанностям» Валиханова «служить своей родине», Достоевский актуализирует категорию «Степи», которая была предметом их общего обсуждения: «мы об этом говорили». Следует

отметить, что вопрос о «степи» Достоевского уже поставлен в науке о писателе [52, 53].

«Степь» / «Киргизская степь» занимала важнейшее место в жизни и мировосприятии Валиханова. Он мог даже в письмах фиксировать свое место-пребывание как «Киргизская степь». Так, начало письма к Достоевскому от 14 января 1862 г.:

Генваря 14. 1862 г., Киргизская степь
Любезный друг, Федор Михайлович [30. Т. 5. С. 147].

Начало письма к А.Н. Майкову от 6 декабря того же 1862 г.:

Декабрь 6 [1862 г.], Кокчетав
в Киргизской степи

Давно собираюсь писать к Вам, многоуважаемый Аполлон Николаевич [30. Т. 5. С. 152].

Эти примеры можно было бы продолжать и дальше. Понятие «Киргизской степи» заняло важнейшее место в формировании и образовании юного Валиханова, начиная с Сибирского кадетского корпуса, и уже здесь оно приобрело отчетливый геополитический смысл. Потанин, характеризуя систему обучения, организованную И.В. Ждан-Пушкиным после того, как его назначили в 1848 г. инспектором классов корпуса, пишет, в частности, следующее:

Другой из оставленных старых учителей был Евг. Ив. Старков <...>. Ждан-Пушкин просил его познакомить нас поподробнее с географией Киргизской степи, что Старков и сделал; потом он даже напечатал свой географический очерк Киргизской степи. Это было для кадет очень полезно, потому что многим из них, особенно казакам, пришлось подолгу служить в Киргизской степи и ходить по ней в поход [29. С. VIII].

Именно отсюда – те представления об изучении Киргизской степи как об особой миссии Валиханова, которые уже были приведены выше:

Перед глазами молодых людей открывалась картина: река Иртыш, а за нею поднимающаяся к горизонту Киргизская степь. Валиханов жадными глазами смотрел в даль; Омский кадетский корпус стоял, можно сказать, на границе киргизской степи; из окон его верхнего этажа открывался вид на заречную сторону Иртыша, за которым начинается степь, и не одного, может быть, Валиханова мечта уносила в загадочную даль.

Поэтому вполне закономерно, что Достоевский рекомендует ему написать «Записки» «о Степи».

На первый взгляд может показаться, что Достоевский, подобно Пушкину, имеет в виду особенности жизни коренных сибирских народов, описание их быта: «если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте, Вашем возрасте там и т.д.». Но далее в письме категория

«Степь» приобретает у него обобщенный социокультурный смысл, становясь выражением самой сущности коренной сибирской культуры и жизни, в том числе, и в ее геополитическом соотношении с Россией: «...не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России».

Более того, как свидетельствует его письмо, для него самого именно «Степь» стала воплощением коренной азиатской Сибири. Так, обсуждая определенные сложности, которые возникли у Валиханова с семьей по поводу его будущего, Достоевский замечает: «Если хотите будущее лето пробыть в Степи, то ждать еще можно долго <...>. Воротясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выгоды или такие соображения <...> родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы Вас и за границу». «Пробыть в Степи» и «воротясь в Сибирь» – здесь Достоевский «Степь» и «Сибирь» очевидно использует как синонимы.

Все это в целом позволяет утверждать, что базовые представления Достоевского о коренной Сибири 1850–1860-х гг. – это азиатская «Степь», понимаемая в обобщенном социокультурном смысле, о чем и свидетельствует финал «Преступления и наказания»: «С дальнего другого берега чуть слышно доносились песни. Там, в облитой солнцем необозримой степи чуть приметными точками чернелись кочевые юрты».

Особого внимания заслуживает жанровый аспект сибирской проблематики Достоевского. Специальное изображение Сибири для него на этом этапе оказалось тесно связанным с документальными жанрами – с «записками», восходящими, возможно, и к пушкинскому опыту «Записок» Джона Теннера. При этом, настойчиво советуя Валиханову написать «записки» о «Степи», сам Достоевский в это же время, в 1856–1857 гг., уже создает свои сибирские «записки» – «Записки из Мертвого дома».

В письме к Валиханову Достоевский, в частности, упоминает П.П. Семенова¹, который по поручению Русского географического общества в конце 1856 – начале 1857 г. в Сибири, в Семипалатинске, Барнауле и Омске, занимался организацией экспедиции на Тянь-Шань:

Семенов превосходный человек. Я его разглядел еще ближе [1. Т. 28, кн. 1. С. 248].

В своих воспоминаниях о встречах с Достоевским, сначала в Семипалатинске, а затем – в Барнауле, Семенов-Тян-Шанский рассказывает о его работе над «Записками из Мертвого дома» – именно в это время:

В январе 1857 года я был обрадован приездом ко мне (в Барнаул. – Е.Н.) Ф.М. Достоевского <...>. Достоевский пробыл у меня недели две в необходимых приготовлениях к своей свадьбе. По несколько часов в день мы проводили в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время еще не оконченных «Записок из Мертвого дома», дополняемых устными рассказами [54. С. 310].

¹ С 1906 г. – Семенов-Тян-Шанский.

И в «Записки из Мертвого дома» вошла тема «киргизской степи». В V главе «Летняя пора» описан тот же тройной локус острог – Иртыш – степь / киргизская степь, который содержится в «Эпилоге» «Преступления и наказания» и в воспоминаниях Потанина о Валиханове:

Кажется, еще сильнее грустишь о свободе под ярким солнечным лучом <...> слу-
чалось, подметиши вдруг где-нибудь на работе чай-нибудь задумчивый и упор-
ный взгляд в синеющую даль, куда-нибудь туда, на другой берег Иртыша, где
начинается необъятно скатертью, тысячи на полторы верст, вольная киргизская
степь [1. Т. 4. С. 173].

Далее в главе этот «чай-нибудь задумчивый и упорный взгляд» «на дру-
гой берег Иртыша» персонифицируется и становится составляющей сибир-
ского мировосприятия самого повествователя, т.е. в конечном счете Досто-
евского:

<...> работа производилась на берегу Иртыша. Я потому так часто говорю об
этом береге, что единственno только с него и был виден мир Божий, чистая, ясная
даль, незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатле-
ние своею пустынностью. На берегу только и можно было стать к крепости задом
и не видать ее <...>. На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, в
этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы
на свободу. Всё для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на без-
донном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского бе-
рега. Всматриваешься долго и разглядишь наконец какую-нибудь бедную, обку-
ренную юрту какого-нибудь байгуша¹; разглядишь дымок у юрты, киргизку, ко-
торая о чем-то хлопочет с своими двумя баранами. Всё это бедно и дико, но сво-
бодно [1. Т. 4. С. 178].

Это описание, как и в «Преступлении и наказании», также организовано
двойной оптикой повествователя: его положение на своем берегу – это
взгляд «заключенного из окна своей тюрьмы на свободу», и только здесь,
отвернувшись, можно некоторое время «не видать» ненавистную «ке-
рость».

Именно здесь мы находим у Достоевского специальное изображение ко-
ренной Сибири:

<...> другой берег Иртыша, где начинается необъятно скатертью, тысячи на
полторы верст, вольная киргизская степь <...> и яркое горячее солнце на бездон-
ном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега.
Всматриваешься долго и разглядишь наконец какую-нибудь бедную, обкурен-
ную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая
о чем-то хлопочет с своими двумя баранами. Всё это бедно и дико, но свободно.

Общие социокультурные смыслы Сибири как «Степи» дополняются
здесь вполне конкретным описанием быта коренных сибирских народов, и

¹ Байгуш (устар.) – именование представителей обедневших слоев населения в соци-
альной структуре казахского и башкирского общества XIX в.

коренная Сибирь у Достоевского 1850–1860-х гг. предстает собственно как азиатская «киргизская степь». И так же, как в «Преступлении и наказании», естественный сибирский мир в изображении Достоевского наполняется высокими символическими смыслами и предстает как «мир Божий».

Так в «Записках из Мертвого дома» была заложена базовая оппозиция двойного восприятия и изображения Сибири Достоевским одновременно и как российской «каторги и ссылки», и как абсолютно свободной «киргизской степи», что и получило свое продолжение в «Эпилоге» «Преступления и наказания». Достоевский предлагает Валиханову написать «записки» о «Степи», считая этот замысел очень перспективным проектом: «Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать <...> На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество». Для самого писателя этого времени азиатская «киргизская степь», которую он хорошо чувствует и понимает, – это воплощение коренной Сибири, имеющей, в том числе, и geopolитическое значение.

Тем не менее собственная авторская стратегия Достоевского по отношению к сибирскому краю – принципиально иная, и он создает свои «записки» о Сибири как о каторжном «Мертвом доме». И в «Записках из Мертвого дома», и в «Преступлении и наказании» изображение коренной Сибири – только отдельный эпизод в общем повествовании о сибирской каторге. Ключевой для Достоевского здесь была оппозиция свободы/несвободы. Он прожил в Сибири десять лет, так или иначе, в ситуации несвободы, именно это стало доминантой в его изображении сибирского края, поэтому описание собственно коренной сибирской культуры закономерно выводится из основного круга его писательских интересов и тем. Достоевский в 1850–1860-х гг. занимает авторскую позицию отказа от региональной сибирской проблематики, от сибирской авторской идентичности в любом ее возможном варианте. Используя известный термин Ю.М. Лотмана, можно сказать, что у Достоевского этого периода коренная Сибирь при изображении сибирского края в конечном счете выполняла функцию «минус-приема».

В «Дневнике писателя» 1881 г. Достоевский занял прямо противоположную позицию активного утверждения азиатской идентичности русского человека: «русский не только европеец, но и азиат» [1. Т. 27. С. 33]:

Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! [1. Т. 27. С. 33].

Сибирь в этом контексте, в полном соответствии с представлениями, сформированными в 1850-х гг., предстает как «наша русская Азия»:

<...> вся наша русская Азия, включая и Сибирь <...> [1. Т. 27. С. 32].

Так получилось, что азиатская проблематика стала завершением всего «Дневника писателя»: его последняя книга «Январь» 1881 г. включает в себя две главы, и два последних параграфа второй главы, «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» и «Вопросы и ответы», специально посвящены именно ей.

Поводом написания III параграфа «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» стало завершение Ахал-текинских экспедиций российской армии 1879–1880-х гг., направленных на завоевание территории Туркестана; организация этих экспедиций была связана с реализацией геополитической задачи ограничения английского влияния в Средней Азии. В результате взятия крепости Геок-Тепе вторая экспедиция закончилась победой России.

Достоевский достаточно скрупульно освещает в «Дневнике писателя» саму историю этой военной кампании, его волнует более общий вопрос: «Что такое для нас Азия?» Ответом на него и стали самые последние параграфы всего «Дневника писателя». В основе этих «вопросов и ответов» просматривается та геополитическая проблематика коренной азиатской Сибири, которая была намечена Достоевским в далеких уже 1850-х гг. в его письме к Валиханову: «что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России». В контексте размышлений Достоевского о том, «что такое для нас Азия», актуализируются те темы и мотивы коренной Сибири, которые сформировались у него еще в 1850–1860-х гг., но теперь в центре его размышлений – собственно «русская Азия», в том числе Сибирь, и ее экономическое, социокультурное, геополитическое значение для России.

Этот существенно новый подход к азиатской проблематике окончательно сформировался у Достоевского во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которой была посвящена значительная часть «Дневника писателя» этих лет. Здесь у него «выстраивается принципиальный дискурс, в котором “восточный вопрос” уточняется как <...> вопрос “славянский”» [55. С. 185]. Как пишет он сам в «Дневнике писателя» 1877 г.,

<...> восточный вопрос <...> есть и славянский вместе [1. Т. 25. С. 30].

В «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» он подчеркивает:

<...> теперешний Восточный вопрос наш – гроза и беда нашего текущего и нашего будущего – был бы уже теперь давно разрешен [1. Т. 27. С. 34].

Не случайно он вновь упоминает свой тезис о том, что «Константинополь должен быть наш», ставший к этому времени уже широко известным знаковым предъявлением его позиции по восточному вопросу:

Насчет Восточного вопроса я бы вот что сказал в эту минуту: ведь в эту минуту у нас, в политических сферах, не найдется, может быть, ни единого политического ума, который бы признавал за здравое, что Константинополь должен быть наш <...>. А коли так, так чего же нам больше ждать? [1. Т. 27. С. 39].

Поэтому будущее России Достоевский связывает теперь, в первую очередь, с азиатской «степью». Казалось бы, Достоевский вновь обращается к

описанию ее безлюдности, пустынности. Как это было в «Записках из Мертвого дома», «незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своею пустынностью». Об этом же пишет он и здесь:

<...> голая, как ладонь наша, степь [1. Т. 27. С. 37].

Однако проблематика степи обретает совершенно новые смыслы, и в «Дневнике писателя» образ «голой» степи оборачивается у Достоевского представлением о скрытых в ней колоссальных природных богатствах:

И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? [1. Т. 27. С. 37].

В своих размышлениях он горько сетует на то, что Россия не видит и не понимает пока в «Азии», «Сибири», «степи» своих возможностей и перспектив и иронически обращается к опыту «англичан» и «американцев». Он интерпретирует «открытие» Азии для России как освоение Америки Британской империей и Соединенными Штатами:

О, если б вместо нас жили в России англичане или американцы <...>. Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля, – всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить. Они бы призвали науку, заставили бы землю родить им сам-пятьдесят, – ту самую землю, про которую мы всё еще думаем здесь, что это лишь голая, как ладонь наша, степь. К добывшему хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство [1. Т. 27. С. 37].

Азия предстает здесь как «неоткрытая» российская «Америка»¹. Безусловно, в центре этих размышлений писателя – не «англичане или американцы», но те колоссальные возможности и перспективы развития России, которые он сейчас видит в азиатской степи с сокрытыми в ее недрах «металлами», «минералами», «бесчисленными залежами каменного угля» и с ее плодородной землей, на которой можно выращивать урожай «сам-пятьдесят». И далее – об этом же:

<...> в будущем Азия наш исход <...> там наши богатства <...> у нас всё еще будет простор и ширь, поля и леса, и дети наши будут расти у отцов своих, не в каменных мешках, а среди садов и засеянных полей, видя над собою чистое небо. Да, много там наших надежд заключено и много возможностей, о которых мы здесь и понятия еще составить не можем во всем объеме! Не одно только золото там в почве спрятано [1. Т. 27. С. 38].

¹ В этих достаточно нетривиальных сравнениях Азии с Америкой и Африкой при желании можно усмотреть влияние пушкинского «Джона Теннера», связанного в сознании писателя с азиатской проблематикой.

Размышляя о будущем России, он подчеркивает, что насущной необходимостью для страны является эффективное развитие Сибири и Азии:

Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия [1. Т. 27. С. 37].

Оба параграфа, посвященные азиатской проблематике, носят жестко polemический характер, и Достоевский в них неоднократно моделирует позицию своих многочисленных оппонентов:

«Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?» Бывали даже и очень резкие голоса: «Уж эта наша Азия, мы и в Европе-то не можем себе порядка добить и устроиться, а тут еще суют нам и Азию. Лишняя вовсе нам эта Азия, хоть бы ее куда-нибудь деть!» [1. Т. 27. С. 32].

В черновых записях <Записной тетради 1880–1881 гг.> есть следующее высказывание о Сибири такого же рода:

Сибирь – продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев. Всего лучше разбить по участкам и отдавать на откуп, или если никто ничего за них не даст, то просто отдать в эксплуатацию <...> с гарантией 5 процентов. Все жертвы пусть будут принесены, только б нам избавиться от этого хлама [1. Т. 27. С. 79].

Но здесь же – собственная заметка Достоевского, в которой Азия предстает воплощением «оздоровления» народа, «смирения» перед ним и перед всей Россией, а также геополитическим пространством для возможного применения разумной государственной экономической политики:

Оздоровление народа.

Россия – Азия.

Экономия.

Уничтожение аристократизма, петербургского взгляда на народ и на Россию и смирение перед нею [1. Т. 27. С. 80].

К сожалению, развернуть далее эти идеи Достоевскому не довелось.

Итак, представления Достоевского о коренной самобытной Сибири формировались и развивались следующим образом.

В 1850-х гг. географическая специфика того сибирского региона, в котором Достоевскому пришлось жить, Омска и Семипалатинска, определила его исходные впечатления о коренной Сибири как об азиатской степи, освоенной коренными сибирскими народами и потенциально имеющей геополитическое значение для России, о чем свидетельствует его письмо к Валиханову 1856 г.

В 1860-х гг. в «Записках из Мертвого дома» и в «Преступлении и наказании» писатель создает яркие и многозначные описания азиатской степи и

жизни коренного киргизского населения, которые тем не менее представляют собой только отдельные эпизоды в его общем изображении Сибири как каторжного пространства. Коренная азиатская Сибирь в сфере его писательских интересов и авторской идентичности отсутствует.

В свою очередь, в «Дневнике писателя» 1881 г., после осмыслиения опыта русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Достоевский декларирует прямо противоположные представления о значимости азиатской идентичности русского человека, утверждая особую геополитическую и социокультурную роль Сибири и Азии в будущем развитии России.

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : В 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
2. Новикова Е.Г., Понкратова Е.М., Кожевникова А.Г. Геополитическая карта мира Ф.М. Достоевского: системное описание // Текст. Кинга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 5–21.
3. Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003. 880 с.
4. Достоевский Ф.М. Энциклопедическое собрание сочинений. М. : Бизнессофт, 2005. Серия: Электронные книги.
5. Туниманов В.А. Творчество Достоевского, 1854–1862. Л. : Наука, 1980. 294 с.
6. Акелькина Е.А. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы). Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОГИ», 2007. 140 с.
7. Вайнерман В.С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» (Ф.М. Достоевский и Сибирь). 3-е изд., испр. и доп. Омск : Издательский дом «Наука», 2015. 392 с.
8. Владимиров В.П. Достоевский народный: Ф.М. Достоевский и русская этнолингвистическая культура / под науч. ред. В.Н. Захарова, О.Ю. Юрьевой. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2007. 462 с.
9. Габдуллина В.И. Сибирский текст Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3. С. 93–106.
10. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850–1854. Новосибирск : Наука, 1985. 167 с.
11. Кушникова М.М., Тогулев В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1996. 472 с.
12. Семыкина Р.С.-И. Проза Ф.М. Достоевского 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели» (комическое: мир и характеры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. 17 с.
13. Трухан Е.Д. Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского 1855–1857 годов. Новокузнецк ; Красноярск, 2021. 220 с.
14. Понкратова Е.М. Динамическая модель Сибири Ф.М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 251–262.
15. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
16. Максимов С.В. Сибирь и каторга : В 3 т. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871.
17. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб. : Типография А. Моригоровского, 1872. 719 с.

18. Якубович П.Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. Т. 1. Public Domain, 1896. 250 с.
19. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
20. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975.
21. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмыслиения личности. Томск, 2004. 208 с.
22. Хроника жизни и творчества Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1986. С. 319–328.
23. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и творчество. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 252 с.
24. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1983. 336 с.
25. Потанин Г.Н. Воспоминания (окончание) // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1986. С. 35–152.
26. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.
27. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 472 с.
28. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Издание И.М. Сибирякова, 1892. 594 с.
29. Валиханов Ч.Ч. Сочинения / изд. под ред. [и с предисл.] д. ч. Н.И. Веселовского. СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1904. XLVI, [3], 533, XXXII, 2 с. (Записки Имп. рус. геогр. о-ва по отделению этнографии; XXIX).
30. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : В 5 т. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984–1985.
31. Стрелкова И.И. Валиханов. М. : Молодая гвардия, 2004. 295 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
32. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
33. Айзикова И.А. Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII – XIX в.): типология взаимодействий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 162–182.
34. Сафонова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского: проблемы и перспективы // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 55–96.
35. Ядринцев Н.М. Достоевский в Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1980. С. 58–65.
36. Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение» : В 2 т. СПб. : Алетейя, 2001.
37. Акелькина Е.А. Диалог Н.М. Ядринцева с Ф.М. Достоевским // Четвертые Ядриновские чтения : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск : Омский государственный историко-краеведческий музей, 2017. С. 349–353.
38. Frank S.K. Dostoevskij, Jadrincev und Čechov als ‚Geokulturologen‘ Sibiriens // Gedächtnis und Phantasma. München, 2001. S. 32–47.

39. Frank S.K. Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19 Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij // Wiener Slawistischer Almanach. 2005. Sonderband 62. S. 401–418.
40. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.
41. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 268–277.
42. Новикова Е.Г. Омск, связавший две судьбы: Н.М. Ядринцев и Ф.М. Достоевский // Философские формы в культуре : монография к 70-летию доктора филологических наук, профессора, ректора Омской гуманитарной академии А.Э. Еремеева. Омск : Изд-во ОмГА, 2021. С. 254–266.
43. Тихомиров Б.Н. Петербург – Тобольск – Омск – Семипалатинск (о пути Достоевского на каторгу и в ссылку) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9, № 4. С. 7–29.
44. Ашиотова Г.А. Чокан Валиханов как один из прототипов образа Версилова (роман «Подросток») // Ф.М. Достоевский и национальная культура. Вып. I. Челябинск, 1994. С. 306–317.
45. Ашиимбаева Н.Т. История одной дружбы. Федор Достоевский и Чокан Валиханов // Консул. 2008. № 4 (15). С. 15–19.
46. Ауэзов М.О. Ф.М. Достоевский и Чокан Валиханов // Дружба народов. 1956. № 3. С. 31–39.
47. Уразаева К. Федор Достоевский и Чокан Валиханов: научный комментарий как источник евразийства // Via Evrasia. 2012. № 1. С. 228–240.
48. Ермекбаев Ж.А. Федор Достоевский и Чокан Валиханов в эпистолярном наследии // GISAP: History and Philosophy. 2016. № 8. С. 10–12.
49. Селиверстов С.В. Две «почвы»: к проблеме интеллектуальных взаимоотношений Ф.М. Достоевского и Ч.Ч. Валиханова (вторая половина 1850-х – начало 1860-х гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8, № 4 (32). С. 56–66.
50. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : В 10 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1951. Т. 7.
51. Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. М. : Знак, 2007. 535 с.
52. Борисова В.В. «Гиблое место» или «золотой век» (Казахская степь в изображении Ф.М. Достоевского) // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений. Семипалатинск, 1989. С. 40–45.
53. Михновец М.В. «Киргизские степи» в geopolитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 120–127.
54. Семенов-Тян-Шанский П.П. Из «Мемуаров» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников : В 2 т. М.: Худ. лит., 1990. (Серия литературных мемуаров).
55. Новикова Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского 1877–1878 гг. // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 184–189.

References

1. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 1–30. Leningrad: Nauka
2. Novikova, E.G., Ponkratova, E.M. & Kozhevnikova, A.G. (2022) A geopolitical map of Fyodor Dostoevsky's world: A systematic description. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 28. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/28/1
3. Shaykevich, A.Ya., Andryushchenko, V.M. & Rebetskaya, N.A. (2003) *Statisticheskiy slovar' yazyka Dostoevskogo* [Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

4. Dostoevskiy, F.M. (2005) *Entsiklopedicheskoe sobranie sochineniy* [Encyclopedic Collected Works]. Moscow: Biznessoft, Seriya: Elektronnye knigi
5. Tunimanov, V.A. (1980) *Tvorchestvo Dostoevskogo, 1854–1862* [The Works of Dostoevsky, 1854–1862]. Leningrad: Nauka.
6. Akel'kina, E.A. (2007) "Zapiski iz Mertvogo doma" F. M. Dostoevskogo: formirovaniye poetiki ocherkovogo povestvovaniya (1840–1860-e gody) [Notes from the House of the Dead by Fyodor Dostoevsky: the formation of the poetics of essay narrative (1840–1860s)]. Omsk: Omsk Academy for the Humanities.
7. Vaynerman, V.S. (2015) "Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati..." (F. M. Dostoevskiy i Sibir) [I Entrust Myself to Your Kind Memory... (Fyodor Dostoevsky and Siberia)]. 3rd ed. Omsk: Izdate'l'skiy dom "Nauka".
8. Vladimirtsev, V.P. (2007) *Dostoevskiy narodnyy: F. M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura* [Dostoevsky of the People: Fyodor Dostoevsky and Russian Ethnological Culture]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Gabdullina, V.I. (2016) *Sibirskiy tekst Dostoevskogo: obraz provintsii* [Dostoevsky's Siberian text: the image of the province]. *Kul'tura i tekst*. 3. pp. 93–106.
10. Gromyko, M.M. (1985) *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854* [Dostoevsky's Siberian Acquaintances and Friends. 1850–1854]. Novosibirsk: Nauka.
11. Kushnikova, M.M. & Togulev, V. (1996) *Zagadki provintsii. "Kuznetskaya orbita" Fedora Dostoevskogo v dokumentakh sibirskikh arkhivov* [Mysteries of the Province. Fyodor Dostoevsky's Kuznetsk Orbit in the documents of Siberian archives]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
12. Semykina, R.S.-I. (1992) *Proza F. M. Dostoevskogo 1850-kh godov: "Dyadyushkin son", "Selo Stepanchikovo i ego obitately"* (komicheskoe: mir i kharaktery) [Fyodor Dostoevsky's prose of the 1850s: Uncle's Dream, The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants (the comic: world and characters)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
13. Trukhan, E.D. (2021) *Epistolyarnoe nasledie F. M. Dostoevskogo 1855–1857 godov* [Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky in 1855–1857]. Novokuznetsk: Kuzbass State Pedagogical Institute; Krasnoyarsk: Sitall.
14. Ponkratova, E.M. (2021) *Dinamicheskaya model' Sibiri F. M. Dostoevskogo* [Dynamic model of Siberia by Fyodor Dostoevsky]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* [Geopolitical Map and World Picture of Fyodor Dostoevsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 251–262.
15. Tyupa, V.I. (2002) *Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury* [Mythologeme of Siberia: on the question of the "Siberian text" of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 27–35.
16. Maksimov, S.V. (1871) *Sibir' i katorga* [Siberia and Penal Servitude]. Vol. 1–3. Saint Petersburg: Tip. A. Transhelya
17. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke: issledovaniya i nablyudeniya nad zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin* [Russian Community in Prison and Exile: Research and Observations on the Life of Prison, Exiled, and Vagabond Communities]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Morigerovskogo.
18. Yakubovich, P.F. (1896) *V mire otverzhennykh. Zapiski byvshego katorzhnika* [In the World of the Outcasts: Notes of a Former Convict]. Vol. 1. Saint Petersburg: [s. n.].
19. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Esthetics. Studies of Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

21. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmyshleniya lichnosti* [Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia: An Attempt to Understand the Personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
22. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Lit. nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd. pp. 319–328.
23. Obruchev, V.A. (1947) *Grigorij Nikolaevich Potanin. Zhizn' i tvorchestvo* [Grigory Nikolaevich Potanin. Life and Work]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Potanin, G.N. (1983) *Vospominaniya* [Memories]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd.
25. Potanin, G.N. (1986) *Vospominaniya (okonchanie)* [Memories (conclusion)]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd. pp. 35–152.
26. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [The Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
27. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya. K yubileyu trekhstoletiya. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee* [Siberia as a Colony. On the tercentenary anniversary. The current situation of Siberia. Its wants and needs. Its past and future]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
28. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskem, etnograficheskem i istoricheskem otoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic, and Historical Respect]. 2nd ed. Saint Petersburg: Izdanie I.M. Sibiryakova.
29. Valikhanov, Ch.Ch. (1904) *Sochineniya* [Works]. Saint Petersburg: Tip. gl. upr. udelov.
30. Valikhanov, Ch.Ch. (1984–1985) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 1–5. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii
31. Strelkova, I.I. (2004) *Valikhanov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
32. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2
33. Ayzikova, I.A. (2022) Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 162–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/8
34. Safronova, E.Yu. (2020) *Sibirski tekst F.M. Dostoevskogo: problemy i perspektivy* [The Siberian Text of Fyodor Dostoevsky: Problems and Prospects]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 3. pp. 55–96
35. Yadrintsev, N.M. (1980) *Dostoevskiy v Sibiri* [Dostoevsky in Siberia]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5 Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd. pp. 58–65.
36. Belov, S.V. (2001) *Entsiklopedicheskiy slovar' "F.M. Dostoevskiy i ego okruzhenie"* [Encyclopedic Dictionary Fyodor Dostoevsky and His Circle]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Aleteyya.
37. Akel'kina, E.A. (2017) [Dialogue of N.M. Yadrintsev with F.M. Dostoevsky]. *Chetvertye Yadrinovskie chteniya* [The Fourth Yadrinov Readings]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Omsk. 30–31 October 2017. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskiy muzey. pp. 349–353. (In Russian).
38. Frank, S.K. (2001) Dostoevskij, Jadrincev und Čechov als 'Geokulturologen' Sibiriens. In: Frank, S.K. et al. (eds) *Gedächtnis und Phantasma*. München: Sagner. pp. 32–47.
39. Frank, S.K. (2005) Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19. Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij. *Wiener Slawistischer Almanach*. 62. pp. 401–418.

40. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article one. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 185–197. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/59/11
41. Novikova, E.G. (2020) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article Two. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 268–277. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/14
42. Novikova, E.G. (2021) Omsk, svyazavshiy dve sud'by: N. M. Yadrintsev i F.M. Dostoevskiy [Omsk, which linked two destinies: N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky]. In: *Filosofskie formy v kul'ture* [Philosophical Forms in Culture]. Omsk: Omsk Academy for the Humanities. pp. 254–266.
43. Tikhomirov, B.N. (2022) Peterburg – Tobol'sk – Omsk – Semipalatinsk (o puti Dostoevskogo na katorgu i v ssylku) [Petersburg – Tobolsk – Omsk – Semipalatinsk (about Dostoevsky's path to hard labor and exile)]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 4 (9). pp. 7–29
44. Ashitova, G.A. (1994) Chokan Valikhanov kak odin iz prototipov obrazu Versilova (roman "Podrostok") [Chokan Valikhanov as one of the prototypes of Versilov's image (the novel The Teenager)]. *F. M. Dostoevskiy i natsional'naya kul'tura*. 1. pp. 306–317.
45. Ashimbaeva, N.T. (2008) Istorya odnoy druzhby. Fedor Dostoevskiy i Chokan Valikhanov [The story of one friendship. Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. *Konsul*. 4 (15). pp. 15–19.
46. Auezov, M.O. (1956) F.M. Dostoevskiy i Chokan Valikhanov [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. *Druzhba narodov*. 3. pp. 31–39
47. Urazaeva, K. (2012) Fedor Dostoevskiy i Chokan Valikhanov: nauchnyy kommentariy kak istochnik evrazistyva [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov: scientific commentary as a source of Eurasianism]. *Via Evarasia*. 1. pp. 228–240.
48. Ermekbaev, Zh.A. (2016) Fedor Dostoevskiy i Chokan Valikhanov v epistolyarnom nasledii [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov in the epistolary heritage]. *GISAP: History and Philosophy*. 8. pp. 10–12
49. Seliverstov, S.V. (2021) Dve "pochvy": k probleme intellektual'nykh vzaimootnosheniy F.M. Dostoevskogo i Ch.Ch. Valikhanova (vtoraya polovina 1850-kh – nachalo 1860-kh gg.) [Two "soils": on the problem of intellectual relationships between Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov (second half of the 1850s – early 1860s)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 4-8 (32). pp. 56–66.
50. Pushkin, A.S. (1950–1951) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 1–10. Moscow; Leningrad: USSR AS.
51. Fomichev, S.A. (2007) *Pushkinskaya perspektiva* [Pushkin's Perspective]. Moscow: Znak.
52. Borisova, V.V. (1989) "Gibloe mesto" ili "zolotoy vek" (Kazakhskaya step' v izobrazhenii F. M. Dostoevskogo) ["A lost place" or "the Golden Age" (The Kazakh Steppe as Portrayed by F.M. Dostoevsky)]. *Dostoevskiy i sovremennost'* [Dostoevsky and Modernity]. Semipalatinsk: [s.n.]. pp. 40–45.
53. Mikhnovets, M.V. (2020) "Kirgizskie stepi" v geopoliticheskoy kartine mira Dostoevskogo: ot "zony neosvoennoy dikosti" k novomu khartlendu ["The Kyrgyz steppes" in Dostoevsky's geopolitical picture of the world: from the "zone of untamed wildness" to the new heartland]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (26). pp. 120–127.
54. Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. (1990) Iz "Memuarov" [From the "Memoirs"]. In: *F.M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. Vols 1–2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
55. Novikova, E.G. (2021) "Zapadnye slavyane" v "Dnevnikе pisatelya" F.M. Dostoevskogo 1877–1878 gg. ["Western Slavs" in Fyodor Dostoevsky's Diary of a Writer 1877–1878]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [Geopolitical Map and Picture of the World of Fyodor Dostoevsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 184–189.

Информация об авторе:

Новикова Е.Г. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского гос. университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Novikova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2025;
одобрена после рецензирования 17.09.2025; принятая к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 11.08.2025;
approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 81‘25
doi: 10.17223/19986645/97/11

Иноязычный текст в литературном произведении: художественная полилингвальность и перевод

Вероника Адольфовна Разумовская¹, Юлия Евгеньевна Валькова²

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия

¹ veronica_raz@hotmail.com

² julyvalkova@gmail.com

Аннотация. Иноязычные вкрапления в тексте художественной литературы обладают важным функциональным статусом, и их употребление обусловлено как языковыми личностями автора, его би(поли)лингвизмом, так и решаемыми им художественными задачами. Наряду с экспрессивной и культурно-ориентирующей функциями иноязычных вкраплений настоящее исследование также обращается к функции остранияющей и к соответствующим данной функции стилистическим эффектам. Особое внимание уделяется вкраплениям, сохраняющим оригинальную графику и определяемым в современном переводоведческом дискурсе как трансплантаты. Рассматриваются приемы перевода, позволяющие воссоздать функции иноязычных вкраплений во вторичном иноязычном тексте.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, полилингвальность, художественный перевод, единица перевода, стратегия перевода, острание, Дж. Фоэр, «Жутко громко и запредельно близко»

Для цитирования: Разумовская В.А., Валькова Ю.Е. Иноязычный текст в литературном произведении: художественная полилингвальность и перевод // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 236–251. doi: 10.17223/19986645/97/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/11

A foreign-language text in a work of literature: Literary polylingualism and translation

Veronica A. Razumovskaya¹, Yulia E. Valkova²

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

¹ veronica_raz@hotmail.com

² julyvalkova@gmail.com

Abstract. Foreign-language inclusions in literary texts hold significant functional importance. Their use is motivated by the author's bi- or polylingual background as well

as by specific artistic objectives. Beyond the conventionally recognized expressive and culture-oriented functions, this study examines the estranging function of such inclusions and its related stylistic effects. In literary translation, foreign-language inclusions constitute distinct translation units that require deliberate decision-making. In contemporary translation discourse, inclusions that retain their original orthography are defined as *transplants* – elements of a "third language" belonging neither to the source nor the target language. The translator's task is to recreate the full scope of the original text's polylingual quality in the translated version. This study draws on the novel *Extremely Loud and Incredibly Close* by Jonathan Safran Foer (2005) and its Russian translation by V. Arkanov (2007). The novel is rich in intertextuality and references to precedent texts. Using semasiological and lexical analysis, the research identifies how foreign-language inclusions signal characters' polylingualism and reflect their broader cultural context. Nineteen unique foreign-language inclusions were identified in the English original, spanning French (12), Polish (1), Latin (1), and German (1); distorted Hebrew (1), Spanish (1), Chinese (1). In the Russian translation, 44 unique inclusions in Latin script were found: French (14), English (25), Polish (1), Latin (1), and German (1); distorted Spanish (1) and Chinese (1). The translator employed a wide range of strategies, adapting techniques based on the presumed comprehensibility of each inclusion to the target reader. In some cases, no explanatory comment is provided; in others, a French term, for example, is replaced with a different – yet still French – lexical unit.

Keywords: literary translation, foreign-language inclusions, polylinguality, unit of translation, translation strategy, estrangement, J. Foer, "Extremely Loud and Incredibly Close"

For citation: Razumovskaya, V.A. & Valkova, Yu.E. (2025) A foreign-language text in a work of literature: Literary polylingualism and translation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 236–251. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/11

Введение

В гуманитарном дискурсе текст художественной литературы традиционно определяется как произведение, обладающее эстетической и художественной ценностью, созданное средствами словесного искусства и отражающее через систему художественных образов как окружающую (реальную), так и вымышленную (художественную) действительность, внутренний мир его героев, а также жизненную и творческую позицию автора. Являясь условным отражением первичной (жизненной) реальности, результатом ее субъективного осмысления автором-создателем и не претендуя при этом на историческую достоверность, текст художественной литературы создает вторичную (художественную) реальность. Для восприятия текстов литературы безусловно важно, что в воссоздаваемых в них обстоятельствах первичной реальности («сценариев») конвенционально представлены типичные характеры, ситуации, процессы, явления, объекты и субъекты. Творческая реализация авторского замысла имеет своим результатом создание некой иллюзии реальности. При этом необходимо признать, что отражение первичной реальности в тексте литературы никогда не будет (и не может быть) тождественно первичной (жизненной) реальности, поскольку оно

носит ингерентно условный характер. Художественная действительность всегда является лишь неким аналогом реальности жизненной. Тем не менее изображенная в литературном тексте вторичная (художественная) реальность, воспринимаемая и интерпретируемая читателями через призму особенностей их личностей, образования, культурного и эстетического опыта, становится для них в определенном смысле подлинной.

Материал и методы исследования

Актуальность проблематики перевода иноязычных вкраплений, представленных в художественном тексте и ставших объектом данного исследования, определяется как новизной задач, стоящих перед переводоведами и переводчиками, так и степенью изученности и разработанности общих стратегий и конкретных приемов создания иноязычных версий полилингвального оригинала. Методы изучения перевода иноязычных вкраплений разнообразны и многогранны. Они позволяют глубже понять не только сам процесс перевода такого рода текста, но и влияние языковых, культурных, социальных и психологических факторов на его восприятие. Использование комплексного подхода к обозначенной проблематике способствует более полному пониманию роли иноязычных элементов в художественном тексте и его переводах. Методология данного исследования объединяет общенаучные, лингвистические, литературоведческие и культурологические методы. Из общенаучных методов были использованы интерпретация, классификация, сравнение и систематизация. Лингвистический подход применен в анализе семантической, стилистической и синтаксической составляющих первичного и вторичного текстов, а дискурсивный анализ позволил определить влияние иноязычных вкраплений на структуру повествования, а также особенности взаимодействия между персонажами произведения. Также был сделан акцент на культурологическом аспекте филологического анализа текста. Методологической основой исследования стало понятие остранения, введенное В.Б. Шкловским в научный дискурс, как прием искусства (в первую очередь словесного), который в дальнейшем стал трактоваться как универсальный закон искусства. Методика сплошной выборки использовалась для повышения степени достоверности исследования.

Несомненно, что не существует как универсальных стратегий перевода полилингвальных текстов, так и методов анализа текстов, связанных отношениями перевода. Во многих случаях стратегии, методы и приемы выбираются в соответствии с принципом *ad hoc*. В результате настоящего исследования были выявлены различные варианты перевода иноязычных вкраплений, которые не могут быть сведены исключительно к общим закономерностям и традиционным методам (транскрипции, транслитерации, калькированию и др.). В романе «Жутко громко и запредельно близко», ставшем материалом анализа, автором используются графические приемы (изменение шрифтов, особое форматирование текста), что обеспечивает подчеркивание эмоциональной нагрузки информации «графически аномальных»

фрагментов текста, а также важности определенных фраз. В данном случае графически маркированные иноязычные вкрапления преимущественно передаются в переводе приемом калькирования, использование которого направлено на сохранение в тексте перевода эффекта, оказываемого на реципиента текста оригинала. Важное методологическое значение для предпринятого исследования получили идеи У.М. Бахтиреевой, которая считает, что определение художественного текста как моноязычного или билингвального представляет значительную сложность. Исследователь и ее соавтор высказывают мнение о том, что более точным будет определить текст с иноязычными вкраплениями как транслингвальный, поскольку такой текст «подразумевает отсутствие четких границ между контактирующими языками и определенную интеграцию языковых ресурсов внутри художественного целого» [1. С. 189]. В данном случае транслингвальная практика опровергает стереотипное представление о том, что человек усваивает в полной мере пласт только одной лингвокультуры.

Иноязычные вкрапления в художественном тексте как отражение экстраполитературной полилингвальности

Полилингвальность представляет собой одно из явлений первичной реальности, находящих регулярную репрезентацию во вторичной реальности художественного текста. Полилингвальность культуры всего многоязычного и поликультурного современного мира и его отдельных регионов, а также полилингвизм, свойственный различным уровням общества (от индивидуума и отдельных групп до государства), отраженные в литературном дискурсе, обрели статус актуальной проблемы гуманистической и, прежде всего, таких ее разделов, как литературоведение, лингвистика и переводоведение. Для полилингвального художественного дискурса характерно присутствие в преимущественно монолингвальном тексте фрагментов, имеющих «другую/чужую» языковую форму, которая не совпадает с основным языком художественного произведения. Как маркеры художественной полилингвальности, иноязычные фрагменты обрели статус объекта специального изучения относительно недавно и получили на настоящий момент ряд различных определений и терминологических обозначений – иноязычные вкрапления / элементы / вставки / включения, иностранные вкрапления, трансплантанты/транспланты.

Иноязычные вкрапления регулярно рассматриваются в сопоставлении с понятием иноязычных заимствований – результатов усвоения одним языком элементов другого («чужого») языка, что определило появление нескольких подходов к пониманию связи между указанными явлениями и понятиями. Так, согласно первому подходу, понятия «иноязычное вкрапление» и «заимствование» в значительной мере совпадают и считаются практически тождественными; в соответствии со вторым подходом рассматриваемые понятия обнаруживают между собой устойчивую связь и понимаются как сополагаемые, поскольку иноязычное вкрапление трактуется как начальная стадия сложного процесса заимствования и освоения «чужого»

слова в системе принимающего языка; в рамках третьего подхода рассматриваемые понятия четко разграничиваются [2].

История изучения иноязычных вкраплений свидетельствует о том, что они представляют собой иносистемные языковые явления различного объема (от буквы иностранного алфавита до значительного отрезка иноязычного текста). Вкрапления относятся к разряду неассимилированной лексики, поскольку они не принадлежат к системе использующего их языка, не закреплены в толковых словарях, а также в словарях иноязычных слов [3]. Иноязычные вкрапления обнаруживают очевидные отличия от языка содержащего их текста произведения по графическому, фонетическому, грамматическому параметрам, так как они представлены в «чужом» окружении в своем оригинальном, неизменном виде. Если заимствованная лексика в итоге становится фактом, частью языковой системы принимающего языка (хотя может иметь различные степени освоения), то иноязычные вкрапления представлены исключительно на уровне речи. В данном случае – на уровне речи художественной.

Известны различные причины полилингвальности текста художественной литературы. Рассматривая влияние многоязычия первичной реальности на литературную практику в различные эпохи, методологически можно говорить о двух основных видах многоязычия художественных произведений – «старом» и «новом». Случаи «старого» многоязычия были характерны для средневековой литературы и продолжают использоваться в творчестве известных писателей и в новое время (в первую очередь, для создания комического эффекта, что характерно, например, для текстов Н.В. Гоголя). Сравнительный анализ иноязычных вкраплений в эпистолярной прозе В.А. Жуковского и К.Н. Батюшкова в контексте их биографий и особенностей литературного творчества позволил Е.А. Вишняковой сделать вывод о том, что использование указанных вкраплений, а также их языковая принадлежность обусловлены рядом функций. В текстах, автором которых является К.Н. Батюшков, преимущественно представлены вкрапления из романских языков (прежде всего, латинского и итальянского), что позволяет инкорпорировать интертексты, возникшие в романской культуре, а также обеспечивает самоидентификацию и аутентификацию автора как партнера по переписке. Несомненный интерес представляют наблюдения о том, что Батюшков и его адресат (Н.И. Гнедич) использовали иноязычные вкрапления как особый коммуникативный код партнеров по переписке. У В.А. Жуковского преобладают немецкоязычные вкрапления, что связано с экспликацией в его эго-документах философско-эстетических концептов романтизма [4]. В данном случае вкрапления на иностранных языках рассматриваются как особая форма поэтики и вид литературного мультилингвизма и анализируются как проявления диалога культур и транслингвальных тенденций в истории. В языковых биографиях поэтов пушкинской поры отмечаются типологические схождения и активное использование в творчестве стратегии мультиязычия. «Соглашаясь с мнением исследователей о функции латинских вкраплений как средство оттачивания авторского слога <о

В.А. Жуковском>, необходимо отметить, что в данном случае латынь приобретает функцию концептуализации адресата. Ту же функцию в батюшковском эпистолярии выполняет английский язык» [4. С. 93]. Наряду с указанными функциями иноязычные вкрапления выполняют экспрессивную и конститутивную функции, а также маркируют саморефлексию мировоззренческого толка в автocomмуникативной стратегии поэтов. Анализ иноязычных вкраплений позволяет эксплицировать связи Жуковского и Батюшкова с европейской культурой и подкрепляет выводы, ранее сделанные Н.Е. Никоновой [5].

«Новое» многоязычие свойственно уже литературе новейшего времени. Данный вид непосредственным образом связан с интенсивностью и многообразием культурных контактов мира, а также с особенностями социокультурной динамики. Приведенная оппозиция «старого» и «нового» многоязычия созвучна с типологией немецкого литературоведа К. Кнаута, выделяющего традиционное многоязычие, охватывающее период от античности до начала XX в., и модернистское/постмодернистское многоязычие, берущее начало в XX в. [6].

Полилингвальный роман получил широкое распространение в литературном и культурном пространствах, став формой презентации новой, транзитивной картины современного мира; он убедительно свидетельствует об изменениях, происходящих в художественном сознании нового времени, и традиционно рассматривается как один из эффектов глобализационного процесса [7]. Появление полилингвального художественного дискурса исследователи часто связывают с билингвизмом / полилингвизмом авторов текстов, считая такой дискурс результатом их личной полилингвальной практики (В. Набоков, И. Бродский, А. Макин и др.). В специальных работах отмечается, что полилингвальный дискурс характерен преимущественно для творчества писателей-эмигрантов, которые проживают в разных странах и пишут на разных языках [8], а также для творчества авторов, которые обладают естественным билингвизмом (О. Сулейменов, Ч. Айтматов), что стало объектом изучения феномена русско-ионационального двуязычия и творческой деятельности билингвальной личности [9].

Иноязычные вкрапления в каждом конкретном произведении выполняют различные функции, что, прежде всего, обусловлено авторскими интенциями и, как уже отмечалось выше, языковыми личностями мастеров художественного слова. В полилингвальных художественных текстах представлены персонажи, обладающие множественной национальной идентичностью, которая характерна для многоязычной, многонациональной и поликультурной первичной реальности.

Иноязычные вкрапления отражают как билингвизм/полилингвизм или «инолингвизм» отдельного литературного героя (например, герой детектива А. Кристи Э. Пуаро, обладающий в силу жизненных обстоятельств несколькими языковыми личностями), так и яркий билингвизм всего общества или его отдельных групп, воссоздаваемый в тексте художественной литературы.

туры (например, русские аристократы в тексте «Войны и мира» Л.Н. Толстого). Но если в случае Пуаро (белгийца, который живет и работает в Англии) используемые автором иноязычные вкрапления служат прямым указанием на этническую принадлежность героя, его исконную франкофонность, то в толстовском тексте франкоязычный дискурс выступает маркером социального статуса героев, поскольку во время действия романа французский язык был языком российской аристократии и светских салонов. Таким образом, иноязычные единицы традиционно используются авторами полилингвальных произведений для создания речевых портретов персонажей, передачи речевой ситуации, местного колорита и атмосферы, что решает важную художественную задачу создания культурной аутентичности и имеет своим результатом усиление экспрессивности высказывания.

Иноязычные вкрапления как единица художественного перевода

Обращение к иноязычным вкраплениям как особого рода структурным элементам в пространстве художественного текста, бесспорно, требует многоаспектного и комплементарного подхода к их изучению. Нельзя не согласиться с Е.А. Вишняковой в том, что лингвистический, литературоведческий, стилистический, дискурсивный, прагматический и историко-генетический подходы позволяют наиболее глубоко проникнуть в сущность рассматриваемого феномена. При этом подчеркивается, что иноязычные вкрапления представляют особую переводческую проблему и являются одним из этапов адаптации иноязычного слова в принимающем языке и особой формой полилингвизма [10. С. 60].

Таким образом, одним из перспективных направлений изучения иноязычных вкраплений в полилингвальном художественном дискурсе является переводоведение, так как произведения литературы (особенно «сильные» тексты) выступают регулярными объектами художественного перевода. При переводе иноязычных вкраплений, когда данные единицы приобретают статус единиц перевода, относительно которых переводчик принимает решение на перевод, в большинстве случаев такое решение происходит ситуативно. Вряд ли возможно установление конечного, универсального набора способов и приемов передачи иноязычных вкраплений средствами переводящего языка. Так как рассматриваемые единицы во многих случаях сохраняют графическую форму языка своего происхождения, то для переводчиков объективную сложность представляют, прежде всего, те случаи, когда вкрапления, иноязычные для текста оригинала, являются элементами переводящего языка или когда системы письма языков оригинала и перевода не совпадают. Так, особого переводческого решения требует, например, перевод на русский язык английского текста, в котором представлены иноязычные вкрапления на кириллице или аналогичные случаи. Перевод текста с алфавитной формой языка на язык с иероглифической письменностью представляет классический случай несовпадения систем письма. Ис-

следователи отмечают, что объективные трудности, связанные с особенностями языковой формы, представляют арабские вкрапления, представленные в «своем» языке в графике арабского алфавита и передаваемые в оригинальном англоязычном тексте транслитерацией [11].

Понятие «иноязычное вкрапление» и соответствующий ему термин были введены в научный дискурс практически одновременно А.А. Леонтьевым (1966) и Л.П. Крысиным (1968). Системное изучение функционирования иноязычных вкраплений в текстах различных жанров и у различных авторов, определение стратегий перевода такого рода единиц с сохранением стилистического и прагматического эффекта началось сравнительно недавно (не более 30–40 лет назад). В трудах зарубежных исследователей литературный полилингвизм рассматривается преимущественно в контексте транслингвизма и определяется как значимая часть транслингвальных практик [12, 13]. К иноязычным вкраплениям в свете переводоведения ученые стали регулярно обращаться в последние десятилетия (Л.П. Жулева, Т.В. Краснова, Т.М. Метласова, В.Ю. Немонежная и др.). В работах, посвященных вопросам перевода иноязычных вкраплений, отмечается как актуальность, так и сложность задач, которые стоят перед переводчиком: как сохранить смысл оригинального текста и как передать языковые формы вкраплений, обеспечивающих уникальный авторский стиль [14].

Первостепенную важность имеет задача сохранения графической формы вкраплений, прежде всего, таких, которые не освоены графически в системе языка основного художественного текста и определяются в специальной литературе как трансплантанты (или трансплантаты). Обращаясь к прагматическим функциям иноязычных вкраплений (например, трансплантированных англицизмов) в русской письменной речи, исследователи отмечают, что трансплантанты – это английские слова в графике языка-донора, т.е. слова, которые графически не освоены системой русского языка; это единицы английского языка, «вставленные» в письменную русскую языковую ткань в своем оригинальном графическом облике, и поэтому предлагают использовать единицы «трансплантант/трансплантат» вместо предложенного ранее родового обозначения «иноязычное вкрапление» [15]. Графическая неассимилированность трансплантантов является доминирующим критерием для узнавания и выделения иноязычных вкраплений и ограничения их от других известных типов иноязычных слов (заимствований, экзотизмов, варваризмов). В исследованиях понятие трансплантанта чаще всего используется для обозначения вкраплений, имеющих уровень слова. Используя критерий графической неассимилированности, можно утверждать, что к разряду трансплантантов относятся единицы от уровня буквы иностранного алфавита (например, буква «W» на портсигаре Воланда в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова) до уровня текста (объемные отрывки украинского текста в «Брисбене» Е. Водолазкина, способствующие созданию ключевого хронотопа романа, или англоязычные абзацы в «Числах» В. Пелевина).

Высокий функциональный статус иноязычных вкраплений обусловлен их способностью к реализации ряда функций – информативной, экспрессив-

ной, аттрактивной, комической, интертекстуальной, остроняющей. По мнению М.А. Дубовицкой, использование иноязычных вкраплений является эффективным способом создания хронотопа, уникальной локально-временной атмосферы произведения, а также обеспечивает такие функции как экзотизация или документализация [11].

Не вызывает сомнения, что в художественном тексте иноязычные вкрапления одновременно реализуют нескольких функций. Полифункциональность иноязычных вкраплений, а также их принадлежность к различным типам (полные, частичные, контаминированные, нулевые) позволяют утверждать, что выбор способа и каждого конкретного приема перевода в полной мере зависит от выполняемых ими функций, типа, а также языка самого вкрапления и языка перевода. «Наличие иноязычных вкраплений в тексте ставит переводчика перед выбором – оставить иноязычные элементы без перевода и переводческих комментариев или же дать перевод, что также влечёт за собой ряд вопросов: ввести перевод при помощи подстрочной сноски или внутри текста, или же вообще отказаться от передачи иноязычности» [16. С. 196]. В данном контексте, прежде всего, интересны способы передачи в переводе иноязычных элементов оригинала. Так, В.Ю. Немонежная предложила примерную классификацию таких способов: сохранение исходной формы вкраплений (без перевода, с переводом в сноске, сноска с переводом и пояснениями) и перевод (собственно перевод, перевод с культурологической сноской и варваризмы) [17].

Функциональные и типологические параметры полилингвального художественного оригинала и проблематика создания его вторичных иноязычных версий позволили связать задачу перевода иноязычных вкраплений с понятием остранения, предложенным впервые В.Б. Шкловским и пришедшим в предметную область перевода из литературоведения, расширив категориальную парадигму художественного переводоведения [18]. Прием остранения предполагает особенное (странные, «чужое») изображение в художественном тексте вещей, что обеспечивает деавтоматизацию их восприятия читателем. Иноязычные вкрапления создают остроняющий эффект за счет диссонирования их «чужой» языковой формы на фоне языковой формы основного художественного текста. Однако остранение может быть определено как способ (или даже стратегия) перевода, который используется переводчиком для воссоздания во вторичном тексте иноязычной остраненности оригинала, достигаемой через использование автором первичного художественного текста соответствующих «чужих» единиц. Остранение реализуется в качестве стратегии перевода в соответствии с переводческим решением по воспроизведению оригинальной авторской остроняющей интонации, которая основана на использовании в тексте оригинала иноязычных вкраплений и, в частности, трансплантантов.

Приемы перевода иноязычных вкраплений

На материале русского перевода романа Дж.С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» (роман вышел в 2005 г., перевод с английского был

выполнен В. Аркановым, издательство «Эксмо», 2007) разберем непосредственно приемы перевода иноязычных вкраплений в англоязычном тексте романа и в тексте перевода. Писатель хорошо известен в США и за пределами Америки, выпустил три романа и две книги в жанре нон-фикшен, по одной из которой поставлен балет. В настоящее время преподает литературное мастерство в Нью-Йоркском университете. Выбор материала романа для исследования обусловлен языком главного персонажа (эта тенденция использовать нарочито неправильный язык прослеживалась и в дебютном романе писателя «Полная иллюминация», который вышел в 2002 г. и мгновенно стал бестселлером). Текст романа изобилует интертекстуальностью и реминисценциями на precedентные тексты [19]. Главный персонаж – девятилетний¹ мальчик, поэтому в романе представлена не только прямая речь героя, но и несобственно-прямая с иноязычными вкраплениями. Сам мальчик по речи и поведению походит на героев таких романов, как «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера, «Щегол» Д. Тартт, «Загадочное ночное убийство собаки» М. Хэддона. Герой обладает чертами аутистического расстройства [20]. Очевидно, что возраст героя условен, так как размышления, стилистика и выбор языковых средств указывают на больший жизненный опыт и образованность. Преодолевая свои страхи, Оскар создает новую реальность, а Фоер дает понять читателям, что только выдумка, абсурдная фантазия, может спасти от страшной реальности [21. С. 366]. Письма бабушки и дедушки героя позволяют пройти параллель между осмысливанием событий Второй мировой войны и терактом 11 сентября 2011 г. Рефлексия происходит не только в комическом, но и в трагическом ключе.

Для анализа не учитывались precedентные заимствования из других языков, которые вошли в принимающую культуру (типа названия грибов шиитаке, имена собственные («Гринпис») и т.д.).

Заимствования наличествуют полные, частичные и контаминированные.

В оригинале романа было обнаружено 19 уникальных иноязычных вкраплений. В тексте перевода романа обнаружено 44 уникальных иноязычных вкраплений на латинице. В результате анализа вкрапления были разделены по языковому признаку на следующие группы. В тексте оригинала: 12 единиц на французском языке, по одной единице на искаженном иврите, искаженном испанском, искаженном китайском, польском, латыни и немецком. В тексте перевода 14 единиц на французском языке, 25 – на английском языке, по одной единице на искаженном испанском, искаженном китайском, польском, латыни и немецком.

¹ В тексте романа он сообщает, что ему 9, но по прошествии некоторого времени на вопрос одного из персонажей отвечает, что ему 8 лет. Однако со времени трагедии до конца романа проходит два года, поэтому условно предположим, что герой находится в возрасте 9–11 лет.

Функции иноязычных вкраплений – указание на полилингвальность персонажей, широкий культурный контекст, в который они погружены. В результате проведенного анализа были выявлены следующие приемы перевода:

1. В оригинале единица на английском языке, в переводе – заимствование на английском языке без пояснений (название песни «Yellow Submarine») (11 единиц).
2. В оригинале единица на английском языке, в переводе – транслитерация с комментарием в тексте перевода или в сноске («Битлз», что значит «жучки») (27 единиц).
3. Нулевой перевод без переводческого комментария вкрапления, которое является иноязычным по отношению к языку оригинала и к языку перевода («*raisons d'être*») (13 единиц).
4. В оригинале единица на французском языке с пояснением, в переводе – единица на французском языке с пояснением («“porte”, а это тоже дверь, только, само собой, по-французски») (1 единица).
5. В оригинале единица на французском языке без пояснения, в переводе – транскрипция с пояснением («Альянс Франсез – некоммерческая общественная организация, предлагающая популярные курсы изучения французского языка и французской культуры») (5 единиц).
6. В оригинале единица на искаженном иврите («*Jose*»), в переводе – эквивалент на русском («Бабай») (1 единица).
7. В оригинале англоязычная единица – имя собственное, в переводе – заимствование на английском языке с переводческим комментарием в сноске («“National Geographic” – популярный иллюстрированный ежемесячный журнал о странах и континентах»). Возможны и варианты с буквальным переводом: «“Пурпурное сердце” – “Purple Heart” – медаль США за ранение...» (21 единица, включая три с буквальным переводом).
8. В оригинале англоязычная единица – имя собственное, в переводе – заимствование на английском языке, не требующая комментария (фамилия Black и т.п.) (6 единиц).
9. В оригинале англоязычная единица – имя собственное, в переводе – заимствование на английском языке с переводом (названия фильмов) (2 единицы).
10. В оригинале единица на английском языке, в переводе – транскрипция, не требующая комментария («Джеральд сказал: “О” и потом добавил “Кей”»). В эту категорию попали и культуронимы (16 единиц).
11. В оригинале игра слов, связанная с иноязычным вкраплением на французском языке (oeuf), в переводе – игра слов, связанная с другим иноязычным вкраплением на французском языке («“Bonjour, ma tante”. – “Ну и что?” – “Это шутка такая. Рассказывать следующую или вы тоже *ma tante*?” Он посмотрел на бабушку в зеркальце и сказал: “Что он говорит?” Она сказала: “Его дедушка любил животных больше, чем людей”. Я сказал: “Дошло? Мутант?”») (1 единица).
12. В оригинале искаженный испанский, в переводе – транскрипция оригинала («Но эспака инглиш») (1 единица).

13. В оригинале латинское сокращение pH, в переводе – сокращение с комментарием в сноске (1 единица).

14. В оригинале транскрипция китайского слова pu («ты») с пояснением, в переводе – pu с пояснением (1 единица).

15. Иные языки представлены еще двумя единицами на польском и немецком языке. И в оригинале, и в тексте перевода они даны с переводом.

Отдельно нужно упомянуть три иллюстрации с изображениями листов бумаги, на которых покупатели в магазине расписывали ручки и писали названия цветов и свои имена, эта мультимодальность обуславливает сложность подсчета конкретного числа иноязычных вкраплений в тексте перевода, мы условно посчитали их за одну единицу.

Способ передачи иноязычных вкраплений в переводе прежде всего зависит от языка вкрапления. Для вкраплений на языке оригинала переводчик выбирает из множества стратегий, ориентируясь на культуроодержащую информацию. Вкрапления на языках, отличных от переводящего языка, сохранены в том же виде в тексте перевода, но давать их перевод в примечании со ссылкой на язык-источник (нулевой перевод с переводческим комментарием). Опущение вкраплений ведет к изменению структуры текста оригинала, а также не передает речевые особенности персонажей в полной мере [14] и не выполняет остряняющую функцию. При соблюдении формальной эквивалентности возможно сохранение остряняющего эффекта иноязычных вкраплений, в то время как «динамическая эквивалентность не представляется полностью желательной» в целях сохранения культурных элементов [22. С. 214].

Иноязычные вкрапления в текстах романа «Жутко громко и запредельно близко» и его перевода составляют национально-культурный компонент текста, выполняют текстообразующую функцию и участвуют в организации эстетического пространства художественного целого. Иноязычные вкрапления выполняют сигнальную функцию, свидетельствуя о сильных душевных переживаниях героя, когда ему не хватает языковых средств родного языка, что должно быть воссоздано в переводе, как не имеющее ни внешних, ни понятийных эквивалентов в русском языке. «Мигрирующие» между двумя языками слова адаптируются к презентативной среде разными способами. Один из них – контекстуальная экспланация, или краткое пояснение иноязычного понятия через культурный комментарий. В некоторых случаях такая экспланация есть, в иных – нет, что в определенной степени способно нарушить кооперацию между автором и читателем». Это требует со стороны читателя определенных гносеологических усилий [23. С. 62].

Заключение

Современное художественное переводоведение демонстрирует очевидное расширение категориальной парадигмы, происходящее за счет включения в переводоведческий дискурс новых понятий, а также выделения новых

единиц и стратегий перевода. К категории новых единиц перевода, относительно которых переводчик принимает решение на перевод, с полным правом принадлежат иноязычные вкрапления. Эффективный подход к воссозданию иноязычных вкраплений художественного оригинала во вторичном тексте перевода должен предполагать учет как лингвистических и культурных параметров вкраплений в первичном тексте, так и их функциональных характеристик.

На материале романа Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» и его перевода выявлено, что основной функцией иноязычных вкраплений является указание на полилингвальность персонажей, создание интертекстуальности и острания интонации. Спектр переводческих приемов обширен и зависит от предположения переводчика, насколько иноязычное вкрапление будет понятно реципиенту, поэтому от переводческих комментариев в некоторых случаях переводчик воздерживается, а в других производит полную замену, например, французской лексической единицы на другую, но тоже на французском языке.

При рассмотрении полилингвального оригинала и перевода был применен переводческий подход, предполагающий постпереводческий анализ и обращающийся к вопросам выделения единиц перевода, а также определения границ переводимости и причин непереводимости полилингвальных произведений. Результатом исследования явилось обоснование и верификация положения о том, что вариативность методов перевода иноязычных вкраплений в полилингвальном тексте проявляется в различиях в структуре предложений при переводе, а также в спектре семантико-когнитивных трансформаций – от локализации до эквивалентных культурных референций.

Список источников

1. Бахтициреева У.М., Валикова О.А. «Языковые ключи»: иноязычная лексика в транслингвальном (русофонном) художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 184–200. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200. EDN LGWHLV.
2. Бегана Ж., Глебова Я.А. Отношение заимствований и иноязычных вкраплений // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 3. С. 4–9. doi: 10.18413/2313-8912-2015-1-3-4-9
3. Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 95–98.
4. Вишнякова Е.А. К вопросу об иноязычных вкраплениях в эпистолярии русских классиков XIX века: В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 6 (195). С. 92–99. doi: 10.23951/1609-624X-2018-6-92-99
5. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс Архео, 2015. 496 с.
6. Knauth K.A. Literary multilingualism I: general outlines and western world // Comparative Literature: Sharing Knowledges for Preserving Cultural Diversity. Oxford : Eolss Publ., 2007. URL: <http://www.eolss.net/ebooks/Sample%20Chapters/C04/E6-87-07-05.pdf> (дата обращения 15.06.2023).

7. Хромова Е.О. Полилингвальность в современном литературном дискурсе (на материале А.А. Макушинского и В.Г. Зебальда) : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2019. 187 с.
8. Хромова Е.О. Литературное многоязычие как современная научная проблема // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 5, № 1. С. 101–113. doi: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-101-113
9. Бахтикireева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБО и МИ, 2009. 259 с.
10. Вишнякова Е.А. Иноязычные вкрапления в эпистолярной прозе В.А. Жуковского // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 4 (77). С. 60–65.
11. Дубовицкая М.А. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как способ самоидентификации и авторепрезентации (на примере романа Амина ар-Рейхани «Книга Халида») // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 17 (1). С. 89–96. doi: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-89-96
12. Grönstrand H., Huss M. et. al. (eds.) *Multilingualism in Northern European Literature*. Routledge Critical Studies in Multilingualism. New York : Routledge, 2020. 344 p.
13. Kellman S. G., Lvovich N. (eds.) *The Routledge Handbook of Literary Translingualism*. N. Y. : Routledge, 2022. 426 p.
14. Гаурова Н.И., Тирбах А.О. Перевод иноязычных вкраплений в тексте англоязычного романа Д. Таррт «Щегол» на русский язык // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12–2. С. 152–158. doi: 10.37882/2223-2982.2020.12-2.09
15. Дьяков А.И., Золотарева Е.А. Адаптационная модель англицизмов // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 3 (9). С. 245–255.
16. Сморчкова М.А. Способы перевода и передачи французских иноязычных вкраплений в художественных текстах (на материале романа Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой») // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 2 (17). С. 195–201.
17. Немонежная В.Ю. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема: на материале русских переводов произведений А. Конан Дойля на историческую тематику: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 155 с.
18. Разумовская В.А. Полилингвальный художественный текст: остранение и перевод // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20, № 1. С. 17–29. doi: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-17-29. EDN YRJHKN
19. Кашикан Т.А. Формы интертекстуальности в романах М.З. Данилевского и Дж.С. Фоера // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023. № 2. С. 5–12.
20. Исакова С.В., Феофанов В.Н. Тема расстройств аутистического спектра в произведениях художественной литературы // Аутизм и нарушения развития. 2015. Т. 13, № 4. С. 44–48. doi: 10.17759/autdd.2015130406
21. Карасик О.Б. Джером Дэвид Сэлинджер - Джонатан Сафран Фоэр. «Над пропастью во ржи» Дж.Д. Сэлинджера и «Жутко громко и запредельно близко» Дж.С. Фоера // Америка: литературные и культурные отображения. Иваново : Ивановский государственный университет, 2012. С. 360–367. EDN SAFEHZ.
22. Горбунова Т.А., Аветисян Н.Б. Пути изучения текста: полиглотизм текста как важный фактор его понимания и перевода // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 211–214. doi: 10.26140/bgz3-2019-0804-0046
23. Бахтикireева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 1. С. 57–63. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63

References

1. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2022) "Yazykovye klyuchi": inoyazychnaya leksika v translingval'nom (rusofonnym) khudozhestvennom tekste ["Language keys": foreign-

- language vocabulary in a translingual (russophone) fiction text]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.* 1 (13). pp. 184–200. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200
2. Begana, Zh. & Glebova, Ya.A. (2015) Otnoshenie zaimstvovaniy i inoyazychnykh vkrapleniy [The relationship between borrowings and foreign-language inclusions]. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya: Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki.* 3. pp. 4–9. doi: 10.18413/2313-8912-2015-1-3-4-9
3. Manina, S.I. (2010) Pragmatische funktsii inoyazychnykh vkrapleniy [Pragmatic functions of foreign-language inclusions]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie.* 1. pp. 95–98
4. Vishnyakova, E.A. (2018) K voprosu ob inoyazychnykh vkrapleniyakh v epistolyarii russkikh klassikov XIX veka: V. A. Zhukovskiy i K. N. Batyushkov [On the issue of foreign-language inclusions in the epistolaries of Russian classic writers of the 19th century: V.A. Zhukovsky and K.N. Batyushkov]. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin).* 6 (195). pp. 92–99. doi: 10.23951/1609-624X-2018-6-92-99
5. Nikonova, N.E. (2015) *V.A. Zhukovskiy i nemetskiy mir* [Zhukovsky and the German World]. Moscow; Saint Petersburg: Al'yans Arkheo.
6. Knauth, K.A. (2007) Literary multilingualism I: general outlines and western world. In: *Comparative Literature: Sharing Knowledges for Preserving Cultural Diversity*. Oxford: Eolss Publ. [Online] Available from: <http://www.eolss.net/ebooks/Sample%20Chapters/C04/E6-87-07-05.pdf> (Accessed: 15.06.2023).
7. Khromova, E.O. (2019) *Polilingval'nost' v sovremenном literaturnom diskurse (na materiale A. A. Makushinskogo i V. G. Zebal'da)* [Polylingualism in modern literary discourse (based on A.A. Makushinsky and V.G. Sebald)]. Philology Cand. Diss. Tyumen.
8. Khromova, E.O. (2019) Literaturnoe mnogoyazychie kak sovremennaya nauchnaya problema [Literary multilingualism as a modern scientific problem]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya.* 1 (5). pp. 101–113. doi: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-101-113
9. Bakhtikireeva, U.M. (2009) *Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proiskhozhdeniya)* [Creative Bilingual Personality (Features of the Russian Text of an Author of Turkic Origin)]. Astana: TsBO i MI.
10. Vishnyakova, E.A. (2017) Inoyazychnye vkrapleniya v epistolyarnoy proze V.A. Zhukovskogo [Foreign-language insertions in the epistolary prose of V.A. Zhukovsky]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 4 (77). pp. 60–65.
11. Dubovitskaya, M.A. (2019) Inoyazychnye vkrapleniya v khudozhestvennom tekste kak sposob samoidentifikatsii i avtoreprezentatsii (na primere romana Amina ar-Reykhani "Kniga Khalida") [Foreign-language insertions in fiction as a means of self-Identification and self-representation (based on Amin al-Rayhani's novel The Book of Khalid)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO.* 17 (1). pp. 89–96. doi: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-89-96
12. Grönstrand, H. et al. (eds) (2020) *Multilingualism in Northern European Literature. Routledge Critical Studies in Multilingualism*. New York: Routledge.
13. Kellman, S.G. & Lvovich, N. (eds) (2022) *The Routledge Handbook of Literary Translingualism*. New York: Routledge.
14. Gatsura, N.I. & Tirbakh, A.O. (2020) Perevod inoyazychnykh vkrapleniy v tekste angloyazychnogo romana D. Tarrt "Shchegol" na russkiy yazyk [Translation of foreign-language insertions in the text of D. Tarrt's English-language novel The Goldfinch into Russian]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 12–2. pp. 152–158. doi: 10.37882/2223-2982.2020.12-2.09
15. D'yakov, A.I. & Zolotareva, E.A. (2016) Adaptatsionnaya model' anglitsizmov [Adaptation model of Anglicisms]. *Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike.* 3 (9). pp. 245–255.
16. Smorchkova, M.A. (2020) Sposoby perevoda i peredachi frantsuzskikh inoyazychnykh vkrapleniy v khudozhestvennykh tekstakh (na materiale romana E. Khemingueya "Prazdnik,

kotoryy vsegda s toboy") [Methods of translation and rendering French foreign-language insertions in fiction (based on E. Hemingway's novel A Moveable Feast)]. *Na pereschenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya.* 2 (17). pp. 195–201.

17. Nemonezhnaya, V.Yu. (2006) *Inoyazychnye vkrapleniya v khudozhestvennom tekste kak perevodcheskaya problema: na materiale russkikh perevodov proizvedeniy A. Konan Doylya na istoricheskuyu tematiku* [Foreign-language insertions in fiction as a translation problem: based on Russian translations of Arthur Conan Doyle's historical works]. Philology Cand. Diss. Moscow.

18. Razumovskaya, V.A. (2023) Polilingval'nyy khudozhestvennyy tekst: ostranenie i perevod [Polylingual fiction: defamiliarization and translation]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki.* 1 (20). pp. 17–29. doi: 10.22363/2618-897X-2023-20-1-17-29

19. Kashkan, T.A. (2023) Formy intertekstual'nosti v romanakh M. Z. Danilevskogo i Dzh. S. Foera [Forms of intertextuality in the novels of M.Z. Danilevsky and J.S. Foer]. *Zhurnal Belorussskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* 2. pp. 5–12.

20. Isakova, S.V. & Feofanov, V.N. (2015) Tema rasstroystv autisticheskogo spektra v proizvedeniyakh khudozhestvennoy literatury [The theme of autism spectrum disorders in works of fiction]. *Autizm i narusheniya razvitiya.* 4 (13). pp. 44–48. doi: 10.17759/autdd.2015130406

21. Karasik, O.B. (2012) Dzherom Devid Selindzher – Dzhonatan Safran Foer. "Nad propast'yu vo rzhii" Dzh. D. Selindzhera i "Zhutko gromko i zapredel'no blizko" Dzh. S. Foera [Jerome David Salinger – Jonathan Safran Foer. The Catcher in the Rye by J.D. Salinger and Extremely Loud and Incredibly Close by J.S. Foer]. In: *Amerika: literaturnye i kul'turnye otobrazheniya* [America: Literary and Cultural Mappings]. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet. pp. 360–367.

22. Gorbunova, T.A. & Avetisyan, N.B. (2019) Puti izucheniya teksta: poliglotizm teksta kak vazhnyy faktor ego ponimaniya i perevoda [Ways of studying the text: text polyglotism as an important factor in its understanding and translation]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal.* 4-8 (29). pp. 211–214. doi: 10.26140/bgz3-2019-0804-0046

23. Bakhtikireeva, U.M. & Valikova, O.A. (2017) Translingvism i revitalizatsiya [Translingualism and Revitalization]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.* 1 (8). pp. 57–63. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63

Информация об авторах:

Разумовская В.А. – канд. филол. наук, доцент, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: veronica_raz@hotmail.com

Валькова Ю.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: julyvalkova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Razumovskaya, Cand. Sci. (Philology), docent, professor of the Research and Education Laboratory for Behavioral Economics and Communications Development, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: veronica_raz@hotmail.com

Yu.E. Valkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor of the Department of the English Language and Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: julyvalkova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.10.2024;
одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 24.10.2024;
approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 821.521
doi: 10.17223/19986645/97/12

Репрезентация концептуальной диады *ути/сото* (свой/чужой) в раннем творчестве Мори Огай (1862–1922) и Нацумэ Сосэки (1867–1919)

Ксения Геннадьевна Санина¹

¹Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sanina.kg@dvfu.ru

Аннотация. Дихотомия ути/сото (свой/чужой) является определяющей для мировоззрения японцев на протяжении многих веков. С началом эпохи всеохватывающих перемен в 1868 г. эта концепция приобрела ещё большее значение, поскольку данный период характеризовался столкновением японского общества с реалиями доселе незнакомой цивилизации Запада. Это открытие «великого чужого» наиболее ярко отразилось в раннем творчестве Мори Огай и Нацумэ Сосэки – писателей, первыми получившими возможность отправиться на Запад.

Ключевые слова: Мори Огай, Нацумэ Сосэки, ути/сото, свой/чужой, японская литература, эпоха Мэйдзи

Для цитирования: Санина К.Г. Репрезентация концептуальной диады ути/сото (свой/чужой) в раннем творчестве Мори Огай (1862–1922) и Нацумэ Сосэки (1867–1919) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 252–264. doi: 10.17223/19986645/97/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/12

Representation of the conceptual dyad *uchi/soto* in early creative works of Mori Ogai (1862–1922) and Natsume Soseki (1867–1919)

Ksenia G. Sanina¹

¹Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, sanina.kg@dvfu.ru

Abstract. This article examines the representation of the conceptual dyad *uchi/soto* (the self/the other) in the early works of two outstanding Japanese writers – Mori Ogai and Natsume Soseki. Though this binary opposition can be regarded as a universal one, *uchi/soto* is a key concept which is extremely relevant for the self-identification and worldview of the Japanese people due to the peculiarities of the geographical location and historical development of the country. *Uchi/soto* became especially significant during the Meiji era (1868–1912) when the Japanese *uchi* collided with the hitherto unknown Western *soto*. The article aims to analyze Ogai's and Soseki's creative works written while they were abroad (in Germany and England respectively) using historical-biographical approach and outline the peculiarities of *uchi/soto* representation typical for each writer. The research of these works is very important because it can show how Japanese intellectuals were reacting to the direct exposure to Western civilization after

centuries of almost total isolation of Japan from the outer world during the rule of Tokugawa (1603–1868). Ogai and Soseki were among first Japanese writers who got an opportunity to spend quite a long time abroad – Ogai spent four years in Germany as an officer of the Japanese army with a generous allowance, Soseki spent two years in England as a poor student. While in Germany, Ogai kept many diaries, but the information in the diaries is presented matter-of-factly, so the most valuable source in the context of displaying the interaction of *uchi* and *soto* is the so-called "German trilogy" consisting of three short stories. Young Japanese heroes of these stories do not experience any visible obstacles in integration with the German *soto* created by the *soto* itself – the integration can be prevented either by the pressure of Japanese society or death. The essays and short stories written by Soseki in London paint quite a different picture of the unbridgeable gap between Japanese *uchi* and English *soto* – profound sense of "otherness", tragic loneliness, rejection by English society, inability to integrate into it. Such integration is impossible *per se*, because Soseki feels insignificant, unworthy, as if he does not meet the standards of the English *soto* and is stripped of his masculinity, which leads to unsuccessful attempts to identify with English women, who clearly do not want to identify with "outsider" and this fact just deepens Soseki's feelings of loneliness, alienation and inferiority. The experience of staying abroad was undoubtedly reflected in the early works of Mori Ogai and Natsume Soseki in the context of the representation of the conceptual dyad of *uchi/soto*. Obviously, this experience was actually diametrically opposed, in which the difference in financial security and social status of Ogai and Soseki played a major role.

Keywords: Mori Ogai, Natsume Soseki, *uchi/soto*, the self/the other, Japanese literature, Meiji era

For citation: Sanina, K.G. (2025) Representation of the conceptual dyad *uchi/soto* in early creative works of Mori Ogai (1862–1922) and Natsume Soseki (1867–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 252–264. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/12

Одной из основных концепций, которая лежит в основе восприятия японцами себя, своей страны, окружающего мира и его представителей, является дихотомия *ути/сомо*. Изучение данной концептуальной диады позволяет в целом лучше понять ключевые аспекты мировосприятия японцев, что несомненно является актуальной задачей, особенно учитывая экстремально обострившиеся противоречия в сфере международных отношений. Именно сегодня для многих областей знаний становится насущным вопрос о том, как воспринимают друг друга и взаимодействуют представители разных стран и этносов. Художественная литература тоже дает возможность понять нюансы такого взаимодействия на более глубоком уровне, что очевидно на примере творчества японских писателей эпохи Мэйдзи (1868–1912), в частности Мори Огай и Нацумэ Сосэки. Оппозиция «свой – чужой» в основном рассматривается как отечественными, так и западными исследователями-японоведами с точки зрения лингвистики [1, 2], антропологии [3], социологии [4, 5] и т.д., литературоведческих изысканий на данную тему фактически нет.

Творчество и жизнь Мори Огай подробно рассматривались Г.Д. Ивановой [6], однако из-за глобального характера исследования, влияние пребывания на Западе на писателя в ней рассматривается достаточно поверхностно. Изучение периода, проведенного Нацумэ Сосэки на Западе, и вовсе

носит фрагментарный характер. В связи с этим можно утверждать, что раннее творчество ведущих представителей современной японской литературы Мори Огай и Нацумэ Сосэки фактически не рассматривалось в комплексе через призму концепции *ути/сото*, что придает данному исследованию научную новизну. Поскольку факты биографии писателей и историко-культурный контекст оказали большое влияние на их творчество, в ходе исследования применялись в основном биографический и культурно-исторический методы изучения литературы.

Дихотомия *ути* (в, внутри, внутренний, свой) и *сото* (вне, снаружи, внешний, чужой) крайне актуальна для самоидентификации и мировосприятия японцев на протяжении долгого времени – с тех пор, как примерно в VII в. начался процесс заимствования японцами основных мировоззренческих, этических, религиозных, культурных понятий из Китая. Оппозиция *ути/сото* является одним из таких заимствований, однако, как и в случае с другими многочисленными понятиями и явлениями, изначально пришедшими из Китая, «трансформация заимствованного происходит таким образом, что от оригинала остается его форма, а содержание меняется в соответствии с нормами и стандартами японской культуры» [7. С. 94]. Концепцию мировосприятия по принципу «свой – чужой» можно назвать универсальной, входящей «в систему нравственных ценностей любого народа, она представляет собой одну из наиболее древних культурных, языковых констант, входящих в национальную картину мира» [8. С. 793]. Однако в Японии это разделение особенно выражено, так как «категория «свой – чужой» является четкой идентификационной моделью – что я идентифицирую с собой, а что с другим человеком» [7. С. 96]. Понятие *ути* обозначает в первую очередь себя как индивидуума (слово *ути* так же имеет значение «я») и членов «ближнего» круга, тех, с кем индивидуум себя идентифицирует (прежде всего – членов семьи, а в более широком диапазоне – соотечественников). *Сото* же подразумевает всё, что находится за пределами *ути*. Дихотомия *ути/сото* является доминантной как для взаимоотношений в рамках собственно японского социума, так и для восприятия стран и культур, находящихся за пределами Японских островов [9. Р. 112].

Одним из важнейших и глобальных аспектов концепции *ути/сото* является оппозиция «Япония – внешний, в особенности западный, мир». Несколько веков «политики изоляции» во времена эпохи Эдо (1603–1868) способствовали тому, что установление отношений Японии с западной цивилизацией в эпоху Мэйдзи носило сложный и турбулентный характер. Время правления Мэйдзи резко изменило ситуацию: оно принесло с собой решительное расширение общения, торговли, взаимодействия с миром. Япония стала узнавать мир, мир стал узнавать Японию. Японское *ути* столкнулось с огромным, чуждым и совершенно незнакомым миром западного *сото*. Знакомство с западной литературой в этот исторический период послужило стимулом для генезиса и развития современной японской литературы. Именно по этой причине презентация концептуальной диады *ути/сото* в художественной литературе особенно очевидна в контексте исторического

дискурса эпохи Мэйдзи, когда Япония вступила в эпоху радикальных преобразований всеобъемлющего характера [10. С. 46]. Одним из ярких примеров такой репрезентации является творчество двух крупнейших представителей литературы эпохи Мэйдзи – Мори Огай и Нацумэ Сосэки.

Огай отправился в Германию в 1884 г. и пробыл там четыре года – как военный врач он был отправлен в эту западную страну изучать гигиену. Несмотря на то, что эта стажировка помогла ему получить повышение по службе, она также положила начало его писательской карьере. Ещё до поездки в Германию Огай был увлечен литературой, прекрасно владел китайским языком и писал стихи в жанре *канси*. Пребывание в Германии позволило ему расширить свои литературные интересы. Две недели спустя после прибытия в Берлин Огай записал в дневнике: «Я решил по ночам читать как можно больше немецкой поэзии» [11. С. 27], а уже через год он написал, что прочел более 170 томов произведений западной классической литературы [11. С. 50].

К тому времени, когда Огай вернулся на родину, он настолько хорошо познакомился с европейской литературой и философией, что был готов с этими новообретенными знаниями и своими переводами произведений западной литературы, работами по теории литературы и собственными художественными произведениями выйти на авансцену литературной жизни Японии. Четыре года, которые Огай провел в Германии, стали определяющими и для его литературной деятельности, и для истории современной литературы Японии. Поэт и литературный критик Сато Харую полагал, что 1884 г., когда Огай отправился в Германию, был годом начала развития современной японской литературы [12. С. 9].

Огай был первым из выдающихся писателей эпохи Мэйдзи, отправившимся в длительную поездку на Запад. Нацумэ Сосэки отправился в Лондон в 1900 г., Нагаи Кафу (1879–1959) уехал из Японии, чтобы посетить США и Францию в 1903 г. Пребывание Огай на Западе отличалось от того опыта, что пережили Сосэки и Кафу. Например, Сосэки чувствовал себя глубоко одиноким и финансово необеспеченным, в то время как Огай будучи офицером японской армии получал существенное материальное обеспечение, чтобы вести довольно комфортную жизнь. Его социальный статус позволял ему вращаться в кругах высшего общества Германии, перед ним были открыты двери ведущих лабораторий в лучших университетах [6. С. 28].

Огай вел во время поездки в Германию четыре дневника: «Дневник путешествия на Запад» (Косэй никки) написан китайским письмом *канбуун* и рассказывает о периоде жизни Огай с 23 августа 1884 г., когда он отбыл из Токио, до 11 октября 1884 г., когда он прибыл в Германию; «Немецкий дневник» (Доицу никки) скорее всего является японоязычной версией дневника «Записки о пребывании в Германии» (Дзайдокуки), изначально записанного канбууном – «Немецкий дневник» содержит записи с 12 октября 1884 г. до 14 мая 1888 г.; «Дневник медицинской деятельности» (Тайму никки) в основном посвящен военным и медицинским вопросам, записи велись канбууном с 10 марта 1888 г. до 2 июля 1888 г.; «Дневник возвращения на Восток»

(Канто нитидзё) также записывался канбуном, записи велись с 3 июля 1888 г., когда Огай приехал с прощальным визитом в Берлин перед отбытием в Японию, до его прибытия в Йокогаму 8 сентября 1888 г. Однако, несмотря на такое большое количество дневников, информация, которая в них содержится, часто очень лаконична и не даёт особой возможности понять душевное состояние автора. Огай в основном пишет в дневниках о погоде, перечисляет письма, которые он получил, или людей, которые его навещали и т.д. По мнению К. Бразелл, «в целом дневники Огай примечательны лишь своей сдержанностью. Дневник обычно проявляет хотя бы одну сторону личности автора, но единственное, что мы можем узнать из дневников Мори Огай о нем лично, это то, что он абсолютно не хотел представлять в них самого себя» [13. Р. 79].

В связи с этим выводы о том, как концепция *ути/сомо* воплощалась в раннем творчестве Огай уместнее делать именно по его художественным произведениям, в частности по одному из самых известных произведений в истории современной японской литературы – повести «Танцовщица» (Майхимэ, 1890), а также повестям «Пузыри на воде» (Утаката но ки (Кудзоки), 1890) и «Курьер» (Фумидзукаи, 1891), входящим в так называемую немецкую трилогию Огай – их действие разворачивается в Берлине, Мюнхене и Дрездене соответственно [14. Р. 382]. Для многих поколений японских читателей «Танцовщица» считается одним из первых результатов литературной модернизации Японии. Основой сюжета является дилемма, с которой сталкивается молодой японец Ота Тоётаро, обучающийся в Берлине, когда ему приходится выбирать между немецкой возлюбленной Элизой, с одной стороны, и своей карьерой чиновника, родиной и социальным статусом – с другой. «Танцовщица» часто воспринималась как призыв к рождению современного «я» (киндайтеки дзига), порожденного конфликтом современности и традиций, Востока и Запада, индивидуальных желаний и репрессивных правил и предписаний общества. Хотя Огай явно использовал автобиографический материал для создания «Танцовщицы», этот материал в повести представлен в переработанном виде, данное произведение не является образцом эгобелетристики *ватакуси сёсэцу*. Несмотря на то, что изначально «Танцовщица» воспринималась как презентация конфликта карьеры и романтических отношений, учитывая личный опыт Огай, справедливо трактовать произведение с точки зрения взаимоотношений *ути* и *сомо*.

Ути представлено в первую очередь главным героем «Танцовщицы», альтер эго Огай, молодым, одиноким и дерзким индивидуумом, находящимся в поиске себя и своего пути в этом мире, чье желание оставаться верным своим убеждениям и чувствам ставит его в противоречие с внешними правилами и нормами. Однако то самое японское общество, в котором преvalируют правила, заставляющие главного героя по сути предать свою возлюбленную и отречься от своих убеждений, также является презентацией *ути*. То есть главный герой «Танцовщицы» Тоётаро является частью общности *ути*, от которой пытается сепарироваться, перейдя в сферу *сомо*,

представленную его немецкой возлюбленной Элизой. Тем не менее эта попытка сепарации была обречена, поскольку Тоётаро не смог взять на себя ответственность за последствия романтических отношений с Элизой и фактически отрёкся от неё, выбрав сохранение статус quo с «большим *ути*» – японским обществом. Некоторые исследователи, например Караки Дзюндо, интерпретируют выбор Тоётаро как воплощение ложности японской модернизации, оппортунистическое и поверхностное увлечение современными идеями без подлинного усвоения лежащих в их основе принципов [15. С. 142]. Однако нужно отметить, что несмотря на неудавшуюся попытку сепарации от *ути*, именно в «Танцовщице» впервые появляется герой способный на эту попытку – свободная, автономная личность, рискнувшая вступить в конфликт с традиционными формами коллективизма.

Что касается репрезентации *ути/сото* в повестях «Пузыри на воде» и «Курьер», можно сказать, что она не настолько очевидна и драматична, как в случае с повестью «Танцовщица», хотя сюжеты всех трех повестей отличает романтический трагизм. Однако в случае с «Пузырями на воде» и «Курьером» писатель не представляет настолько четкой картины противостояния *ути* и *сото*, как в «Танцовщице», наоборот, их герои настолько интегрированы в немецкое *сото*, что главный герой «Курьера», молодой японский офицер Кобаяси, выступает доверенным лицом, тем самым курьером для одной из дочерей графа фон Бюлова, Иды, передавая ее письмо к влиятельной родственнице с просьбой помочь попасть в качестве фрейлины в ко двору, чтобы избежать нежелательного брака. В случае с главным героем повести «Пузыри на воде», молодым японским художником Косэ, который обучается в Мюнхенской академии художеств, условно повторяется романтическая коллизия «Танцовщицы» – между Косэ и его натурщицей Мари начинают зарождаться романтические отношения. Интересным представляется тот факт, что инициатива исходит от Мари, представительницы немецкого *сото*, однако трагическая гибель девушки не дает этим отношениям развиться.

Совершенно иную интерпретацию оппозиция *ути/сото* приобретает в творчестве Нацумэ Сосэки. В отличие от Мори Огай, у которого по утверждению Г.Д. Ивановой, «никогда не было сознания неполноценности, прииженности перед Западом» [12. С. 34], Сосэки испытывал глубочайшее, мучительное отчуждение от английского общества, его угнетала невозможность в него влиться. Сосэки болезненно переживал собственную ничтожность перед лицом британского *сото*, утрачивая ощущение маскулинности и идентифицируя себя с женщинами, поскольку многие из них были так же бедны и отвергены обществом, как он. Однако даже эти женщины не хотели отождествлять себя с молодым японским писателем – запечатленное в творчестве Сосэки одиночество во время пребывания в Англии поражает своим болезненным трагизмом.

Сосэки прибыл в Лондон в октябре 1900 г. Он был в то время молодым учителем английского языка и, получив стипендию от правительства Японии, отправился в Англию изучать английский язык и литературу. Пребывание Сосэки в Лондоне совпало с пиком могущества Британской империи,

а также с превращением Японии в мировую державу. Сосэки был свидетелем многих важных исторических событий, в том числе он наблюдал похоронную процессию королевы Виктории (1819–1901) и возвращение войск со Второй англо-бурской войны (1899–1902). В Лондоне большие надежды Сосэки быстро развеялись: его финансирование было крайне недостаточным, у него не было полезных академических связей, а его ужасная тоска по дому усугублялась суровыми условиями жизни в унылых пансионах, где он останавливался. Сосэки не мог позволить себе учиться в Кембридже или Оксфорде и быстро перестал посещать занятия в Университетском колледже Лондона, вместо этого выбрав еженедельные занятия с эксцентричным шекспироведом Уильямом Крейгом (1843–1906).

Уникальная точка зрения Сосэки, человека, восхищающегося английской культурой, но находящегося за ее пределами и отчужденного от нее, представляет особый взгляд на поздневикторианскую культуру и общество. В своих записях и воспоминаниях о пребывании в Лондоне Сосэки предстаёт глубоко одиноким, изолированным от окружающего мира человеком, который находится посреди огромного, ошеломляющего города – места скопления людей, грязи, шума и едва контролируемого хаоса. Это не такой уж необычный взгляд на городскую жизнь и отчуждение на рубеже веков, но повествование Сосэки о его жизни в Англии интригует тем, что он рисует свой образ, сравнивая себя с британцами, чаще всего, как ни удивительно, с женщинами, которые, по его мнению, разделяют его бедственное положение. То есть, хотя сам Сосэки отчужден и изолирован – и описывает это явно с точки зрения расовой и национальной изоляции – он видит, что эти переживания не чужды многим британцам, с которыми он встречается. Однако в то же время это отождествление с женщинами углубляет ощущение Сосэки своей «инаковости», отличия от других обитателей Лондона. Сложные рассуждения Сосэки о культуре, национальности и расе в его лондонских работах демонстрируют, что он одновременно и отличается от англичан, и схож с ними, что дает нам понять, что границы *ути* и *сото* не являются настолько жесткими, как это обычно представляется. Это подтверждает и тезис С.И. Луцицкой о том, что «граница между “своими” и “чужими” не определена раз и навсегда, она разворачивается в процессе исторического развития» [16. С. 122].

Наиболее известные комментарии Сосэки о его пребывании в Лондоне были опубликованы в 1907 г. в предисловии к его «Теории литературы» (Бунгакурон). Сосэки пишет: «Те два года, что я прожил в Лондоне, были самыми несчастными в моей жизни. Среди английских джентльменов я был подобен одинокой лохматой собаке, попавшей в стаю волков; я влакил жалкое существование. Я слышал, что население Лондона составляет пять миллионов человек. Пять миллионов капель масла, а я – единственная капля воды: я без колебаний утверждаю, что едва выжил! Владелец свежевыстиранной белой рубашки наверняка будет недоволен, если на нее попадет капля чернил. В Лондоне я был той чернильной каплей, бесцельно бродив-

ший, как нищий, по Вестминстеру. Мне жаль английских джентльменов, которым в течение двух лет приходилось терпеть, как я вдыхаю те же тысячи кубических метров атмосферы большого города, заполненной искусственными облаками, вырывающимися из дымовых труб» [17. С. 48].

В этом отрывке перечисляется несколько причин, по которым Сосэки чувствует, что он по своей сути отличается от окружающих его англичан. Он не только представитель другого, менее грозного вида – «лохматый пес» среди волков, – но и черный на фоне белого, что создает резкий контраст, который трудно не заметить из-за его расового подтекста. Сосэки видит себя чем-то инородным и нежеланным (вода в масле, чернила на белой рубашке), существующим без какой-либо цели или связи с окружающим миром. Сосэки чувствует, что он загрязняет воздух города так же, как и его фабрики, – тревожный образ расового загрязнения, сродни риторике научного расизма, появившейся в конце XIX в.

Эссе «Новости из Лондона» (Рондон сёсоку) Сосэки, написанное и впервые опубликованное в 1901 г. и вошедшее в сборник «Лондонский Тауэр» (Рондон то, 1905), точно так же отражает его острое ощущение расовых различий. Сосэки называет лондонцев «удручающе высокими», а затем замечает: «Большинство людей чрезвычайно заняты. Их головы, похоже, настолько полны мыслями о деньгах, что у них нет времени насмехаться над нами, японцами, как над желтыми людьми. (“Желтые люди” – удачный выбор. Мы действительно желтые. Когда я был в Японии, я знал, что я не совсем белый, но считал себя близким к обычному человеческому цвету кожи, но в этой стране я наконец осознал, что мой цвет кожи безнадежно далек от цвета кожи белого человека – желтый человек, который прогуливается среди толпы, направляющейся смотреть спектакли и шоу)» [18]. Сосэки придерживается западных представлений о расовых различиях, называя себя «желтым» и, следовательно, по своей сути не соответствующим нормам, недочеловеком. Сосэки также постоянно связывает свое чувство расовой и культурной неполноценности с ощущением своей неполноценности как джентльмена, маскулинной фигуры. Сравнивая японских и английских джентльменов, Сосэки комментирует: «Боюсь, что японским джентльменам крайне не хватает морального, физического и художественного образования. Как беспечны и самодовольны наши джентльмены! Какие же они щеголеватые! Как они глупы! Как они довольны современной Японией и как продолжают вести обычное население на грань вырождения!» [18].

В предисловии к «Теории литературы» Сосэки так пишет о полной невозможности соответствовать идеалу английского джентльмена: «Английские джентльмены вполне могут представлять собой образцовое собрание идеальных личностей, наделенных благородным характером и достойных подражания. Но для такого человека, как я, который провел свою юность на Востоке, гнаться за гораздо более молодыми английскими джентльменами и пытаться перенять их манеру поведения было бы все равно, что для взрослого человека, у которого уже нет гибкости в суставах, пытаться овладеть всеми ловкими приемами танцора, исполняющего танец льва. Как бы я ни

восхищался ими, как бы ни боготворил их, как бы сильно я ни обожал их, это было бы невозможно – даже если бы я решил сократить свой ежедневный прием пищи с трех до двух раз» [17. С. 40–41]. Таким образом, Сосэки признает определенную неполноценность *ути* перед лицом британского *сото*, которое в данном случае представляют английские джентльмены, подтверждая абсолютную невозможность интеграции *ути* и *сото*.

Тот факт, что Сосэки не может отождествлять себя с английскими мужчинами, своеобразная утрата маскулинности *ути* перед доминирующим *сото*, приводит к тому, что Сосэки начинает идентифицировать себя с женщинами, которых он встречает в Лондоне. Отождествление Сосэки с женщинами подчеркивает его отчуждение не только от доступных форм маскулинности, но и в более глобальном контексте от современности, которая угнетает и отталкивает его, будь то в Англии или Японии.

Явное отождествление Сосэки с англичанками, которых он встречает в Лондоне, дает ему еще одну возможность ярко выразить свое ощущение инаковости. В небольшом эссе «Жилище» (Гэсюку), первоначально опубликованном в сборнике «Очерки о долгих весенних днях» (Эйдзицу сёхин, 1909), Сосэки описывает свою первую лондонскую резиденцию в Западном Хэмпстеде. Он детально описывает свою квартирную хозяйку, несчастную, измотанную заботами женщину, которая принимает постояльцев, чтобы пополнить скромный доход своей семьи, особо отмечая, что «её черные волосы и глаза совсем не вязались с этой северной страной» [19]. Сосэки таким образом отмечает визуальное сходство хозяйки с ним самим, ведь у него тоже темные волосы и глаза, нехарактерные для жителей Англии.

Однажды, сидя наедине с ней за чаем, Сосэки замечает «одинокий нарцисс, стоящий на каминной полке в тускло освещенной комнате, куда как будто никогда не проникал солнечный свет» [19]. Хозяйка внезапно объявляет, что она француженка, а не британка, на что Сосэки замечает: «Подняв свои черные глаза и оглянувшись на нарцисс, она сказала мне, что в Британии пасмурно и невыносимо холодно. Вероятно, она хотела сказать, что даже цветы здесь из-за этого некрасивые» [19]. В конце концов она делится со своим новым постояльцем превратностями семейных отношений, рассказывая о недавней смерти матери, натянутых отношениях её отчима-немца и его сына, которые оба живут в её доме, о том, что имущество её покойной матери отошло к отчиму. Сосэки описывает эту несчастную, потерявшую надежду домовладелицу так, что создается впечатление, что она так же изолирована от английского общества как и сам рассказчик, одинока и не имеет настоящей семьи и друзей в чужой стране. Однако отождествление Сосэки с этой женщиной, выброшенной на обочину жизни английского общества, скорее усиливает его чувство изоляции в Англии, чем нивелирует его ощущение инаковости.

Сосэки также обнаруживает, что неосознанно отождествляет себя со своей третьей лондонской квартирной хозяйкой, женщиной, управляющей общарпанным пансионом неподалеку от Камберуэлл-роуд на юго-востоке Лондона. В эссе «Новости из Лондона» Сосэки описывает хозяйку как соро-

калетнюю женщину, которая недавно вышла замуж за мужчину гораздо моложе себя; она и ее младшая сестра раньше руководили школой для девочек, но были вынуждены закрыть ее из-за вспышки болезни среди учениц. Сестры были абсолютно не квалифицированы, чтобы руководить школой, отмечает Сосэки; они просто пытались найти некий условно благопристойный способ поддержать себя финансово. Пансион был ненамного успешнее школы; Сосэки был их единственным постояльцем, и, несмотря на их неоднократные просьбы, не мог помочь им найти других жильцов. Наблюдения Сосэки за попытками женщин удержаться на уровне жизни среднего класса отражают ухищрения и унижения, на которые подобные люди обречены в условиях экономического кризиса, и он, в свою очередь, отмечает, насколько изменился его уровень жизни с момента прибытия из Японии в Лондон. Сосэки пишет, что у него «глубокое ощущение, что я уже не тот человек, которым был в Японии, а просто студент» [18]. Он сравнивает свой дом и слуг в Японии со своим нынешним обездоленным существованием студента в Камберуэлле – трущобах, населенных проститутками и бродягами. Описание Сосэки своей квартирной хозяйки, ее семьи и их житейских перипетий перекликается с его собственным опытом изоляции, финансовых трудностей и отчаяния.

Тем не менее, несмотря на то, что Сосэки идентифицирует себя с этими женщинами, это не означает, что они видят в нем равного себе человека. Во-первых, женщины, с которыми он встречается, от домовладелиц до миссионерок и японофилок, ведут себя с ним снисходительно, пытаясь объяснить ему элементарные понятия в английском языке, которые он прекрасно знает, будучи учителем английского языка. Существует также проблема «миссионерского порыва», которая преследует Сосэки при его встречах с английскими женщинами. Сосэки описывает одну из таких встреч с женщиной, которая «глубоко верит в Христа и, следовательно, её невозможно остановить. Она очень странно рассуждала о божественной добродетели. Это по-настоящему утонченная, грациозная пожилая дама. Но она спросила, знакомо ли мне слово “эволюция”. Она будто проповедовала младенцу» [18]. Обращение в свою веру также становится одним из способов, с помощью которого английские женщины отмечают Сосэки как «чужака».

Таким образом, очевидно, что попытки интеграции японского *ути* в английское *сото* в случае Сосэки заканчиваются крахом, он по-прежнему чувствует себя одиноким и отчужденным от английского общества. Его жизнь в Лондоне, по его собственным наблюдениям, больше всего похожа на жизнь английских женщин, которых он встречает на своем пути, но идентификация с ними носит неоднозначный характер и является примером ориенталистского феномена, при котором восточный мужчина не способен выполнить функции маскулинной фигуры в западном мегаполисе.

Опыт пребывания за границей нашел несомненное отражение в раннем творчестве Мори Огай и Нацумэ Сосэки в контексте репрезентации концептуальной диады *ути/сото*. Очевидно, что этот опыт был фактически диаметрально противоположным, в чём сыграла одну из основных ролей разница в финансовом обеспечении и социальном статусе Огай и Сосэки.

В случае с Огай, герои его произведений, молодые японцы, не испытывают каких-либо видимых помех для интеграции с немецким *soto* со стороны него самого – этому может помешать либо давление японского общества («Танцовщица»), либо смерть («Пузыри на воде»). В случае же с Сосэки такая интеграция невозможна априори, поскольку писатель ощущает себя низкотождественным, недостойным и несоответствующим стандартам английского *soto*, а его попытки идентификации с английскими женщинами лишь усугубляют чувства одиночества, отчужденности и неполноценности.

Список источников

1. Rue T. Деловое письмо как отражение особенностей картины мира (на материале русского и японского языков) // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 1. С. 70–77.
2. Розова О.А. «Свой – чужой» в родственных отношениях в японском языке // Современное педагогическое образование. 2022. № 11. С. 238–241.
3. Марцинкевич К.А. Высококонтекстность японской культуры // Наукосфера. 2023. № 1. С. 34–38.
4. Нелюбин П.Г. «Свои» и «чужие» в эпоху Мэйдзи: антихристианская общественно-политическая мысль в Японии // Дневник алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 94–102.
5. Чечеткина Е.А. Концепт «ути – сото» в современном японском обществе // #SCIENCEJUICE2020 : сб. ст. и тез. студ. открытой онлайн-конференции, Москва, 23–27 ноября 2020 г. М., 2021. С. 245–249.
6. Иванова Г.Д. Мори Огай. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. 251 с.
7. Новикова О.С. Самоидентификация в Японии // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2012. Т. 6, № 2. С. 94–99.
8. Аркеева Ю.Е. Концептуальная оппозиция «Свой – Чужой» в китайской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 2, № 4. С. 793–801.
9. Lebra T. S. Japanese Patterns of Behavior. University of Hawai'i Press, 1976. 318 р.
10. Санина К.Г. Дихотомия *ути / сото* и инверсия гендерных ролей в рассказе Нагай Кафу «Длинные волосы» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 1. С. 44–51.
11. 森鷗外 [Мори Огай]. 独逸日記 [Немецкий дневник]. 鷗外全集 [Полное собрание сочинений Мори Огай]. 東京 [Токио]: 岩波書店 [Издательство Иванами сётэн], 1937. Т. 20. 629 с. (На яп. яз.)
12. 佐藤春夫[Сато Харуо]. 森鷗外のロマンティシズム [Романтизм Мори Огай]. 群像 [Гундзо]. 1949. № 4. С. 1–12. (На яп. яз.)
13. Brazell K. Mori Ogai in Germany. A Translation of Fumizukai and Excerpts from Doitsu Nikki // Monumenta Nipponica. 1971. Vol. 26, № 1/2. P. 77–100.
14. Nakai Y. Mori Ogai's German Trilogy: A Japanese Parody of Les Contes d'Hoffmann // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1978. Vol. 38, № 2. P. 381–422.
15. 唐木順三 [Караки Дзюндзо]. 森鷗外 [Мори Огай]. 東京 [Токио] : 世界評論社 [Издательство Сэйкай хёронся]. 1949. 239 с. (На яп. яз.)
16. Лучицкая С.И. Проблема «своих» и «чужих»: к постановке вопроса // Мы и они. Конформизм и образ «другого». Сборник статей на тему ксенофобии. М., 2007. С. 119–133.
17. 夏目漱石 [Нацумэ Сосэки]. 文学論 [Теория литературы]. 東京 [Токио] : 講談社 [Издательство Коданся], 1979. 289 с. (На яп. яз.)
18. 夏目漱石 [Нацумэ Сосэки]. 倫敦消息 [Новости из Лондона]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/779_14973.html (дата обращения: 10.11.2024). (На яп. яз.)

19. 夏目漱石 [Нацумэ Сосэки]. 永日小品 [Очерки о долгих весенних днях]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/758_14936.html (дата обращения: 10.11.2024). (На яп. яз.)

References

1. Rie, T. (2019) Delovoe pis'mo kak otrazhenie osobennosti kartini mira (na materiale russkogo i yaponskogo yazykov) [Business letter as a reflection of the worldview' peculiarities (based on the material of the Russian and Japanese languages)]. *Inostrannye yaziki v vysshey shkole*. 1. pp. 70–77.
2. Rozova, O.A. (2022) "Svoi – chuzhoy" v rodstvennykh otnosheniakh v yaponskom yazyke ["Insider – outsider" in kinship relations in the Japanese language]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 11. pp. 238–241.
3. Martzinkevich, K.A. (2023) Vysokokontekstnost' yaponskoy kul'tury [The high contextuality of Japanese culture]. *Naukosfera*. 1. pp. 34–38.
4. Nelyubin, P.G. (2020) "Svoi" I "chuzhie" v epokhu Meidzi: antikhristianskaya obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Yaponii ["Insiders" and "outsiders" in Meiji era: anti-Christian socio-political thought in Japan]. *Dnevnik altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniiy*. 36. pp. 94–102.
5. Chechyotkina, E.A. (2021) [Concept "uchi-soto" in modern Japanese society]. #SCIENCEJUICE2020. Proceedings of Students' Open Online Conference. Moscow. 23–27 November 2020. Moscow: Moscow Pedagogical State University. pp. 245–249. (In Russian).
6. Ivanova, G.D. (1982) *Mori Ogai*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".
7. Novikova, O.S. (2012) Samoidentifikatsiya v Yaponii [Self-identification in Japan]. *Vestnik NGU. Seriya: Psichologiya*. 6 (2). pp. 94–99.
8. Arkeeva, Yu.E. (2022) Kontseptual'naya oppozitsiya "Svoi – Chuzhoy" v kitayskoy yazykovoy kartine mira [Conceptual opposition "Insider – Outsider" in Chinese language worldview]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2 (4). pp. 793–801.
9. Lebra, T. S. (1976) *Japanese Patterns of Behavior*. University of Hawai'i Press.
10. Sanina, K.G. (2024) Dikhotomy uchi / soto i inversiya gendernykh roley v rasskaze Nagai Kafu "Dlinnye volosy" [Dichotomy uchi / soto and inversion of gender roles in Nagai Kafu's "Long Hair"]. *Dal'nevostochnyy filologicheskiy zhurnal*. 2 (1). pp. 44–51.
11. Mori, O. (1937) *German Diary. Complete Works*. Vol. 20. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
12. Sato, H. (1949) Mori Ogai's Romanticism. *Gunzo*. 4. pp. 1–12. (In Japanese).
13. Brazell, K. (1971) Mori Ogai in Germany. A Translation of Fumizukai and Excerpts from Doitsu Nikki. *Monumenta Nipponica*. 26 (1/2). pp. 77–100.
14. Nakai, Y. (1978) Mori Ogai's German Trilogy: A Japanese Parody of Les Contes d'Hoffmann. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 38 (2). pp. 381–422.
15. Karaki, J. (n.d.) *Mori Ogai*. Tokyo: Sekai hyoronsha. (In Japanese).
16. Luchitskaya, S.I. (2007) Problema "svoikh" i "chuzhikh": k postanovke voprosa [The problem of "insiders" and "outsiders": to the question formulation]. In: Ryabinin, A.L. et al. (eds) *My i oni. Konformizm i obraz "drugogo". Šbornik statey na temu ksenofobii* [We and they. Conformism and the image of "other". A collection of articles on xenophobia]. Moscow: Knizhnyy dom Universitet.
17. Natsume, S. (1979) *Theory of Literature*. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).
18. Natsume, S. *Letter from London*. [Online] Available from: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/779_14973.html (Accessed: 10.11.2024). (In Japanese).
19. Natsume, S. (2024) *Spring Miscellany*. [Online] Available from: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/758_14936.html (Accessed: 10.11.2024). (In Japanese).

Информация об авторе:

Санина К.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: sanina.kg@dvgfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.G. Sanina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sanina.kg@dvgfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 15.11.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 82.1
doi: 10.17223/19986645/97/13

«Куда умрешь?». Малая эсхатология А. Введенского

Олеся Равильевна Темиршина¹

¹ *Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
o.r.temirshina@yandex.ru*

Аннотация. Проанализирована эсхатологическая мотивика, представленная в поэзии А. Введенского. Установлено, что эсхатологические мотивы в лирике поэта сопрягаются с визионерским кодом и встраиваются в сюжет посещения иного мира. Доказано, что эсхатология Введенского проецируется на ряд жанров (как народных, так и книжных), связанных с сюжетом путешествия по загробному миру (видения, сны, обмирания). Показано, что специфика освоения традиции Введенским заключается в том, что авторский сюжет тяготеет к «первичным» устным жанрам, соотнесенным с «физиологией» видения.

Ключевые слова: чинари, поэзия Александра Введенского, малая эсхатология, эсхатологическое видение, эсхатологический сюжет

Для цитирования: Темиршина О.Р. «Куда умрешь?». Малая эсхатология А. Введенского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 265–289. doi: 10.17223/19986645/97/13

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/13

"Where will you die?" Alexander Vvedensky's minor eschatology

Olesya R. Temirshina¹

¹*Russian State Social University, Moscow, Russia, o.r.temirshina@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to investigate the "authorial" eschatology of Alexander Vvedensky. The object of the study comprises 11 of the poet's texts containing eschatological topoi. Vvedensky's "eschatological" works are examined using the method of structural-semantic analysis, which determines a special approach to their study: the "eschatological" subset of texts is considered as a single semantic whole, based on an invariant plot-compositional scheme that, according to our hypothesis, originates from the genre of eschatological vision. Vvedensky's authorial eschatology is analyzed in the work in structural-narrative and genre aspects. From a narrative perspective, Vvedensky's eschatology is realized as a specific plot consisting of 15 motif-figurative blocks: the first death of the hero (1), the image of the soul after death (2), the spatial position of the soul after leaving the body (3), the splitting of the subject (4), means of transition to the other world (5), the space of hell (6), angels and demons, the motif of posthumous ordeals (7), execution (8), the motif of beheading (9), the space of paradise (10), the transformation of the hero into a plant (11), the second death of the hero (12), judgment (13), the motif of objectification of thoughts (14), sleep

(15). It is shown that the eschatological topoi of Vvedensky's poetry, while appearing throughout the studied period, are most fully realized in his early poetry. Thus, in the poems "Minin and Pozharsky" and "The Seventh Poem," almost all semantic blocks of the considered plot appear. In general, the narrative scheme of the eschatological vision either contracts to key elements in short poems or unfolds fully in larger works. In terms of genre, Vvedensky's eschatology reveals a close connection with the plot structure of the eschatological vision, in which – both in its literary redaction and oral tradition – the key semantic component is the hero-visionary's visit to the other world. The analysis showed that Vvedensky's personal eschatological plot is, firstly, associated with the semantics of minor eschatology (narrating the death of a private human soul), and, secondly, correlated with folk tradition. The following features of his visions testify to their close connection with folk eschatology: the oneiric pragmatic frame of the visions, the horizontal organization of the other world, and the absence of a didactic part characteristic of literary genres. The influence of original Russian folklore sources on Vvedensky's minor eschatology is also confirmed by the poet's clear recourse to the "primary" plot of the *obmiranie* [near-death experience] tradition. The "revival" of the ancient genre of eschatological vision in the works of the avant-garde poet can be explained by a specific technique of poetic writing. In his early works, Vvedensky actively practiced recording the speech activity of the subconscious, typologically likening himself to a medieval visionary who, being in an alternative mental state, sees other worlds. This is why the eschatological plot is most vividly and figuratively realized precisely in his early works; in later lyrics, when Vvedensky turns to the "upper layers of consciousness," the eschatological plot weakens.

Keywords: chinari, Alexander Vvedensky's poetry, minor eschatology, eschatological vision, eschatological plot

For citation: Temirshina, O.R. (2025) "Where will you die?" Alexander Vvedensky's minor eschatology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 265–289. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/13

Введение

Поэзия Александра Введенского сопротивляется «прямому» пониманию, что связывается с обэриутской установкой поэта на абсурд как ключевой поэтический принцип. В отдельных исследованиях даже предполагается, что лирику Введенского невозможно расшифровать, а любые способы логической трактовки обэриутской зауми «малопродуктивны, да и вообще не о том» [1. С. 5–6]¹. Однако кажется, что лексико-семантическая неупорядоченность текстов поэта может частично компенсироваться на более высоком структурном уровне, через *жанровый код*.

Так, многие «лирические рассказы» Введенского начинаются с момента смерти героя, который – уже после физической гибели – путешествует по загробному пространству. Такая сюжетная организация – редкость для светской литературы, однако в рамках средневековой традиции этот сюжет, связанный с эсхатологическим жанром *видения потустороннего мира*, встречается часто.

¹ Ср. дискуссию с указанным тезисом в: [2. С. 110–111].

Уже Я. Друскин отмечал эсхатологичность поэзии Введенского, называя драму «Кругом возможно Бог» «эсхатологической мистерией» и полагая, что в отдельных текстах поэта разворачивается тема «засмертного» существования [3. С. 584]. М. Мейлах, следуя за Друскиным, указывал, что в поздней лирике Введенского актуализируется «двуухступенчатая эсхатологическая ситуация»: «Согласно этой модели, естественная смерть еще не вырывает человека из царства обусловленности и времени; вторая окончательная смерть приходит с концом мира, *накаляемого Богом...*» [4. С. 247].

Мы полагаем, что поэзия Введенского дает возможность более точно конкретизировать ее жанрово-исторические проекции. Исходная гипотеза работы заключается в том, что «эсхатологическая» сюжетная структура текстов Введенского проецируется на сюжетику малой эсхатологии в ее народном изводе, представленной в жанрах видений, снов, обмираний, загробных путешествий. Отсюда и цель исследования: выявить этот сюжет в поэзии Введенского и определить его возможную культурно-историческую почву.

В связи с поставленной целью возникает закономерный вопрос: насколько отрефлексированным является обращение Введенского к эсхатологическому сюжету? Отец поэта, Иван Викторович Введенский, был сыном священника [5. С. 8], и, возможно, что круг эсхатологических мотивов, чрезвычайно популярный в оклоцерковной среде, был известен поэту. Тем не менее доказать прямое знакомство А. Введенского с конкретными источниками затруднительно. Именно поэтому основным методом исследования стал метод типологического анализа, который позволит реконструировать эсхатологический сюжет Введенского с опорой на *структурный сюжетный инвариант*, данный в текстах народной и книжной эсхатологии.

Объектом исследования стали 11 произведений Введенского (написанных в период с 1926 по 1931 г.), где с относительной полнотой представлена эсхатологическая мотивика. Материалом для сравнения выступают сюжеты малой эсхатологии, отраженные в видениях, снах, обмираниях. Исторически поэтика эсхатологического сюжета чрезвычайно устойчива. Поэтому в качестве сравнительного фона выступают репрезентативные тексты, относящиеся как к книжной, так и к устной традиции.

«Эсхатологическое» подмножество текстов Введенского в работе рассматривается как единое смысловое целое. Так, при всех внешних отличиях текстов друг от друга имеется их ясно ощущимое сходство: сюжеты этих произведений конструируются из одинаковых компонентов. Отсюда первейшая задача работы – выявить составные части этого сюжетного единства (мотивы, топосы, образы) и выстроить их в сюжетную последовательность.

Основная часть исследования

Реконструируемый сюжет включает в себя 15 мотивно-образных блоков, каждый из которых проецируется на соответствующие образы и мотивы из традиционной народной эсхатологии.

Первая смерть героя (1) оказывается начальным мотивом, сюжетной «точкой отсчета». Этот мотив является наиболее устойчивым в реконструируемом сюжете и встречается во всех текстах подмножества.

Так, первая часть «**Минина и Пожарского**» начинается со смерти Грекова («итак я был убит» [6. С. 46]¹). Гибнут и другие персонажи этой драматической поэмы: губернатор («ну вот лежу убитый», с. 47), «чиновник его особых поручений» (который «на следующее утро после смерти чаю не пьет», с. 47). С момента смерти лирического субъекта начинается «**Седьмое стихотворение**» («Но услыши пули звук / он упал холодной шашкой / весь рыдая на траву», с. 63). В стихотворении «**Всё**» умирает героиня, Маня Щепина («Я выхожу из кабака / там мертвый труп везут пока», с. 73).

В «**Пять или шесть**» герои, мирно беседующие, в конце первой части выясняют, что их уже похоронили («нас всех закопали», с. 85). В стихотворениях «**Зеркало и музыкант**», «**Человек веселый Франц**» персонажи также фиксируют свою смерть, ср. соответственно: «звали Иваном / а умер я под диваном» (с. 93); «он и умер и погиб» (с. 97).

В более поздних текстах гибнут не только люди, но и *абстрактные принципы*, получившие статус персонажей. Так, в стихотворении «**Факт, теория и Бог**» умирает *Теория* («я сегодня скончался / ты скончался вчера / кто из нас причащался?», с. 110) и другие герои («И каждый голубь, лев прошедший / кричал скажи и помирай», с. 109). В «**Битве**» гибнет *малютка Вина*: «умираем / умираем / за возвышенным сараем» (с. 114).

В стихотворении «**Суд ушел**» сам момент смерти остается за пределами текста, однако из контекста понятно, что человек, идущий по небу, связывается с пространством инообытия («шел по небу человек», с. 123). В эсхатологической мистерии «**Кругом возможно Бог**» также обнаруживаем ряд смертей: казнят Эф, гибнет Стиркорбреев и др. В стихотворении «**Снег лежит...**» в своей постели умирает дочь («или сонная умрет / во своей постели дочь», с. 100).

В стихотворении «**Всё**» после смерти Мани Щепиной читается молитва на отход души, где говорится следующее: «о Боже говорит он Боже / прими создание твое / пусть без костей без мышц без кожи / оно как прежде заживет» (с. 71). Отсюда можно сделать вывод, что герои не умирают окончательно, но продолжают каким-то образом существовать.

Продолжение бытия после смерти (обычно мнимой) оказывается исходной точкой многих нарративов о посещении иного мира. Так, в популярном на Руси «Хождении Феодоры по воздушным мытарствам» сами воздушные мытарства начинаются со смерти героини; в многочисленных рассказах об обмираниях, характерных для традиции православных славян, путешествию по иному миру предшествует летаргическое состояние, которое подобно *временной смерти* (см. примеры в [7. С. 195–196]); в инициальной части рассказов об иномирных сновидениях, типологически родственных виде-

¹ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

ниям и обмираниям, «нередко описание неких экстраординарных обстоятельств, непосредственно предшествующих засыпанию (смерть, угроза болезни, операция, переходные ситуации – свадьба, рождение, крещение и т.д.) <...>» [8. С. 102].

Образ души после смерти (2). После физической смерти героя в ряде текстов следует выход души из тела. Душа предстает в трех образных «кинкарнациях»: *ребенок, двойник, птица*.

В «Седьмом стихотворении» душа является ребенком, который после смерти субъекта отправляется в посмертное путешествие («тогда ребенок молодой / молиться сочиняет», с. 63).

В поэме «Минин и Пожарский» и стихотворении «Зеркало и музыкант» душа предстает как бестелесный двойник человека: «Я бестелесный» говорит о себе Минин (с. 47), а музыкант Прокофьев, стоящий перед зеркалом, созерцает в зеркале Ивана Ивановича, которого все видят «бесплотным» (с. 93). Душа-двойник возникает и в стихотворении «Человек весёлый Франц...»: после того как герой стихотворения «и умер и погиб», у него «появляется из ранца / человеческий ровесник / и психолог божества» (с. 97). Странное в этом контексте слово «психолог» может, на наш взгляд, трактоваться как «сдвинутая» номинация души (ср. греческое «психе» – душа).

В стихотворении «Суд ушел» обнаруживаются сразу два образа души: душа-ребенок, у которого «одежда будто Бог» (с. 123), и душа-двойник / отражение: перед умершим героем, которого должны судить (см. об этом мотиве ниже), ставят зеркало.

Также душа может принимать образ птицы: петуха («Седьмое стихотворение»: «выходил поспешно дух / огороженный петух», с. 64), тетерева («Факт, теория и Бог»: «под потолком сидит душа / как тетерев себя маня», с. 110), маленькой птички, вылетающей после смерти из тела («Минин и Пожарский»: «сверкнула шашка их несчастливо / да так что брызнула душа / и пташка Божия пошла на небеса дышать», с. 48).

Представление об образах души в эсхатологических текстах Введенского сопрягается с мотивными топосами малых эсхатологических видений. Так, в видениях и соответствующей иконографии душа может представать в образе *ребенка*. «Изображение души в виде маленькой нагой фигуры, – пишет Ф. Батюшков, – приобрело популярность и отразилось в иконографии. В момент смерти это маленькое существо <...> должно выйти из тела» [8. С. 119].

В средневековых видениях иного мира душа может оказаться *птицей*, «уподобление души птице, – пишет А.В. Пигин, – восходит к Священному Писанию <...>, а потому образ души-птицы традиционен для церковной письменности и народной поэзии» [10. С. 175]. Этот мотив отразился в Видении Макария, в котором душа покидает тело в образе «птички»: «из меня вылетела небольшая птичка» [10. С. 296].

Душа в эсхатологических видениях может быть и *двойником*, который является «отражением человеческой плоти» [10. С. 175–176]. Мотив «тела души» (Гуревич) появляется и в народных видениях-обмираниях: «...душа

предстает в легендах как двойник человека. Не случайно очнувшаяся от обмирания женщина узнает обо всем увиденном и услышанном на “том свете”, как выясняется, от своей души, посетившей и места мук, и места блаженства <...>» [11. С. 120].

Пространственное положение души после выхода из тела (3). После физической смерти героя его душа может (а) «сидеть» на предметах, (б) созерцать свою могилу и свое тело со стороны, (в) обретаться рядом с памятником.

(а) *Мотив «сидения» души на предметах* обнаруживается в целом ряде эсхатологических текстов Введенского. В стихотворении «**Зеркало и музыкант**» умерший герой «сел на стол / И стал как столб» (с. 93) (отметим, что стол в поэтической системе значений Введенского имеет отчетливые ритуальные коннотации). В мистерии «**Кругом возможно Бог**» возникает образ некой фигуры, находящейся на гробе и наблюдающей мертвое тело: «Бесплотный / садится час / на крышку гроба / где пахнет тухлая фигура» (с. 133). В поэме «**Минин и Пожарский**» погибший Минин вещает «с этажерки» (с. 58), умерший Пожарский – «со шкафа» (с. 61). Интересно, что в finale мистерии «**Кругом возможно Бог**» уже после апокалиптического пожара, в огне которого сгорел мир, также возникает указанный мотив: «сухое солнце свет пла-нты / садятся моля на предметы» (с. 151), что, несомненно, имеет прямую связь с мотивом души, сидящей после смерти на предмете/возвышении.

Семантическая конструкция «находиться на», сопровождающая душу в текстах Введенского, обнаруживается и в древних памятниках. Так, в одном из синодичных предисловий душа после выхода из тела стоит *на своем теле*: «душа же та стоит на теле своем печальна» (цит. по: [12. С. 173]). Мотив стояния души на теле – визуальный иконографический топос, именно так исход души изображал иконописец.

(б) В отдельных случаях выход души из тела сопрягается с *мотивом созерцания своей могилы/тела*. Так, в «**Седьмом стихотворении**» лирический субъект видит свою «ветхую могилу» (с. 63), в тексте «**Факт, теория и Бог**», герой кланялся монументу, затем перед ним также предстает могила («я вижу <...> / моря монеты и могилы», с. 109), в стихотворении «**Битва** малютка Вина», констатируя свою смерть, описывает могилу, похожую на берлогу: «но могила как берлога / над могилою лоза / умираю умираю» (с. 114). В драме «**Минин и Пожарский**» полуубитый Минин в своем посмертном монологе рассказывает о «могильном холме» (с. 58), Пожарский видит свое тело «на столе» (с. 61).

Мотив созерцания душой своего тела/могилы, обнаруживаемый у Введенского, крайне типичен как для древних видений, так и для визионерии XIX–XX вв. В эсхатологических видениях умерший обычно видит свое тело. Ср. из Жития Василия Нового: «...видих тело мое идеже лежааше, бездушно и умерщвено <...> чудящиеся и дивящиеся, якоже некто совлечется риз своих и положит на одръ своем» [13. С. 500]. В Повести Никодима возникает тот же топос: «И тъло свое зрю на земли, лежашее пред собою» [10. С. 243]. Ср. в позднем видении Клавдии: «...я смотрю на себя, на свое окровавленное тело, как на свою одежду, и поняла, что я умерла» [10. С. 361–162].

(в) После смерти *душа может пребывать рядом с памятником*. В «Седьмом стихотворении» умерший находится *на памятнике* (ср. «УМЕРШИЙ: “Уж я на статуе сижу”», с. 64), в стихотворении «Снег лежит...» умершая девица «со статуей блистает» (с. 101), в философском рассуждении «Факт, теория и Бог» герой кланяется монументу: «я поклонился монументу» (с. 109).

Эта сюжетная ситуация встречается и в народной традиции. Так, обмиравший рассказывает, что после того, как его закопали, он некоторое время стоял «подле памятника» [14. С. 225].

Расщепление субъекта (4). Выход души из тела провоцирует *мотив расщепления субъекта*. Субъект эсхатологических текстов Введенского при отделении души от тела испытывает экзистенциальную раздвоенность. Так, душа после выхода из тела в стихотворении «Факт, теория и Бог» спрашивает: «кто я из нас?» (с. 110). В «Битве» после первой смерти возникает тот же вопрос: «мы двое / <...> / но кто же мы?» (с. 115). Контекст лирики Введенского говорит о том, что «двое» – это «расщепленный субъект» (человек и его душа), ибо душа, как было сказано выше, в некоторых случаях оказывается двойником человека. Так, Пожарский после своей смерти, наблюдая свое тело со стороны, говорит: «Лежу двояким на столе» (с. 61).

Именно эту двоякость отмечают и визионеры XVII столетия. В Повести Никодима визионер, как и герой Введенского, созерцая свое тело, ощущает себя «сугубым сущим», т.е. «двойным». И это двойное состояние, созерцание себя в двух ипостасях сразу, – телесной и духовной – вызывает у него удивление: «И обрътохся нъгде, яко на зелень травъ стою, а тъло свое зрю на земли лежащее предо мною. И прежде удивихся сему и размышляя в сеъбъ: како единого себе положена сугубо суща зрю и раздъльна?» [10. С. 243]. В позднем видении Клавдии также возникает мотив двойственности: «И я обнаружила двойственность своего положения, т.е. я смотрю на себя, на свое окровавленное тело, как на свою одежду, и поняла, что я умерла» [10. С. 361–362].

Нестабильная субъектность, двойственность, проявляющаяся после смерти, вызывает у визионера удивление: «Погляжу – и стою я и лежу я. Дюже мне вот это диковино» [14. С. 224]. Такое же удивление испытывает и герои стихотворений Введенского, которые после смерти задают вопросы, о том, *кто же они есть*.

Средства перехода в иной мир (5). После отделения души от тела закономерно возникает мотив перехода в иной мир. «Куда умрешь?» (с. 109) – спрашивает герой стихотворения «Факт, теория и Бог». Этот мотив маркирует первый этап путешествия по загробному пространству. В лирике Введенского обнаруживается три способа перехода: *полет, переход через водную преграду (реку, море), отъезд на поезд*.

В посмертных монологах героев «Минина и Пожарского» появляются сразу три модели перехода в загробное пространство: полет (Греков после смерти летит: «как я был убит / судьба моя старалась улететь / и многие прохожие летали», с. 46); переход через водную преграду (губернатор после

смерти оказывается на берегу реки: «ну вот лежу убитый / гляжу на берег еле видный / читаю плесканье копыт», с. 47); отъезд на поезд («поезд отходит», с. 46)¹.

В «Седьмом стихотворении» посмертный путь души начинается с вокзала («побеги идет в вокзал / <...> где создания умрут / быстро падал детский снег» (с. 63). Здесь также имплицитно представлен переход через реку: в загробном пространстве, расположенном ближе к раю (см. ниже), «нету сумрачных мостов» (с. 64). Мосты в соотнесении с темой души-птицы и посмертного перехода появляются в драме «Минин и Пожарский»: «Не птичке перейти мосты» (с. 56).

В стихотворениях «Зеркало и музыкант» и «Человек веселый Франц...» посмертный переход связывается с преодолением водной преграды. В первом тексте музыкант Прокофьев, описывая посмертный путь Ивана, умершего «под диваном», говорит: «смотри в могильном коридоре / глухое воет море / а лодка скачет как блоха / <...> / а в лодке стынет человек» (с. 93). Франц, герой второго стихотворения, после смерти «садясь в большую шлюпку / плыл к задумчивой сосне» (с. 97).

В мистерии «Кругом возможно Бог» средством перехода в иной мир после смерти оказываются «сходни»: «спустите мне / спустите сходни / пойду искать пути Господни» (с. 143). Этот образ снова намекает на преодоление водной преграды: сходни – это специальные мостки для перехода с судна на берег.

Все задействованные Введенским средства перехода души на тот свет обнаруживаются и в топике народных видений. Так, сам момент выхода души из тела может трактоваться как *полет вверх*, ср.: «Он умер <т.е. заснул летаргическим сном>, и душа его вознеслась вверх» [7. С. 195–196].

Устойчивые мотивы перехода на «тот свет» в народных видениях связываются, как и у Введенского, с преодолением водной преграды. Лодка и темная вода в иномирном пространстве – знак смерти: «если снится лодка в воде – к смерти», эта примета, по-видимому, проецируется на славянский обряд «похорон в ладье» [15. С. 201]. К топике средневековых – в том числе и западных – видений относится мост, разделяющий пространство ада и рая. В целом же мосты в народных видениях оказываются также «медиатором, магическим каналом связи с “тем светом”» [16. С. 48]. В восточнославянских источниках мост также обеспечивает процесс перехода души в пространство смерти: «...для того чтобы попасть на тот свет человек должен пройти через реку <...> по “мостинкам”, “кладочке” <...>» [17. С. 23].

В более современных версиях видений функции моста и лодки выполняет *поезд*, который в народных видениях, как и у Введенского, может пониматься как погусторонний транспорт, перевозящий душу в иной мир (о загробной символике поезда см. [18. С. 58]).

¹ Комментируя образы поезда и вокзала, А. Герасимова указывает на то, что «“отъезд” у Введенского обычно выступает знаком, “иероглифом” перемещения в иной мир» [4. С. 13–14].

Пространство ада (6). В отдельных текстах намечается еще одна важная примета начала загробного пути – лес. Так, лес появляется в посмертном монологе Грекова: душа пролетает лес (ср. «кончается как немка перочинный лес» с. 46). Лес возникает на пути героя и в **«Седьмом стихотворении»**: «Он плача покидает лес» (с. 63). Лес как примета загробного пространства обнаруживается и в мистерии **«Кругом возможно Бог»**: Фомин после своей смерти идет через лес (с. 137–138).

Топос леса вызывает в памяти «Божественную комедию» Данте, основанную на жанре видения, где «сумрачный лес» оказывается преддверием ада, пройдя который, герой должен достичь чистилища, а затем рая. Эта топография повторяется и в **«Седьмом стихотворении»**: субъект выходит из леса, видит ад («видна пустыня ада», с. 63), далее на востоке перед ним предстает рай (см. об этом ниже).

Во второй части **«Минина и Пожарского»** герои также попадают в ад, который прямо эксплицирован в подзаголовке: «Уральская местность. Ад» (с. 49). В тексте появляется и образ адской печи: «здесь матушка не судят, а казнят, то есть печку строят» (с. 57). В мистерии **«Кругом возможно Бог»** ад возникает метонимически, через образ котлов «Тут раскаленные столы / стоят как вечные котлы» (с. 151).

Образы котлов, печи и «раскаленных столов» соответствуют традиционным народным представлениям об аде. Так, в «Страшных видениях крестьянина из Восточной Сибири Якова Ильича Ланшакова» и «Слове о некоем муже именем Тимофеем» появляется раскаленная печь [10. С. 254, 314]. В апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» Богородица видит в аду «столы огненные» [19. С. 77]. В целом же печь и огонь – это устойчивые атрибуты ада в народных версиях посмертных путешествий, где преисподняя понимается как «царство огня и тьмы» [20. С. 11].

Ангелы и бесы, мотив посмертных мытарств (7). Смерть грешника, пишет Пиггин, «сопровождается страшными видениями грозных ангелов или многочисленных бесов» [10. С. 84]. Поэтому отдельного внимания заслуживают образы потусторонних существ, которых умерший герой Введенского встречает на своем пути.

Так, в некоторых текстах появляются ангелы, изымающие душу у человека, ср. образ такого ангела в **«Четырёх разговорах»**, где умершие рассказывают о своей смерти: «И надо мной вертелся ангелок, / он чью-то душу в рай волок» (с. 168). В **«Минине и Пожарском»** возникает сходный мотив: «Вот вижу я фонарщик бежит и вопит, / а за ним ангел летит и шуршит» (с. 46). В **«Седьмом стихотворении»** образ ангела связывается с мотивом смерти героя: «в углу сияет ангел хильй / и мысли глупые жужжали / над этой ветхой могилой» (с. 63). В поэме **«Кругом возможно Бог»** появляется образ грозного огненного ангела: «ты подобен ангелу пожаром объятыому» (с. 139).

Ангелы, изымающие душу, – частотный топос видений. Так, в вербальном и иконографическом пространствах русской средневековой эсхатологии

гии «человека убивают грозные ангелы» [20. С. 78]. Эти ангелы могут связываться с огнем; в Житии святого Андрея (входит в сборник Вассиана Кошки) есть эпизод наказания перед смертью некоего человека: его наказывает «огнеподобный ангел», который «дръжаще в руцѣ палицу огнену велику» [10. С. 83].

В рамках эсхатологического сюжета герой Введенского после смерти может встречать и бесов. Так, в «Седьмом стихотворении» лирический субъект после первой смерти и до упоминания ада встречает «мутного беса», который колотит «в сухие жизни барабаны» (с. 64). Образ мутного беса может связываться с предикатами нечистых духов в традиции. В одной из версий «Слова о богаче и Лазаре» бесы несут душу грешника «крутия и мутя» [9. С. 124]. В таком контексте «мутный бес» может быть результатом своеобразной семантической агглютинации. Связь же «мутного беса» с барабаном может объясняться через иконографический мотив. Ф. Батюшков, описывая смерть грешника по миниатюрам Лицевой Библии, которые приведены у Буслаева (рукопись XVII в.), отмечает, что изымание грешной души из тела, сопровождается «адской гудьбой» на барабане [9. С. 122].

Героиня стихотворения «Снег лежит...» также видит беса, который связывается с ночным пространством: «ночь лежит в ковре небес / ночь ли это? или бес?» (с. 100). В поэме «Минин и Пожарский» в аду появляются черти, которые «кашу из кружек варят» (с. 50).

Видения ангелов и бесов в народной традиции увязываются с мотивом посмертных мытарств, которые часто предстают в виде «лестницы смерти». Ср. этот мотив в русской духовной поэзии:

Принесли душу грешную
Ко лестнице ко небесной.
На первую ступень ступила,
И вот встретили душу грешную
Полтораста врагов;
На другую ступень ступила –
Вот и двести врагов;
Вот на третью ступень ступила <...>

[21. С. 287–288].

Сходный образ-мотив посмертного восхождения по лестнице встречаем в самом начале поэмы «Минин и Пожарский»: «Как же нам и не плакать, когда мы они взойдут на ступеньку, посидят-поседеют, они взойдут на другую ступеньку, еще посидят – еще поседеют. Все кудри повылезут – черепа блестеть станут» (с. 45). Обратим внимание на мотив субъектного расщепления, маркируемый сдвигом местоимений («мы они взойдут...») и характерный для посмертного существования человека (см. выше). С учетом такого контекста началом поэмы «Минин и Пожарский» можно считать исход души из тела, что подтверждается дальнейшим развитием этого сюжета в тексте.

Казнь (8). С мотивами смерти и ада сопрягается мотив казни. В «Минине и Пожарском» Гонец-Гонец в своем монологе констатирует, что «уж

все готовы к виду казни» (с. 55). Эта казнь, очевидно, связывается с религиозным подтекстом: судить должны того, кто был рожден от грешника («родимый грешником смеется», с. 55). Результат казни – исход духа: «не дым восходит из лампадок, а дух выходит из него» (с. 55).

Мотив казни коррелирует с огромным количеством холодного оружия в ранних текстах Введенского. Так, в «**Минине и Пожарском**» появляются шашки, сабли, штыки, коса. Любопытно, что колюще-режущее оружие строго сосредоточено только в первой части, где происходит отделение души от тела.

В отдельных произведениях казнь связывается с мотивом расчленения и потрошения тела. Так, в стихотворении «**Человек весёлый Франц**» героя разрезают («вы достаньте вашу шашку / и разрежьте мне рубашку / а потом разрежьте кожу», с. 99), в стихотворении «**Всё**» тело потрошат («там мертвый труп везут пока / <...> / о гроб главою колочусь / и вынимаю потроха», «возьмем покойницу за нос / давайте выколем ей лоб», с. 73).

Мотивно-образный кластер «смерть – холодное оружие – потрошение/расчленение тела» соотносится с мотивным комплексом видений, ибо «представление о смерти как о рассечении тела вполне традиционно для христианской эсхатологии. Не случайно именно острые режущие предметы, “холодное оружие” приносит с собой Смерть к постели умирающего. Причем особенно акцентирован мотив вскрытия, рассечения человеческого тела: “А инь глаголет: “распорем его, да опять его съшием”» [10. С. 91].

В народных интерпретациях книжных сюжетов мотивы расчленения тела умирающих особенно акцентируются. Так, в одной из фольклорных версий «Хождения Феодоры» подчеркивается жестокость смерти: «Чижолая смерть была, жестокая. Сперва смерть пришла с косой, с пилой... Вот вражье набра-лося к душе (вот правда, станет человек умирать, глаза-то остолбенеют, вы-таращыт, быдтокаво боится...), караулят душу вражье. Прилетают не- сколько андевов. Смерть тогда пилой отпиливает руки и ноги (вот ить сначала ноги и руки отымаутца, – это она пилой отпилит...)» [13. С. 577].

Мотив отрубания головы (9). Мотив отрубания головы, связанный с ситуацией казни, – один из частотных у Введенского. Ср. ряд: в «**Минине и Пожарском**» – «тот Пушкин был без головы» (с. 48); «**Всё**» – «поскакала голова» (с. 76); «**Пять или шесть**» – «разумно слезла голова» (с. 82). Особенno ярко этот мотив проявлен в мистерии «**Кругом возможно Бог**». Там главному герою отрубают голову (что знаменует момент первой смерти: «Отняла ему голову / он сдох», с. 131), затем герой путешествует по иному миру уже безголовый («я же безголовый», с. 142). См. иные контексты из мистерии – «Им голову отрежут или откусят» (с. 127), «на стуле моя голова» (с. 128), «голову отклею» (с. 128) и др.

Мотив безголовости в поэзии Введенского трактуется по-разному (см. [4. С. 245; 22. С. 144]). Мы, однако, заметим, что безголовость – один из частотных топосов эсхатологического видения. Так, в знаменитом «Житии Василия Нового» Феодоре после череды воздушных мытарств отрубают голову: «подошла смерть и отсекла голову мою» [13. С. 499]. В «**Видении**

старца Макарьевского монастыря иеродиакона Макария» некий человек с обнаженным мечом рассекает визионеру голову, когда тот пытается рассказать о том, о чем следует хранить молчание («размахнулся и разсѣк мою голову» [10. С. 303]). Ср. также мотив безголовости в относительно позднем «Сказании о дивном видении некой девицы в 1804 г.», в котором героиня, попавшая в загробное пространство, видит людей без головы: «Признаю людей по одѣяню и голосам, что поют и читают, а головъ ни на одномъ не вижу» [10. С. 285].

Пигин, комментируя этот мотив, отмечает, что «образы безглавых встречаются очень часто в рассказах о видениях. В Житии Зосимы и Савватия Соловецких святой Зосима видит безглавых новогородских бояр <...>. В Сказании о Михаиле изображается целый “полк безглавый”. В выговском рассказе о видениях Филиппа Стакиева (Видения Филиппа) некая жена Фекла пребывает на том свете без головы <...>. Превращение этого образа в устойчивый эсхатологический топос объясняется, вероятно, тем, что голова воспринималась в древности как средоточие жизненных сил и лишение ее в эсхатологических текстах символизирует смерть как таковую» [10. С. 235–236].

Можно предположить, что мотив отрубания головы у Введенского связывается с моментом физической смерти. Именно в таком витально-экзистенциальном контексте мы находим этот мотив в мистерии «Кругом возможно Бог», где казнят Фомина, ср.: «отняла ему голову. / Он сдох» (с. 131). Однако существование героя на этом не заканчивается, он продолжает «жить» в пространстве посмертья, правда, уже без головы: «Я с трудом в слезах натужась / свой череп вспомнить не могу. / Как будто не было его» (с. 132). Ср. мотив «отчуждения головы» в «Хождении Феодоры»: Феодора после того, как ей отсекли голову, не могла двинуть головой «поскольку (голова. – О.Т.) чужая стала» [13. С. 499].

В каком-то смысле *Фомин без головы* напоминает *кефалофора*. Он, правда, не несет свою отрубленную голову, но каким-то образом умудряется говорить¹. В таком семантическом окружении мотив отсечения головы, крайне частотный в эсхатологических текстах Введенского, может считаться явным рефлексом малого эсхатологического видения.

Пространство рая (10). В мистерии «Кругом возможно Бог» инфернальное огненное пространство оказывается конечной точкой повествования. Однако в других текстах ад является «промежуточным этапом», и герой движется дальше. Так, в «Седьмом стихотворении» после леса и ада появляется рай: «Он плача покидает лес <...> / видна пустыня ада / покуда свечкой на пути / не установят сада / что же это стрекоза / нет восток отличный...» (с. 64). По-видимому, перед героем предстает райский сад, расположенный на востоке, что соответствует представлениям о местонахождении Эдема как в книжной, так и в устной традиции. В finale текста восток появляется еще раз, как бы завершая движение сюжета: «над всем возносится поток / над всем возносится восток» (с. 65).

¹ О символике отрубленной головы в русской литературе см. [22].

Пространство, напоминающее райское, возникает и в эпизоде поэмы «**Минин и Пожарский**», где Гонец-Гонец рассказывает о посмертном путешествии казненного субъекта. Это путешествие души, сопровождаемое псалмами (известна практика ритуального чтения Псалтири по усопшим), заканчивается в некоем чудесном месте: «запоминая жесть псалмов / к дубравам чудным повлечён / вдали мерцает город Галич / показан как минутный палец» (с. 56).

В стихотворении «**Пять или шесть**» райское и адское пространства также, возможно, обозначаются через ойконимы. В монологе парня Влася в свернутом виде возникает уже знакомый нам мотивный ряд: смерть человека – переход через водную преграду. Однако к этой цепи добавляется еще один элемент: выбор цели пути. Ср.:

Но тут мой конец умирает
в свинцовое поле несется
последний момент озирает
последним смехом смеется
но тут вбегает Франц капитан
мы говорим что это за страна
он отвечает либо Туркестан
либо Выборгская сторона (с. 85).

Выдвинем предположение, что Выборг и Туркестан маркируют запад и восток, что делает эти пункты своеобразными географическими метафорами *ада* (на западе) и *рая* (на востоке). Любопытно, что, по-видимому, герои выбирают именно «восточный путь» (на что указывает появление чуть ниже «серала» и мальчика-араба)¹. В монологе Горского рай в соотнесении с азиатским востоком выступает более явно. Так, герой описывает некую страну, где «райски птички топали», и там же возникает уже знакомый «сераль» (с. 81).

Трансформация героя в растение (11). После достижения финальной точки путешествия (в статусе которой может выступать как пространство рая, так и некоторое место без особых примет) субъект претерпевает трансформации. Эти трансформации удивительно единообразны и композиционно закреплены: *герой превращается в растение, при этом превращение строго связывается с финальной частью рассматриваемого сюжета*.

Так, в «**Минине и Пожарском**» в finale отец становится яблоком («помолюсь – и в яблочко превращусь», с. 60); в «**Седьмом стихотворении**» в последней строфе погибший герой обращается в листву («уж я на статуе сижу / безбрежною листвой», с. 64); Маня Щепина из стихотворения «**Всё**» в конце своего загробного путешествия превращается в цветок («Цветочек тюль / цветочек сон / цветок июль / цветок фасон, с. 76).

¹ Туркестан, конечно, не связан с арабами; семантика востока у Введенского, видимо, притягивает соответствующие образы чисто ассоциативно.

Персонаж из стихотворения «Человек весёлый Франц» также обращается в цветок, при этом трансформация здесь отчётливо связывается с «крайскими» коннотациями: «смерть сказала ты цветок / и сбежала на восток» (с. 99). В стихотворении «Суд ушел» после всех перипетий герой становится тюльпаном: «я опять в ночи тюльпан» (с. 125).

Мы полагаем, что этот мотив связан с символикой рая, ибо рай в народных видениях отчётливо ассоциируется с вегетативными образами: райский сад – это «пресвѣтло мѣсто, всѧцѣмы цвѣты украшено» [10. С. 252]; рай – это «садъ многими различными древесы украшень» [10. С. 262]. Г. Федотов, рассматривая образ рая в духовных стихах, замечает, что «из двух символов рая в христианской литературе и искусстве – сада и града – народ предполагает решительно первый, перенося на него свою “сублимированную” любовь к матери-земле» [24. С. 109]. Е.В. Сафонов отмечает, что в иномирных сновидениях и обмираниях при моделировании рая растительный код абсолютно доминирует [8. С. 179–183].

Таким образом, в эсхатологических текстах Введенского рай-восток может пониматься как место достижения подлинного бессмертия, которое осуществляется через превращение в растение.

Вторая смерть героя (12). Рай знаменует финальный этап движения; после этого этапа в некоторых эсхатологических стихотворениях наступает вторая окончательная смерть.

С этой точки зрения пространство между двумя смертями трактуется как пространство «полужизни», когда герой еще не совсем мертв, но уже не полностью жив. Именно поэтому уже в раннем произведении «Минин и Пожарский» Минин назван автором «полубитым». Пожарский также находится в состоянии полужизни, его «двойное существование» подчеркивается эпитетом двоякий: «лежу двоякий на столе» (с. 61). Монахи, отчитывающие псалмами душу неопознанного казненного субъекта, – «полуживые» (на принадлежность монахов к иному миру дополнительно указывает слово «тень», ср: «Монахов тень полу живых», с. 56). Стиркобреев из поэмы «Кругом возможно Бог» назван «полутрупом», его гости – собрание мертвых (с. 136). Так после первой смерти намечается перспектива второй.

Действие многих вещей Введенского разворачивается между двумя смертями. Вторая смерть отчётливо возникает в «Седьмом стихотворении», лирический субъект которого умирает два раза. Первая смерть – это смерть физического тела, после которой остается некая ментальная сущность («мысли над могилой», с. 63), путешествующая по посмертным пространствам; вторая же смерть – это смерть духа («Выходил поспешно дух / огороженный петух», с. 64).

В «Пять или шесть» первая смерть обозначается фразой «нас всех закопали» (конец первой части, с. 86), вторая смерть развертывается во второй части, где герои окончательно погибают, утонув в реке («прошли на речку утопать», с. 87). Любопытно, что именно со второй смертью связывается растительная метафорика, в перспективе соотнесенная с раем (ср. «сначала Соня вниз пошла / как яблочко анис», с. 87).

В стихотворении «Человек весёлый Франц...» герой, после того как он «умер и погиб», ближе к финалу текста гибнет еще раз: «между тем из острой ночи / из пучины злого сна / появляется веночек и ветвистая коса / ты сердитая змея / смерть бездетная моя» (с. 98). Сходная ситуация возникает и в стихотворении «Суд ушел», в финале которого умерший герой снова оказывается под дулом револьвера («все живущее шаталось / револьвер в меня смотрел», с. 125).

Вторая смерть может представлять не только как «частная» смерть персонажей, но как глобальная гибель всего мира. Именно так трактуется этот мотив в стихотворениях «Зеркало и музыкант» и «Факт, теория и Бог». В первом случае входящая бабушка прочит гибель планеты: «побледнеет как ланита / минеральная планета / верх покатится источник», провозвестником этой гибели служит апокалиптический всадник («всадник мира», с. 95). Во втором случае смерть трактуется как всеобщий Апокалипсис, который реализуется через мотив потопления «Бог наступил / хмуро и тщательно всех потопил» (с. 112).

Вторая, апокалиптическая смерть, связывается не только с водой, но и с огнем. В мистериальной поэме «Кругом возможно Бог» мир уничтожается через огонь («Все пылает», «Мир накаляется Богом», с. 150).

В связи с приведенным материалом уместно вспомнить Друскина, который в свое время указал на появление темы двойной смерти в утерянном тексте Введенского: «Две смерти: человек умирает. Но это первая смерть. Затем наступает вторая смерть» (цит. по: [25. С. 103]). Друскин двойную смерть связывает с христианской эсхатологией и указывает на Апокалипсис как на возможный источник этого мотива (см. [26. С. 216]). Ср. из Апокалипсиса: «Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим. <...> Это смерть вторая» (Откр. 20, 13–14).

Комментируя «Разговор о различных действиях», Друскин также отмечает, что двойная смерть у Введенского соотносится с «засмертным путешествием», ср.: «Скорее всего здесь стирается грань между словом и действием: разговор о поездке в “далекую Лету” может быть уже и есть поездка в “далекую Лету”. В начале 1930-х гг. Введенский написал стихотворение, в котором сообщается о смерти героя. И после смерти и засмертной жизни наступает вторая смерть. Седьмой Разговор напоминает это состояние между первой и второй смертью» [3. С. 614].

Между тем двойная смерть может сопрягаться и с православными представлениями о посмертных мытарствах души, представленных в видениях. По православной концепции между смертью и всеобщим страшным судом существует срединный промежуток, оканчивающийся предварительным частным судом, после которого либо определяется место пребывания души до общего Страшного суда, либо происходит окончательное умирание грешника (см. об этом: [27. С. 336]).

Суд (13). Одним из важных элементов сюжета является мотив суда. Мы затрудняемся соотнести этот мотив с конкретным участком повествования:

суд может следовать сразу после посещения ада («**Минин и Пожарский**»), после первой смерти героя («**Зеркало и музыкант**»), после окончательной смерти («**Седьмое стихотворение**»), суд может также предшествовать окончательной гибели и трансформироваться в казнь («**Кругом возможно Бог**»). Однако ясно одно: суд является необходимым конструктивным элементом сюжета посмертного путешествия души и в контексте лирики Введенского он появляется в переходных точках сюжета (между жизнью и первой смертью, между первой и второй смертью).

В поэме «**Минин и Пожарский**» после части «Петров в военном плаще», где были представлены картины ада, следует часть «Петров в судейском плаще», где автор рисует сцены суда, которые соотнесены с мотивом адской казни: «Здесь матушка не судят, а казнят, т.е. печку строят» (с. 57).

В «**Седьмом стихотворении**» мотив суда только намечен: в финале текста, уже после второй смерти героя появляется судья («на этот отвечал судья», с. 65). Также пунктиро тема суда обозначена и в стихотворении «**Пять или шесть**»: там возникает адвокат Горский и некий подсудимый. В «**Битве**» суд связывается с божьим гневом.

Наиболее полно линия суда развернута в стихотворении «**Суд ушел**». Там суд проходит в иномирном пространстве («на небе двигалось новое дело», с. 125), героя обвиняют в убийстве и, видимо, наказывают убийством, «второй смертью» («все живущее шаталось / револьвер в меня смотрел», с. 125).

Мотив объективации мыслей (14). Важная особенность «посмертья» заключается в том, что в посмертном инообытии объективируются мысли: они обретают независимое от субъекта существование. В «**Минине и Пожарском**» после констатации смерти героя говорится о том, что мертвые персонажи стали словно мысли: «и сами мы словно мысли» (с. 59). В «**Седьмом стихотворении**» мысли «ожужжат» над могилою (с. 64).

В стихотворении «**Зеркало и музыкант**» мотив гипостазирования мыслей – ключевой. Мысли сравниваются с якорями («их мысли будто якоря», с. 94), их можно вынимать («часто мысли вынимаю», с. 95), они могут пастись («мысли мысли не мешаю / вам пастися...», с. 95) и могут быть хищным животным («мысли – я сказал – вы рысь», с. 95).

В стихотворении «**Человек веселый Франц**» «мысли бегают отдельно» (с. 97); любопытно, что отчуждение мыслей от носителя здесь связывается с отчуждением души от тела, появлением двойника, «психолога божества». В стихотворении «**Факт, теория и Бог**» о мысли говорится следующим образом: «Я мысль из тела вынимаю / кладу на стол сию змею» (с. 109).

Мотив объективации мыслей, не являясь топосом средневековых книжных видений, тем не менее возникает в отдельных народных рассказах, близких к физиологической основе видения. Так, в одной из редакций «Повести о видении Антония Галичанина» визионер видит перед собой помыслы, которые предстают перед ним как предметы. Ср.: «Помыслы же свои видѣх пред собою, яко онуща или яко издирки портеные» [10. С. 147].

Прагматическая рамка видения – сон (15). С эсхатологическими видениями лирические рассказы Введенского связывает и общность прагматической рамки. Б.И. Ярхо в своей классической работе, посвященной жанру средневекового видения, отмечает три фактора создания видения: летаргия, галлюцинации (в экстазе или бреду) и сновидение (см. об этом [28. С. 22]). Многие видения происходят в особом состоянии «тонкого сна»: «тонкое изступление», «тонкий сон», «болезненный сон» – вот формулы, которые маркируют начало видения в русской традиции.

Экстремальное психофизиологическое состояние, являющееся импульсом создания средневекового видения, оказывается, по-видимому, важным и для Введенского. Во всяком случае для поэта, как и для средневекового визионера, способами изучения «соседних миров» оказываются сон, галлюцинации и другие альтернативные модусы сознания (см. об этом [29. С. 313–317]). Крайне интересно, что сновидческая визионерия Введенского соотносится со смертью. Так, в свидетельстве, записанном в «Серой тетради», Введенский указывает на то, что наиболее яркое ощущение и понимание смерти в его жизни связывается с тремя случаями, – два из них соотносятся со сновидением, при этом в обоих случаях появляется мотив казни, исключительно значимый для «малой эсхатологии» Введенского. Ср.:

«2. В тюрьме я видел сон. Маленький двор, площадка, взвод солдат, собираются кого-то вешать, кажется, негра. <...>

3. Опять сон. Я шел со своим отцом, и не то он мне сказал, не то сам я вдруг понял: что меня сегодня через час и через 1 ½ повесят. <...>» [30. С. 79–80].

Прагматическую рамку сновидения мы находим во многих эсхатологических текстах Введенского. Этот факт указывает на онейросферу видения: разворачивающиеся посмертные события происходят в сновидческом пространстве, что, несомненно, связывает «рассказы» Введенского с жанром иномирных сновидений (о связи этих жанров в народной традиции см. [8]).

Так, в финале «Седьмого стихотворения» возникает мотив сна «и на подушке спит бескрылый» (с. 65); более отчетливая сюжетная мотивировка сна как причины видения появляется в стихотворении «Человек веселый Франц»: после первой смерти Франц видит богов, затем просыпается: «Франц проснулся / сон зловещий» (с. 93). В стихотворении «Факт, теория и Бог» повествование начинается с констатации сна («был сон приятным», с. 109), затем появляется традиционный для видения мотив возврата с того света: один из героев после рассказа о смерти персонажей «вскричал воротясь / с того постороннего света» (с. 111). В тексте «Пять или шесть» об умерших «первой смертью» героях сказано: «вот спят они / и смотрят сны» (с. 87). Полуубитый Минин говорит о том, что он видит «образ сонной бездны» («Лежу однажды бездыханный / и образ вижу сонной бездны», с. 58).

Видения иного света в тонком сне соотносятся с видениями в состоянии обмириания. Обмириание – это «устные рассказы о посещении душой того света», многие видения составляют собой «письменные фиксации таких устных рассказов» [31. С. 17]. Сюжетная структура этих рассказов устой-

чива: визионер «обмирает» (т.е. находится в состоянии летаргии), в некоторых случаях его собираются хоронить, однако затем он воскресает и рассказывает об увиденном. По-видимому, именно такой «рассказ-эпизод» лежит в основе сюжетной ситуации стихотворении «*Снег лежит...*».

Героиня стихотворения – некая девица «умирает» («или сонная умрет / во своей постели дочь», с. 100) и видит Вселенную, рай («умерла она исчезла / в рай пузатая залезла», с. 100), разговаривает с Богом; в финале текста девица просыпается / воскресает: «и воскресла / и забыла / и воскресшая зевнула» (с. 101). Однако это воскрешение трактуется не как восстание от смерти, но как пробуждение от летаргического сна. Соответственно, ретроспективно выясняется, что сама смерть была мнимой: *девица спала*. Ср. фрагмент: «я спала сказала братцы / надо в этом разобраться / <...> / я совсем не умирала / я лежала и зияла / извивалась и орала / я пугала это зало / летаргический припадок / был со мною между кадок» (с. 101–102).

В приведенном фрагменте значима фиксация сна, во время которого девица путешествует по иному миру, – как летаргического. Во многих источниках указывается, что сон во время обмирания носит летаргический характер (см. [6. С. 193; 9. С. 8]). Ср. также свидетельства обмирания: «Ина засыпала, этой... ну, як это называется, ну, сон этый. Ну, ли... лиги'черский... [Летаргический?] Летаргический, да» [32. С. 56].

Любопытно, что пребывание девицы в состоянии летаргии-обмирания сопровождается судорожными телодвижениями и криками, что, по-видимому, характерно для физиологии обмирания. Так, Пигин, полагающий, что многие видения такого рода восходят к устным рассказам об обмирании, указывает на точную фиксацию поведения Макрины («*Видение Макрины*»), которая в состоянии обмирания, как и «девица» Введенского, закричала необычно и нелепым гласом», «сама трястися нача» [10. С. 166] и т.д.

Таким образом, фраза, которая маркирует первую смерть в начале текста «сонная умрет / во своей постели дочь» (с. 100), дает возможность трактовать смерть как обмирание/сновидение, а первичная жанровая структура, лежащая в основании стихотворения «*Снег лежит...*», несомненно, оказывается чрезвычайно близка к рассказу об обмирании, во время которого душа путешествует по загробному миру, а затем возвращается.

Выводы

1. Эсхатологическая топика поэзии Введенского является крайне устойчивой: эсхатологический сюжет в текстах поэта проявляется с завидным постоянством как некая семантическая целостность, состоящая из блоков-мотивов и сопровождающих их образных деталей. Максимально полно этот сюжет реализуется в ранней драматической поэме «Минин и Пожарский» – в поэме обнаруживаются все 15 обозначенных семантических блоков эсхатологического сюжета. Этот факт существенно корректирует идею о том, что в раннем творчестве Введенского эсхатология была намечена, а в позднем – развернута; для сравнения: в поздней мистерии «Кругом возможно

Бог», считающейся образцовым эсхатологическим текстом, встречаем только восемь обозначенных топосов. Таким образом, поэма «Минин и Пожарский» оказывается центральным текстом выделенного подмножества. Также полно и даже более отчётливо, чем в «Минине и Пожарском», эсхатологический сюжет реализуется в «Седьмом стихотворении», которое хронологически примыкает к поэме (12 блоков из 15). По-видимому, основная тема поэмы была кратко «сформулирована» в стихотворении, без смысловой избыточности, характерной для больших вещей Введенского.

2. Выделенность мотива сновидения (6 текстов) позволяет соотнести эсхатологические стихотворения Введенского не столько с книжной, сколько с устной традицией, что, к слову, не противоречит общей специфике такого рода текстов, которые, как правило, оказываются продуктом одновременно «устной и письменной культур» [8. С. 32]. С.М. Толстая, комментируя отличия книжных и устных видений, полагает, что одним из маркеров их различия может служить *мотив сна*: «Если в средневековых видениях на небеса возносится душа временно умершего, а затем воскресающего из мертвых человека, который и рассказывает о своем путешествии, то в устной традиции это вознесение происходит во сне» [7. С. 193]. Более того, в фольклорных текстах видений/обмираний сон и смерть, как и у Введенского, являются соприродными состояниями: «В славянской культурной традиции, как и во многих других, сон рассматривается как явление, родственное смерти, но смерти не как небытия, а как иного состояния бытия» [16. С. 45].

В пользу идеи о влиянии на Введенского именно народных видений свидетельствуют три факта: пространственная организация иного мира, обращение к жанру обмирания, специфика композиции «потусторонних» рассказов поэта.

Пространственная организация иного мира стихотворений Введенского не ярусно-вертикальная, а горизонтальная – рай и ад находятся в одной плоскости, что в большей степени характерно для народной эсхатологии. Отсутствие ярусности в эсхатологических текстах – признак их принадлежности к устной традиции (см. об этом: [15. С. 198]). М.П. Чередникова также указывает на то, что в народных видениях-обмираниях ад и рай «находятся в одной горизонтальной плоскости» [33. С. 235]. При этом рай предстает не как *град*, но как *сад*, что, как отмечалось выше, характерно именно для народных представлений о рае.

Влияние на малую эсхатологию Введенского оригинальных русских фольклорных источников подтверждается и *явным обращением* поэта к «первичному» сюжету обмирания, который в стихотворении «Снег идет...» коррелирует с мотивом сновидения. Связь обмирания и сновидения фиксируется и в устной культуре: устные рассказы об обмираниях «по некоторым критериям ближе к рассказам об иномирных снах, нежели письменные» [8. С. 32].

На «устность» указывают и особенности композиции соответствующих текстов Введенского. Так, в эсхатологических стихотворениях Введенского отсутствует дидактическая часть, столь характерная для книжных средневековых видений.

3. Наш анализ показал, что соотнести визионерские рассказы Введенского с каким-либо конкретным жанром не представляется возможным. В своих эсхатологических текстах Введенский выстраивает пространственную модель загробного инобытия души, используя топосы, входящие в эсхатологический фонд народной культуры. Его визионерия, таким образом, может тяготеть к разным жанровым форматам: от обмирания до духовных стихов. Этот факт не противоречит жанровой размытости видений в книжной и устной традиции. Е.В. Сафонов, указывая на сходную жанровую топику такого рода текстов, утверждает, что «тексты, относящие к индивидуальному визионерскому опыту, возможно, <...> представить как определенное метажанровое образование, объединенное, с одной стороны, описанием синонимичных друг другу психофизиологических состояний, <...> с другой – набором схожих мотивов» [8. С. 158–159]. Ясно одно: в качестве семантического каркаса ряда стихотворений Введенского оказывается сюжет, который вписан в малую народную эсхатологию. Большая эсхатология оказывается явно вторичной: апокалиптические мотивы, появляющиеся у Введенского, всегда встраиваются в малый эсхатологический сюжет.

4. Образы и мотивы, формирующие эсхатологический сюжет, взятые вне сюжетно-композиционного единства, могут быть истолкованы по-разному. Однако их последовательная прикрепленность к квазисюжетной схеме эсхатологического видения, которая то свертывается до ключевых элементов в коротких стихотворениях, то развертывается в больших вещах – заставляет сузить поле интерпретаций и трактовать их как реализацию этой схемы.

Вопрос о степени отрефлексированности реминисценций, которые включаются в текст Введенского, остается открытым (см. введение). Однако в любом случае биографический фактор (если таковой имел место) корреспондирует с поэтической техникой и тематическими доминантами лирики поэта.

А. Герасимова указывает, что Введенский в раннем творчестве практиковал «аутентичную запись речевой деятельности подсознания» [34. С. 24]. Редактура первоначального материала здесь сводилась к минимуму: сюжеты, увиденные на внутреннем экране, становились «материалом для творчества», подвергаясь минимальным преобразованиям (см. об этом [5. С. 17–18]).

При таком методе письма текст выстраивается как компоновка некоторых схем, которые заполняются ближайшим лексическим материалом. Кажется, что эсхатологический сюжет и является той *основной схемой*, к которой Введенский постоянно возвращался, ибо одна из ключевых тем лирики поэта – это тема смерти: «Какая может быть иная тема, / Чем смерти вечная система» (с. 151).

Таким образом, метод «мгновенного письма» (предполагающий, как и у средневекового визионера, пребывание в альтернативном состоянии сознания), размышления о смерти и, возможно, знание христианской традиции – закономерно приводят к оживлению дремлющей эсхатологической сюжетной схемы, которая, по словам исследователей, оказывается чрезвычайно устойчивой во времени.

Мысль о связи поэтического метода письма и эсхатологического сюжета, подтверждается тем, что этот сюжет наиболее проявлен именно в раннем творчестве, когда Введенский активно использовал «мгновенную запись». Позже, когда Введенский обращается к «верхним слоям сознания» (А. Герасимова), – «малый» эсхатологический сюжет уходит на периферию.

5. При всем структурном сходстве христианского эсхатологического сюжета с сюжетами стихотворений Введенского не менее важно отметить и существенные отличия между двумя сюжетными единствами. Эти отличия, правда, лежат не столько в области самого сюжета, сколько в сфере его интерпретации визионером. Средневековое видение – в первую очередь дидактический жанр: рассказ визионера о картинах загробного мира должен побудить вести человека праведную жизнь. Видения Введенского почти полностью теряют эту религиозно-этическую мотивировку, они связываются, скорее, с первичной физиологической основой жанра.

Также эсхатологические тексты Введенского, в отличие от чётко и ясно выстроенных средневековых видений, фрагментарны: относительная логичность присутствует только на уровне выявленного инварианта, в конкретных произведениях элементы сюжетной последовательности могут повторяться, сдвигаться друг относительно друга. Тем не менее, несмотря на внешнюю хаотичность стихотворений Введенского, все же кажется, что жанр видения стал своеобразным фундаментом текстов, входящих в «эсхатологическое подмножество»: именно эта первичная структура оказывается смысловым каркасом прихотливой поэтики части стихотворений поэта.

Список источников

1. Кудряевцев С. От издателя // Пoэт Александр Введенский : сб. материалов конф. «Александр Введенский в контексте мирового авангарда», проходившей 23–25 сентября 2004 года на филологическом факультете Белградского университета. М. : Гилея, 2006. С. 3–17.
2. Буров С.Г., Ладенкова Г.С. «Элегия» А.И. Введенского: мотив смерти в заглавии и эпиграфе // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 110–124.
3. Друскин Я. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. Т. 1. М. : Ладомир, 1998. С. 549–642.
4. Мейлах М. Примечания // Введенский А. Полное собрание произведений : В 2 т. Т. 1. Произведения 1926–1937. М. : Гилея, 1993. С. 221–284.
5. Герасимова А. Об Александре Введенском // Введенский А.И. Всё. М. : ОГИ, 2013. С. 7–27.
6. Введенский А. Собрание сочинение : В 2 т. Т. 1. Произведения 1926–1937. М. : Гилея, 1993. 285 с.
7. Толстая С.М. Рассказы о посещении «того света» в славянской устной традиции в их отношении к книжному жанру «видений» // Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 189–200.
8. Сафонов Е.В. Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты. М. : Лабиринт, 2016. 544 с.
9. Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. СПб. : Типография Е.С. Балашева, 1891. 313 с.
10. Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 432 с.

11. Криничная Н.А. Легенды о возвращении из загробного мира (по восточнославянским материалам) // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 114–129.
12. Дергачева И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М. : Круг, 2004. 352 с.
13. Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8 (XIX – первая половина XVI века). СПб. : Наука, 2003. С. 494–528.
14. Никитина С.Е. Сны и обмирания у духоборцев // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М. : РГГУ, 2001. С. 220–227.
15. Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М. : РГГУ, 2001. С. 198–220.
16. Валенцева М.М. Полесская традиция в сновидениях // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М. : РГГУ, 2001. С. 44–55.
17. Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22–26.
18. Добровольская В.Е. Суеверия, связанные с толкованием сновидений в Ярославской области (По материалам экспедиции второй половины 1990-х годов в Пощеконский и Переславль-Залесский районы) // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М. : РГГУ, 2001. С. 55–70.
19. Хождение Богородицы по мужам // Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М. : Наука, 1997. С. 75 – 81.
20. Антонов Д., Майзульс М. Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М. : ФОРУМ ; НЕОЛИТ, 2014. 240 с.
21. Народные духовные стихи. М. : Русская книга, 2004. 552 с.
22. Герасимова А.Г. Проблема смешного в творчестве обэриутов : дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 259 с.
23. Солнцева Н.М., Солнцева Е.Г. Концепт отсеченной головы (экзистенция, вещь, троп) // Филологические науки. Научные доклады Высшей школы. 2022. № 4. С. 106–113.
24. Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М. : Прогресс ; Гнозис, 1991. 192 с.
25. Мейлах М. Свидетельства о недошедших до нас произведениях // Введенский А. Полное собрание произведений : В 2 т. Т. 2: Произведения 1938–1941. М. : Гилея, 1993. С. 104–125.
26. Мейлах М. Примечания // Введенский А. Полное собрание произведений : В 2 т. Т. 2: Произведения 1938–1941. М. : Гилея, 1993. С. 191–258.
27. Христианство. Энциклопедический словарь : В 3 т. Т. 3: Т–Я. М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. 783 с.
28. Ярхо Б.И. Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток – Запад. Исследования, переводы, публикации. Вып. 4. М. : Наука, 1989. С. 21–56.
29. Кобринский А.А. Обэриуты и творчество Гумилева (к постановке проблемы) // Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда. СПб. : Свое издательство, 2013. С. 305–317.
30. Введенский А.И. Полное собрание произведений : В 2 т. Т. 2: Произведения 1938–1941. М. : Гилея, 1993. 271 с.
31. Понырко Н.В. Древнерусская литература после Древней Руси // Библиотека Древней Руси. Т. 20. СПб. : Наука, 2020. С. 5–24.
32. Белова О.В. Рассказы об обмираниях в Кричевском районе Могилевской области // Живая старина. 2016. № 2. С. 56–57.

33. Чередникова М.П. Письменная традиция обмираний // Сны и видения в народной культуре. Мицологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М. : РГГУ, 2001. С. 227–246.

34. Герасимова А. Проблема смешного. Вокруг ОБЭРИУ. Т. 2. М. : УМКА-Пресс, 2023. 152 с.

References

1. Kudryavtsev, S. (2006) [From the publisher]. Poet Aleksandr Vvedenskiy [Poet Alexander Vvedensky]. *Proceedings of the Conference Aleksandr Vvedenskiy v kontekste mirovogo avangarda* [Alexander Vvedensky in the Context of the World Avant-Garde]. Belgrad. 23–25 September 2004. Moscow: Gileya. pp. 3–17. (In Russian).
2. Burov, S.G. & Ladenkova, G.S. (2014) "Elegija" A.I. Vvedenskogo: motiv smerti v zaglavii i epigrafe ["Elegy" by Alexander Vvedensky: the motif of death in the title and epigraph]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 4 (31). pp. 110–124.
3. Druskin, Ya. (1998) Zvezda bessmyslitsy [A star of nonsense]. In: "...Sborishche druzey, ostavlenyykh sud'boyu". "Chinari" v tekstakh, dokumentakh i issledovaniyakh [...A gathering of friends abandoned by fate." "Chinari" in texts, documents, and research]. Vol. 1. Moscow: Ladamir. pp. 549–642.
4. Meylakh, M. (1993) Primechaniya [Notes]. In: Vvedenskiy, A. *Polnoe sobranie proizvedeniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Gileya. pp. 221–284.
5. Gerasimova, A. (2013) Ob Aleksandre Vvedenskom [On Alexander Vvedensky]. In: Vvedenskiy, A.I. *Vse* [Everything]. Moscow: OGI. pp. 7–27.
6. Vvedenskiy, A. (1993) *Sobranie sochinenie* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Gileya.
7. Tolstaya, S.M. (2015) *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. pp. 189–200.
8. Safronov, E.V. (2016) *Snovideniya v tradisionnoy kul'ture. Issledovanie i teksty* [Dreams in Traditional Culture: Research and Texts]. Moscow: Labirint.
9. Batyushkov, F. (1891) *Spor dushi s telom v pamyatnikakh srednevekovoy literatury. Opyt istoriko-sravnitel'nogo issledovaniya* [The Dispute between the Soul and the Body in Medieval Literature: An Essay on Historical and Comparative Research]. Saint Petersburg: Tipografiya E.S. Balasheva.
10. Pigin, A.V. (2006) *Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoy knizhnosti* [Visions of the Other World in Russian Manuscripts]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
11. Krinichnaya, N.A. (2005) Legendy o vozvrashchenii iz zagrobnogo mira (po vostochnoslavyanskim materialam) [Legends of return from the afterlife (based on East Slavic materials)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 114–129.
12. Dergacheva, I.V. (2004) *Posmertnaya sud'ba i "inoj mir" v drevnerusskoy knizhnosti* [Posthumous Fate and the "Other World" in Old Russian Literature]. Moscow: Krug.
13. Likhachev, D.S. et al. (eds) (2003) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. Vol. 8. Saint Petersburg: Nauka. pp. 494–528.
14. Nikitina, S.E. (2001) Sny i obmiraniya u dukhobortsev [Dreams and visions of the Doukhobors]. In: *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskiy, religiozno-misticheskiy i kul'turno-psikhologicheskiy aspekty* [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, religious-mystical, and cultural-psychological aspects]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 220–227.
15. Tolstaya, S.M. (2001) Inomirnoe prostranstvo sna [Otherworldly space of sleep]. In: *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskiy, religiozno-misticheskiy i kul'turno-psikhologicheskiy aspekty* [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, religious-mystical, and cultural-psychological aspects]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 198–220.
16. Valentseva, M.M. (2001) Polesskaya traditsiya v snovideniakh [The Polesie tradition in dreams]. In: *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskiy, religiozno-misticheskiy i*

- kul'turno-psikhologicheskiy aspeky* [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, religious-mystical, and cultural-psychological aspects]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 44–55.
17. Lur'e, M.L. & Tarabukina, A.V. (1994) *Stranstviya dushi po tomu svetu v russkikh obmiraniyakh* [Wanderings of the soul in the other world in Russian obmiraniya]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 22–26.
18. Dobrovolskaya, V.E. (2001) *Sueveriya, svyazannye s tolkovaniem snovideniy v Yaroslavskoy oblasti* (Po materialam ekspeditsii vtoroy poloviny 1990-kh godov v Poshekhol'skiy i Pereslavl'-Zaleskiy rayony) [Superstitions associated with the interpretation of dreams in the Yaroslavl Region (based on the materials of an expedition to the Poshekhol'skiy and Pereslavl'-Zaleskiy districts in the second half of the 1990s)]. In: *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskiy, religiozno-misticheskiy i kul'turno-psikhologicheskiy aspeky* [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, religious-mystical, and cultural-psychological aspects]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 55–70.
19. Mil'kov, V.V. (ed.) (1997) *Apokrify Drevney Rusi: Teksty i issledovaniya* [Apocrypha of Ancient Rus': Texts and research]. Moscow: Nauka. pp. 75–81.
20. Antonov, D. & Mayzul's, M. (2014) *Anatomiya ada: Putevoditel' po drevnerusskoy vizual'noy demonologii* [Anatomy of Hell: A guide to Old Russian visual demonology]. Moscow: FORUM; NEOLIT.
21. Selivanov, F.M. (2004) *Narodnye dukhovnye stikhi* [Folk Spiritual Poems]. Moscow: Russkaya kniga.
22. Gerasimova, A.G. (1988) *Problema smeshnogo v tvorchestve oberiutov* [The problem of the funny in the creativity of the Oberiuts]. Philology Cand. Diss. Moscow.
23. Solntseva, N.M. & Solntseva, E.G. (2022) *Koncept otsechennoy golovy (ekzistentsiya, veshch', trop)* [The concept of a severed head (existence, thing, trope)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady Vysshey shkoly*. 4. pp. 106–113.
24. Fedotov, G. (1991) *Stikhi dukhovnye (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham)* [Spiritual Poems (Russian Folk Faith Based on Spiritual Poems)]. Moscow: Progress; Gnozis.
25. Meylakh, M. (1993) *Svidetel'stva o nedoshedshikh do nas proizvedeniyakh* [Evidence of lost works]. In: Vvedenskiy, A. *Polnoe sobranie proizvedeniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Gileya. pp. 104–125.
26. Meylakh, M. (1993) *Primechaniya* [Notes]. In: Vvedenskiy, A. *Polnoe sobranie proizvedeniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Gileya. pp. 191–258.
27. Averintsev S.S. (ed.) (1995) *Khristianstvo. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Christianity. Encyclopedic Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
28. Yarkho, B.I. (1989) *Iz knigi "Srednevekovye latinskie videniya"* [From the Medieval Latin Visions book]. In: Alaev, L.B. (ed.) *Vostok – Zapad. Issledovaniya, perevody, publikatsii* [East–West. Research, Translations, Publications]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 21–56.
29. Kобринский, А.А. (2013) *Poetika OBERIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda* [OBERIU Poetics in the Context of the Russian Literary Avant-garde]. Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 305–317.
30. Vvedenskiy, A.I. (1993) *Polnoe sobranie proizvedeniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Gileya.
31. Ponyrko, N.V. (2020) *Drevnerusskaya literatura posle Drevney Rusi* [Old Russian Literature after Ancient Rus']. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. Vol. 20. Saint Petersburg: Nauka. pp. 5–24.
32. Belova, O.V. (2016) *Rasskazy ob obmiraniyakh v Krichevskom rayone Mogilevskoy oblasti* [Stories of Obmiraniye in the Krichevsky District of the Mogilev Region]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 56–57.
33. Cherednikova, M.P. (2001) *Pis'mennaya traditsiya obmiraniy* [Written Tradition of Obmiraniye]. In: *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskiy, religiozno-misticheskiy i*

kul'turno-psikhologicheskiy aspeky [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, religious-mystical, and cultural-psychological aspects]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 227–246.

34. Gerasimova, A. (2023) *Problema smeshnogo. Vokrug OBERIU* [The Problem of the Funny. Around OBERIU]. Vol. 2. Moscow: UMKA-Press.

Информация об авторе:

Темиршина О.Р. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков и культуры Российской государственной социальной университета (Москва, Россия). E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.R. Temirshina, Dr. Sci. (Philology), professor, Russian State Social University (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 27.12.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 316.4, 81'27, 81'33

doi: 10.17223/19986645/97/14

Речевая адаптация блогера к массовой аудитории научно-популярных телеграм-каналов

Лилия Рашидовна Дускаева¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
l.duskaeva@spbu.ru

Аннотация. Цель статьи – выяснить, какими речевыми тактиками, приемами и средствами обеспечивается речевая адаптация блогера в постах научно-популярных телеграм-каналов. Материал анализа – новостные ленты этих каналов. Установлена действующая модель речевой адаптации блогера в научно-популярных телеграм-каналах: выяснены детерминанты, мотивирующие направления речевой адаптации, речевые регуляторы, управляющие вниманием адресата, и аттракторы, приводящие к изменению его смыслового поля. Научная популяризация в блогинге телеграм становится частью культуры повседневности современного человека.

Ключевые слова: речевая адаптация, телеграм-канал, научно-популярный, аккомодация, асимиляция

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации».

Для цитирования: Дускаева Л.Р. Речевая адаптация блогера к массовой аудитории научно-популярных телеграм-каналов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 290–321. doi: 10.17223/19986645/97/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/97/14

The blogger's speech adaptation to the mass audience of popular science Telegram channels

Lilia R. Duskaeva¹

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, *l.duskaeva@spbu.ru*

Abstract. Russian Telegram blogging plays an increasingly important role as a media. At the moment, it is a place of active change in the speech norms of social interaction. Although pedagogical, psychological, and philosophical studies on communication are conducted within the messenger, the communicative and linguistic aspects of communication are studied to a limited extent. However, it is this aspect that accurately reflects what is happening in mass media. The material for analysis is the

news feeds of popular science Telegram channels with a number of subscribers ranging from 1 thousand to 36 thousand. During the popularization process, speech adaptation takes place, in which scientific content is accommodated to the media format and adapted to a mass audience. Communication with the latter focuses on assimilation and alignment with the addressee's position. The aim of this article is to identify which speech tactics, techniques, and tools facilitate speech adaptation. The study is based on a media linguistic method aimed at finding patterns of speech effects in media communication and typical speech tools for such effects. A current model of speech adaptation has been established in popular science Telegram channels. Determinants, speech regulators, and adaptation attractors were revealed. Determinants motivate the direction of speech adaptation; speech regulators control the attention of the addressee; and attractors are speech consistency within a particular channel, leading to adaptation. An analysis of speech material using this model allowed establishing methods of speech accommodation and assimilation. Speech accommodation to media is achieved by transforming the original scientific text: the goal setting, volume, content, message order, and functional and semantic form of media speech are changed. The characteristic thoroughness of reasoning, emphasizing logic, objectivity, and eliminating emotionality in the media format, is transformed, and the content of scientific research is conveyed through short messages, explanations, tips, reminders, and presentations. Addressing speech assimilation is stimulated by a set of communication and speech techniques that: 1) meet the needs of the addressee for being included in models of communicative interactions offered by the sender; 2) encourage the addressees' mental activity along trajectories desired by the author; 3) eliminate hypothetical contradictions in understanding from the addressees; 4) overcome alienation, disinterest in reading, and disintegration in relationships with the addressee. The widespread use of various forms of audio-visual media and images contributes to the conciseness of speech necessary for broadcasting on smartphones, typically 6.7 inches in size. In Telegram blogging, oral speech is transformed into ways of establishing and maintaining communication links between the author, the addressee, and a third party, as well as demonstrating the logic of explanations. This prevents communicative resistance from the audience and reduces the objectivity of scientific messages, ensuring the equalization of communicative positions between the author and addressee. By involving the addressees in regular communication through messengers, it transforms scientific popularization into a friendly, daily broadcast of messages, turning it from socially oriented to personality-oriented communication in Telegram blogs.

Keywords: speech adaptation, Telegram channel, popular science, determinants, regulators, attractors, adaptation methods

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00184.

For citation: Duskaeva, L.R. (2025) The blogger's speech adaptation to the mass audience of popular science Telegram channels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 290–321. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/14

Введение

Статья посвящена анализу речевой адаптации блогера к массовой аудитории в текстах научно-популярных телеграм-каналов. Появившийся в 2013 г. мессенджер с большим числом информационных функций сегодня стал чрезвычайно популярной площадкой блогов на самые разнообразные

темы. В настоящее время вышли многочисленные исследования, посвященные разным аспектам организации коммуникации в Telegram – правовому [1], философскому [2], политическому [3, 4], административному [5], маркетинговому [6], учебно-образовательному [7]. Начато исследование речевой природы публикаций в каналах мессенджера – жанровых форм [8, 9], организации метатекста [10], паратекста [11] в постах, особенностей текстовой деятельности [12], текстотипов [13], выражения фреймов ситуации [14]. Очевидна потребность в изучении норм речевого взаимодействия как устойчивых образцов речевого поведения в новых типах медиакоммуникации, которые формируются в телеграм, где построение сообщений приспособлено к формату мессенджера и к правилам личностно-ориентированного общества, требующего адаптации речевой формы высказывания к собеседнику [15, 16]. В условиях повышения роли науки в российском обществе возросло число и значение научно-популярных каналов, а вместе с тем и потребность в знаниях об их речевой форме. Цель статьи – установить тактики, речевые приемы и средства речевой адаптации к формату медиа и к массовой аудитории в научно-популярном блогинге Telegram.

Методологические основания исследования

Адаптация как междисциплинарный феномен разрабатывается в социальной психологии [17, 18], в философии [19], социологии [20–22], лингвистике [23–25]. В ходе изучения литературы были выделены методологически значимые идеи для нашего исследования, на основании которых определено понятие речевой адаптации в научно-популярной медиакоммуникации.

В социальной психологии адаптация понимается как взаимодействие субъектов, в ходе которого изменяются позиции участников. Важнейшая цель этого процесса – согласование позиций и ожиданий адресанта с коммуникативными возможностями адресата, а также координация речевой активности общающихся. Психологическая адаптация проявляется в активности личности, которая выступает как единство аккомодации (усвоения правил среды, «уподобления» ей) и ассимиляции («уподобления» себе, преобразования среды). Отсюда делается вывод об *адаптации как слиянии аккомодации и ассимиляции в деятельности личности, т.е. в ее адаптивной и одновременно адаптирующей активности* [17].

В философии адаптация осмысляется в широком смысле, как универсальный феномен, присущий жизнедеятельности человека. М.В. Ростовцева указывает на широкий круг исследованных в философии проблем адаптации. Исследователь отмечает, что в последние годы философы изучают адаптивный процесс в интеракционном ключе и указывают на множество форм, механизмов, носителей ее проявления. Не случайно в настоящее время говорят об эволюционно-генетическом, антропологическом, экологическом, медико-биологическом, культурологическом, психологическом аспектах адаптации. Принимая во внимание разветвленность и глубину траек-

тории философского изучения адаптивных явлений, автор приходит к выводу о разделении всех философских исследований социальной адаптации на два крупных направления. Одно из них концентрируется на статико-теоретическом аспекте, когда адаптация рассматривается как приспособление к любым изменениям, второе – на динамическом, при котором адаптация рассматривается как творчество, преобразование [26]. В своей работе мы исходим из важнейших философских выводов: способность к адаптации – условие деятельности человека, и такая способность свойственна всем формам деятельности человека, включая речевую. Онтологическими качествами адаптации являются гибкость и пластичность при встрече с новыми и противодействующими условиями внешней среды, а также способность адаптирующего придавать изменениям желательное для себя направление. Значит, и речевую деятельность вполне резонно рассматривать как *явление гибкости и пластичности в использовании вербальных и невербальных средств при реализации тех или иных целей и задач для придания происходящему нужного направления*.

Весьма активно понятие адаптации изучается в социологии, в разных социологических парадигмах. С. И. Капица, изучавший содержание понятия социальной адаптации в рамках важнейших социологических теорий, обнаруживает, что все они дополняют друг друга, обогащая и уточняя содержание понятия [20]. Анализ трактовок феномена в социологии приводит С.И. Капицу к выводу о том, что социальная адаптация – это целостное, динамическое, непрерывное и относительно устойчивое взаимодействие личности и социальной среды, в котором личность наиболее полно реализует свои потребности и притязания. Адаптация проявляется в *способности личности ориентироваться в меняющейся ситуации, вырабатывать адекватные модели поведения, рационально распределять ресурсы для достижения поставленных целей*.

Архитектоника адаптивных механизмов рассмотрена в работе социолога Л.В. Корель, которая обнаруживает иерархичность в их внутреннем устройстве у социальных систем разного типа, а механизм социальной адаптации определяет как «симбиоз уникальных социальных состояний, явлений и процессов, существующих в контексте сопутствующих им и продуцирующих их социальных факторов – детерминант, регуляторов, факторов-аттракторов, актуализирующихся в определенной последовательности» [27]. В этом определении прорисовывается модель адаптационного поведения под влиянием внешних факторов – детерминантов, мотивирующих приспособительные процессы, регуляторов, управляющих ими, и аттракторов, интегрирующих те состояния, явления и процессы, которые приводят к адаптации. Следовательно, *выделение факторов, которые выступают детерминантами, регуляторами и аттракторами адаптации, способствует пониманию того, при каких обстоятельствах возможна ее эффективность* [27].

Поскольку носителями приспособления могут быть разные объекты, в том числе коммуниканты, использующие язык в разных условиях общения,

вопросы адаптации рассматриваются в лингвистике, например, в лексикологии, где изучаются пути и источники проникновения иноязычной лексики в разные сферы языка, раскрываются виды адаптации заимствований в языке-реципиенте, выясняются адаптационные параметры [28, 29]. В коммуникативной лингвистике исследуется интердискурсивная адаптация текста, под которой понимается изменение текстов в соответствии с новыми дискурсивными условиями, изучаются когнитивные механизмы приспособления, вторичная репрезентация содержания и формы, адаптированной к разным условиям [30]. Адаптивные механизмы обучающих художественных и публицистических текстов на иностранном языке изучаются в методике преподавания иностранных языков [24]. В текстолингвистике выявляются конститутивные признаки адаптированных текстов [31]. Способы адаптации текстов как трансформации стиля для достижения взаимопонимания изучаются в теории перевода [32]. Коммуникативная адаптация как гибкость коммуникативного поведения, вызванная адресной, ситуативной, субъектной ее ориентацией, выражаяющейся в выборе релевантного способа взаимодействия с собеседником, который определяется поведенческими паттернами, вербальными и невербальными средствами, коммуникативными стратегиями и тактиками, исследовалась в коммуникативной лингвистике [33]. Как видим, экстралингвистическое понятие адаптации не чуждо лингвистике. Между тем в нашей работе речевая адаптация определяется с медиалингвистических позиций, где это явление рассматривается как приспособление научной информации, полученной от «третьего» лица, к технологическим особенностям мессенджера Telegram и как асимиляция – осуществляемый автором отбор речевых способов донесения научных сведений с опорой на характеристики «своего» адресата.

Представления об адаптации, сложившиеся в гуманитаристике, значимы для выработки подходов к ее исследованию в научно-популярных телеграм-каналах, где коммуникация формируется во взаимодействии трех акторов (ученого, популяризатора и адресата) одновременно в двух формах – аккомодации и асимиляции. Аккомодация – это гибкость и пластичность в отборе языковых средств при оформлении своих идей в технологических условиях мессенджера. Асимиляция – это речевое приспособление адресанта к адресату с целью вовлечения последнего в коммуникативный процесс. Значит, в научной популяризации в силу трехсторонности коммуникативного акта речевая адаптация имеет двуслойное основание – как аккомодация, так и асимиляция, осуществляемые под влиянием детерминантов (мотивирующих потребностей) с помощью регуляторов (в речевой деятельности ими выступают речевые приемы) под действием атTRACTоров – такого системного взаимодействия приемов адаптации в ленте, которое интегрирует в ней адаптирующие состояния, явления и процессы.

Подтверждение значимости адаптивных речевых механизмов в популяризации находим в суждениях научных журналистов. Например, по мнению А. Казанцевой, в распространении научных знаний массовой аудитории важна «способность поставить себя на место читателя, предположить, что

может быть ему интересно, а что непонятно»¹. Ориентируясь на свои представления об адресате, популяризатор подстраивается к ним, адаптируя свою речь. Но не менее важна и другая мысль журналиста – о сохранении у автора возможности писать на разных уровнях сложности и возможности выбирать тот уровень, который кажется оптимальным. Значит, популяризатор не только сам приспосабливается к аудитории, но и меняет аудиторию, расширяя, по выражению А.А. Леонтьева, «смысловое поле» читателя, повышая уровень его знаний и культуру потребления информации. Считаем резонным анализировать архитектонику адаптивного речевого механизма в научно-популярных телеграм-каналах (т.е. приспособление к адресату в рамках телеграм-канала) по уже описанной выше модели – через раскрытие детерминантов, регуляторов и атTRACTоров адаптации.

Материал и методика анализа

Описание материала исследования

Материал анализа – научно-популярные телеграм-каналы (ТК): *АНТРОПОГЕНЕЗ.RU*, *Биологово*, *Блуждающий нерв*, *Вокруг света*, *Занимательная физика*, *Кот Шрёдингера*, *НаукаPRO*, *Наука и жизнь*, *Невероятная химия*, *Популярная механика*, *Системный Блокъ*, *Новости нейронаук и нейротехнологий*, *Physics physh – физика и космос*, *ПостНаука*, *Физика просто*, *Хайтек*, *Химия – просто*. Несмотря на различия, все они имеют типологические коммуникативные свойства.

Все названные научно-популярные каналы, во-первых, функционируют по алгоритмам, заданным мессенджером Telegram. Ведение блога на телеграм-каналах предполагает регулярные ежедневные публикации постов, причем в корреляции с учетом времени подъема или спада активности читателей. Для удержания контакта в ленте блогеры стремятся к разнообразию видов публикаций. Так, в лентах научно-популярных каналов, наряду с разнообразными познавательными постами в жанрах сообщения, объяснения, совета или рекомендации, напоминания о великих научных достижениях, продвижения научных открытий, размещаются посты в жанрах шутки, поздравления, комикса, анекдота и т.п., закрепляющие коммуникативный контакт, потому что сохранение подписчиков – важная часть деятельности блогера. Этому способствует также использование визуальных средств, стикеров, видеосообщений в форме круга. Решение задач, загадок, викторин, тестов, ответы на вопросы и возражения в комментариях также помогают вовлечь аудиторию в коммуникацию и расширить круг подписчиков.

¹ На ринге с невежеством: как становятся популяризаторами науки в России – Моноклер. URL: <https://monocler.ru/populyarizatoryi-nauki-v-rossii/> (дата обращения: 12.08.2025).

Во-вторых, типологическое сходство научно-популярных каналов проявляется в общности коммуникативных целей: пусть в разной манере и разными средствами, но все вместе они расширяют кругозор, привлекают внимание к научным фактам, к научной деятельности, развивают интерес к познанию, прививают культуру интеллектуальных эмоций.

В-третьих, сходство научно-популярных каналов в трехсторонности коммуникативной ситуации и во вторичном характере создаваемого в ней текста, построенного на интерпретации первичного, поэтому и коммуникативный акт здесь трехсторонний, где:

а) первый участник – адресант, блогер-популяризатор, посредник между ученым и аудиторией в коммуникации, адаптирующий полученную из научных источников информацию к адресату; у этого участника более высокий, чем у других, коммуникативный статус, поскольку он обладает большей, чем другие, осведомленностью и коммуникативной инициативой. Создатель канала, учитывая адресата, «отвечает на его сопротивление» с учетом возможностей мессенджера. Коммуникативная задача блогера – вовлечь в коммуникацию адресата, для этого он адаптирует научную информацию, а значит, сообщая информацию, объясняет, напоминает историю открытия, советует, продвигает предмет речи, делая изложение занимательным и привлекательным [34];

б) второй актор – часто адресат-неспециалист, который в ходе общения в блоге получает интересную для него информацию, просвещается, получает необходимые ему советы и объяснения, расширяет свой кругозор. Заинтересованный, любознательный, обучаемый и не очень, адресат потенциально способен на коммуникативное сопротивление в форме недоверия, недопонимания, равнодушия, вопросов и возражений. В разных каналах степень свободы в выражении своей позиции у подписчиков различна. В одних – возможны только реакции-лайки, в других дается разрешение на комментарии;

в) третий актор – «он / они» / ученый / инженер / группа ученых – создатели нового знания или нового продукта, которые обычно общаются в узкой среде специалистов и пишут о своих новых идеях для узкого круга специалистов. Иногда роль популяризатора берет на себя «третье лицо» – ученый, но и в этом случае можно говорить о трехсторонности коммуникации, поскольку один коммуникатор берет на себя две коммуникативные роли – создателя нового знания ($Я^1$) и его популяризатора ($Я^2$), адаптирующего изложение для массовой аудитории.

Анализ содержания научно-популярного блогинга в мессенджере показывает, что в основе модели речевой деятельности каждого телеграм-канала лежат представления о дифференцированной адресатности. Гипотеза адресата блога различается в зависимости от информационных запросов и предполагаемого образовательного уровня подписчиков, по степени напряженности и характеру «сопротивления» речевому воздействию. Эти обстоятельства и вызывают вариативность в выражении речевой адаптации.

Принципы сбора материала

В описании методики проведения исследования важны принципы сбора материала для него, в нашем исследовании были следующие:

1. Типологическая релевантность, поскольку рассматривались ленты только научно-популярных телеграм-каналов – с количеством подписчиков от 1 до 36 тыс. человек.

2. Хронологические рамки: изучались ленты Telegram за 2022–2025 гг. (в общей сложности примерно около 5 тыс. постов) – годы существенных преобразований информационного ландшафта России, когда указанный мессенджер уже стал одним из важнейших источников информации для массовой аудитории.

3. Коммуникативно-целевая релевантность отбора текстов – в каждой из лент анализировались посты методом сплошной выборки, но из общей массы выбирались те, в которых речевая ткань особенно явственно отражает адаптирующую речевую активность блогера.

Методика анализа

Как уже было сказано, последовательность исследовательских операций коррелирует с разработанной в социологии моделью анализа адаптации: учитывалось, что детерминанты ее мотивируют, регуляторы направляют в нужное русло, обеспечивают формирование аттракторов – ситуаций и явлений, в которых она происходит.

Сначала методами дискурсного и функционально-семантического анализа были проанализированы композиционные особенности каждой ленты и сочетаемости постов в ней и реконструированы детерминанты адаптации (мотивы использования адаптирующих средств в аспекте их приспособления к технологическим условиям и влияния на адресата). В ходе анализа было обнаружено, что детерминантами адаптации выступает необходимость так построить речевую форму аттрактора (ленты), чтобы обеспечить не только установление коммуникативной связи, но и поддержание ее, что позволило бы глубоко и эффективно взаимодействовать с адресатом. Такая связь устанавливается при выполнении следующих условий: 1) обеспечение включенности адресата в предлагаемые автором модели коммуникативных связей – «автор–адресат», «адресат–автор», «автор–третий лица–адресат»; 2) сопровождение автором адресата по траекториям мыслительной активности, необходимым адресанту; 3) устранение противоречий понимания во взаимодействии; 4) установление взаимного доверия между коммуникантами за счет преодоления дискомфорта, отчуждения, дезинтеграции в отношениях с адресатом, а также неуверенности и недоверия последнего.

Далее при анализе лент каналов были реконструированы типовые популяризаторские коммуникативные интенции [35]. Установлено, что с целью включения адресата в предлагаемые модели коммуникативных связей с ним устанавливается контакт, который поддерживается в ходе взаимодействия.

Для понимания логики мыслительной активности адресанта внимание адресата аккумулируется на важных логико-смысовых связях в сообщении. С целью устранения противоречий с читателем в ходе речевого взаимодействия предупреждаются риски его непонимания и гипотетические возражения. Чтобы предотвратить отчуждение, изоляцию, дезинтеграцию в отношениях с адресатом, автор стремится продемонстрировать заинтересованность в нем, реагируя на содержание его лайков, отвечая на его вопросы, реальные (заданные в комментариях) и гипотетические, старается вызвать доверие, развеять сомнения, оказывая психологическую поддержку, проявляя заботу об информационном комфорте читателей.

Таким образом, в научно-популярных телеграм-каналах речевая адаптация к адресату – это отражение в речи аккомодации к условиям мессенджера и ассилияции к адресату. Оба этих процесса взаимосвязаны, происходят при использовании мессенджера Telegram с целью распространения научных знаний среди массовой аудитории. Медиалингвистический дискурсный анализ (построенный на основе методов наблюдения, анализа и синтеза, сравнения, сопоставления, типологизации) показывает, какими типовыми речевыми приемами и средствами формируется адаптирующая пластичность научно-популярной медиаречи в телеграм-каналах.

Экспликация речевой адаптации в научно-популярных телеграм-каналах

Всякое общение начинается с установления и поддержания контакта, что выступает предпосылкой для успешного речевого взаимодействия. Детерминантом коммуникативных действий такого рода выступает потребность включить адресата в модели коммуникативных связей, заданные мессенджером.

Установление контакта между участниками коммуникации

Среди тактик установления контакта, способствующих регуляции коммуникативного поведения всех участников взаимодействия в мессенджере, укажем важнейшие:

- знакомство с каналом через его описание, подписку и получение приглашения от канала;
- обозначение участников коммуникации и установление связи между ними;
- демонстрация автором заинтересованности в поддержании связи с адресатом.

Установление связей начинается со знакомства с никнеймом, слоганом канала, а также с его описанием. Как никнейм, так и слоган придают каналу идентичность, поскольку не повторяются. Никнеймы в научно-популярных каналах, конечно, отличаются от никнеймов каналов другой тематики: обычно они содержат тематический ориентир, самая часто встречающаяся

лексема в названиях – *наука* (например: Наука.рф, Редакция. Наука, Пост-Наука, НаукаPRO, Российская академия наук и т.д.), затем названия наук (Химия – просто, Страшная химия, Химический эксперт, Невероятная химия, Химия в России и за рубежом, Химия на миллион, Что в составе: химик о косметике, Химия и биология и т.д.), а также прямо и косвенно (метонимично и метафорически) названные характеристики популяризаторской манеры речи (*просто, занимательная, страшная, невероятная, удивительный* и т.п.). После входа в канал пользователь получает приглашение присоединиться. При типологическом сходстве никнеймов каналов, названия выражают и различия – в теме и в способе подачи материала, по этим различиям читатели ориентируются при подборе «своих» каналов.

Для поддержки полилога важна демонстрация заинтересованности адресанта в коммуникативной связи с адресатом, это выражается приемом **прямой адресации**, эксплицируемой апеллятивами, среди которых самый распространенный – *друзья*. Частотность именно этого апеллятива свидетельствует о том, что адресант в своем блоге стремится сблизить позиции участников коммуникации, предлагая обсуждение научных новостей и проблем в обстановке позитивного настроя, уважительности, общности интереса к предмету речи. Понятно, что в условиях блога, число подписчиков на который исчисляется от 2 тыс. (как у канала «Биологово») до 35 тыс. человек (как, например, у каналов «Редакция. Наука» или «АНТРОПОГЕНЕЗ.RU»), слово *друзья* используется в ритуализированном значении: это ‘люди, испытывающие друг к другу уважение, связанные на основе общих интересов, общностью досуга’, но такого компонента значения в слове, как ‘люди, испытывающие друг к другу душевную привязанность, особое доверие’, в мессенджере, где связь между людьми виртуальная, нет. Можно предположить, что в рамках научно-популярных блогов формируются свои представления о значении слова *друзья*.

Апеллятивы могут быть другими – распространенными, с уточнениями, включающими не только наименование адресата, но и его характеристики, которые даются с учетом пресуппозиций адресата, например: *Друзья, фотолюбители и любители химии, вы наверняка знаете, что раньше...* (Химия – просто. 27.03.2022. 11:03); *Дорогие друзья! Хотим поздравить Вас, наших дорогих подписчиков, с наступившим Новым годом и поделиться этой необычной «поздравительной открыткой»* (НаукаPRO. 01.01.2025. 0.07); *Дорогие подписчики и читатели канала «Невероятная химия»!* (Невероятная химия. 31.12.2024. 19:47); *Друзья, привет! Сегодня команда @GramplexUP собрала подборку каналов, которые вас точно заинтересуют...* (Популярная механика. 09.08.2025. 21:01); *Друзья, у нас к вам...* (ПостНаука. 13.11.2022; *Спасибо вам, наши дорогие читатели, что были с нами* (Наука и жизнь. 30.12.2022. 21:44); Встречаются шуточные обращения: *Читающие @funscience мэры, не стесняйтесь брать на заметку:*) (Funscience. 20.12.2022. 16:22). Присутствие самих обращений, да еще и с характеристиками, иногда шутливыми, сближает коммуникантов и создает эмпатию, близкую к общению узкого круга лиц. Как видим, апеллятивы используются с учетом, так сказать, «места общения» – телеграм-канал, где

участники устанавливают виртуальную связь через этап регистрации или присоединения, поэтому не случайно среди апеллятивов появляются лексемы *подписчик*, *друг*, шутливые *любитель химии*, *читающий канал мэр*, с помощью которых объединяются в общую группу те, кто разделяет познавательные интересы всех присоединившихся к каналу.

Помогают объединить в группу по интересам всех участников речевого взаимодействия в канале также следующие приемы:

– вовлечение адресата в речемыслительную деятельность, эксплицируемые местоименно-глагольными формами 2-го л. с глаголами восприятия и мышления: *Теперь вы знаете, как выглядит машина для быстрой чистки ограждений* (Физика Просто. 10.08.2022. 11:45), *Вместо ароматного вина вы рискуете получить... уксус...* (Невероятная химия. 23.11.2023. 8:00). В телеграм-каналах подобные приемы используются активно, поскольку они призваны показать направленность речи на удовлетворение информационных запросов конкретного адресата;

– обозначенность вектора «автор–адресат», которая эксплицируется одновременным использованием автоманифестации и побудительной адресации в местоименно-глагольных формах 1-го и 2-го л.: *Сегодня у меня день рождения. И вы можете сделать мне подарок* (Биологово. 09.06.2022. 14:02); *...у нас к вам небольшая, но важная просьба. Поучастуйте в исследовании <...> Мы проводим сейчас исследование <...>* (ПостНаука. 13.11.2022). Обозначенность коммуникативной двусторонности может передаваться описательным образом – использованием слов, называющих адресата, и конструкций, демонстрирующих заинтересованность в адресате на том или ином этапе взаимодействия: *И в этой связи нам сейчас очень нужны рассказы наших читателей и зрителей* (ПостНаука. 13.11.2022. 15:22);

– авторская идентификация с адресатом «мы с вами», где «мы» – это «я(автор)»+ «вы-читатели» в сочетании с лексемами мысли, эмоций, например: *Вместе с главным редактором портала «Нейроновости» Алексеем Паевским мы пройдем с вами эти 150 лет всего за час, проследим за самыми важными открытиями в области мозга за полтора века, соберем «пазл» из этих знаний и решим – насколько сейчас, в первой трети XXI века, мы понимаем то, как мозг работает, что стало понятнее и какие загадки и проблемы мозг до сих пор ставит перед исследователями* (Новости нейронаук и нейротехнологий. 09.06.2025. 19:38). С днём археолога *всех причастных и сочувствующих!* Для профессионалов это работа, рутина и отчёты, и всё же любимое дело. А для *всех нас – сочувствующих и интересующихся* – это романтика и детское любопытство (НаукаPRO. 15.08.2025. 14:37). Подобный прием изложения, способствующий организации смышления и созданию коммуникативного комфорта, особенно характерен для фатических постов, размещаемых в ленте по важному для участников коммуникации слушаю. Как видно из примеров, благодаря лексическим уточнениям идентификация с адресатом обретает конкретность. В первом примере

мы – это единомышленники: *мы пройдем с вами, мы понимаем*. Во втором примере *мы* (используется в форме род. падежа *нас*) – это противопоставленные профессионалам участники общения в канале, как блогер, так и подписчики: *причастные и сочувствующие, сочувствующие и интересующиеся*;

– этикетные формулы в постах, которыми вводятся изображения, создающие впечатление непосредственной беседы: *Вашему вниманию представляются* работы для наблюдения за дикой природой (Физика Просто. 10.08.2022), *Знакомьтесь* – непарный шелкопряд (Наука и жизнь. 26.07.2022). Речевая организация постов с присутствующим «третьим лицом», которого тем или иным образом представляют, способствуют выраженные прямо (побудительными формами глаголов зрительного восприятия) и косвенно (например, номинацией вида изображения и его описанием) побуждения, помогающие установить коммуникативное взаимодействие популяризатора, создателя изображения и адресата: [Микровидео] *Взглядите в иллюминаторы, мы приближаемся к туманности Конская голова!* Это часть Облака Ориона (из комментария к 8 фото из космоса (Кот Шредингера. 15.01.2023. 23:56). [Фотоизображение] ...наша новая картинка дня необычна... *На ней запечатлены отдельные нейроны и нейронные кластеры в первичной культуре клеток гиппокампа. Снято на Zeiss Elyra 7 с помощью метода суперразрешения SIM (structured illumination microscopy).* Зелёный – тубулин, ДНК ядер в нежно-голубом, на фотографии можно увидеть красные точки и чёрточки – это фибрillы альфа-синуклеина... (Новости нейронаук и нейротехнологий. 13.06.2025. 19:41).

Потребность в активном использовании изображения в качестве средства передачи информации способствовала выработке в каналах речевого жанра «Представление изображения» [35], например: [Фотоизображение] *Гусеницы бабочек из рода калиго меняются после каждой линьки. Перед вами особь 3 возраста, с характерными рожками и раздвоенным хвостиком на последнем сегменте брюшка* (Планета фактов. 25.01.2023. 11:38). В данном примере показателем связи с адресатом выступает конструкция «Перед + мест. 2-го л.».

В сообщениях: [Фотоизображение] *Не раз постил тут фото слияния спиральных галактик – вот еще одно... Это галактика Головастик, названная так из-за шлейфа длиной 280 тысяч световых лет, заполненного яркими голубыми скоплениями звезд* (Кот Шредингера. 27.09.2022); [Видео] *еще одно видео от Helix Animation, сделавших мультик про приключения макрофага, – на этот раз про синапсы* (Кот Шредингера. 15.01.2023. 14:03) – автор выполняет роль посредника в знакомстве с предметом речи. Этую роль он отмечает, называя свои действия: *постил тут фото, вот еще одно, еще одно видео*. Употреблением указательных слов *тут, перед вами, вот еще, это, еще одно* адресат стремится удержать связь между субъектом речи и изображением предмета речи. Подобного рода посты в научной популяризации телеграм-каналов используются часто, поскольку позволяют экономить на «площади вербалики». Лаконизация изложения – способ аккомодации изложения к условиям экрана в мессенджере: статичное изображение

предмета речи, показывающее, что и где расположено, позволяет существенно сэкономить на его описании; динамичное изображение, показывающее процессуальные признаки изучаемого объекта, а иногда причинно-следственные связи какого-либо явления, позволяет экономить на объяснении наблюдаемого.

В ленте канала регулярно встречаются фатические посты (содержащие обращения к подписчикам, поздравления, анонсы просветительских лекций, семинаров), направленные на закрепление коммуникативной связи с подписчиками. Такие посты необходимы для демонстрации устойчивого внимания инициатора общения ко второму лицу, для создания представлений об идеале коммуникативного взаимодействия с читателем. Приведем пример обращения к подписчикам: *Помимо видео, я хотел бы сказать огромное спасибо, поклониться до земли тем людям, которые трудились над материалами портала в его первые пять лет. И, конечно же, вам, наши дорогие читатели! Читайте нас, дополняйте и поправляйте нас, становитесь авторами-волонтерами нашего портала – и наполняйте нашу работу новыми смыслами. С праздником – и спасибо!* (Новости нейронаук и нейротехнологий. 12.06.2025. 19:40). Как видим, такого рода посты включают апеллятивы с восклицаниями, призывы к коммуникативной активности, подчеркнутые восклицаниями, этикетные формулы выражения радости и симпатии к читателям с перфектной перспективой – благодарности и поздравления. Виды речевой активности, к которым в посте призывается адресат: *читайте, дополняйте, поправляйте, становитесь волонтерами, наполняйте общение новыми смыслами* – необходимы для успешного функционирования канала.

Обозначенность связи между тремя «участниками» – автором изображения, комментатором и адресатом и демонстрация общей активности помогает не просто контактоустановлению в условиях мультимодальной речи, но и сближению всех трех позиций – согласованию представлений о предмете речи. Такой виртуально организованный «полилог» «Он (автор фото) – Я – Вы» помогает вовлечению адресата в регулярное информирование и создает предпосылки для продвижения эффективной познавательной коммуникации.

Таким образом, установление и поддержка контакта между всеми участниками научно-популярной коммуникации позволяют организовать такое общение, в результате которого адресат расширяет кругозор, согласует позиции, координирует речемыслительные действия.

Стимулирование познавательной активности адресата в соответствии с логикой мыслительной активности автора

В научно-популярных каналах очевидна потребность в авторском руководстве мыслительной активности адресата по определенной инициатором траектории. Такое руководство в научном стиле формирует черту, которую называют подчеркнутой логичностью. Конечно, научная популяризация без

демонстрации логики не может обойтись, однако способы и средства ее выражения отличаются от научной. Подчеркивание логики популяризации научного знания – это стремление ассилировать смысловое поле читателей-неспециалистов к смысловому полю автора. Для этого автор существенно упрощает изложение, переводя научное рассуждение в описание или повествование, и оказывает коммуникативную помощь читателю в тех случаях, если от читателя требуются усилия для правильного понимания текста. Существенную роль для указания на логику изложения играют тактики:

- регуляции внимания читателей;
- демонстрации адресату «правильного» порядка течения мысли;
- демонстрации соответствия содержания текста информационным интересам подписчиков.

Разумеется, в реальном речевом акте эти задачи пересекаются, взаимодействуют.

Среди приемов, регулирующих внимание, много рекламно-завлекательных зачинов к постам: *А вы знаете/знали, что..? Чудесная минута о мелочах жизни в невесомости...* (Кот Шредингера. 20.01.2022. 20:56); *Еще несколько потрясающих снимков из беломорской серии...* (Кот Шредингера. 20.01.2022. 14:17); *Робот Атлас продолжает развиваться. Гляньте, что он умеет!* (Хайтек daily. 19.01.2022. 10:29); *У нас отличные новости: солнечные вспышки наконец-то научились предсказывать!* (Хайтек daily. 19.01.2023. 10:45); *Невероятный закат в Ирландии* (Вокруг света. 16.01.2022. 20:07); *Ракета Falcon Heavy ошеломила зрителей великолепным стартом* (Популярная механика. 19.01.2023. 9:22). Вопросительные предложения, восклицания, сопровождаемые использованием суперлативов, междометий, интенсивных эмотивов, – все это идет в ход, чтобы остановить, зацепить внимание подписчиков на ленте. Оборот *еще несколько, еще один*, указывающий на нескончаемость повторов одного и того же действия, подчеркивает непрерывность стрима новостей.

Привлечению внимания к предмету речи способствуют единства «фото + подпись-заголовок», например: [Фотография] + заголовок *ЦВЕТОК С ПРОЗРАЧНЫМИ ЛЕПЕСТКАМИ*. Присутствие в начальной позиции поста визуально воспринимаемого объекта также помогает сконцентрироваться на изучаемом объекте, поскольку зрительное внимание считают самой эволюционно развитой формой. Заголовок выступает одновременно первым предложением текста – здесь важно экономить речевые усилия: длинный текст тяжело воспринимается на экране телефона. Именительный представления, распространенный определением и воспроизведенный в капслоке, усиливает эффект акцентирования. Направленный на читателя последующий вопросно-ответный комплекс помогает развернуть описание интересного природного явления и мобилизовать когнитивную активность читателя: *Не слышали? А такой существует! Diphylleia grayi или Двулистник Грея – многолетнее травянистое растение семейства Барбарисовых...* (НаукаPRO. 27.12.2022. 18:01).

Приемы выделения предмета речи, расположенные внутри текста, например, конструкция предмета речи «о + сущ.» в сочетании с эллипсисом, служат концентрации внимания на новом аспекте изложения: *Теперь о конструкторе!* Темпоратив *теперь* в абсолютном начале предложения указывает на смену прежде развиваемой темы. О пропуске глагола речи после темпоратива свидетельствует существительное с предлогом «о». Восклицательная тональность вызывает еще большую концентрацию внимания на предложении. Далее разговор продолжен демонстрацией возможностей указанного предмета речи: *Это пленочный фотоаппарат с лабораторией в комплекте, с помощью которого вы сможете сделать снимки на пленку и напечатать их на физическом носителе* (Химия – Просто. 27.03.2022). Модус возможности (*вы сможете сделать и напечатать...*), прямо адресованный читателю с помощью местоимения 2-го л., стимулирует стремление к обучению. Конечно, акцентированию в ходе объяснения могут послужить вводные слова: *...и они, внимание, имеют свою собственную массу* (Дебри физики. 28.01.2025. 14:19. <https://t.me/inznan/2074>).

В реплике-стимуле воображаемых микродиалогов «Вы–Я» (где направление коммуникации отличается от привычного «Я–Вы») формулируется воображаемый информационный интерес подписчика, в реактивной реплике – соответствующий интересу «ответ». Так адресата представляют инициатором взаимодействия, а адресанта лишь продолжателем диалога: *Если вас давно занимает вопрос, зачем собакам хвост, то вот вам ответ.* <https://nkj.ru/facts/47353/> (Наука и жизнь. 13.01.2023. 19:42); *Если же вы просто любите забавные истории о суевериях, то вот вам наша статья.* *А вы суеверны? Случались ли с вами какие-то неприятности в пятницу 13?* <https://www.nkj.ru/archive/articles/28906/> (Наука и жизнь. 13.01.2023. 15:33); *Итак, вы решили заняться виноделием на домашней кухне? Отлично, но будьте готовы к неожиданностям* (Невероятная химия. 23.11.2023. 8:00). Как видим, интенция каждой реплики микродиалога именуется или подчеркивается знаком препинания (например, вопросительным знаком): в первом примере *вопрос* (реплика-стимул) – *ответ* (реплика-реакция); во втором примере *любите истории* (реплика-стимул), *вот вам статья* (реплика-реакция). В четвертом вопрос–вопрос–переспрос – предостережение–совет. На переход речевой инициативы от стимула к реакции указывают формы местоимений 1-го и 2-го л.: *вас, вот вам, вы, вам наша*.

Еще пример: *Хвост возник после лобового столкновения... А что будет дальше? Головастика ждет метаморфоз, – предполагают, что хвост распадется, и голубые сверхмассивные скопления станут карликовыми галактиками, спутниками бывшего Головастика* (Кот Шредингера. 27.09.2022); *Почему авторы статьи в eNeuro настаивают, что речь идет о..., а не о вызове уже известных, вроде осязания или слуха? Все просто, они возбуждали/тормозили клетки..., и эксперимент показал: мыши явно чувствуют... Они ощущают даже единичный лазерный импульс...* *Это, по сути, расширение инteroцепции, т.е. восприятия организмом своего гомеостаза. Кажется, Дамасио давно говорил, что эмоции – это...*

(Блуждающий нерв. 05.07.2022). Как видим, переспрос – это вопрос, будто бы услышанный от читателя. Он имеет проспективный характер, выступая в качестве толчка, позволяющего динамично продолжить мысль популяризатора. В первом примере переспрос необходим для введения в текст дополнительной информации, во втором – для уточнения важных положений концепции.

В лентах телеграм-каналов, рассчитанных на ежедневную вовлеченную коммуникацию с адресатом, временная последовательная связь между постами предстает буквально, с разделением на дни (в этом случае смену старой темы на новую представляют, например, как наступление нового дня, сего дня): *Сегодня наша новая картинка дня необычна* (Новости нейронаук и нейротехнологий. 13.06.2025. 21:15). *Сегодня, наконец, после почти 30-летней разработки и бесконечных переносов сроков в космос отправился телескоп Джеймса Уэбба. Этот запуск, если всё пройдёт, как запланировано, станет крупнейшим астрономическим событием за последние десятки лет – сравнимым по значимости с запуском телескопа Хаббла* (physħ – физика и космос. 06.10.2020. 13:10). В других случаях появление новых постов в ленте мотивируют появлением новости данным моментом: *Прямо сейчас продолжаем цикл об истории* (НаукаPRO. 09.08.2025. 14:09). *Только что* объявили лауреатов Нобелевской премии по физике. Роджеру Пенроузу за теорию чёрных дыр и Райнхарду Генцелю и Андреа Гез за открытие чёрной дыры в центре нашей Галактики. Неожиданно. Второй год подряд премию дают за астрофизику. Да и гравитационные волны от чёрных дыр были всего три года назад (physħ – физика и космос. 06.10.2020. 13:10). Приемы, указывающие на совместное адресанта и адресата проживание дней и тем более моментов, создают ощущение смышления, асимилируют адресата.

Для адаптации неподготовленной аудитории к получению научной информации автор дает указания проспективной связи между частями текста в противопоставлении периодов старого знания периоду нового, например: *Ученые выяснили, почему поют самки птиц. Новое исследование* (<https://www.nature.com/articles/s41467-025-60810-5>) основано на анализе ... *Долгое время считалось, что пение у птиц – это почти всегда мужская прерогатива... Однако еще в 2014 году вышло исследование, которое показало, что у самок многих видов тоже есть ... репертуар песен. В новой статье ученые уточнили, что чаще всего поют самки... удалось выяснить, что самки с помощью пения также могут привлекать...* (Редакция. Наука. 24.07.2025. 8:00). Номинации периода старого знания (*долгое время считалось*) противостоят номинация нового знания (*новое исследование, еще в 2014 году, в новой статье*). Логику обновления знаний о предмете речи раскрывают соединительные союзы *тоже* (*есть... репертуар*), также (*могут привлекать*), демонстрирующие прибавку знаний, глаголы с семантикой мысли *уточнили, удалось выяснить, изъяснительной конструкцией вышло исследование, которое показало*. Прояснение нового в открытиях и предъявление нового как самого важного, полезного и интересного – важная

сторона популяризации. Но связь между частями может быть ретроспективной, как напоминание прежде сказанного, например: *Физики впервые зафиксировали* (https://hightech.fm/2025/02/25/hydrogen-superfluid?io_source=tg) *сверхтекучесть водорода в наномасштабе. Эксперимент подтверждает теоретическое предсказание Виталия Гинзбурга, сделанное 50 лет назад* (Хайтек. 25.02.2025. 13:10).

Познавательную активность регулирует каскад вопросов-парцелятов, продвигающий денотат сообщения «по частям», будто каждый следующий фрагмент вопроса знаменует еще один «шаг» в познании. Вопросы помогают держать читателя в тонусе, следить за логикой изложения. Значимы в научно-популярном тексте вопросно-ответные комплексы, в том числе с вводными словами, напрямую апеллирующими к адресату, которые выступают важнейшим катализатором текстообразования в научно-популярных каналах, рассчитывающих увеличить число подписчиков, например: *Какие изменения в ДНК делают человеческий мозг способным породить разум? Что это за важнейшие мутации, фактически превратившие нас из обычных животных в людей? Вообще говоря, у человека и шимпанзе отличается совсем немного генов, – при этом внешность, интеллект, образ жизни, даже физиология отличаются очень сильно. Как так получается?* (Кот Шредингера. 18.02.2025. 11:29). Три парцелята-вопроса показывают логику постановки задач в проведенном исследовании, такая открытость не только позволяет следовать авторской логике, но и вызывает доверие адресата, потому что ход мысли становится явственным. Каскад вопросов, мобилизующий познавательную активность, в которых первый вопрос акцентирует внимание на предмете речи, последующие – проспективного характера, активизирует любознательность.

В научно-популярном блогинге ТК, в силу его тяготения к интимизации общения, чаще встречаются косвенные способы выражения побуждения.

Катализатором познавательной активности выступают потребности читателей в консультации или совете, так что совет стал распространенным речевым жанром в ТК, например: *Потрясающая работа, вам стоит это досмотреть до конца!* (Физика просто. 18.01.2023. 17:43); **ПОМОГИ НАУКЕ. Современные технологии позволили нам визуализировать... Поможем нейронаукам вместе, друзья, и узнаем самих себя лучше!** (НаукаPRO. 10.01.2023. 2:44). Активизируют мышление также проспективные конструкции связи с глаголами в форме 1-го л. мн. ч. в своем составе: *Так давайте же разберёмся подробнее, что из себя представляют различные типы молний* (НаукаPRO. 10.01.2023. 2:45). Косвенно побуждения к познавательной активности выражаются и с помощью модальных слов возможности, потребности, обращенные к адресату и стимулирующие у него активность: *И в этой связи... нужны рассказы читателей и зрителей о том, как ПостНаука повлияла на вашу академическую траекторию, например...* (ПостНаука. 13.11.2022); *Но для их отслеживания и классификации требуется помочь лучшего в мире инструмента трехмерного цифрового анализа – зрительной системы человека. И здесь может помочь каждый!*

(НаукаPRO. 10.01.2023. 2:44); «Системный Блокъ» запускает онлайн-мастерскую проекта... почтовых открыток. В коллекции... **интересные и редкие открытки, по которым можно изучать историю, культуру и коммуникации между людьми. Мы хотим разделить с вами те открытия**, которые делает команда проекта «Пишу тебе» (Системный Блокъ. 20.07.2021). В последнем примере наблюдается маркирование двух субъектов в речевом взаимодействии («мы» и «вы») как отождествление себя с адресатом, что создает впечатление межперсонального общения.

Прямые побуждения к познавательной активности встречаются нечасто: в них слишком категорично выражается иллютивное вынуждение, а потому обычно используются лишь в рекламных постах. Вместе со средствами, передающими переход к новой теме, указывающими на время, прошедшее вместе с подписчиком, средства подчеркивания логики показывают путь познания, преодолеваемый совместно с адресатом. Такие ситуации могут выступать атTRACTорами речевой адаптации адресата.

Предупреждение коммуникативного сопротивления адресата

Всякое сообщение, объяснение, презентация создаются в полемической коммуникативной среде. Оппоненты – это обязательная часть аудитории в медиакоммуникации. Совершенно резонно любые речевые практики в медиа должны использоваться с учетом коммуникативного сопротивления. В научно-популярных телеграм-блогах активны такие тактики, как предупреждение:

- заблуждений читателей;
- неточностей понимания;
- ошибок и возражений, реальных и гипотетических.

Взаимодействие при экспликации заблуждений и отказа от них строится полемично: *Что содержит меньше калорий: белый батон или мультизерновой хлеб? Многие выберут второе и ошибутся, потому что калорийность мультизернового хлеба выше, чем калорийность большинства привычных сортов <...> А чтобы не дать ввести себя в заблуждение, прочитайте нашу статью, которая развеет некоторые популярные мифы о питании* (Наука и жизнь. 14.10.2022. 16:25). Вовлечение в познание организуется опять же с помощью вопросно-ответной формы. При этом ответная часть ВОК развенчивает неправильное суждение, подкрепляя дополнительным аргументом (*потому что калорийность... выше*). На обещании продолжить научно обоснованное рассуждение (*не дать ввести себя в заблуждение, прочитайте*) строится следующий контактостанавливающий шаг – призыв познакомиться с новыми данными.

Заблуждение – это не только мифы, но и неосознаваемые ошибки научных интерпретаций. Противодействие таким ошибкам – это существенная часть информационной работы популяризатора. Приведем пример, показывающий необходимость в отказе от сделанных выводов: *Это видео с мурзьями, решающими головоломку лучше людей, уже несколько дней всюду*

публикуется под заголовком «Муравьи превзошли людей в тесте на коллективный интеллект» (<https://www.science.org/content/article/ants-best-humans-test-collective-intelligence>). *Вроде и не придерешься* – на видео муравьи **действительно** просовывают Т-образный объект через узкий проход быстрее группы людей. *Но значит ли это*, что у муравьев **лучшие** коллективный интеллект? *Нет, конечно*, – коллективы людей решают **несравненно более сложные задачи**, чем группы муравьев. Просто в этом исследовании (<https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2414274121>) **людям запретили издавать звуки и жестиколировать, и даже маски с солнечными очками на них надели, чтобы мимики не было видно**. А все наши коллективные успехи **основываются на коммуникации**. Муравьи же общались привычным способом (их коммуникация основана на феромонах, обмене химическими сигналами). *И сама задача была из тех узких задач, для которых интеллект муравьев идеально приспособлен* – тащить что-нибудь большое на базу в муравейник. *Ну а мы подобным занимаемся разве что* когда новую мебель в квартиру затаскиваем, – да и то не в больших группах (Кот Шредингера. 02.01.2025. 21:22). Как видим, автор не только отрицает правоту выводов, сделанных «третьим лицом» в ходе экспериментов, но и обосновывает свой отказ. Показательно, как обоснование разворачивается. Начинается с выражения сомнения: *вроде и не придерешься*, подтверждается еще раз очевидное (*действительно*), однако сомнение более ясно формулируется в виде вопроса: *Но значит ли это, что...* Построенный сложно-подчиненным предложением с придаточным изъяснительным косвенный вопрос, содержащийся в главной части, передает модальность сомнения в утверждении, высказанном в придаточной части. На модальность сомнения указывает прежде всего противительный союз в абсолютном начале вопросительной части. После прозвучавшего сомнения уверенное отрижение ошибочной интерпретации выглядит вполне резонно: *Нет, конечно...* Далее сообщаются ошибки, допущенные в ходе эксперимента, результатом которого стал ложный вывод: а) неверно поставленная тестовая задача: *несравненно более сложные задачи*, *И сама задача была из тех узких задач, интеллект муравьев идеально...* *Ну а мы подобным занимаемся разве что* когда новую мебель в квартиру затаскиваем, – да и то не в больших группах; б) неестественные условия проведения эксперимента: *людям запретили издавать звуки и жестиколировать, и даже маски с солнечными очками на них надели, чтобы мимики не было видно*. Муравьи же общались... Так происходит развенчание неверно истолкованных результатов экспериментов.

Для предупреждения неточности в понимании автор, как правило, детализирует пояснения, как в следующем примере: ...в нашу ловушку залетела стайка длиннохвостых синиц (*Aegithalos caudatus*). *На фотографии – только часть стайки – большие рука кольцевателя не вместила*. У всех синиц были на лапках **литовские кольца** с номерами, **идущими друг за другом** – то есть ополовники летели от Литвы не поодиночке (как абсолютное большинство мелких воробьиных), а вместе! (Биологово. 16.11.2022. 15:33). Автор поста дает пояснения подписчику, чтобы предупредить возможное

недопонимание последнего, если вдруг тот, глядя на фото птиц, не поймет деталей изображения, который автор считает важными: *только часть стайки, большие рука не вместила, на лапках кольца, пронумерованы друг за другом, то есть летели... не поодиночке, а вместе!* К принятию пояснений адресат подготовлен благодаря использованию служебных слов (*только, не, то есть*) и восклицательной конструкции. Благодаря фото, синонимия наименований объекта описания (*длиннохвостые синицы, (Aegithalos caudatus), ополовники, мелкие воробычные, длиннохвостики*) не вызывает вопросов у читателя, так что синонимы не требуют дополнительных дефиниций. Как видно из примеров, поддержанию контакта способствуют приемы управления зрительным вниманием адресата в комментариях к изображению, построенные с участием лексики зрительного восприятия (*смотреть, выглядеть*).

Предупреждению возражения способствуют средства противительной семантики, придающие изложению полемический характер: *Если вас спросят, какие звуки издают черепахи, то вы, скорее всего, ответите, что никакие. Но как оказалось, черепахи очень даже разговорчивые существа* (Наука и жизнь. 27.10.2022. 13:21). В этом примере автор старается предупредить не столько возражение, сколько равнодущие. Он диалогизирует текст, вводя вопрос от «третьего» лица неопределенно-личным условным придаточным предложением (*Если вас спросят*), на который «второй» участник – адресат – дает отрицательный ответ в гипотетическом модусе (*скорее всего*) с помощью отрицательного местоимения (*...никакие*). Адресат обозначен глагольно-местоименной формой 2-го л. (*вы ответите*). Возражение адресату вводится противительным союзом *но* как новое знание (на новизну указывает глагол субъективной модальности *оказалось*). Возражая, однако, автор подзадоривает адресата. На отрицательный ответ последнего о том, что черепахи не издают *никаких* звуков, выдвигает противоположное утверждение: *очень даже разговорчивые*. Как видим, возражение не просто презентовано прилагательным *разговорчивые*, но и усилено разговорным сочетанием «наречие степени + акцентирующая частица» *очень даже*.

Аналогично организуется коммуникация и в другом посте: *Мы привыкли, что молния всегда бьёт сверху вниз, однако это не всегда так. Обычно облака накапливают отрицательный заряд, а земля положительный, поэтому электроны, формирующие молнию, движутся сверху вниз. Но иногда бывает так, что облака могут быть заряжены положительно, и тогда молния может ударить из земли в небо. Такой феномен редкость, но никак не аномалия. Молнии, бьющие из земли в небо, наблюдаются во всех уголках планеты. На видео и фотоснимках эти молнии выглядят как самые обычные, только разветвления разряда идут не сверху вниз, а снизу вверх* (НаукаPRO. 10.01.2023. 2:45). В тексте две позиции – объясняющая новое, разрушающая стереотипы и привычна для сторонников укоренившегося знания (*мы привыкли*). Объясняя новое знание, автор разрушает устаревшую. Отсюда – большое число средств в тексте с противительным значением: *однако, не всегда так, но, редкость, но никак не аномалия, не..., а...*, которые пронизывают изложение, заряжая его полемичностью.

Для ответа на возражения блогеры используют даже особый вид постов – ответ комментаторам, где оппонент чаще всего представлен неопределенным предложением: *Меня тут в комментариях ругали* [в конструкции подчеркнута лишь форма выражения претензии *ругали*], что в ролике... *я не упомянул ни разу* дефект массы и что называл это непонятно как... Негативный отзыв о блогере мотивирован не только претензиями к содержанию (аргумент выражен двойным отрицанием *не упомянул ни разу*), но и неудовлетворенностью формой выражения (*называл это непонятно как*). *А знаете, какой самый частый вопрос, когда человек не знаком с вопросом, но хочет понять суть проблемы?* Любопытно, что о недопонимании подписчиками сути предмета речи блогер говорит уклончиво, смягчая модальность выражения (*человек не знаком с вопросом, но...*), положительное начало (*хочет понять суть проблемы*) выносит в акцентное поле – на конец высказывания. Ставится вопрос, содержащий проблему (*Почему деление ядра вообще создает дефект массы?*), а далее проблемная неопределенность обосновывается: *Ведь кажется, что две половинки сломанного кирпича будут иметь ту же массу, что и целый кирпич.* Затем, продолжая разговор, блогер «дает себе разрешение» указать на ошибку комментаторов, указание вводит конструкцией, содержащей личностно-ориентированное модальное слово «нужно + инфинитив»: *И здесь нужно отметить, что не просто разбиваете атом, как кирпич. Вы разрываете связи, удерживающие эти ядерные частицы вместе. Мы называем эти связи связующей энергией.* Автор исправляет ошибку комментаторов с помощью ограничительно-противительной конструкции *не просто разбиваете атом – разрываете связи, удерживающие ядерные частицы...*, но сохраняет полемическую модальность строго в рамках вектора коммуникации «вы–мы». Итог вводится рефлексивной фразой: *В итоге можно было бы кратко сказать, что масса ядра = масса компонентов + масса связывающей энергии...* (Дебри физики. 28.01.2025. 14:19).

Как видим, когда обращаемся к анализу целого текста, наблюдаем взаимодействие всех перечисленных приемов: это и контактuoстановление, активизация мыслительной деятельности, предостережение от ошибок, создание эмоциональных предпосылок для принятия к сведению сообщаемой информации, воодушевление. В условиях ТК наблюдается подчеркнутое стремление сохранять комфортность общения даже в полемике, где необходимо говорить об ошибках адресата. Адресат не называется прямо, за ошибки не пеняют, а их объясняют.

Обеспечение эмоционального комфорта коммуникации

Поддержка положительного познавательного настроя у адресата при получении новой научной информации способствуют интеллектуальные эмоции (интереса, сомнения, догадки, удивления). Демонстрация эмоционального расположения адресанта к адресату, обеспечения комфорта в общении реализуется речевыми тактиками, помогающими:

- поддержать любопытство и любознательность;

- продемонстрировать открытость автора к читателю;
- показать дружеское соучастие адресата в ежедневном познании.

Поддержке любопытства способствуют эмотивы, косвенно обращенные к адресату, в таком случае они воодушевляют, поддерживают адресата, как, например, во фрагменте: *раньше создать фотографию было не так-то просто, как сейчас. ...Это весьма интересный и увлекательный процесс* (Химия – Просто. 27.03.2022) – эмотивные лексемы «интересный» и «увлекательный процесс», содержащие похвалу какой-то активности, выражают интенцию побуждения к одобряемому действию.

Поддержке любознательности способствуют разного рода изображения изучаемого объекта: видео, фотография, рисунок, схема, таблица и т.п. Среди них чаще всего встречаются такие, которые вызывают вопросы и которые по ходу объяснения блогер оценивает необычность изображенного, чаще всего эстетическую привлекательность или загадочность: *Принесли вам картинку дня, полюбуйтесь, какая прелесть! Здесь изображено интересное предположение о внешнем виде экзопланеты LHS 475 b. Кстати, автор этого шедевра – искусственный интеллект. Выглядит весьма правдоподобно* (отказ от сомнений), да? (Хайтек. 26.01.2023. 9:32). В утренних постах с изображением восходящего солнца совмещается передача новой информации и приветствие начала дня. Совмещение эстетических оценок (*шедевр, прелесть*) и положительно окрашенных интеллектуальных эмотивов (*интересное*), напрямую обращенных к читателю (местоименно-глагольные формы 2-го л. *вам, полюбуйтесь, восклицание какая прелесть!* и вопрос в сегментированной части *да?*) закрепляет интерес к блогу и поддерживает эмоциональный комфорт при знакомстве с лентой сообщений. Внедрение изображений в посты новостных лент обеспечивает, наряду с сохранением интереса к ленте, лаконизм и доступность изложения, что в свою очередь способствует поддержке эмоционального комфорта: многословие делает изложение тяжеловесным, иногда нудным. Изображения, конечно, облегчают путь познания, по крайней мере там, где это возможно. Ясно, что фундаментальность с внедрением тенденции к лаконизму и изобразительности в изложении исчезает.

Стимулированию заинтересованности в получении знаний могут способствовать объединения положительных оценок разных семантических классов, показывающие остроту сопровождающих познание эмоций: *Химия – это сложно, но только посмотрите, как красиво! Коллеги из Самарского университета сняли совершенно потрясающие видео, приоткрывающие красоту науки* (Наука и жизнь. 21.10.2022) – вовлекают в коммуникативное сотрудничество адресата. В данном примере визуальный компонент получает интеллектуальную (*сложно*), эстетическую (*красиво, красота*) и эмоциональную (*потрясающие*) оценки. Восклицательной конструкцией, в заряде которой частица, оценки усиливаются. Еще примеры использования эмоциональных оценок: *...даманы! ...Замечательны не только несколько потешным внешним видом, но и тем фактом, что они родственники слонов... А ещё они, оказывается, лазают по деревьям, что повергло меня в*

полный восторг! (Биологово. 30.12.2022. 18:01); *Классическая уже фотография, но вдруг кто-то не видел такой красоты – планктон в капле морской воды, увеличенной в 25 раз* (Кот Шредингера. 17.11.2022. 12:29). Восхищение – чувство, которое сопровождают исследование, например: *Кажется, у кубиков Lego есть достойный конкурент!* Это семена растения под названием Якорцы стелющиеся (из комментария к фото – Funscience. 19.12.2022. 14:20). Восхищение усилено восклицательными конструкциями, которые содержат частицу соответствующей семантики (*как*), общей положительной оценкой (*достойный*).

Заинтересовать в получении знаний возможно демонстрацией эмоциональной открытости, которая проявляется, в частности, при ознакомлении адресата с объектом научных наблюдений: *В один из погожих октябряских деньков в нашу ловушку залетела стайка длиннохвостых синиц ...* (Биологово. 16.11.2022. 15:33). Другой пример: *Взяли япондеские товарищи из Koushi Chemical Industry и вместе с одной предпримчивой деревенькой (исторически занимавшейся промыслом морских гребешков) решили-таки, куда пристроить кучи неиспользованных раковин...* (Funscience. 11.01.2022. 15:30) – в этом примере диминутив вкупе с разговорным окказионализмом япондеские придает предложению ироничный оттенок сниженности, разговорности, снимающей официальность. Следующие примеры из постов этих же каналов: *А это – даманы. Смешные зверушки размером с енота, обитающие в Африке и Азии* (Биологово. 30.12.2022. 18:01); *Посмотрите, какие милашки!* ...*Это семена растения под названием Якорцы стелющиеся* (из комментария к фото – Funscience. 19.12.2022. 14:20) – диминутивы выражают умиление, которое вызывают объекты научного изучения. Приступе диминутивам дополнительные значения умиления и ласкальности в тексте, показывающем жизнь «братьев наших меньших», выражают другие единицы, например: *А вы знали, что все панды являются собственностью КНР? Ни один зоопарк и тем более частное лицо не может купить это милейшее создание, а только взять в аренду. Стандартная плата всего-то 1 млн долларов США. А еще панда хоть и плюшевая ми-ми-ми, но способна дать достойный отпор при нападении на нее. Более того, известны случаи нападения этого медведя-вегетарианца на человека. Кстати, в КНР предусмотрена смертная казнь за убийство панды. Имейте в виду* (Techinsider. 09.01.2023. 13:07). Умиление – часть того удовольствия, которое получают ученые в ходе исследовательской работы, но оно выражается только там, где это допускает этикет. Подобная стилистика изложения принимается не во всех каналах, поскольку диминутивы придают речи сниженность, снимают неофициальность, мешают объективности, требуемой для информационного научного изложения.

Эмоционально окрашенные междометия, частицы, приближенные разговорной речи, привносят в изложение интимизацию: ...*Астрономы из Мерилендского университета хотели изучить небольшие трансформации относительно спокойных галактик, а в итоге нашли шесть объектов*, которые

в считанные месяцы превратились из *спокойных* галактик в *активные* квазары. *Ух!* (Блуждающий нерв. 19.09.2019. 10:53), или сочувствие: *Ох...* скончался Валерий Рубаков (: (physħ – физика и космос. 19.10.2022. 13:51). По сообщению китайских исследователей (<https://advanced.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/advs.202509404>), им удалось создать самоочищающееся стекло. <...> Эффективность очистки при этом доходит до 97,5% всего за 10 секунд. <...> По предложению разработчиков, такое стекло можно использовать, например, на небоскрёбах, солнечных станциях в пустынях <...>. Что ж, похоже технологии готовы избавить нас ещё от одного «любимого» пункта генеральной уборки: «помыть окна». *Хоть бы, хоть бы...* (НаукаPRO. 19.08.2025. 16:59). Своей стилистикой эти языковые средства уравнивают коммуникативные позиции адресанта и адресата, эмоционально сближают участников общения в научно-популярном телеграм-канале.

В других случаях перед читателем открывается эмоциональное состояние автора, что достигается комплексом эмотивных средств, например: [пост дан в сокращении] *Окаменелость птицы возрастом 120 миллионов лет из Китая имеет некоторые довольно необычные* [слово – «след» эмоции интереса] *динозавроподобные черты, включая странный* [слово – «след» эмоции удивления] *череп, похожий на* [выражение предположения] *череп Тираннозавра. Недавно описанный образец ранее неизвестного вида даёт учёным представление о том, как птицы завершали...* Однако как именно птицы произошли от остальных теропод, *до сих пор до конца неясно...* [сомнение]. *Возраст окаменелости предполагает, что С. zhui, вероятно* [сомнение], *появился где-то* [сомнение] *между самой ранней известной птицей, археоптериксом, жившей около 150 миллионов лет назад в юрский период, и орнитотораками* (лат. *Ornithothoraces*), *группой эпохи динозавров, которая уже* *развила* *многие* *черты современных птиц* (НаукаPRO. 12.01.2023. 10:09) – на протяжении текста мы наблюдаем смену интеллектуальных чувств – интереса, удивления, сомнения, догадки, – так сближаются позиции коммуникантов и решается важная для успешной коммуникации задача: «эмоциональная открытость» повествователя вызывает доверие читателя и создает эмоциональный настрой на последующее продолжение контакта с телеграммером.

Есть не только внутритекстовые, но и текстовые способы поддержки у подписчиков положительного эмоционального настроя на коммуникацию. Иногда телеграммер целиком посвящает тост праздничному дню, дружески вовлекая своих единомышленников в празднество. Например, предлагает в день своего рождения получить положительные эмоции от соучастия в знакомстве с природой: *Пожалуйста, совершите* *какое-то* *доброе* *дело. Обнимите* *лишний* *раз* *близких. Пожертвуйте* *в фонд*, *которому доверяете. Скажите комплимент* *продавщице* *в магазине. Подарите* *другу* *шоколадку* (Биологово. 09.06.202. 14:02). В другой ленте телеграммер шлет поздравление всем, дополнив стандартные поздравительные формулы эмоциональным призывом, украсив его яркой красочной открыткой или гиф-видео: *С Праздником, дорогие друзья!* Желаем вам крепкого здоровья, счастья, сил на новые свершения и прекрасного настроения! *Давайте же*

оставим все проблемы и трудности 22-го года в 22-м году, а Новый, 2023 Год, встретим с распластёртыми объятиями и бокалом чего-нибудь вкусного! (Химия – Просто. 31.12.2022. 23:59).

В третьем случае поздравительный пост сопровождает фото телеграмм, находящихся в химической лаборатории: *Дорогие подписчики! Поздравляем вас с Новым годом и желаем вам интересных открытий, увлекательных экспериментов и удачных опытов, поменьше токсичных душин и побольше полезных контактов!* (Невероятная химия. 01.01.2023. 00:01). В четвертом случае ниже традиционной новогодней открытки располагают текст: *Сегодня наша планета завершит ещё один оборот вокруг Солнца. Двойка в календаре сменится на тройку, декабрь – на январь, отзовенят куранты и бокалы, а наши врачающиеся каменный шар полетят вместе с нами дальше по орбите сквозь тьму Галактики. ...Надеемся, что Новый год принесёт всем нам больше интересных событий из мира науки. Астрономы продолжат взглядываться в глубь Вселенной, биологи – разбираться, как устроена жизнь, археологи – изучать наше прошлое, физики и химики – создавать наше будущее. А мы в редакции вместе с нашими авторами продолжим рассказывать вам о самых интересных, важных и просто любопытных открытиях, находках и изобретениях* (Наука и жизнь. 30.01.2022. 21:44).

Обращение, адресация, поздравление, восторженные и патетические (как во втором примере), деловые и с добавлением юмора (вызванным, как в третьем примере, напоминанием о «токсичных душинах») пожелания, выражение надежд, призывы к добрым поступкам, благодарности за совместную работу, яркое, красочное сопровождение этих постов изображениями формируют праздничное настроение, напоминают о доброте как о норме социального взаимодействия и совместной творческой работы и формируют теплую, дружелюбную атмосферу общения в научно-популярных каналах. Но нельзя не учитывать, что эмоции заряжают позитивной энергией, помогающей мобилизовать мышление и организовать творческую деятельность, поэтому вполне закономерно, что поддержка эмоционального настроя в коммуникации – существенная часть речевой адаптации к адресату в научно-популярном тексте.

Результаты анализа

Как показало исследование, речевая адаптация адресанта к массовой аудитории является важнейшей характеристикой постов в научно-популярной медиакоммуникации. Речевая адаптация включает две стороны: аккомодацию текста к возможности знакомиться с ним пользователю в смартфоне с экраном 6,7 дюйма и одновременно ассилиацию, т.е. приспособление с помощью отбора речевых приемов и средств к возможностям читателя, чтобы достичь своих коммуникативных целей. Установлено, что речевая адаптация в научно-популярной медиаречи – это речевая системность, которая включает отбор и взаимодействие речевых тактик, приемов и

средств, отображающих авторское приспособление текста к формату медиа и к его восприятию массовой аудиторией. Речевые тактики, приемы и средства выступают в ходе адаптации *регуляторами, которые способствуют организации речемыслительного поведения адресата в нужных автору направлениях*. Блоги, речевые особенности которых организованы взаимодействием адаптирующих тактик, приемов и средств, выступают аттракторами, интегрирующими те состояния, явления и процессы, которые приводят к адаптации. Таким образом, медиалингвистический дискурсный анализ (построенный на основе методов наблюдения, анализа и синтеза, сравнения, сопоставления, типологии) показывает, как под влиянием детерминантов и речевых регуляторов воздействия формируется адаптирующая гибкость и пластичность популяризации как коммуникативного процесса.

Детерминантами речевой адаптации выступают: необходимость пристройки формы текста к формату медиа, потребности во включении адресата в предлагаемые блогером коммуникативные связи, в выстраивании речемыслительной активности адресата по определенной автором траектории, внейтрализации коммуникативного «сопротивления» адресата-неспециалиста, в стремлении преодолеть эмоциональное отчуждение и дезинтеграцию в отношениях с адресатом. «Узлами» коммуникативного скрепления с адресатом выступают группы средств, способствующие: а) пристройке формы текста к формату медиа; б) установлению коммуникативной связи участников взаимодействия; в) стимулированию речемыслительной деятельности адресата по «пропущенным» специальными маркерами «тропам»; г) устранению в речи рисков непонимания и возражений; д) поддержке эмоционального комфорта в ходе получения новой научной информации (таблица).

Влияние детерминантов на адаптирующую речевую деятельность в научной популяризации

Детерминанты речевой адаптации	Тактики регуляции речевой адаптации
Необходимость пристройки формы текста к формату мессенджера	Пристройка функций, объема, функционально-смысовых типов речи к формату медиа
Потребность в обеспечении включенности адресата-неспециалиста в предлагаемые блогером модели коммуникативных связей	Установление контакта между всеми участниками коммуникации для организации в телеграм-канале полилога
Желательность выстраивания мыслительной активности адресата по определенным автором траекториям	Стимулирование познавательной активности адресата-неспециалиста в соответствии с логикой мыслительной активности автора
Необходимость устранения противоречий понимания	Предупреждение «сопротивления» адресата – несогласия, ошибок, непонимания
Стремление преодолеть отчуждение и дезинтеграцию в отношениях с адресатом, его неуверенность, тревоги и страхи	Демонстрация эмоционального расположения адресанта к адресату, обеспечения комфорта в общении

В ходе анализа способов регуляции адаптационных процессов приходим к выводу, что автор научно-популярных блогов выступает организатором в мессенджере для каждого подписчика коммуникации, аккомодирующей к формату мессенджера и адаптирующей к описанию канала, получения приглашения и присоединения к каналу и с установления адресатом контакта с другими участниками – популяризатором, исследователем, добывающим знания. Адресата знакомят с ролью каждого в этом путешествии. Автор (администратор) канала следит за поддержкой коммуникативной связи между всеми участниками, демонстрируя адресату заинтересованность в поддержании связи с ним. Блогер регулирует внимание читателей, ведет его в направлении, открытом и рекомендованном наукой, неоднократно указывает на соответствие содержания текста информационным интересам подписчиков. Опасаясь, что читатель может не понять в каких-то случаях текст, возразить, ошибиться или «заскучать», инициатор коммуникации стремится опровергнуть оппонентов, еще раз объяснить, вызвать доверие, удостоверяя правильность своих выводов изображениями и ссылками на авторитеты, удивить и поразить адресата. Чтобы читатель находился в условиях эмоционального комфорта, блогер стремится к открытости, показывая, сколько радости и удовольствия приносит исследователю успех в решении научных проблем, в достижении поставленных ученым целей.

Добиваясь коммуникативной целеустановки, автор использует правила и традиций письменной научной речи, поэтому в постах встречаются термины, функционально-смысловые типы и средства научной речи: описание и объяснение предмета речи, подчеркивание логики изложения, регуляция внимания читателя. Но стремясь средствами эмотивности поддержать любознательность и интерес адресата к общению, адресант применяет имеющиеся в устной речи средства адресованности и контактоустановления, преобразуя их под формат письменной речи. Преобразование способов и средств организации устной речи в письменную для поддержки более тесного контакта с адресатом, употребление характерных для разговорно-бытовой сферы этикетных речевых жанров, существенный рост средств разговорной речи способствуют интимизации изложения, снижению официальности, внесению непринужденности в общение. Так блогеры способствуют приспособлению своей речи к уровню подготовки, к возможностям восприятия, к настроению адресата. Так уравниваются коммуникативные позиции автора и адресата, а путешествие по «дороге познания» проходит успешно и продуктивно.

Заключение

Интерес к телеграм-блогингу, играющему все большую роль в качестве средства массовой информации, обусловлен прежде всего тем, что в настоящий момент именно здесь происходит изменение речевых норм социального взаимодействия. Наш анализ речевых техник адаптации в новом типе медиакоммуникации позволил установить, каким образом осуществляется

популяризация научных знаний в лентах указанного мессенджера. Раскрыт репертуар типовых для общения в блогах мессенджера аттракторов – адаптирующих ситуаций речевого взаимодействия, оформленных «линией регуляторов ассилияции» адресанта к адресату, благодаря чему стало ясно, что новые речевые технологии в медиа формируются под влиянием адаптивных приемов коммуникации и все чаще мобилизуют языковые средства, которые используются в непринужденном, повседневном общении – это приемы придания речи непринужденности, интимизации, смысления, совместного переживания интеллектуальных эмоций.

В мессенджере Telegram сформировалась своеобразная речевая технология личностроиющего воздействия за счет процессов аккомодации к формату медиа и ассилияции к адресату. Аккомодация осуществляется изменением исходного текста в сообщения-посты, размещаемые в ленте канала. Этому способствуют визуализация, сокращение и сжатие исходного текста, перестройка типа речи из рассуждения в новости, построенные в разных паттернах. В научно-популярной коммуникации автор информирует, объясняет, консультирует, помогает учиться, напоминает о выдающихся открытиях, продвигает и, просвещая, развлекает. Однако в речевом отборе речевых тактик, приемов и средств он стремится к ассилияции адресата – к смене своего доминирующего положения инициатора общения и более осведомленного человека на равноправный. Стремление к уравниванию коммуникативного статуса автора со статусом адресата и обеспечивает второму лицу статус полноправного коммуникатора, от которого ждут коммуникативного участия. Вовлечение в диалог осуществляется через возможность комментариев, лайков, т.е. организацию такого полилога, в котором принимают участие по крайней мере трое (Я–Он–Вы). Способствуют такой перестройке содействие навигации в гипертекстуальном пространстве, приглашение к совместной интеллектуальной работе, нейтрализация коммуникативных угроз (ответом на возможные возражения, предупреждением слушающих непонимания материала, возникающих в ходе познания), поддержка эмоционального комфорта и активизация интереса к предмету речи, а также стимулирование любознательности читателя. Речевая адаптация к читателю в телеграм-блогинге свидетельствует о переводе научной популяризации из социально ориентированной в личностроиющей ориентированную. Так научная популяризация в блогинге Telegram становится частью культуры повседневности современного человека.

Список источников

1. Абдрахманов Д.В. Блокировка Telegram в России: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 35–38.
2. Гунзынов Ж.П. Информационные каналы в мобильных мессенджерах: философский анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. № 2. С. 61–67.
3. Дорохин В.Н. Феномен политических Telegram-каналов как инновационных цифровых СМИ в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 1. С. 103–105.

4. *Мокрая Е.А.* Telegram-канал как платформа для политической коммуникации // *Русская политология*. 2018. № 4 (9). С. 62–66.
5. *Иванов Д.С.* Агрегация политических слухов в мессенджере Телеграм: опыт Волгоградской области 2018 года // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2019. № 12–2 (90). С. 156–158.
6. *Андрянова С.С., Веретено А.А.* Использование мессенджера Telegram для продвижения бренда // *Economics*. 2018. № 3 (35). С. 54–57.
7. *Михно С.В., Абенова С.К., Берглицкая Л.А.* Использование мессенджера для реализации технологии электронного обучения в вузе // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2019. № 6–2 (50). С. 52–56.
8. *Горошко Е.И., Землякова Е.А.* Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // *Жанры речи*. 2017. № 1 (15). С. 92–100.
9. *Дускаева Л.Р.* Медиацанры в мессенджере // *Медиалингвистика в терминах и понятиях*. М. : Флинта, 2018. С. 397.
10. *Дускаева Л.Р.* Речевая организация метатекста телеграм-поста // *Вестник Московского университета*. Сер. 10. *Журналистика*. 2023. № 1 (48). С. 35–60.
11. *Дускаева Л.Р., Иванова Л.Ю.* Лингвокреативность в создании паратекста телеграм-канала // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. № 20 (1). С. 40–60. doi: 10.21638/spbu09.2023.103
12. *Иванов А.Д.* Чат-бот в Telegram и ВКонтакте как новый канал распространения новостей // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2016. № 3 (1). С. 126–132.
13. *Коняева Ю.М., Шифф В.К.* К проблеме выявления речевых маркеров классификации научно-популярных медиатекстов // *Медиалингвистика*. 2024. № 11 (4). С. 402–432.
14. *Кушнерук С.Л.* Фреймирование предвыборной политической ситуации в дискурсе телеграм-канала // *Медиалингвистика*. 2022. № 9 (3). С. 220–236. doi: 10.21638/spbu22.2022.304
15. *Capella J.N.* Vectors into the Future of Mass and Interpersonal Communication Research: Big Data, Social media and Computational Social Science // *Human Communication Research*. 2018.
16. *Седов К.Ф.* Структура устного дискурса и становление языковой личности: грамматические и прагмалингвистические аспекты. Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998.
17. *Мороденко Е.В.* Социально-психологическая адаптация и дезаптация в процессе социализации личности // *Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin)*. 2009. Вып. 8 (86). С. 108–111.
18. *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.
19. *Философские* проблемы теории адаптации / ред. А.Б. Георгиевский и др. М., 1975.
20. *Капица С.И.* Понятие социальной адаптации в социологии // *Вестник Чувашского университета*. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 4. С. 204–209.
21. *Ольшанский Д.В.* Адаптация социальная // *Философский энциклопедический словарь* / ред. кол.: С.С. Аверинцев и др. М., 1989.
22. *Корель Л.В.* Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс. Регион. Экономика и социология. 2007. № 1. С. 169–185.
23. *Борисова О.С.* Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятия носителей: на материале лексики русского и китайского языков конца XX – начала XXI в. : дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2009.
24. *Брыгина А.В.* Лингвистические принципы адаптирования художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
25. *Станиславский А.Р.* Адаптация и перевод: языковое посредничество // *Гуманитарные научные исследования*. 2015. № 8. URL: <https://human.snauka.ru/2015/08/12209> (дата обращения: 14.07.2025).

26. Ростовцева М.В. Философские аспекты социальной адаптации в процессе становления и развития личности : дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2017.
27. Корель Л.В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион. Экономика и социология. 2007. № 1. С. 169–185.
28. Каменская Н.В. Фонетическая и морфологическая адаптация латинизмов-субстантивов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.
29. Чжоу Цзяи. Формальная адаптация заимствований в русском языке XIX века (на материале написаний слов в корпусе текстов А.С. Пушкина) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
30. Дьякова А.А. Интердискурсивная адаптация текста : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
31. Первухина С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2015.
32. Войнич И.В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.
33. Соколова М.С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
34. Дускаева Л.Р. Популяризация научных знаний в медийной среде: речевые стратегии // Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые техники / под науч. ред. Л.Р. Дускаевой ; отв. ред. Е.В. Выровцева. СПб. : Медиапапир, 2023. С. 57–67.
35. Дускаева Л.Р. Речевая организация метатекста постов в телеграм-канале // Вестник Московского государственного университета. Серия X. Журналистика. 2023. № 1 (48) С. 30–64.

References

1. Abdurakhmanov, D.V. (2018) Blokirovka Telegram v Rossii: konstitutsionno-pravovoy aspekt [Blocking Telegram in Russia: constitutional and legal aspect]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 7. pp. 35–38.
2. Gunzynov, Zh.P. (2020) Informatsionnye kanaly v mobil'nykh messendzherakh: filosofskiy analiz [Information channels in mobile messengers: a philosophical analysis]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 61–67.
3. Dorokhin, V.N. (2019) Fenomen politicheskikh Telegram-kanalov kak innovatsionnykh tsifrovых SMI v Rossii [The phenomenon of political Telegram channels as innovative digital media in Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universitetata. Seriya: Filologiya. Zhurnalistikha*. 1. pp. 103–105.
4. Mokraya, E.A. (2018) Telegram-kanal kak platforma dlya politicheskoy kommunikatsii [Telegram channel as a platform for political communication]. *Russkaya politologiya*. 4 (9). pp. 62–66.
5. Ivanov, D.S. (2019) Agregatsiya politicheskikh slukhov v messendzhere Telegram: opyt Volgogradskoy oblasti 2018 goda [Aggregation of political rumors in the Telegram messenger: the experience of the Volgograd region in 2018]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 12–2 (90). pp. 156–158.
6. Andriyanova, S.S. & Vereteno, A.A. (2018) Ispol'zovanie messendzhera Telegram dlya prodvizheniya brenda [Using the Telegram messenger for brand promotion]. *Economics*. 3 (35). pp. 54–57.
7. Mikhno, S.V., Abenova, S.K. & Berzhitskaya, L.A. (2019) Ispol'zovanie messendzhera dlya realizatsii tekhnologii elektronnogo obucheniya v vuze [Using a messenger to implement e-learning technology at a university]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*. 6–2 (50). pp. 52–56.
8. Goroshko, E.I. & Zemlyakova, E.A. (2017) Poliformatnyy messendzher kak zhanr 2.0 (na primere messendzhera mgnovennykh soobshcheniy Telegram) [Polyformat messenger as genre 2.0 (based on the instant messaging service Telegram)]. *Zhanry rechi*. 1 (15). pp. 92–100.

9. Duskaeva, L.R. (2018) *Mediazhanry v messendzhere* [Media genres in messenger]. In: *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh* [Media Linguistics in Terms and Concepts]. Moscow: Flinta.
10. Duskaeva, L.R. (2023) Rechevaya organizatsiya metateksta telegram-posta [Speech organization of a Telegram post's metatext]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1 (48). pp. 35–60.
11. Duskaeva, L.R. & Ivanova, L.Yu. (2023) Lingvokreativnost' v sozdanii parateksta telegram-kanala [Linguistic creativity in creating a Telegram channel's paratext]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 20 (1). pp. 40–60. doi: 10.21638/spbu09.2023.103
12. Ivanov, A.D. (2016) Chat-bot v Telegram i VKontakte kak novyy kanal rasprostraneniya novostey [Chatbot in Telegram and VKontakte as a new channel for news distribution.]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. 3 (1). pp. 126–132.
13. Konyaeva, Yu.M. & Schiff, V.K. (2024) K probleme vyyavleniya rechevykh markerov klassifikatsii nauchno-populyarnykh mediatekstov [On the problem of identifying speech markers for classifying popular science media texts]. *Medialingvistika*. 11 (4). pp. 402–432.
14. Kushneruk, S.L. (2022) Freymirovanie predvybornoy politicheskoy situatsii v diskurse telegram-kanala [Framing the pre-election political situation in the discourse of a Telegram channel]. *Medialingvistika*. 9 (3). pp. 220–236. doi: 10.21638/spbu22.2022.304
15. Capella, J.N. (2018) Vectors into the future of mass and interpersonal communication research: big data, social media and computational social science. *Human Communication Research*. 4 (43). pp. 545–558.
16. Sedov, K.F. (1998) *Struktura ustnogo diskursa i stanovlenie yazykovoy lichnosti: grammaticheskie i pragmalingvisticheskie aspekty* [The Structure of Oral Discourse and the Formation of Linguistic Personality: Grammatical and Pragmalinguistic Aspects]. Saratov: Saratov State Pedagogical University.
17. Morodenko, E.V. (2009) Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya i dezaptatsiya v protsesse sotsializatsii lichnosti [Social and psychological adaptation and disappointment in the process of personality socialization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (TSPU Bulletin)*. 8 (86). pp. 108–111.
18. Shibusi, T. (1969) *Sotsial'naya psichologiya* [Social Psychology]. Moscow: Progress.
19. Georgievskiy, A.B. et al. (eds) (1975) *Filosofskie problemy teorii adaptatsii* [Philosophical Problems of Adaptation Theory]. Moscow: Mysl'.
20. Kapitsa, S.I. (2009) Pomyatiye sotsial'noy adaptatsii v sotsiologii [The concept of social adaptation in sociology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"*. 4. pp. 204–209.
21. Ol'shanskiy, D.V. (1989) Adaptatsiya sotsial'naya [Social Adaptation]. In: Averintsev, S.S. et al. (eds) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
22. Korel', L.V. (2007) Arkhitektonika adaptivnykh mekhanizmov sotsial'nykh sistem: sotsiologicheskiy diskurs [Architectonics of adaptive mechanisms of social systems: sociological discourse]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya*. 1. pp. 169–185.
23. Borisova, O.S. (2009) *Adaptatsiya inoyazychnoy leksiki v sisteme yazyka i vospriyatiyu nositeley: na materiale leksiki russkogo i kitayskogo yazykov kontsa XX – nachala XXI v.* [Adaptation of foreign-language vocabulary in the language system and native speakers' perception: based on the vocabulary of Russian and Chinese in the late 20th – early 21st centuries]. Philology Cand. Diss. Biysk.
24. Brygina, A.V. (2005) *Lingvisticheskie printsipy adaptirovaniya khudozhestvennogo teksta* [Linguistic principles of literary text adaptation]. Philology Cand. Diss. Moscow.
25. Stanislavskiy, A.R. (2015) Adaptatsiya i perevod: yazykovoe posrednichestvo [Adaptation and translation: language mediation]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 8. [Online] Available from: <https://human.snauka.ru/2015/08/12209> (Accessed: 14.07.2025).

26. Rostovtseva, M.V. (2017) *Filosofskie aspekty sotsial'noy adaptatsii v protsesse stanovleniya i razvitiya lichnosti* [Philosophical aspects of social adaptation in the process of personality formation and development]. Philosophy Dr. Diss. Krasnoyarsk.
27. Korel', L.V. (2007) *Arkhitektonika adaptivnykh mekhanizmov sotsial'nykh sistem: sotsiologicheskiy diskurs* [Architectonics of adaptive mechanisms of social systems: sociological discourse]. *Region. Ekonomika i sotsiologiya*. 1. pp. 169–185.
28. Kamenskaya, N.V. (2003) *Foneticheskaya i morfologicheskaya adaptatsiya latinizmov-substantivov v russkom yazyke* [Phonetic and morphological adaptation of Latin nouns in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tambov.
29. Chzhao, Tsz. (2021) *Formal'naya adaptatsiya zaimstvovaniy v russkom yazyke XIX veka (na materiale napisaniy slov v korpusse tekstov A. S. Pushkina)* [Formal adaptation of borrowings in the Russian language of the 19th century (based on the spellings of words in the corpus of A.S. Pushkin's texts)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
30. D'yakova, A.A. (2009) *Interdiskursivnaya adaptatsiya teksta* [Interdiscursive adaptation of text]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
31. Pervukhina, S.V. (2015) *Strukturno-semanticheskie i diskursivno-pragmaticheskie kharakteristiki adaptirovannogo teksta* [Structural-semantic and discursive-pragmatic characteristics of adapted texts]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
32. Voynich, I.V. (2010) *Strategii lingvokul'turnoy adaptatsii khudozhestvennogo teksta pri perevode* [Strategies for linguocultural adaptation of literary texts in translation]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
33. Sokolova, M.S. (2012) *Adaptatsiya k sobesedniku v protsesse mezhlichnostnoy kommunikatsii* [Adaptation to the interlocutor in interpersonal communication]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
34. Duskaeva, L.R. (2023) *Populyarizatsiya nauchnykh znanii v mediynoy srede: rechevye strategii* [Popularization of scientific knowledge in the media environment: speech strategies]. In: Vyrovtseva, E.V. (ed.) *Pred"yavlenie nauchnogo znaniya v dialogue media: konteksty, tekhnologii i yazykovye tekhniki* [Presentation of scientific knowledge in media dialogue: contexts, technologies, and language techniques]. Saint Petersburg: Mediapapir. pp. 57–67.
35. Duskaeva, L.R. (2023) *Rechevaya organizatsiya metateksta postov v telegram-kanale* [Speech organization of the metatext of posts in a Telegram channel]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya X. Zhurnalistika*. 1 (48). pp. 30–64.

Информация об авторе:

Дускаева Л.Р. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: l.duskaeva@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.R. Duskaeva, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of Media Linguistics, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: l.duskaeva@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 18.08.2025;
approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*

Научная статья
УДК 050
doi: 10.17223/19986645/97/15

Краеведческая тематика в томских периодических изданиях В.А. Долгорукова (1895–1906)

Иван Александрович Такмянин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, ivan.takmyanin@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены издания, которые выпускал в Томске бывший князь Всеволод Алексеевич Долгоруков: «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1899–1901), ежемесячный журнал «Сибирский наблюдатель» (1901–1906) и др. В них публиковались различные материалы, связанные с географическими описаниями, статистическими данными, художественные произведения, а также иллюстрации. Сделан вывод, что это тематическое направление в изданиях Долгорукова можно считать краеведческим.

Ключевые слова: В.А. Долгоруков, краеведческая тематика, краеведение, «Дорожник по Сибири и Азиатской России», «Сибирский наблюдатель», периодические издания, Томская губерния

Для цитирования: Такмянин И.А. Краеведческая тематика в томских периодических изданиях В.А. Долгорукова (1895–1906) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 322–337. doi: 10.17223/19986645/97/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/15

Local history topics in Tomsk periodicals published by Vsevolod Dolgorukov (1895–1906)

Ivan A. Takmyanin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
ivan.takmyanin@gmail.com

Abstract. Interest in local history topics existed among many journalists and educators in Siberia, which was reflected in publications they prepared for periodical press organs. This article examines publications issued in Tomsk by the former prince Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii* [The Traveler's Guide to Siberia and Asiatic Russia] (1899–1901), the monthly journal *Sibirskiy nablyudatel'* [Siberian Observer] (1901–1906), and others. They published various essays (ethnographic, travel, historical), materials related to geographical descriptions, economic and statistical data, literary works, as well as illustrations. The aim of this study is to identify the features of representing local history themes in Dolgorukov's publications and to determine their educational function. Research methods employed were: frontal analysis, historical-typological analysis. Scholars –

historians, archaeologists, ethnographers, etc., including professors and instructors from the Imperial Tomsk University – often published in these periodicals. Their works consisted of essays on scientific expeditions to various areas of the Siberian region, ethnographic essays on research of indigenous peoples of Asia, and detailed descriptions of their own studies. Dolgorukov's journals, beginning with *Dorozhnik...*, long bore the imprint of a reference publication. Reference information placed on their pages gave them a distinctive "guidebook" character. At the same time, *Sibirskiy nablyudatel'* to a certain extent continued the tradition of *Dorozhnik...*, as indicated by the abundance of travel essays, "travel impressions," and journeys. This continuity was maintained at the genre-thematic and conceptual levels. Dolgorukov's policy regarding illustration was clearly aimed at educational, rather than entertainment, goals. Portraits and brief biographical information acquainted the reader with notable figures (statesmen, writers, and scientists), as well as with various localities, towns, villages, and peoples of Siberia and Asia as a whole. Images also supplemented ethnographic and travel essays but could also be independent visual materials. Finally, Dolgorukov's earliest publications were conducted in two languages, Russian and French, with illustrations also having additional subtitles in a foreign language. This indicated the publication's targeting of a foreign audience as well, primarily tourists traveling through Siberia. Thus, in Tomsk at the end of the 19th and beginning of the 20th century, a unique complex of journals for its time was formed, which made room not only for fiction, poetry, and journalism but also for a local history block: travel, historical, ethnographic, and geographical essays, as well as illustrations, travel information, and reference materials.

Keywords: V.A. Dolgorukov, local history topics, regional studies, "Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii", "Sibirskiy nablyudatel'", periodicals, Tomsk Governorate

For citation: Takmyanin, I.A. (2025) Local history topics in Tomsk periodicals published by Vsevolod Dolgorukov (1895–1906). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 322–337. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/15

Дореволюционная Сибирь XX в. интересовала многих исследователей и просветителей: регион был недостаточно изучен, что обусловливало необходимость дальнейшего накопления научного знания об этом обширном крае. Интерес исследователей к краеведению находил отражение в работах по истории, географии, этнографии и др., которые публиковались не только в специальных научных изданиях, но и в общедоступной периодической печати.

В конце XIX в. в Западной Сибири ведущими изданиями, освещавшими историю и жизнь региона, были «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» [1]. На страницах этих изданий публиковались работы известных исследователей Сибири: Г.Н. Потанина, А.В. Адрианова, И. Кузнецова и многих других. Авторы публиковали как научные изыскания, так научно-популярные материалы. Характерной особенностью работы с материалом был научный подход, на котором настаивали сибирские просветители [2]. Современными исследователями изучен их вклад в краеведение Сибири [3–6].

Специфика сибирского краеведения исследовалась во многих работах, в которых рассматривалась популяризация научных знаний о Сибири как на

страницах изданий [2, 7], а также изучена роль Императорского Томского университета в развитии краеведческого движения [8].

Представлены работы о становлении краеведения в Сургуте [9], в Забайкалье [10], на Дальнем Востоке [11], а также в других регионах [12].

Активизацию исследовательской деятельности в России и развитие краеведческого движения на рубеже веков исследователь В.А. Бердинских связывает с появлением архивных комиссий: «Начало XX века (1900–1917 годы) – это эпоха губернских учёных архивных комиссий, которые провели большую работу на местах по сбору, публикации, исследованию значительной массы исторических источников» [13. С. 507]. Автор указывает и на идеиную сторону региональных исследователей, которая проявлялась в идеологии народничества, а также концепции областничества: «...местная (региональная) история провозглашалась наиболее важным объектом изучения в противовес московско-петербургской (центральной) истории» [13. С. 508]. Период развития краеведения в начале XX в. автор характеризует как время всестороннего научного исследования любителями, которые постепенно повышают свой профессионализм, уровень и глубину исследований [13]. С этим созвучны выводы Н.В. Жиляковой, которая указывает на научный подход авторов, а также на полемику сибирских журналистов с теми, кто идеализировал условия в Сибири, или с теми, кто считал регион бесперспективным [2].

Понятие «краеведение» изменялось с течением истории, вырастая из любительского занятия в науку. Важно отметить, что направление в то время воспринималось как общественное движение [14].

Однако история Сибири интересовала не только сибирских областников и представителей «молодой сибирской интеллигенции». Интерес к истории региона испытывали издатели, которых можно охарактеризовать как «невольные жители Сибири» – одним из них был уголовный ссыльный, бывший князь Всеволод Алексеевич Долгоруков – создатель серии путеводителей по России и целого ряда томских изданий, в том числе первого ежемесячного иллюстрированного журнала «Сибирский наблюдатель».

Биография В.А. Долгорукова и его вклад в развитие томской журналистики и литературы представлены в работах Н.В. Жиляковой [15] и В.П. Трушкина [16]; как литературный критик он рассматривался в статье А.В. Яковенко [17]. Кроме того, в Томске был издан сборник материалов о Долгорукове, в который были включены как научные работы исследователей, так и переизданные тексты беллетриста, архивные материалы из Государственного архива Томской области [18].

Отдельно стоит отметить значимость изданий Долгорукова как научных и исторических источников: на журнал «Сибирский наблюдатель» часто ссылаются в работах, посвящённых изучению различных сведений по истории Сибири, региональной экономики, транспорта и т.д. (например, [19]).

Однако в работах до сих пор не рассматривался вклад Долгорукова в развитие сибирского краеведения, в разработку типа литературно-просветительского журнала.

Таким образом, цель настоящего исследования – выявить особенности представления краеведческой тематики в изданиях Долгорукова, а также определить их просветительскую функцию.

Методы исследования: фронтальный анализ, историко-типологический анализ.

В работе рассмотрены следующие издания: ежегодник «Путеводитель по Сибири и Среднеазиатским владениям России», выпуск за 1895 г., комплект из 11 номеров журнала «Дорожник по Сибири и Азиатской России» за 1899–1901 гг., а также 45 выпусков журнала «Сибирский наблюдатель» за 1901–1906 гг.

Биография В.А. Долгорукова

Всеволод Алексеевич Долгоруков родился 5 декабря 1850 г. в Петербурге, в семье, принадлежавшей к известному княжескому роду Долгоруковых. Долгоруков окончил курс в Морском кадетском корпусе¹, получил юридическое образование.

В молодости Долгоруков неоднократно становился участником уголовных разбирательств. В 1870 г. он был осуждён в Петербурге по делу за украдывательство мошенничества на сумму менее 300 руб., в результате чего был лишен княжеского титула. В 1877 г. Долгоруков, будучи Ефремовским мещанином, вновь предстал перед Московским окружным судом в связи с «Делом о Клубе червонных валетов» (8 февраля – 5 марта 1877 г.). Приговором от 23 сентября 1878 г. он был осуждён на тюремное заключение и последующую ссылку в Сибирь, а именно в Мариинск².

В Томске Долгоруков обосновался в 1882 г. [15]. В 1893 г. он получил право выезда из Сибири³, но прожил в Томске всю жизнь, работал в качестве частного поверенного в Томском окружном суде. Умер в 1912 г. и был похоронен на томском Воскресенском кладбище [20. С. 142].

Что касается издательской и литературной деятельности, Долгоруков начал заниматься этим ещё в Морском корпусе, где в 1861 г. стал соавтором «Литературного сборника произведений русского юношества с карикатурами 1860–1861 года». В 1862 г. он анонимно выпустил «Путеводитель по Новгороду: Справочная книга для едущих на открытие памятника тысячелетию России». В 1870-е гг. он планировал выпустить серию путеводителей, и уже в 1872 г. вышел первый выпуск «Путеводителя по России» [18].

В Томске Долгоруков продолжил заниматься публицистикой, участвуя в работе «Сибирского вестника». В 1895 г. он вернулся к издательской деятельности и выпустил первый том ежегодника «Путеводитель по Сибири и Среднеазиатским владениям России» (1895–1904). Позже Долгоруков изда-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 171 об.–172.

² ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 122 об.

вал с периодичностью раз в два месяца как дополнение к ежегоднику «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1899–1901). В 1901 г. «Дорожник...» был преобразован в ежемесячный иллюстрированный журнал «Сибирский наблюдатель» (1901–1906).

«Путеводитель по Сибири и Среднеазиатским владениям России» (1895–1904)

Первое сибирское издание Долгорукова было во многом справочным и, как он подчёркивал в предисловии, носило характер «преимущественно компилиативный» («Путеводитель...». 1895. Т. 1). Долгоруков также отмечал, что выпуск подобного издания является «вполне своевременным и необходимым», подчеркивая: интерес к Сибири у «образованного мира» растёт «со времени начала постройки линии Великого Сибирского железнодорожного пути» ((«Путеводитель...». 1895. Т. 1). Но при этом единственными полезными изданиями для путешественников были «весёма краткий дорожник с простым перечнем станционных пунктов», который издавался П.И. Макушиным, и «Путеводитель от Владивостока до Уральска к путешествию Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича» – как охарактеризовал его Долгоруков, «очень дорогого» ((«Путеводитель...». 1895. Т. 1). Таким образом, Долгоруков стремился занять нишу доступных и дешёвых справочных изданий, которые могли бы предоставить необходимые сведения о городах, местностях и достопримечательностях.

Составители ежегодника В.А. Долгоруков и Н.А. Гурьев использовали отдельно изданные тексты из различных периодических изданий Сибири и России. Первое издание «Путеводителя по Сибири и Среднеазиатским владениям России» включало в себя семь отделов: «Железнодорожное сообщение», «Пароходное сообщение – морское и речное», «Сообщение по сухопутным трактам Сибири», «Спутник по минеральным водам Азиатской России», «Судоустройство и судопроизводство в Сибири, Степных областях и Туркестанском крае», «Календарные сведения», «Приложения». Также в оглавлении отдельно был представлен пронумерованный список иллюстраций: в него были включены портреты, фотографии инородцев, различные виды местностей и карта страны, всего 33 изображения. В оглавлении также было указано, что «все портреты и рисунки исполнены в фото-цинкографии А.А. Метцгера – в Москве, а карта – в типо-литографии П.И. Макушина – в Томске» ((«Путеводитель...». 1895. Т. 1).

Портреты, представленные в первом выпуске, показывали значимых личностей, так или иначе связанных с Сибирью. В первую очередь, это портрет императора Николая II, который посетил Сибирь в 1891 г., будучи наследником-цесаревичем. В предисловии Долгоруков писал: «Особы Царского Дома являлись в Сибири редкими гостями; – тем более высокознаменательным и памятным останется в жизни сибиряков посещение их родины Первородным Сыном Царя-Миротворца, ныне Державным Вождём ея.

Чтобы восстановить ещё более в памяти это событие, мы поместили и изображение встречи его Величества Государя Императора в г. Томск» («Путеводитель...». 1895. Т. 1). Далее были представлены портреты «выдающихся деятелей из сибиряков на поприще науки и литературы»: учёного и публициста, издателя газеты «Восточное обозрение» Н.М. Ядринцева, учёного-этнографа и путешественника Г.Н. Потанина, автора сказки «Конёк-Горбунок» П.П. Ершова, а также бывшего тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича, «пользовавшегося любовью сибиряков» («Путеводитель...». 1895. Т. 1). Портреты в основном публиковались в приложении и сопровождались краткими биографическими сведениями в среднем на 2–3 страницы.

Также были представлены виды различных зданий в Томске, Барнауле, Иркутске, вид памятника Ермаку в Тобольске, гербы Тобольской, Томской и Иркутской губерний. Обращают на себя внимание фотографии в журнале представителей малых народов Сибири, их костюмов, быта, идолов. Долгоруков объяснял это так: «Не имея возможности, по недостатку средств, познакомить лиц, отправляющихся в Сибирь, с типами всех сибирских иностранных, мы, пока, в настоящем выпуске “Путеводителя”, даём типы якутов, обитающих в якутской области, бурятов, с их духовным главою и изображением одного из их идолов» («Путеводитель...». 1895. Т. 1).

К фотографии относился текст, в котором Долгоруков предлагал читателю историко-этнографический экскурс, рассказывая об особенностях быта бурятов, об их численности («общее число их превышает 200000 душ обоего пола»), о религиозных традициях («буряты исповедуют ламаизм», «поступающий в ламы должен обречь себя на безбрачие») и образе жизни лам («они живут, преимущественно, в монастырях и пользуются громадным значением среди бурят, являясь не только духовными лицами, но и врачами, предсказателями и астрологами») («Путеводитель...». 1895. Т. 1).

Таким образом, Долгоруков давал читателям необходимую информацию для понимания фотографий, которые располагались в журнале. Например, описывая фотографию бурятского ламы, он отмечал: «Бандидо-Хамба изображён в полном облачении, занятый молитвою, причём он вертит катушку, что, по правилам ламаистского вероисповедания, должно сопровождать произнесение молитв» («Путеводитель...». 1895. Т. 1).

Далее в журнале таким же образом описывались тунгусы («народ ловкий, весёлый и живой»), кратко упоминались народы Колымского края: «Обитающие там инородцы – чукчи, юкагиры, якуты», которые «немилосердно эксплуатируются торговцами» («Путеводитель...». 1895. Т. 1).

Об успешности первого издания Долгорукова говорят многочисленные отзывы, публиковавшиеся в «Русской мысли», «Новом времени» и других общероссийских газетах и журналах того периода. Так, например, в рецензии «Русской мысли» отмечалось, что выпуск «издан роскошно», а «дорожные указания составлены очень основательно и дальне» («Русская мысль». 1895. № 10). Были сделаны и критические замечания об обилии ненужных сведений («О гостиницах Красноярска расписано в двух страницах то, что

можно и должно сказать в двух строчках»; «Перечислять магазины нет никакой надобности, достаточно отметить важнейшие», а также об уместности портретов и биографий в подобного рода издании (Русская мысль. 1895. № 10).

Действительно, «Путеводитель...» был весьма объёмным изданием с большим количеством справочной информации, безусловно, полезной для путешественников. Можно отметить стремление Долгорукова не только к тому, чтобы предоставлять сухие сведения, но и просвещать своих читателей, что сильно отличало данное издание от других путеводителей того времени. Однако ежегодный альманах не мог вместить все сведения о Сибири, он был дорогим и потому «менее доступным для большинства» («Дорожник...». 1899. № 1). Долгоруков пришёл к идеи журнала, который мог бы дополнять «Путеводитель...» и иметь более частую периодичность.

«Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1899–1901)

В 1898 г. Долгоруков получил разрешение на издание в Томске журнала «Дорожник по Сибири и Азиатской России» [21]. Первый выпуск был напечатан в паровой типолитографии П.И. Макушина в январе 1899 г. Периодичность журнала была раз в два месяца, или 6 раз в год. Часть текстов публиковалась сразу на русском и французском языках: это были «различные путеводительские сведения, небезынтересные для иностранцев в видах ознакомления с Сибирью и с Азиатскими владениями России» («Дорожник...». 1899. № 1).

В журнале печаталось большое количество актуальной справочной информации: маршруты, железнодорожные сообщения, правила продажи билетов. Также справочные таблицы дополнялись описанием населённых пунктов, которые мог посетить читатель. Так, в статье Ю. Горбатовского «Селения и жилые места по рекам Алчедату и Золотому Китату» («Дорожник...». 1899. № 1) был представлен подробный обзор «мариинской золотоприисковой тайги», где автор обозначил границы этой местности: «на севере по течению реки Алчедата расположены Почитанская, Тундинская, Алчедатская и Дмитриевская волости: на востоке Минусинский уезд Енисейской губернии, на западе Томский уезд и на юге Кузнецкий уезд, принадлежащий уже к ведомству Кабинета Его Величества» («Дорожник...». 1899. № 1). Автор также давал характеристику поселениям, отмечая текущую ситуацию и возможные экономические перспективы: «По эту населённую сторону Алчедата вы встречаете и старожильческие селения, как, например, село Троицкое, расположенное у самой реки, резко бросающееся в глаза внешним видом очень приличных жилищ. <...> Село, несомненно, производит впечатление зажиточности и домовитости обывателей. Возникло оно около пятидесяти лет тому назад и по истории своего образования принадлежит к первым свободным поселениям из числа образованных правительством на льготных условиях переселения крестьян из Европейской России. <...> Севернее Троицкого, вверх по течению Алчедата, верстах в трёх от него, село Ижмыр – захудалая деревушка с очень сомнительной репутацией,

так как нередки случаи среди обывателей села преступлений против собственности, благодаря значительному числу приписанных к обществу ссыльно-поселенцев» («Дорожник...». 1899. № 1). Таким образом, помимо подробных географических описаний, автор приводил и экономические данные, указывая на перспективы развития селений.

В статье «Сибирская тайга» Горбатовский обращался к исследованию, которое было проведено «через чинов Министерства земледелия и государственных имуществ», результаты которого «получились довольно благоприятные, в смысле изучения этого многообразного лесного района со стороны ботанической, топографической, гидрографической, почвенной и проч.» («Дорожник...». 1900. № 2).

На страницах «Дорожника» встречаются публикации, подготовленные представителями общественных организаций: «Томского общества содействия физическому развитию» («Дорожник...». 1900. № 3–6) и «Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов» («Дорожник...». 1900. № 5). Если во втором случае статья носила во многом отчётный характер (таблицы доходов и расходов общества), а также поднимала вопрос об условиях жизни и труда рабочих горных и золотых промыслов, то в тексте Общества содействия физическому развитию поднимались проблемы образовательных учреждений, вопросы гигиены и физической культуры. Авторы указывали конкретные инициативы организации: «Общество употребило все усилия для того, чтобы сделать площадки возможно доступнее, возможно интереснее» («Дорожник...». 1900. № 4).

Важно отметить иллюстрации, публиковавшиеся в журнале: фотографии мест (городов, селений, природные пейзажи), портреты известных личностей (учёных, государственных деятелей и т.д.). Фотографии местностей встречались читателю уже в первом выпуске «Дорожника...», где после таблицы «Железнодорожные сообщения» были опубликованы две фотографии: «Томск – набережная р. Ушайки» и «Нерчинский завод. – Внутренность театра» («Дорожник...». 1899. № 1).

Как и в «Путеводителе...», в журнале был заметен вектор издания на интерес к инородческой культуре и быту. Об этом свидетельствовали изображения: «Тип киргиза» («Дорожник...». 1899. № 1), «Якут, несущий ветку (лодку) из берёзовой коры», «Якуты, мнущие сырьмятную кожу и охотящиеся на белку», «“Ураса” – старинное жилище якутов» («Дорожник...». 1901. № 4). Изображения позволяли издателю осуществлять просветительскую функцию, показывая читателям природное, культурное и этническое разнообразие Сибирского региона.

«Дорожник...» был периодическим изданием, выходившим 2 раза в месяц (до 1900 г., далее 12 раз в год), таким образом дополняющим ежегодный «Путеводитель...» разнообразными актуальными сведениями и подробными статьями о Сибири, а также богатым иллюстративным материалом. Долгоруков писал: «...читатель, пользующийся “Путеводителем”, иногда не мог ознакомиться вполне с необходимыми для него городом или местностью, что являлось недостатком издания», чем страдают «большинство книг справочного характера» («Дорожник...». 1899. № 1).

«Сибирский наблюдатель» (1901–1906)

Долгоруков стремился к расширению издания, и первым шагом стало изменение периодичности «Дорожника...» – в 1901 г. журнал выходил ежемесячно. Следующим шагом стала реорганизация журнала: с разрешения Главного управления по делам печати майский (№ 5) выпуск вышел уже под названием «Сибирский наблюдатель» (СН. 1901. № 1).

Жанрово-тематическая основа, заложенная «Дорожником...», не менялась: содержание по-прежнему составляли материалы, связанные с географическими описаниями, информацией экономического и статистического характера. Материалы часто сопровождались фотографиями. Публистика, очерки, путевые заметки чередовались с художественными произведениями: поэзия, рассказы, фрагменты повестей и романов. Долгоруков в разделе «От редакции» обозначил курс на увеличение объёма издания за счёт увеличения цены на подпиську: «...вместо трёх рублей в год – «Сибирский наблюдатель» будет стоить четыре рубля и два рубля пятьдесят коп. за полгода» (СН. 1901. № 1).

Таким образом, «Сибирский наблюдатель» во многом продолжал курс журнала-предшественника, имея при этом возможность к увеличению объёма содержания. Например, помимо художественных произведений (это были стихи, рассказы и т.д.), довольно большую часть журнала занимали работы исследователей, учёных, путешественников в том числе представители профессорско-преподавательского корпуса Императорского Томского университета.

Рассмотрим опубликованный в первом выпуске очерк «В районе Сибирской железной дороги» автора А. З-в. Он писал: «Посетив летом *** года некоторые местности Томской губернии с геологической целью, я заносил в свой дневник то, что казалось мне более или менее заслуживающим внимания наблюдателя» (СН. 1901. № 1). В очерке описывался путь по Кузнецкому округу, а также посещение различных золотых приисков. Можно предположить, что А. З-в – это Алексей Михайлович Зайцев, геолог, ординарный профессор кафедры геологии и минералогии Томского университета, а также член-учредитель, секретарь Общества естествоиспытателей и врачей при университете (1899 г.) [22]. В своих экспедициях он исследовал указанные в очерке территории: район Сибирской железной дороги между Обью и Чулымом (1892–1895), а также в 1903 и 1904 гг. обследовал озеро Шира и золоторудный район Мариинского уезда. В ноябрьском номере «Сибирского наблюдателя» за 1902 г. был опубликован другой путевой очерк – «Поездка на гору Пустаг в Кузнецком Алатау», где авторство уже было указано полностью: «Статья проф. А.М. Зайцева» (СН. 1902. № 11).

Путевые очерки достаточно часто встречались на страницах изданий Долгорукова, что подчёркивало «краеведческий» и «путеводительный» характер журналов. Например, многочисленные работы Адольфа Готлибовича Клюге, который в период 1887–1893 гг. находился в ссылке в Якутской области на Колыме и до 1901 г. в Олекминске. Характерной особенностью

стиля Клюге был упор на художественное описание местности, богатая поэтика повествования. Об этом свидетельствовала его первая публикация в «Сибирском наблюдателе» – «Сибирская тайга: эскиз» (СН. 1901. № 5). Помимо эскизов и рассказов он писал путевые очерки: «По Енисею» (СН. 1902. № 12; СН. 1903. № 7, 8), а также «От р. Енисея в Москву» (СН. 1903. № 1–6).

Журнал привлек к себе и других известных исследователей Сибири. Например, с 1903 г. в «Сибирском наблюдателе» активно публиковался Аполлон Ксаверьевич Ордынский, сибирский писатель, публицист и этнограф. По утверждению современных исследователей, А.К. Ордынский собрал «огромное количество материала о духовной и материальной культуре бурят» [23. С. 15]. Некоторые его работы в этой области были опубликованы в издании Долгорукова. Прежде всего, это «этнографические наброски» «Забайкалье и монголо-буряты буддисты» (СН. 1903. № 6–11). В статье, кроме этнографических наблюдений, встречались описания геологических особенностей Забайкалья, указания на «вулканическую» природу местности (СН. 1903. № 6). Также этнограф подробно описывал озеро Байкал, переходя от геологических характеристик к пересказу местных мифов о происхождении озера: «О происхождении Байкала существует у бурят предание, будто на границе нынешней Иркутской губернии и Забайкалья, лет тому пятьсот, а может быть и более, находилась высокая и преогромная гора, извергавшая постоянно пламя. Монголы названы эту гору “Бай-гал агула” (гора большого огня). Горя эта вдруг зашаталась и провалилась, и на месте её образовалось озеро, которое и удержало за собою название исчезнувшей горы “Бай-гал”, переделанное русскими в Байкал» (СН. 1903. № 6).

Помимо геологических, этнографических и климатических сведений, автор скрупулёзно описывал флору изучаемых местностей с использованием латинских названий: «Лесная растительность в Забайкалье состоит из даурской берёзы (*Betula*), лиственницы (*Larix sybirica*), осины (*Populus tremula*), пихты (*Picea*), которая, впрочем, встречается редко» (СН. 1903. № 6).

Ордынский указывал на экономический и культурный потенциал Сибири: «Для другого народа Сибирь со своим обилием пушного зверя и прочими природными богатствами могла бы сделаться неистощимой областью рационального проявления культурной деятельности». (СН. 1903. № 7). С другой стороны, он делился опасениями по поводу того, что этот регион из-за низкой образованности населения и неразвитости промышленности мог стать объектом эксплуатации: «Для здешнего же населения, не научившегося никаким рациональным способом промышленности, всякая страна, хотя бы в ней произрастали померанцы и ананасы, и плыли молочные реки в кисельных берегах, может сделаться поприщем чудовищной, бесполезной и непроизводительной эксплуатации» (СН. 1903. № 7).

Ордынский, с одной стороны, описывал инородческий быт, особенности устройства жилищ – юрт: «Такие войлочные жилища, разумеется, могут быть легко и скоро переносимы с одного места на другое. <...> Ещё в древности Гезиод завидовал этим складным и подвижным жилищам» (СН. 1903. № 8). Также исследователя интересовал жизненный уклад, традиции

народа: «Наряду с сильной “родовой” связью у бурят крепко держится и семейное начало. Бурят без жены, семьи и собственного хозяйства считает своё существования не полным» (СН. 1903. № 9). Особое внимание он уделял религиозным традициям, праздникам: «Религиозные и общественные празднества <...> никогда не обходятся без “эскимджи” – лошадиных скачек, стреляния в цель из ружей, винтовок и даже из старинных луков, а также атлетических состязаний, на которые являются борцы, стяжавшие себе славу, а также новички, желающие испытать свою силу и ловкость» (СН. 1902. № 10).

Популярно рассказывая о полученных сведениях, неоднократно ссылаясь на исследования других учёных, Ордынский создавал увлекательный текст, погружающий в инородческую культуру, быт и духовную сферу.

На страницах «Сибирского наблюдателя» публиковались и другие материалы исторического характера – например, статьи с заголовком «Материалы для истории г. Томска». Первая из них вышла в 1902 г. в № 4 с подзаголовком «Страничка из деятельности исполнительного органа Томского городского общественного Управления за трехлетие с 1888 года: материалы для истории города Томска» за авторством А.М. Серебренникова. В статьях автор обращался к экономической информации, хозяйственной жизни города, медицинской сфере и благотворительной. Например, в статье «Страничка из хозяйства города Томска» (СН. 1905. № 7–9) Серебренников подробно описывал доход от земель города Томска, сравнивал данные с другими городами, для наглядного отображения информации обращался к таблицам; в публикации «К вопросу о медицинской помощи населению г. Томска» описывал хронологию появления бесплатной амбулаторной помощи (СН. 1905. № 10). Автор собирал различные сведения из официальных источников, включая данные в единую хронологию, указывал фактическую информацию, используя таблицы и сноски в своих исторических исследованиях на страницах «Сибирского наблюдателя».

Представленный краткий обзор авторов указывает на публиковавшиеся в журнале статьи просветительского и краеведческого характера. За счёт подобных статей жанрово-тематический спектр издания заметно расширялся.

Выводы

Долгоруковский «Дорожник...» эволюционировал из «приложения» к ежегодному «Путеводителю...» в журнал «Сибирский наблюдатель» с широким спектром тем и жанров, на страницах которого читатель мог найти не только публистику, но и поэзию, художественную прозу, а также просветительские статьи и научные материалы. Однако главное осталось неизменным при всех типологических трансформациях: ярко выраженный интерес к краеведческой тематике. Представление ее на страницах изданий имело следующие особенности.

Во-первых, многие публикации, которые можно назвать краеведческими, отличались научным подходом. И в «Дорожнике...», и «Сибирском

наблюдателе» нередко публиковались учёные-историки, археологи, этнографы и др., в том числе профессора и преподаватели Императорского Томского университета. Их работы представляли собой очерки о научных экспедициях в различные области Сибирского региона, этнографические очерки об исследованиях коренных народов Азии, подробные описания собственных исследований.

Во-вторых, журналы Долгорукова, начавшись с «Путеводителя...», довольно долго несли на себя отпечаток издания-справочника. Здесь было опубликовано значительное количество материалов, представляющих собой таблицы, графики, статистику, расписания и т.д. Эти справочные сведения, размещаемые на страницах изданий, придавали им своеобразный «путеводительский» характер. В то же время «Сибирский наблюдатель» в определенной мере продолжил традицию «Дорожника»: на это указывало обилие путевых очерков, «дорожные впечатления», путешествия. Эта преемственность сохранилась на жанрово-тематическом и концептуальном уровнях.

В-третьих, политика Долгорукова в отношении иллюстрирования очевидно была направлена на просветительские, а не развлекательные цели. Портреты и краткие биографические сведения знакомили читателя с известными личностями (государственными деятелями, писателями и учёными), а также с различными местностями, городами, селениями и народами Сибири и Азии в целом. Как правило, изображения дополняли этнографические и путевые очерки, но могли быть и самостоятельным изобразительным материалом.

В-четвертых, первые издания Долгорукова велись на двух языках, русском и французском, причем иллюстрации также имели дополнительные подзаголовки на иностранном языке. Это свидетельствовало о нацеленности издания также и на иностранную аудиторию, и прежде всего на туристов, путешествующих по Сибири.

Наконец, несмотря на развивающуюся в интеллектуальной среде Сибири идею областничества, Долгоруков представлял «взгляд со стороны»: он не был областником, какими были, например, Потанин и Адрианов, а являлся полноценным представителем Европейской России. Во многом из-за вынужденного нахождения в этой части страны он стал участвовать в развитии Сибирского края. Этот интерес отразился в его периодике и издательской деятельности: он посвятил географии и истории Сибири путеводительные и популяризирующие регион издания, в которых публиковались глубокие географические, этнографические и исторические исследования.

Таким образом, в Томске в конце XIX – начале XX в. сформировался уникальный для своего времени комплекс журналов, в которых было место не только художественной прозе, поэзии и публицистике, но и краеведческому блоку: путевым, историческим, этнографическим и географическим очеркам, а также иллюстрациям, путевым сведениям и справочным материалам. Издательская деятельность Долгорукова способствовала расширению читательской аудитории, выполняя при этом просветительскую функцию. Концепция изданий отражалась в их названиях: читатели «Путеводителя...»,

«Дорожника по Сибири и Азиатской России», «Сибирского наблюдателя» становились своего рода «журнальными путешественниками», «наблюдателями», которые вместе с авторами посещали невиданные ранее уголки региона, исследовали быт и религиозные мистерии «инородцев», собирая материалы для истории Сибири.

Список источников

1. Частная периодика Томска конца XIX – начала XX в.: «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» // Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие / Н.В. Жилякова, В.В. Швецов, Е.В. Евдокимова. Томск, 2015. С. 71–108.
2. Жилякова Н.В. Популяризация научных знаний о Сибири в местных дореволюционных изданиях Томской губернии // Медиа в современном мире : 54-е Петербургские чтения : тезисы Междунар. науч. форума, 23–24 апреля 2015 г. СПб., 2015.
3. Петрит А.Н. Вклад Григория Николаевича Потанина в краеведение // Колпинские чтения: детско-юношеский туристско-краеведческий форум : материалы IV Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф.-конкурса публикаций, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 г. СПб., 2022. С. 341–344.
4. Антипова И.В. Н.М. Ядринцев и Алтай: исследовательская деятельность публициста и его роль в развитии алтайской периодики // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 4-1. С. 56–64.
5. Серебренникова Т.П. Публицистика А.В. Адрианова на страницах газеты «Сибирская жизнь» в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 39–46.
6. Гордиенко В.А., Жилякова Н.В. Публицистика А.В. Адрианова и Г.Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь», 1917 г. // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 101–116.
7. Морозова Н.Н. Роль «Губернских ведомостей» в становлении краеведения Западной Сибири // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XX вв. Новосибирск, 2011. Вып. 6. С. 39–47.
8. Богданова О.В. Томский государственный университет в развитии исторического краеведения в Сибири // Краеведение как феномен провинциальной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971). Омск, 2011. С. 185–189.
9. Киселева Е.Н. Некоторые аспекты становления исторического краеведения в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2 (34). С. 28–31.
10. Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья. Материалы для библиографического словаря. Иркутск ; Чита : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. Ч. 1: Дореволюционный период. 87 с.
11. Подмаскин В.В. Краеведческая деятельность врача Николая Васильевича Кирилова на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 3 (58). С. 69–75.
12. Орешина М.А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М., 2003. С. 128.
13. Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.
14. Голов А.Г. Понятие «краеведение» в научной литературе пред- и послереволюционной России: отечественное краеведение 1920–1930-х гг. как объект исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12 (68). С. 307–310.

15. Жилякова Н. Издательская деятельность В.А. Долгорукова // Издательская деятельность и перевод : сб. материалов Первой всерос. науч.-прикл. конф., 20–22 мая 2010 г. (г. Томск). Томск, 2011. С. 129–142.
16. Трушин В.П. Пути и судьбы: литературная жизнь Сибири 1900–1917 гг. 2-е изд., испр. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 480 с.
17. Яковенко А.В. Отдел «Библиография» журнала «Сибирский наблюдатель» (1901–1906): к истории критич. библиогр. и рец. в Сибири // Народная культура: личность, творчество, досуг (Этнокультурный и творческий потенциал личности в пространстве досуга). Омск, 2003. С. 359–361.
18. Всеволод Алексеевич Долгоруков : сб. материалов / [сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова]. Томск, 2013. 239 с.
19. Пустогачева Т.С. Источники по изучению истории развития транспорта, путей сообщения и торговли в горном Алтае во второй половине XIX – первой половине XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 88–92.
20. Томский некрополь: Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939 / сост. и ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2001. 327 с.
21. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 131.
22. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2013) : биографический словарь. Т. 1. Томск, 2013. С. 271–272.
23. Туманик Е.Н. Сибирский писатель и этнограф Аполлон Ксаверьевич Ордынский (1830–1915): новые материалы к творческой биографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 15–18.

References

1. Zhilyakova, N.V. et al. (2015) Chastnaya periodika Tomska kontsa XIX – nachala XX v.: "Sibirskaia gazeta", "Sibirski vestnik", "Sibirskaia zhizn" [Private periodicals of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries: Sibirskaia Gazeta, Sibirsky Vestnik, Sibirskaia Zhizn]. In: *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistik i formirovanie regional'nogo samosoznaniya* [Periodical Press of Tomsk Province (1857–1916): The development of journalism and the formation of regional self-awareness]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 71–108.
2. Zhilyakova, N.V. (2015) [Popularization of academic knowledge about Siberia in local pre-revolutionary publications of Tomsk province]. *Media v sovremenном mire: 54-e Peterburgskie chteniya* [Media in the Modern World: 54th Saint Petersburg readings]. Abstract of the International Forum. Saint Petersburg. 23–24 April 2015. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian).
3. Petrit, A.N. (2022) [Grigory Nikolaevich Potanin's Contribution to Local History]. *Kolpinski chteniya: detsko-yunosheskiy turistsko-kraevedcheskiy forum* [Kolpino Readings: Children's and Youth Tourism and Local History Forum]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Saint Petersburg. 25 March 2022. Saint Petersburg: Leningrad Regional Institute of Education Development. pp. 341–344. (In Russian).
4. Antipova, I.V. (2017) N.M. Yadrintsev i Altay: issledovatel'skaya deyatel'nost' publitsista i ego rol' v razvitii altayskoy periodiki [N.M. Yadrintsev and Altai: research activities of a publicist and his role in the development of Altai periodicals]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 4-1 (9)*. pp. 56–64.
5. Serebrennikova, T.P. (2017) Publications of A.V. Adrianov in the newspaper Siberian Life during the revolution of 1917 and the Civil war. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija – Tomsk State University Journal of History. 46*. pp. 39–46. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/46/5

6. Gordienko, V.A. & Zhilyakova, N.V. (2020) Publitsistika A.V. Adrianova i G.N. Potanina v gazete "Sibirskaia zhizn", 1917 g. [Journalism of A.V. Adrianov and G.N. Potanin in the newspaper Sibirskaia zhizn, 1917]. *Voprosy zhurnalistiki*. 8. pp. 101–116.
7. Morozova, N.N. (2011) Rol' "Gubernskikh vedomostey" v stanovlenii kraevedeniya Zapadnoy Sibiri [The role of the Gubernskie Vedomosti in the development of regional studies in Western Siberia]. In: *Aktual'nye voprosy istorii rossiyskoy provintsiyi XVI–XX vv.* [Current Issues in the History of the Russian Provinces of the 16th – 20th Centuries]. Vol. 6. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. pp. 39–47.
8. Bogdanova, O.V. (2011) [Tomsk State University in the development of historical local history in Siberia]. *Kraevedenie kak fenomen provintsiyal'noy kul'tury* [Local History as a Phenomenon of Provincial Culture]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk. 27–29 October 2011. Omsk: Omsk State Museum of History and Regional Studies. pp. 185–189. (In Russian).
9. Kiseleva, E.N. (2016) Nekotorye aspekty stanovleniya istoricheskogo kraevedeniya v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Some aspects of the development of historical local history in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2 (34). pp. 28–31.
10. Petryaev, E.D. (1965) *Kraevedy i literatory Zabaykal'ya. Materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya* [Local Historians and Writers of Transbaikalia. Materials for a biobibliographic dictionary]. Part 1. Irkutsk; Chita: Vostochno-Sibirske kn. izd-vo.
11. Podmaskin, V.V. (2021) Kraevedcheskaya deyatel'nost' vracha Nikolaya Vasil'evicha Kirilova na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Local history activities of physician Nikolai Vasil'evich Kirilov in the Russian Far East (late 19th – early 20th centuries)]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 3 (58). pp. 69–75.
12. Oreshina, M.A. (2003) *Russkiy Sever nachala XX veka i nauchno-kraevedcheskie obshchestva regiona* [Russian North of the Early 20th Century and Scientific and Local History Societies of the Region]. Moscow: Rossiyskoe obshchestvo istorikov-arkhivistov.
13. Berdinskikh, V.A. (2003) *Uezdnye istoriki: Russkaya provintsiyal'naya istoriografiya* [District Historians: Russian provincial historiography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Golov, A.G. (2008) Ponyatie "kraevedenie" v nauchnoy literature pred- i poslerevolyutsionnoy Rossii: otechestvennoe kraevedenie 1920–1930-kh gg. kak ob'ekt issledovaniya [The concept of "local history" in the scientific literature of pre- and post-revolutionary Russia: domestic local history of the 1920s–1930s as an object of research]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 12 (68). pp. 307–310.
15. Zhilyakova, N. (2011) [Publishing activities of V.A. Dolgorukov]. *Izdatel'skaya deyatel'nost' i perevod* [Publishing Activities and Translation]. Proceedings of the 1st All-Russian Conference. Tomsk. 20–22 May 2010. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–142. (In Russian).
16. Trushkin, V.P. (1985) *Puti i sud'by: literaturnaya zhizn' Sibiri 1900–1917 gg.* [Paths and Fates: The literary life of Siberia 1900–1917]. 2nd ed. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
17. Yakovenko, A.V. (2003) Otdel "Bibliografiya" zhurnala "Sibirskiy nablyudatel'" (1901–1906): k istorii kritich. bibliogr. i rets. v Sibiri [The bibliography section of the Sibirskiy nablyudatel' magazine (1901–1906): toward a history of critical bibliography and review in Siberia]. In: *Narodnaya kul'tura: lichnost', tvorchestvo, dosug (Etnokul'turnyy i tvorcheskiy potentsial lichnosti v prostranstve dosuga)* [Folk Culture: Personality, Creativity, Leisure (Ethnocultural and Creative Potential of the Individual in the Leisure Space)]. Omsk: Nauka. pp. 359–361.
18. Bykova, S.S. (ed.) (2013) *Vsevolod Alekseevich Dolgorukov*. Tomsk: Veter. (In Russian).
19. Pustogacheva, T.S. (2011) Sources on studying history of development of transport, communication and trade lines in Gorny Altai in late 19th – first half of 20th century. *Vestnik*

Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 345. pp. 88–92. (In Russian).

20. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2001) *Tomskiy nekropol': Spiski i nekrologi pogrebennykh na starykh tomskikh kladbischchakh, 1827–1939* [Tomsk Necropolis: Lists and Obituaries of Those Buried in Old Tomsk Cemeteries, 1827–1939]. Tomsk: Tomsk State University.

21. Dmitrienko, N.M. (2003) *Den' za dnem, god za godom: khronika zhizni Tomska v XVII–XX stoletiyakh* [Day by Day, Year by Year: A Chronicle of Life in Tomsk in the 17th–20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

22. Nekrylov, S.A. (ed.) (2013) *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskego gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2013)* [Professors of the Faculty of Medicine of the Imperial (State) Tomsk University – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2013)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 271–272.

23. Tumanik, E.N. (2013) *Sibirskiy pisatel' i etnograf Apollon Ksaver'evich Ordynskiy (1830–1915): novye materialy k tvorcheskoy biografiï* [Siberian writer and ethnographer Apollon Ksaverievich Ordynsky (1830–1915): new materials for his creative biography]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 3. pp. 15–18.

Информация об авторе:

Такмянин И.А. – аспирант кафедры теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ivan.takmyanin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Takmyanin, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ivan.takmyanin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 31.10.2025.

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 31.10.2025.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номерserialного издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2025. № 97

Редактор Ю.П. Готфрид

Редактор-переводчик В.В. Кашпур

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.11.2025 г. Формат 70×100 $1/16$.

Печ. л. 21,1; усл. печ. л. 27,5. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 6548.

Дата выхода в свет 19.12.2025 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru